

Дорогие читатели!

Прошло восемь лет со дня выхода в свет первого выпуска «Диалога со временем». За это время было издано семнадцать томов. Восемнадцатый выпуск нашего журнала открывает новый этап в его истории. Теперь ежегодно будут выходить уже не два, а четыре номера «Диалога». При этом мы продолжим практику издания специальных тематических выпусков, отражающих проблематику наиболее интересных и актуальных научных проектов в обширном исследовательском пространстве интеллектуальной истории и в смежных областях.

Научная программа нашего издания была и остается интердисциплинарной — в соответствии с современным пониманием интеллектуальной истории и ее статуса в системе социогуманитарного знания начала XXI века. В центре внимания «Диалога» — изучение исторических аспектов всех видов творческой деятельности человека, всестороннее исследование ее условий, форм и результатов, без каких-либо хронологических и географических ограничений.

Основные направления исследовательского поиска наших авторов отражены в постоянных и периодических рубриках журнала: «Из истории идей и представлений», «Идеи и люди», «Наука: история и современность», «Интеллектуальные традиции: от Античности до Модерна», «История и теория», «Перспективы интердисциплинарности», «История и идеология», «Интеллектуалы и власть», «Время – История – Память», «Диалог культур в историческом контексте», «Споры историков», «Историческая наука и образование» и мн. др. Важное место в нашем издании занимают рубрики «Notulae eruditaе», «История в архивах», «Переводы и публикации», «Читая книги», «Приглашение к дискуссии», «Интервью», «Хроника событий».

Благодарим всех постоянных авторов и подписчиков «Диалога со временем» и приглашаем к активному сотрудничеству наших новых читателей и коллег.

Редакция

А. И. МАКАРОВ

ОБРАЗ ДРУГОГО КАК ОБРАЗ ПАМЯТИ

(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОШЛОГО)

Постановка проблемы

Во второй половине XX в. было сломано немало копий между сторонниками классической и неклассической парадигмы источниковедения. Захватили эти баталии и отечественных историков: в исторические исследования постепенно проникли новые термины (заимствованные из научно-терминологического аппарата психологии, социологии, антропологии, когнитивистики), новая масштабность объектов исследований (микроистория, устная история), были открыты новые проблемные области (гендерная история, интеллектуальная история, альтернативная история). В то же время нужно отметить, что в отечественной методологии эти нововведения еще недостаточно артикулированы. Дело, видимо, здесь в том, что смена методологических парадигм имеет свою собственную логику и темп, обусловленные психологией научного творчества.

Мы отнюдь не хотим сказать, что лучшей перспективой отечественной историографии был бы переход на неклассическую парадигму: если ее креативный потенциал не вызывает особого сомнения, то этого нельзя сказать относительно такого качества исследований, как научная добросовестность или строгость. Однако определенно можно утверждать, что те проблемы, которые были поставлены в дискуссиях конца прошлого века, все еще требуют усилий для их осмысления. При этом, на наш взгляд, необходимо искать новые ракурсы для рассмотрения актуальных методологических вопросов современной исторической науки. Такой ракурс задает мнемологический разворот проблемы исторического сознания и психологии научного творчества. В этой статье мы ставим проблему исторического сознания и научного мышления историка в контексте проблемы типологии образов Другого. При этом анализируется природа и те типы образов Другого, которые функцио-

нируют на уровне надиндивидуального сознания и контролируют мышление на бессознательном уровне психики¹.

Как взаимодействуют «живая» память исследователя с «памятью прошлого», которую он изучает? Какое влияние оказывают универсальные архетипы бессознательного на профессиональное историческое мышление? Рассмотрим эти науковедческие вопросы в культурологическом и когнитивистском ключе в двух аспектах. Во-первых, рассмотрим связь исторического сознания и профессионального мышления с феноменом памяти, взятом в двух его измерениях — индивидуальном и надиндивидуальном. Нас будут интересовать следующие вопросы: какое прошлое — фактическое или воображаемое — является предметом исторической науки? Каковы природа, структура и разновидности образов памяти и с какой степенью объективности они способны репрезентировать прошлое? Для ответа на эти вопросы мы рассмотрим проблему взаимосвязи социальности и памяти; проанализируем такие понятия историзма как «объективное прошлое», «исторический факт» и «исторический источник»². Во-вторых, описывается структура (состав) образов памяти и рассматривается обусловленность памяти о прошлом типом архетипического образа Другого³.

Образ Другого связан с фундаментальными слоями сознания, формирующимися в филогенезе. Мы не можем помыслить мир без «фоновой» мысли о существовании другого мира. Мир — это одновременно и «мы», и «не мы». Эта особенность мышления очень рано была осознана и легла в основание сначала мифологических, а затем философских метафизических «теорий удвоения реальности». То обстоятельство, что сознание контролируется языковыми бинарными оппозициями, настраивает мысль на то, что челове-

¹ Понятие «культурная память» мы заимствовали у Я. Ассмана (*Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.*)

² Эти понятия для многих историков являются априорными категориями объективной реальности, тогда как историко-философские исследования показывают, что их содержание обусловлено исторически, следовательно, их применение ограничено теорией историзма. В современных исторических исследованиях часто можно наблюдать не всегда оправданное смешение априорных установок историзма с терминологией, которая предназначена для инструментализации совсем других методологических установок.

³ Вводя понятие «тип архетипа», мы хотим сказать, что архетипы бессознательного имеют культурно-историческую, а не общепсихическую природу.

ский мир расколот (на это указывает диада «наш мир» / «чужой мир»), а, с другой стороны, они же содержат мысль о том, что противоположности могут быть стянуты в некое единство (на это указывает субъектная часть высказывания «мир»).

В темпоральных представлениях «теория удвоения реальности» проявляется в следующих метафорах и понятиях: «далекое прошлое», «другое время», «эпоха», «эон». Эти понятия, по смыслу, противостоят понятию «настоящее время» и указывают на дискретность социального времени. Социокультурный опыт не передается генетически, и поэтому память должна была бы исчезать со смертью индивида, а время культуры рваться со смертью каждого поколения. Однако, несмотря на то, что между отцами и детьми, действительно, есть барьер непонимания, память все же не прерывается, а время культуры способно длиться. Почему это происходит? Ключевую роль в обеспечении этой длительности играет язык, вернее — речь, с помощью которой конституируется время истории, дополняя собой потоки социального времени и времени культуры. Мостом между поколениями является нарратив, рассказ о том, кто мы, откуда и куда движемся. В этом смысле исторический нарратив — это набор определенных идей или образов, которые призваны создавать длительности (историко-культурную традицию), скреплять коллективы, конструировать идентичности. Такая история-идеология существовала во все времена. История в ее научной ипостаси является проектом эпохи Просвещения, который был основан на противопоставлении мифологического и научного способов нарративизации.

Появление научной историографии призвано было кардинально изменить роль и место в обществе историка и истории. Принадлежность к сциентизму должна была снять с истории миссию быть *magistra vitae*, а историка избавить от титула идеолога и наделить его статусом частного следователя, имеющего дело с достоверными фактами. Теоретико-методологическим основанием для такой реформы стали гипотезы об объективном существовании *исторических фактов* и *исторических источников*. Содержание понятия исторического источника опирается на идею следа прошлого, по которому его можно реконструировать в качестве предмета реального прошлого. Кроме того, в основание теории историзма была положена идея научного исторического мышления, которое по

своим функциям и структуре может быть уподоблено научному мышлению, фундированному методами естественных наук.носителем такого типа мышления представлялся свободный от обязательств «социального заказа» историк, являющийся так называемым частным мыслителем, который не плачет и не смеется перед лицом событий прошлого, а понимает их.

Может ли быть реконструирована фактическая реальность прошлого?

Оправдались ли надежды историографии на метод классического историзма, призванный обнаружить исторический факт и исторические закономерности? На наш взгляд, теоретические установки классического историзма обнаружили существенные изъяны. Заблуждение классической науки Нового времени состоит в том, что она определяет субъект научной деятельности в качестве субъекта некоего «чистого разума», или субъекта объективного знания. Из этого допущения вытекают две ложные сциентистские установки:

- убежденность в способности источников отражать исторические факты, т. е. сохранять и транслировать информацию о контексте времени своего происхождения;
- убежденность в том, что ученый — это «частный мыслитель»⁴, который, может выйти из-под социального контроля своей референтной группы (в силу дисциплинированности своего мышления научным методом) и стать носителем всеобщего сознания, позволяющего ему понимать любого Другого (например, Другое время).

Эти теоретические установки были оспорены в XX в. в рамках неклассического подхода к изучению прошлого. Фраза Ф. Ницше «фактов не существует, есть только интерпретации» открыла пути для переопределения не только цели историографии, но и самой природы исторического знания. Сегодня эта ницшеанская нигилистическая критика объективизма представлена теорией «критики идеологии», в рамках которой научная историография рассматрива-

⁴ Понятие «частный мыслитель» указывает на возможность освобождения сознания конкретного эмпирического субъекта от предрассудков, обусловленных коллективным бытием человека. Это понятие было разработано в экзистенциализме, но теоретические предпосылки его появления можно найти еще в кантовском понятии «чистого разума», а психологические — в одержимости городской культуры Нового времени идеей чистоты.

ется как исключительно политический, насквозь пропитанный «волей к власти» дискурс. Этот тип нарратива, по мнению постмодернистов, является не исследованием, а использованием прошлого.

Мы не разделяем этого радикально-нигилистического подхода. Однако, на наш взгляд, нельзя не признать, что знание о прошлом имеет частью реконструктивный характер, а частью — это конструктор. Понимание реалий прошлого всегда соединяется с реалиями мышления исследователя, детерминированными его собственной темпоральностью. Конструктивистский характер результатов научного исследования все же не перечеркивает полностью возможность встречи с реальным прошлым, не превращает прошлое в фикцию воображения, в фантазм политически ангажированного сознания и памяти. В то же время, нужно отметить, что отмеченная специфика мышления исследователя делает невозможной реализацию сциентистского идеала: историческое исследование зависимо от работы воображения. В этой связи можно утверждать, что нельзя восстановить объективную фактичность прошлого, но возможно реконструировать *реальное* прошлое.

Итак, вся соль предлагаемого нами варианта решения проблемы научной репрезентации прошлого — в замене концепта «объективное прошлое» на концепт «реальное прошлое». И это спор не о словах, а о механизмах работы сознания и мышления с памятью. Представим один из вариантов описания такого «механизма» с помощью анализа структуры сознания и образов памяти. Для этого обратимся к теории фетишизма. Теория фетишизма начала разрабатываться в рамках фрейд-марксизма и получила свою современную интерпретацию в структурализме и постструктурализме. В этой работе мы будем опираться на идеи теории фетишизма, высказанные в работах М. К. Мамардашвили и Ж. Бодрийяра⁵.

В современной методологии истории общефилософская проблема структуры сознания и образов памяти разрабатывается под именем ментальности. С точки зрения теории фетишизма, ментальность — это метафора сознания и памяти, представляющая эти

⁵ См.: Мамардашвили М. К. Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений) // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1990; Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000; Некрасов С. Н. Социальный прогресс и проблема фетишизма: постструктуралистская семиология фетишизма и марксистское обществознание. Свердловск. 1989.

феномены в виде пространства хранения информации в закодированном виде, в виде символов (образов разных видов), которые контролируют сознательную деятельность индивида «за спиной» сознания. Другими словами, символы содержат в себе «забытую» информацию, которая может быть узнана при применении определенного научного инструментария. Между разными уровнями памяти постоянно идет обмен значениями, стимулируемый особыми образами, или смыслами, проникающими из памяти и внешними. Понятие «память», под этим ракурсом зрения, тождественно понятию мышления, а понятие «смысл» — понятию триггера, т. е. момента инициирования и инспирирования работы мышления. Мышление «работает» благодаря вступлению людей в социальные отношения, которые неразрывно связаны с нахождением человека в поле языка. Информация хранится в памяти в виде сгущений значений. Эти сгущения не поддаются разряжению до какого-либо конечного ряда значений. Другими словами, содержание символов не может быть исчерпано. Аналитик всегда имеет дело с символами, а не со знаками. Этим замечанием мы хотим отметить, что не разделяем сциентистского оптимизма семиологической школы, пытающейся обнаружить элементарные частицы языков.

Память — это многоуровневая информационная система, в структуру которой входит не только феномен индивидуальной памяти, но и структуры надиндивидуальной памяти. Многие эффекты памяти далеко выходят за рамки процессов, протекающих в головах отдельных людей. Определяющие работу мышления фреймы, автоматизмы мышления являются результатом двустороннего процесса взаимодействия нейрофизиологических процессов и надиндивидуальных структур памяти. Надиндивидуальная, социальная, коллективная память — это понятия, призванные указать на то, что память индивидов формируется и функционирует в поле социальной коммуникации. Культура является «веществом», в котором проявляется рисунок силовых линий социальности или структур надиндивидуальной памяти. Материальные, вещественные артефакты — застывшие формы этого рисунка структур памяти. В этой связи можно говорить о коммуникативной, вещной и культурной памяти⁶.

⁶ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 52-58.

Со смертью тела погибают специализированные клетки головного мозга, но при этом утрачивается не вся память: то ее измерение, которое мы называем надындивидуальной памятью, остается в компактифицированном виде в текстах культуры. При грамотной герменевтической работе эта информация может быть разархивирована и дешифрована. Историческим источником может быть любой артефакт, к которому подобраны соответствующие коды. Ключевыми кодами являются символы группового единства, т.е. такие сгустки смыслов, которые определяют групповую идентичность, обеспечивают выживание коллектива во времени и пространстве. Облаченные в текст символы представляют из себя историю о реальном прошлом. *Реальное* не значит *объективное*. Реальное значит действенное, реализующее сцепление частей в единство: актов психики — в единство самосознания, отдельных индивидов — в целостную группу.

Как говорят источники

Память не создается наукой, потому что память не относится к усилиям интеллекта. Историография — не память, а средство воздействия на память, средство фокусировки сознания на определенных образах прошлого.

Прочтение источника — это его интерпретация, или перекодирование с языка прошлого на язык настоящего. Когда происходит перекодирование с одного уровня символов (с языка источника) на другой уровень (на язык читателя), то возникающие при этом новые значения позволяют состояться пониманию, осознанию смысла текста. При этом роль организатора содержания сознания выполняют схематизмы (паттерны) мышления. Индивидуальные схематизмы мышления детерминированы не биографическим опытом индивида, не индивидуальной памятью, а коллективной. Соотнесенность индивидуального сознания с коллективным сознанием делает возможным извлечь из источника информацию о реальном прошлом. Реальное знание о прошлом — это знание о реальном прошлом группы, т.е. о символах, которые были причиной объединения индивидов в группу. Именно эта социогенная информация и может быть извлечена в процессе «допроса» источника исследователем, который получает такую возможность в силу того, что он сам в какой-то мере включён в исторический процесс актуализации

значений символов группового единства. Реальное прошлое — это традиция, т. е. сохраняемый и передаваемый через поколения социальный опыт. В силу своей включенности в поле социальности (одной из характеристик которого является темпоральность) источник может сообщить о действительном прошлом тех фрагментов исторического времени, в которых он возник и функционировал. Такое исследование есть герменевтическое проникновение в дух источника. Это еще одна причина, по которой добытое исследователем сообщение является сообщением не об историческом факте (в историцистском смысле этого слова), а о социальном факте. Любая реконструкция является не фактографией некой «всеобщей истории», а действенным рассказом о символах той группы, которой это сообщение позволяет поддержать групповую идентичность. В этом смысле история — это не изучение жизни, а то, что приносит жизни пользу или вред, в зависимости от того, продолжается ли, благодаря такой истории, коллективная форма жизни, или разрушается.

Итак, с одной стороны исторический дискурс связан с архетипами, уходящими своими корнями в прошлое группы, а с другой — с политической фантазией, направленной в будущее этой группы. Исторический нарратив — это конструкт традиции и политического воображения. Он оформляется с помощью образов: они одной своей частью обращены в прошлое, а другой — в будущее. Причем, это будущее может быть фиктивным, а может быть реальным, грядущим. Это зависит от степени совпадения политической фантазии писателя и читателей. В связи с этим тезисом, известное выражение о том, что «историк занимается прошлым, а не будущим; мертвым, а не живым» является результатом недостаточно отрефлексированной методологии.

Способ дешифровки источника всегда сопряжен с личной захваченностью человека смыслами. Смыслы потому и смыслы, что способны воздействовать. Мы определяем понятие «смысл» функционалистски: смыслы — это триггеры (спусковые механизмы), которые запускают моторику мышления. Моторика мысли запускается эмоциональным переживанием, обеспечивающим вживание в источник. Смысл, в той или другой степени, всегда связан с эмоциональным фоном памяти, с образами. Ставший девизом историков-позитивистов призыв Спинозы к ученым: «не плакать, не сме-

яться, но понимать» — утопичен. Если не плакать и не смеяться, т. е. не допускать в сознание смыслы-триггеры, то нельзя инициировать и процесс понимания текста. Если не произойдет переживания и вживания, то текст позволяет только себя наблюдать. Но историк — не этнограф или энтомолог: нельзя наблюдать прошлое, его можно лишь понимать. Осмысление — это активизация слоёв сознания, а понимание — эффект сопряжения двух языков — текста и памяти исследователя. Языки — это системы образов, возникновение которых в сознании сопровождается эмоциональным фоном. Поэтому задача выработки научного метода понимания состоит не в исключении аффектов (как считали рационалисты XVIII–XIX вв.), а в нейтрализации аффективности с помощью тормозящей функции рефлексии. Аффекты должны быть отеснены на задний план сознания. Однако только на этом эмоциональном фоне возможно понимание.

Понимание, как и любая герменевтическая работа, сопряжено, по необходимости, с воображением. В этом смысле, идеал бесстрастной рациональности фиктивен. Труд дешифровки источника неразрывно связан с игрой воображения. Если подавить воображение, то источники замолчат. Постоянно вспыхивающие при работе с источником смыслы меняют векторы мысли и исследовательскую программу. Поэтому, например, введения к исследованиям пишутся в конце исследования.

Конечно, такая трактовка природы исследовательской деятельности ставит под сомнение классический идеал объективности исследования прошлого, но она не упраздняет из него классического критерия истинности. Прошлое объективно в том смысле, что образы, через которые действуют смыслы и происходит понимание, принадлежат не только памяти отдельного человека, но связаны с надындивидуальной культурной памятью.

Научное воображение и социальность

Воображение интересует нас не в качестве иллюзорной реальности. Нас интересует социальное или политическое воображение, т. е. мыслительное усилие по осмыслению определенного места индивида в группе и должного места его референтной группы в мире людей. Такой модус мышления символизируется метафорой «мечта», понятием «dreaming». Речь идет о социальных мечтах.

Такие мечты являются составной частью любого сознания - и мифологического, и исторического. Миф гипнотизирует социальную реальность, обеспечивая длительность времени культуры. История делает то же самое, только другим способом. Специфика схематизмов исторического сознания состоит в том, что идея непрерывности времени истории сочетается здесь с идеей дискретности. В жизни культур, действительно, случаются моменты разрывов социального времени, когда отдельные люди или группы выплескивают психическую энергию и как бы прерывают течение традиции. Однако такие разрывы не прекращают существование всего содержания традиции, что не позволяет говорить о том, что они инициируют образование радикально новых тенденций. Они только ослабляют устойчивые связи между многочисленными тенденциями прошлого, изменяя связи между ними. В результате некоторые из них рвутся, но универсальные линии не рвутся — они образуют причудливые фигуры: перекручивания, спаивания, взаимопроникновения.

На наш взгляд именно устойчивость традиций является условием объективного существования прошлого. Следовательно, источник настолько способен говорить о фактическом прошлом, насколько исследователь способен попасть в резонанс с ритмами традиции, овеществленной в памятниках и материализованной в том типе социальности, в котором историк пребывает. В этой связи, можно сказать, что работа с источником — это по преимуществу герменевтика разных видов. Историки, живущие благополучно и в «благополучные времена», имеют меньше возможностей вживания в тексты прошлого, так как в этом случае, в какой-то степени, атрофируется способность чувствовать Другого, Другое прошлое. В кризисные времена легче осознать и осмыслить эту связь истории с идеологией⁷. Один из самых проницательных в этом отношении мыслителей, Э. Бёрк описал связь истории и социальности так: «она (нация, традиция, история) создается стечением совершенно своеобразных обстоятельств, случайностей, настроений, предпочтений и склонностей, моральных, гражданских и общественных

⁷ Понятие «идеология» мы определяем не только как совокупность доктринальных текстов. Идеология — это система идей, обеспечивающая необходимые для человеческой жизнедеятельности социальные связи, благодаря которым индивиды организуются в исторически устойчивые группы.

нравов и привычек, которые раскрываются в большой временной протяженности. Это одежда, которая приспосабливается к телу. Отдельный человек может свалить дурака; в какой-то момент множество людей могут свалить дурака; но род мудр; и когда ему дается время, он всегда поступит правильно»⁸.

Типы образа Другого

Вся человеческая реальность — во всех её темпоральных модулях — структурирована в образах. Образы составляют всё содержание сознания. Любой образ — это композит, состоящий из трех моментов (отделимых друг от друга только абстрактно): образа *памяти*, образа *восприятия* и образа *воображения*. Образ исторического прошлого — это композит индивидуальной (или «живой») памяти, памяти коллективной (или традиции) и памяти проективной. Историческое прошлое — это не время, а пространство представления о содержании времени или времен. Это танец различных образов, замедляющийся или ускоряющийся при стимуляции со стороны ключевых метафор-триггеров (например, «Великая Отечественная война» или «Каролингское Возрождение»). Это смыслы, задающие рамки воспоминанию. Рассказываемая история строится на приеме фокусировки внимания на тех или иных сегментах традиции, которые маркируются ключевыми образами.

Есть класс образов памяти, анализ которых способен указать на реалии того прошлого, которое действительно было, но было не с индивидом, а с коллективом. Это архетипические образы надиндивидуальной памяти. К классу таких архетипических образов относится образ Другого. Этот тип образа относится к универсальным образам человеческого сознания, с его помощью осуществляется идентичность и ориентация в мире. Первичная идентификационная модель основана на Мы-идентичностях. Другой — это тот, что не наш; Другой как не-Я — результат более позднего этапа становления схематизмов человеческого сознания. Как считают антропологи, образ Другого указывает на первичную дифференциацию мира в сознании древнего человека. Анализ архаических культур позволяет предположить, что первичная дифференциация мира закреп-

⁸ Цит. по: Розениток-Хюсси. О. Великие революции. Автобиография западного человека. М., 2002. С. 560.

ляется с помощью эротических культов⁹. Первичная бинарная схема восприятия мира возникает в результате разделения полов. Первый Другой — это *Другой Пол*. Затем в истории культуры формируются другие типы образов Другого.

Прежде чем дать типологию образов Другого, следует пояснить как мы понимаем природу архетипов. На наш взгляд, архетипы бессознательного имеют не общепсихическую или общечеловеческую природу; они имеют культурно-историческое происхождение. Архетипы формируются не в онтогенезе человечества как биологического или психобиологического вида, а в онтогенезе определенных культурно-исторических гештальтов¹⁰. Поэтому корректно говорить о типах архетипов Другого, соответствующих разным культурно-историческим гештальтам.

Наиболее древним является тип образа Другого, сложившийся в родовой культуре. Мы уже говорили о том, что первый Другой — это *Другой Пол*, но этот тип образа обеспечивает гендерную идентичность, а коллективную идентичность родового сознания обеспечивает *Другой Род*. Другой Род — это *Чужой-Другой*. Это такой Другой, который не может стать своим без потери своей идентичности¹¹. Этот же принцип действует и на темпоральном уровне сущего: время культуры чужих родов непроницаемо для родового сознания. Образно говоря, в родах нет переводчиков-герменевтиков, проникающих в образно-смысловую строй другой культуры, а есть лишь переводчики-толмачи, ухватывающие поверхностно-информационный слой другого языка.

В тех культурах, где были выработаны механизмы создания «большой социальности», «большого времени», возникают другие типы образа Другого. Так отличный от родового образ Другого складывается в библейской модели социальности и культурного времени. Здесь Чужой, в принципе, может и даже должен *стать Своим Иным*. Свой Иной — это Другой в собственном смысле слова. Так, например, представитель этой традиции Мартин Бубер оп-

⁹ См.: Пигалев А. И. Культура как целостность: (Методологические аспекты). Волгоград, 2001.

¹⁰ Термин «гештальт» соответствует понятию Данилевского Н. Я. «культурно-исторический тип».

¹¹ Речь идет о не о какой-либо конкретной родовой культуре, а о т. н. «идеальном типе» в веберовском понимании.

ределяет веру как откровение смысла будущего через отречение от себя и принятие в себя *Другого Ты*¹². Протестантский мыслитель О. Розеншток-Хюсси считает, что социальное время других культур пронизуемо для христианина. Миссия христианства в том, чтобы понять другие культуры. Воплощение Христа избавило сознание от герметичности, придав ему герменевтичность¹³.

Еще один тип образа Другого находим у античных греческих интеллектуалов, создателей гуманистического мировоззрения. Для гуманиста Другой — не друг и не враг, а соперник и современник, т. е. нейтральный Другой. Гуманистический вариант образа Другого — это Другой как *Другое Я*, или *Другой-такой-же-как-я*.

Архаичные родовой и библейский варианты образа Другого требуют крайнего напряжения психики, так как сопряжены со страхом смерти. Ведь появление на горизонте видения Другого-Чужого и Другого-Иного угрожает разрушить группу, а с нею и сознание индивида. Такая модель восприятия плохо подходит для научного исследования в его нововременном сциентистском варианте. Ведь идеальный психологический фон для научного исследования должен продуцировать любопытство и сомнение, а не страх смерти. Любопытство, как верно подметил Аристотель, рождается на досуге — в некоем «свободном времени», свободном от серьезности реального прошлого (памяти), настоящего (современности) и будущего (веры). Поэтому научное мировоззрение должно опираться на образ безопасного Другого. Этот тип образа Другого ближе всего греческой рационалистической философской традиции.

Итак, можно выделить три вида образов Другого, коррелирующих с тремя моделями сопряжения образов прошлого (архетипов бессознательного) и образов будущего (образов воображения): Другой либо страшен своей непостижимостью (Другой-как-чужой), либо принимается как Ты в своей непостижимости (Другой-как-брат-по-вере), либо любопытен, интересен своей новизной (Другой-как-другое-я). Науке, стремящейся к созданию аксиологически нейтральных текстов, более всего соответствует последний вариант образа Другого.

¹² Бубер М. Я и Ты. М., 1993. С. 35-39.

¹³ Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого. М.; СПб. 2000.

О. Б. ЛЕОНТЬЕВА

ЛИЧНОСТЬ ИВАНА ГРОЗНОГО В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ЭПОХИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ*

Историческая память является неотъемлемой частью культуры любого человеческого общества и одним из важнейших структурных элементов групповой идентичности. Если личная память обеспечивает самоидентификацию человека, то историческая память, интересующая по своей природе, является одним из важнейших структурных элементов групповой идентичности: семейно-родовой, этнической, конфессиональной, гражданской и т. д. Изучение содержания, форм и социокультурных функций исторической памяти стало одним из самых перспективных направлений развития современной исторической науки.

Известно, что историческая память может существовать во многих формах: нарративно-текстовой, образно-символической или же мемориально-ритуальной¹. Для целей настоящего исследования нам представляется продуктивным выделить в составе исторической памяти общества два важных компонента: «знание о прошлом» (логически структурированное и внутренне непротиворечивое) и «образы прошлого» (апеллирующие к эмоциональному и образно-символическому восприятию мира, допускающие полисемантические толкования). Сфера знаний о прошлом и образов прошлого в совокупности охватывает «обширную и все более рас-

* Исследование подготовлено при поддержке фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung), Дюссельдорф, Германия.

¹ Лотман Ю. М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1999. С. 345-348; Эткинд А. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 46.

ширяющуюся область, простирающуюся от историографии через исторические романы к изобразительному искусству, спектаклям и историческому музею»².

В какой бы форме ни существовала историческая память, она всегда, как и память личная, носит избирательный и креативный характер. Еще в начале XX столетия Н.А.Бердяев писал, что память представляет собой род «духовной активности», направленной не только на понимание прошлого, но и на его преобразование³. Люди каждой эпохи создают свой образ прошлого, наполняя его собственными чаяниями, надеждами и страхами, собственными представлениями о добре и зле, о том, чем следует гордиться и по отношению к чему следует испытывать раскаяние. С точки зрения многих современных историков, историческая память предполагает «конструирование прошлого», его «колонизацию» или «освоение»; характер интерпретации прошлого и смысловые акценты, которые ставятся в историческом повествовании, определяются нормами и ценностями данной культуры⁴.

В этом отношении знания о прошлом и образы прошлого, существующие в той или иной культуре, служат своеобразными «зеркалами прошедшего времени», отражающими современность. Более того: в коллективной памяти могут одновременно уживаться различные образы прошлого и способы повествования о прошлом; в каждом из таких повествований могут присутствовать одни и те же опорные моменты, персонажи, сюжетные эпизоды, но смысловое наполнение их будет различным. По словам А. Эткинда, «борь-

² *Bann, Stephen.* The Clothing of Clio: A Study of the Representation of History in Nineteenth-century Britain and France. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 3-4.

³ *Бердяев Н. А.* Смысл истории. М., 1990. С. 16-17, 57-59.

⁴ *Рикёр П.* Память, история, забвение / Пер. с франц. М., 2004. С. 72-86; *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память. Часть I // Неприкосновенный запас. № 40-41 (2-3/2005); *Хаттон П.* История как искусство памяти / Пер. с англ. СПб., 2003, особ. с. 33-90; *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. М., 2001, особ. с. 211-213; *Репина Л. П.* Память и историописание // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 19-46; *Савельева И. М., Полетаев А. В.* История и время: в поисках утраченного. М., 1997, особ. с. 661-663.

ба за содержание исторической памяти подобна театру военных действий, на котором совершаются стратегические и тактические акции, выполняемые разными силами и средствами»⁵.

В силу этого реконструкция знаний о прошлом и «образов прошлого», существовавших в памяти той или иной эпохи, позволяет нам «изнутри» понять мир культурных предпочтений и ценностных конфликтов не только «вспоминавшегося» времени, но и — главным образом — времени «вспоминавшего».

Как правило, переходные эпохи отмечены повышенным интересом общества к историческим сюжетам: в историческом прошлом своей страны видят ключ к пониманию ее настоящего. Так, в России 1860–1880-х годов, в эпоху стремительных социальных перемен, интерес к историческому прошлому отразился в самых разных сферах культуры. Период стремительного развития профессиональной исторической науки, когда были заложены основы московской и петербургской научных школ, совпал во времени с расцветом исторических жанров в искусстве: исторического романа, исторической живописи, исторической драмы, в том числе и музыкальной драмы — оперы. Художественные искания шли параллельно с поисками в области теории исторического знания; «благородная мечта» об объективном научном знании естественным образом сочеталась с реалистическим направлением в искусстве⁶. Современники прекрасно осознавали огромные возможности произведений искусства в деле формирования исторического сознания общества: как писал К. Н. Бестужев-Рюмин, «действительные исторические лица, раз воспроизведенные поэтом, мы представляем себе более или менее так, как их представляет поэт»⁷.

Чем дальше продвигалась историческая наука по пути профессионализации и специализации, тем актуальнее становился вопрос

⁵ Эткинд А. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца. С. 46.

⁶ О внутренней взаимосвязи принципов научного объективизма и художественного реализма во второй половине XIX века (применительно к американской историографии) см. работу П. Новика: *Novick, Peter. That Noble Dream: The «Objectivity Question» and the American Historical Profession.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988. P. 31-46.

⁷ Бестужев-Рюмин К. Н. Несколько слов по поводу поэтических восприятий характера Иоанна Грозного // *Заря.* Т. 3 (1871). № 3. С. 83.

о соотношении профессиональных исторических знаний и исторических представлений «читающей публики»; ярким примером тому, на наш взгляд, является история восприятия личности Ивана Грозного в культуре пореформенной России.

Не рискуя впасть в преувеличение, можно сказать, что из всех правителей России наибольшее внимание историков и деятелей искусства пореформенного периода привлекала фигура царя Ивана IV; соперничать с грозным царем Иваном Васильевичем в этом отношении мог бы только Петр I. Даже если говорить лишь о наиболее значимых культурных событиях (то есть о тех, которые представляются наиболее значимыми с позиций сегодняшнего дня), трудно отделаться от ощущения, что образ Ивана Грозного в пореформенную эпоху прожил целую жизнь, столь же бурную и богатую событиями, как жизнь самого прототипа.

Обратимся к хронике культурных событий. В 1855–1856 гг. С. М. Соловьев опубликовал пятый и шестой тома «Истории России с древнейших времен», освещающие время правления Ивана IV. Вскоре после этого, в 1860 г., поэт Л. А. Мей завершил стихотворную историческую драму «Псковитянка», посвященную карательному походу Грозного на Псков. В 1862 г. в «Русском вестнике» был опубликован исторический роман А. К. Толстого «Князь Серебряный» — художественное изображение времен опричнины. Для А. К. Толстого это было не первым обращением к правлению Ивана IV: еще в 1840-е гг. им были созданы баллады «Василий Шибанов» и «Князь Михайло Репнин». Но и завершив «Князя Серебряного», А. К. Толстой не спешил расставаться с Московским царством XVI века и его грозным правителем: с 1863 по 1866 гг. поэт работал над трагедией «Смерть Иоанна Грозного», положившей начало его знаменитой драматической трилогии о предыстории Смуты в Московском государстве («Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис»).

Постепенно Иван Грозный обретал в русском искусстве зримый, узнаваемый облик. В 1860-е годы серию исторических картин из времен Московской Руси написал талантливый художник В. Г. Шварц; наиболее известным полотном из этой серии является «Иоанн Грозный у тела убитого им сына» (1864 г.). В 1871 г. скульптурный портрет Ивана Грозного создал молодой скульптор

М. А. Антокольский. Примечательно, что для творчества Антокольского именно эта работа стала поворотной: вслед за портретом Грозного скульптор создал целую галерею скульптурных портретов ярких исторических личностей, хотя прежде пробовал себя в других, неисторических жанрах. Своеобразный итог пореформенным опытам художественного осмысления образа Ивана Грозного подвел И. Е. Репин: в 1885 г. в общедоступной галерее П. М. Третьякова было выставлено его полотно «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». Современники, по достоинству оценив зловещую переключку дат, восприняли эту картину как художественный отклик на события 1881 года; по распоряжению императора Александра III (и по совету обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева) картина была запрещена к показу публике, и для снятия запрета Репину пришлось обращаться за содействием к президенту Академии художеств, великому князю Владимиру⁸.

С середины 1860-х гг. началось триумфальное шествие грозного царя Ивана Васильевича по театральным подмосткам. В 1867 г. состоялась премьера «Смерти Иоанна Грозного» в Александринском театре Санкт-Петербурга; о том, насколько тщательно театр подошел к этой постановке, свидетельствует тот факт, что автором костюмов был В. Г. Шварц, а в качестве исторического консультанта репетиции посещал Н. И. Костомаров. Следом к образу Ивана Грозного обратился А. Н. Островский, драматург, которого к тому времени прославил отнюдь не историческая драма, а реалистическая комедия: в 1868 г. в Александринском театре была поставлена драма «Василиса Мелентьева», написанная Островским в сотрудничестве с директором императорских театров С. А. Геденовым. Вполне закономерным было, что роль Ивана Грозного и в трагедии А. К. Толстого, и в драме А. Н. Островского исполнял один и тот же актер — Самойлов⁹.

Прошло еще несколько лет, и царь Иван Васильевич не просто вышел на театральные подмостки, но и запел басом: в 1873 г. в Мариинском театре впервые исполнили оперу Н. К. Римского-Корсакова «Псковитянка» (либретто оперы было создано на основе драмы Л. А. Мея), а в 1874 г. в той же самой Мариинке поставили

⁸ Репин И. Е. Избранные письма в 2 т. Т. 1: 1867–1892. М., 1969. С. 303.

⁹ Хроника. Театральное обозрение // Вестник Европы. 1868. № 2. С. 815-816.

оперу П. И. Чайковского «Опричник» (либретто на основе одноименной стихотворной драмы П. И. Лажечникова). Сам автор «Псковитянки», Римский-Корсаков, впоследствии еще раз обратился к эпохе Грозного: в 1899 г. он написал оперу «Царская невеста». Основой либретто для этой оперы, как и для «Псковитянки», послужила стихотворная драма Л. А. Мея, созданная еще в 1849 г. Оперы, посвященные эпохе Грозного, стали с тех пор неотъемлемой частью русского классического оперного репертуара. Интересно, что с оперным искусством косвенно связано известное полотно В. М. Васнецова «Царь Иван Грозный» (1897 г.): в 1896 г. Васнецов и К. А. Коровин работали над постановкой «Псковитянки» в Московской частной опере. Партию Ивана Грозного в той постановке пел Ф. И. Шаляпин, и, по всей вероятности, облик великого певца, вошедшего в роль, в какой-то степени отразился на трактовке Васнецовым образа грозного царя.

Профессиональные историки чувствовали потребность и необходимость ответить на такой шквальный интерес к фигуре Грозного. В 1871 г. К. Н. Бестужев-Рюмин выступил на заседании Славянского благотворительного комитета с сообщением «Несколько слов по поводу поэтических воспроизведений характера Иоанна Грозного»; объектом жесткой критики и поводом для размышлений об исторической роли Ивана IV историку послужила театральная постановка «Смерти Ивана Грозного» А. К. Толстого¹⁰. В том же 1871 г. Бестужеву-Рюмину на страницах журнала «Вестник Европы» ответил Н. И. Костомаров¹¹; а в 1873–1874 учебном году подробную психологическую характеристику Ивана Грозного впервые включил в свой курс лекций по русской истории В. О. Ключевский¹². Реконструируя психологический облик исторического персонажа, выстраивая на основе разрозненных свиде-

¹⁰ Бестужев-Рюмин К. Н. Несколько слов по поводу поэтических воспроизведений характера Иоанна Грозного. С. 83-90.

¹¹ Костомаров Н. И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного // Вестник Европы. 1871. Т. 5, кн. 10 (октябрь). С. 499-571.

¹² Богатырев С. Н. Грозный царь или грозное время? Психологический образ Ивана Грозного в историографии // История и историки: историографический вестник. 2004. М., 2005. С. 69-70.

тельств источников целостный образ, историки тем самым сближали свой труд с литературным творчеством.

Закономерно возникает вопрос: на труды каких историков опирались деятели русского искусства, воссоздавая образ грозного царя Ивана Васильевича? Вопрос этот тем более важен и интересен, что в профессиональной исторической науке XIX века соперничали противоположные трактовки правления Грозного — в частности, концепция Н. М. Карамзина, представленная в его «Истории государства Российского», и концепция историков государственной школы — К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева. Расхождения этих концепций были порождены как различными ценностными предпочтениями историков, так и их кардинально несхожими представлениями о методологии исторического исследования и о назначении исторической науки.

Для Н. М. Карамзина важнейшим назначением исторического знания было нравственное (в том числе и патриотическое, гражданственное) воспитание человека; смысловым стержнем «Истории государства Российского» был суд над историей с позиции «вечных» нравственных ценностей — то есть с позиций просвещенного гуманиста, чьи убеждения сложились в последней четверти XVIII в. В соответствии с этими принципами Карамзин трактовал историю Ивана Грозного как трагедию деспота, дошедшего в конце концов до «предела во зле» и получившего заслуженное воздаяние за пролитую кровь невинных — «адскую казнь сыноубийства»; повествование о правлении Ивана Грозного было призвано «озарять для нас, в пространстве веков, бездну возможного человеческого разврата, да видя содрогаемся!»¹³.

Для историков середины XIX в. на первый план выступали другие критерии. Принцип морального ригоризма был к тому времени изгнан из профессиональной исторической науки, чтобы уступить место принципу историзма, требовавшему оценивать каждое историческое явление и каждого исторического деятеля не с позиций современности, а с учетом специфики той стадии развития, на которой стояло тогда общество, тех исторических задач, которые приходилось решать этим деятелям. Следовательно, чтобы

¹³ Карамзин Н. М. История государства Российского. В 12 т. Т. 9. СПб., 1821. С. 439.

приступить к оценке какого-либо конкретного явления, историк должен был реконструировать исторический «смысл» той или иной эпохи, определив ее место в последовательной цепи общественного развития.

В российской исторической науке эти новые тенденции нашли самое яркое и концентрированное воплощение в трудах историков государственной школы. На страницах трудов К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева и сочувствовавшего многим принципам государственной школы К. Н. Бестужева-Рюмина Иван Грозный выступал как персонификация исторически прогрессивного государственного начала, которому в XVI веке пришлось вступить в борьбу не на жизнь, а на смерть с отживающим родовым началом в лице боярства. В этих трудах утверждалось представление о Грозном как об исторически прогрессивном деятеле, реформаторе и стратеге, чьи замыслы гениально предвосхитили будущие свершения Петра Великого и Александра II¹⁴.

Интересным и явно художественно продуктивным был образ Ивана Грозного, созданный К. Д. Кавелиным в работе «Взгляд на юридический быт древней России» (1846 г.). Кавелин воспринимал Грозного как «величайшего деятеля русской истории»; как правителя, который стремился «сломить вельможество» не во имя собственной диктатуры, но во имя торжества принципов государственности и «начала личного достоинства». Соответственно характеристика личности Ивана IV была у Кавелина глубоко сочувственной:

Одаренный натурой энергической, страстной, поэтической, менее реальной, нежели преемник его мыслей [Петр I — О. Л.], Иоанн изнемог наконец под бременем тупой, полупатриархальной, тогда уже бессмысленной среды, в которой суждено было ему жить и действовать. Борясь с ней насмерть много лет и не видя результатов, не находя отзыва, он потерял веру в возможность осуществить свои великие замыслы. Тогда жизнь стала для него несносной ношей, непрерывным мучением; он сделался ханжой, тираном и трусом. Иоанн IV так глубоко пал именно потому, что был велик... Растерзанный,

¹⁴ Взгляд на юридический быт древней России // *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. М., 1989. С. 49-55; *Соловьев С. М.* Соч. В 18 кн. Кн. III: История России с древнейших времен. Т. 5-6. М., 1989. С. 681-690; *Бестужев-Рюмин К. Н.* Указ. соч. С. 86, 88.

измученный бесплодной борьбой, Иоанн мог только мстить за свои неудачи, под которыми похоронил он все свои надежды, всю веру, все, что было в нем великого и благородного, — и мстил страшно. Он умер. Современники его проклинали... Потомство не воздало ему должного, даже не пожалело о нем... Только один его понял — великий преемник его начинаний, которому суждено было довершить его дело и благословить Россию на новый путь¹⁵.

Трагический образ гения-одиночки, отомстившего тупой и бессмысленной среде за крах своих великих замыслов, проклятого современниками и непонятого потомками, соотносится здесь с романтической литературной традицией.

Таким образом, стремясь возвысить образ Ивана Грозного в глазах своих читателей, Кавелин, Соловьев и Бестужев-Рюмин апеллировали к тем идеалам, которые были близки уму и сердцу просвещенной российской публики пореформенной эпохи: развитие, прогресс, реформы, личностное достоинство.

Тем не менее, при воссоздании образа Ивана Грозного и драматических коллизий его правления деятели искусства 1860–1880-х гг., по собственным признаниям, зачастую опирались не на труды своих современников, а на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина. Так, сюжетная канва «Князя Серебряного» и «Смерти Иоанна Грозного» А. К. Толстого была основана на материалах девятого тома карамзинской «Истории»; литературоведы обнаружили множество прямых соответствий — сюжетных моментов, описательных деталей, и даже отдельных словесных выражений — между текстом Карамзина и произведениями А. К. Толстого (отмечено, что, помимо «Истории» Карамзина, поэт использовал также тексты исторических источников — посланий князя Курбского [они издавались в 1833, 1842, 1868 гг.] и синодика опальных царя Ивана Грозного, а также этнографические и фольклорные материалы)¹⁶.

¹⁵ Взгляд на юридический быт древней России... С. 49-50, 55.

¹⁶ См.: Ямпольский И. Примечания // Толстой А. К. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3: Драматическая трилогия / Под ред. И. Ямпольского. М., 1969. С. 538-540.

Явное воздействие карамзинской «Истории» можно проследить не только в художественной литературе, но и в изобразительном искусстве. Знаменитое полотно И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван» представляет собой, по сути дела, художественную параллель к тексту девятого тома «Истории государства Российского»:

...Иоанн в волнении гнева закричал: “Мятежник! Ты вместе с боярами хочешь свергнуть меня с престола!” — и поднял руку. Борис Годунов хотел удержать ее; царь дал ему несколько ран острым железом своим и сильно ударил им царевича в голову. Сей несчастный упал, обливаясь кровью. Тут исчезла ярость Иоаннова. Поблуднев от ужаса, в трепете, в иступлении он воскликнул: “Я убил сына!” — и кинулся обнимать, целовать его; удерживал кровь, текущую из глубокой язвы; плакал, рыдал, звал лекарей; молил Бога о милосердии, сына — о прощении. Но суд небесный совершился!..¹⁷

Как можно убедиться, Репин в точности воспроизвел на полотне сцену, описанную Карамзиным (добавим: немало приукрашенную художественной фантазией Карамзина, в отличие от скупых на эмоции сообщений источников). На полотне лишь отсутствует Борис Годунов, фигура которого отвлекла бы внимание зрителей от основной коллизии, но зато в точности воспроизведен вымышленный Карамзиным отчаянный жест царя-сыноубийцы: «удерживал кровь, текущую из глубокой язвы»...

Таким образом, в искусстве пореформенной эпохи оказался «востребованным» образ грозного царя, созданный в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, — несмотря на то, что профессиональная историческая наука к тому времени признала карамзинскую «Историю» устаревшей в методологическом и концептуальном отношениях. Именно текст «Истории» послужил отправной точкой для формирования в общественном сознании определенного исторического мифа, связанного с фигурой Грозного (под мифом мы понимаем образно-символическое представление о прошлом, вне зависимости от того, соответствует ли его содержание историческим реалиям или является заведомо ложным).

¹⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. В 12 т. Т. 9. СПб., 1821. С. 353.

Образ Ивана Грозного слагался в художественных произведениях той эпохи прежде всего как образ-архетип деспота: властолюбивого и мстительного, подозрительного и коварного, и — что, пожалуй, самое важное, — непредсказуемого в своих жестоких или же милостивых решениях. Вполне определенную семантическую нагрузку несла в этом плане такая выразительная деталь, как посох или жезл царя: в балладах А. К. Толстого «Василий Шибанов» и «Князь Михайло Репнин» царский жезл — символ власти — превращается в орудие пытки и убийства.

“Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!”
 И в ногу Шибанова острый конец
 Жезла своего он вонзает,
 Налег на костыль — и внимает¹⁸.
 “Умри же, дерзновенный!” — царь вскрикнул, разъярясь,
 И пал, жезлом пронзенный, Репнин, правдивый князь.
 И вновь подъяты кубки, ковши опять звучат,
 За длинными столами опричники шумят,
 И смех их раздаётся, и пир опять кипит,
 Но звон ковшей и кубков царя не веселит:
 “Убил, убил напрасно я верного слугу,
 Вкушать веселье ныне я боле не могу!”¹⁹

Силой своей поэтической интуиции А. К. Толстой (как ранее — Н. М. Карамзин и А. С. Пушкин) превратил деталь внешнего облика грозного царя в метафорический образ его правления: жезл-посох с железным наконечником стал символом, позволившим неразрывно связать понятия «власть» и «убийство». (Карамзин в своей «Истории», описывая убийства, совершенные царем самолично, называл орудием этих убийств то нож, то копье, то булаву, и лишь в двух случаях — в том числе при убийстве царевича — жезл). Выбор А. К. Толстого был тем более удачен, что мог пробудить у читателя библейские аллюзии: «он пасет их [народы] жезлом железным» (Откр. 19: 15).

¹⁸ Василий Шибанов // Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1969. С. 220.

¹⁹ Князь Михайло Репнин // Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1969. С. 224-225.

Неудивительно, что эта художественная находка утвердилась в русском искусстве. Так, в скульптурном портрете Ивана Грозного работы М. А. Антокольского (1871 г.) царский посох стоит близ трона вертикально, без какой-либо опоры. Эрудированный зритель пореформенной поры, читавший Карамзина или А. К. Толстого, мог догадаться, что Антокольский изобразил в мраморе посох с заостренным железным наконечником, который только что вонзила глубоко в деревянный пол сильная царская рука. Бытовой предмет в глазах зрителя тем самым превращался в «тот самый жезл»; скульптурная композиция прочитывалась как отсылка к сюжетным эпизодам правления Грозного, известным зрителю по историческим и литературным произведениям, как приглашение самостоятельно выстроить ассоциативную цепочку. (Например, Репин в письме В. В. Стасову интерпретировал скульптуру Антокольского таким образом: «Этот мерзавец Иван IV сидит неподвижно, придавленный призраками своих кровавых жертв...»²⁰). Тот же самый символ, только уже безо всякой недоговоренности, мы видим на прославленном полотне самого Репина, где окровавленный царский посох фигурирует как орудие, практически как улика только что совершенного сыноубийства.

Тема сыноубийства (и детоубийства как такового) стала стержневой темой произведений, посвященных Ивану Грозному в пореформенную эпоху. Так, в романе «Князь Серебряный» Иван Грозный, под влиянием клеветнического навета Малюты Скуратова, отдает приказ о казни своего сына; при создании этого эпизода А. К. Толстой опирался на народную песню «Гнев Ивана Грозного на сына», записанную к тому времени этнографами в нескольких вариантах. Вопреки реальной истории, в народной песне и в романе все кончалось благополучно: своевременное вмешательство боярина Никиты Романовича (в песне) или князя Серебряного (в романе) позволило предотвратить казнь²¹. В трагедии «Смерть Иоанна Грозного» гибель царевича не изображена зримо, но тем не менее выступает в качестве отправного фабульного эпизода: трагедия на-

²⁰ Репин И. Е. Избранные письма. Т. 1. С. 264.

²¹ См.: Русская историческая песня [сер. «Библиотека поэта»]. Л., 1987. С. 79-94, прим. с. 466-467; Толстой А. К. Собр. соч. в 4 т. Т. 2. С. 264-270, 278-289.

чинается с того, что Иван Грозный, раскаиваясь и скорбя после убийства сына, собирается сложить с себя царскую власть. Смерти царевича Ивана и запоздалому раскаянию царя-отца посвящены полотна Шварца и Репина; причем первоначально Репин намеревался назвать свою картину «Сыноубийца», и лишь по совету П. М. Третьякова согласился дать ей протокольно сухое название, лишенное каких бы то ни было оценок: «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года»²².

Важно отметить, что никто из упомянутых авторов не пытался изобразить гибель царевича как результат конфликта личностей или конфликта убеждений (в отличие, например, от трактовки другого сыноубийства на полотне Н. Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе»). Для формирования исторического мифа вокруг фигуры Ивана Грозного существенной представлялась именно немотивированность страшного и неискупимого убийства, совершенного царем.

Тема детоубийства в русской культуре XIX века оказалась столь неразрывно связана с образом Грозного, что Л. А. Мей спроецировал эту коллизию на вымышленную ситуацию с участием вымышленного персонажа. В драме Мей «Псковитянка» Иван Васильевич становится невольным виновником самоубийства своей внебрачной дочери, псковской боярышни Ольги Токмаковой. Имя героини было выбрано не случайно: псковитянкой была, согласно преданию, летописная княгиня Ольга. Героиня драмы Мей и ее возлюбленный Михайло Туча предстают как воплощение вольнолюбивого духа древнего Пскова (Михайло и его друг Четвертка в драме оказались единственными, кто призвал псковичей к сопротивлению карательному опричному войску), а их гибель поднимается до уровня метафоры — гибели вечевых традиций северорусских городов в столкновении с московским самодержавием.

Образ Грозного как царя-детоубийцы (явно перекликавшийся с мифом о Кроносе, который был известен еще современникам Ивана IV²³) в контексте пореформенной культуры явно приобрел

²² Репин И. Е. Избранные письма. Т. 1. С. 301, 331.

²³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 8, 104. О двусмысленности выражений «Кроновы жрецы» и «Кронова жертва» в контексте переписки см.: Там же. С. 379, 406-407.

актуальное политическое содержание: деспот убивает своих детей, деспотизм губит будущее. Рядом с этим историческим мифом меркнул и отходил на второй план общественного сознания альтернативный образ Грозного как царя-преобразователя, непонятого своими современниками, — тот образ, который пытались создать историки государственной школы в противовес Карамзину. Художественные образы прошлого оказались вовлеченными в историографические дебаты.

Заслуживает внимания, что в дискуссии с К. Н. Бестужевым-Рюминым об историческом значении царствования Ивана Грозного Н. И. Костомаров, — признанный лидер демократически-народнического направления в историографии, — апеллировал к Карамзину как к высшему авторитету²⁴. «К счастью, — писал Костомаров, — Карамзин именно на этой части русской истории показал всю силу своего таланта, более чем на всякой другой, и с замечательной верностью угадал характер этой личности; оставалось доканчивать начатый им мастерский очерк, и при помощи новых данных и при дальнейшей разработке источников, сообщать ему более телесности, красок и жизни, а в некоторых случаях и поправлять допущенные историографом неверные черты, касающиеся, впрочем, большею частью подробностей»²⁵. Костомаров, — историк-демократ, борец за украинское национальное возрождение и горячий поклонник казачьей вольницы, — в данном случае выразил полную солидарность с воззрениями придворного историографа, консерватора-монархиста, искренне убежденного, что «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым единодержавием»²⁶.

Можно предположить, что, противопоставляя подходу Бестужева-Рюмина «мастерский очерк» Карамзина, Костомаров тем самым сделал выбор между двумя способами организации исторического повествования и между двумя стратегиями поиска смысла

²⁴ Костомаров Н. И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного. С. 499-500. См. также.: Богатырев С. Н. Грозный царь или грозное время? С. 69-70.

²⁵ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 499-500.

²⁶ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 22.

российской истории. Для историка-народника оказалась актуальной карамзинская стратегия построения исторического повествования, — суд над историей с позиций неких абсолютных критериев. Гневно обличая Ивана Грозного за «недальний ум», трусость, фарисейское ханжество, бессердечность и способность находить удовольствие «в картинности зла», Костомаров настаивал на том, что история вправе *судить* прошлое, хотя, впрочем, при вынесении своего приговора историк должен учитывать общественные отношения людей того времени. В данном случае в качестве критерия для такого суда выступала антитеза «деспотизм — гражданственность»: по мнению Костомарова, главная вина Ивана Грозного перед своим народом состояла в том, что этот царь укрепил *«неестественные общественные условия»* — «утвердил начало деспотического произвола и рабского бессмысленного страха и терпения»; в том, что ему были нужны «слуги, а не граждане»²⁷.

Отметим, что антитеза деспотизма и гражданственности была в равной степени актуальной и для российской общественной мысли времен Карамзина (в «Истории государства Российского» слово «гражданин» всегда несет в себе позитивную этическую оценку; быть гражданином означало для Карамзина быть способным к осознанному и ответственному действию на благо своей страны). Впрочем, Костомаров принципиально расходился с Карамзиным по вопросу о том, что именно следует считать проявлением гражданской сознательности: Карамзин полагал, что народ безропотно сносил жестокие казни Ивана Грозного в силу «великодушного смирения» и верности самодержавию, а Костомаров видел в этом только привычку к безгласному повиновению и апатичное безучастие к чужой беде²⁸.

Конечно, призывы к суду над деспотизмом и «неестественными общественными условиями» были созвучны настроениям общества 1860–1870-х гг.; но поставленная Костомаровым проблема могла интерпретироваться не только в общественно-политическом, но и в теоретико-методологическом ключе. В 1870–1890-е годы тема «суда над историей» и «патологическими явлениями общест-

²⁷ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 522-524.

²⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 9. С. 167; Костомаров Н. И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного. С. 570-571.

венной жизни» стала одной из центральных в методологических исканиях теоретиков «субъективной школы» — П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, Н. И. Кареева. Показательно, что Михайловский, горячо отстаивавший право историка на «нравственный суд», обратился к этой проблеме опять-таки на примере трактовки образа Ивана Грозного в российской литературе²⁹.

Итак, образы прошлого, сформировавшиеся в обществе на основе определенного багажа исторических знаний, в то же время сами активно воздействовали на историографический процесс. Развернувшийся в историческом сознании пореформенной эпохи выбор между противоположными образами Ивана IV был в то же самое время выбором между двумя способами восприятия прошлого, двумя различными стратегиями поиска смысла истории. Принцип «суда над историей» с позиций абсолютных критериев (нравственного или же социального идеала), в отличие от принципов историзма и исторического релятивизма, оказался созвучен общественным настроениям. Данный принцип позволял тогда связать воедино, в одно проблемно-смысловое поле, и образно-символический, и нарративный, и методологически-теоретический аспекты исторической памяти. Это соотношение, на наш взгляд, прослеживается и на других сюжетах исторической памяти российского общества XIX века.

²⁹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. В 10 т. 2-е изд. Т. 6. СПб., 1909. Стб. 111-126. См. также: Кареев Н. И. Суд над историей (Нечто о философии истории) // Русская мысль. 1884. № 2. С. 1-30; Лавров П. Л. Собр. соч. / Под ред. Н. Русанова, П. Витязева, А. Гизетти. IV сер., Статьи историко-философские. Вып. 1. Пг., 1918. С. 190.

Е. А. ВИШЛЕНКОВА, С. Ю. МАЛЫШЕВА,
А. А. САЛЬНИКОВА

УНИВЕРСИТЕТ КАК ПАМЯТЬ И КАК ЗНАНИЕ

В написанной нами¹ книге мы предложили читателю рассказ о стиле и качестве жизни людей — преподавателей, студентов, служащих, в течение двух веков составлявших корпорацию старейшего провинциального университета России. Речь идет о специфической, характерной для университета культуре: ландшафта, межличностных отношений, творчества, досуга, частной жизни, учебной повседневности и даже памяти. Каждый из этих сюжетов выбран нами как ракурс и объект, через который раскрываются доминирующая и маргинальные для университета практики и ценности, т. е. для раскрытия сложного и неомогенного явления «университетская культура».

Сегодняшний Казанский университет представляет собой агломерацию институтов-факультетов. Каждый из них имеет собственное прошлое, собственную автономную структуру управления, свои научные традиции и заслуги, а иногда и отдельное здание. Но все они живут на общих культурных основаниях и образуют особый стиль публичного поведения. Исследователи культуры называют его «Большим стилем», противопоставляя малым, например, стилю математиков, историков или юристов². Он представляет общеуниверситетскую традицию, воплощает в себе университетскую историю и обладает наиболее развитыми, ритуализированными формами: особой символикой, церемониальным оформлением и нормативными правилами.

Именно это университетское общее — и есть предмет нашего изучения. Признание его наличия — стало *a-priori* исследователь-

¹ Речь идет о книге «Два века университетской культуры в Казани» (в печати).

² Лейбович О. Л. Большой стиль управления университетом: заметки культуролога // Мир российского университета: Интернет-конференция. Портал: www.auditorium.ru (сентябрь-октябрь 2002 г.)

ской рамкой, наложенной нами на источниковый материал. «Большой стиль» соответствовал нашему представлению о константе современного университета, не противоречил нашей памяти о нем и давал представление об университете как делящейся истории: он формируется столетиями, он генетически присущ, он вечен. Дабы передать это ощущение читателю, мы поместили двухсотлетнюю историю Казанского университета в темпоральное пространство мировой университетской культуры — большой и непрерывной длительности. Отсюда наше обращение к средневековым сюжетам университетской корпорации.

Знакомство с исследовательской литературой показало, что данная тема довольно редкая в гуманитарных науках. Обычно история университета создавалась и прочитывалась как летопись жизни учреждения. И поскольку мы стремились выйти за пределы данной традиции, то в поисках методологии исследования обращались к трудам медиевистов, посвященным проблемам культурной антропологии и интеллектуальной истории, а также к публикациям, анализирующим студенческую субкультуру и университетские традиции³. Мы испытали на себе обаяние сочинений, посвященных

³ Об университетской культуре европейского Средневековья писали: *Ле Гофф Ж.* Другое средневековье: время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000; *Strassburger Studentenleben bis 1850: Ein Beitrag zur Geschichte der Strassburger Studentenverbindungen.* Strassburg, 1934; *Gaudeamus igitur: die studentische Verbindungen einst und jetzt / P. Gladen.* Unter Mitarb. von U. Becker. Muenchen, 1986; *Brunck H.* Studentische Verbindungen in Frankfurt am Main. Kelkheim, 1986; *Weiss M.* Buecher, Buden, Burschenschaften: tausend Semester Tuebinger Studentenleben. Tuebingen, 1991; *Blut und Paukboden: eine Geschichte der Burschenschaften.* Frankfurt am Main, 1997 etc. О смысле и назначении университетской символики см.: *Щепанская Т. Б.* Прагматика некротимологии // Компаративистика: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб., 2002. С. 134-152; *Mueller R. A.* Geschichte der Universitaet: Von der mittelalterlichen Universitas zur deutschen Hochschulen. Muenchen, 1990. О социальной природе интеллектуального творчества и моделях интеллектуального поведения см.: *Collins R.* Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Harvard, 1998. О европейских традициях в университетской культуре императорской России см.: *Уваров П. Ю.* Российская гастроль университетской идеи // Вопросы философии. 1998. № 11; *Он же.* Университеты Российской империи глазами медиевиста (в защиту «идола истоков») // Диалог со временем: Альманах интеллекту-

культурной истории Московского университета⁴. Наличие этих изданий облегчило нашу участь, но не сделало ее легкой. Ни одно из имеющихся исследований не охватывало всю «жизнь» университета (полностью отсутствуют разработки университетской культуры советского времени) и не указывало способ прочтения, интерпретации массовых и противоречивых свидетельств. В этих условиях методики, отобранные нами для обработки источников, а также жанр созданного текста апробировались, менялись, формировались в ходе поисковой и аналитической работы, выстраданы нами посредством проб и ошибок.

Конечно, у Казанского университета была своя собственная традиция саморефлексии, которая в начале XX века отлилась в Большой нарратив⁵. Мы изучали её и поняли, что потребность в таком тексте о прошлом возникла в определенных политических и культурных обстоятельствах. После революционного переворота в стране руководители теперь уже советского университета должны были заново выработать основы единства «граждан университета», воссоздать корпоративную общность, распавшуюся в череде об-

альной истории. Вып. 7. М., 2001. О субкультурах и единой университетской метакультуре Российской империи писали: *Иванов А. Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века. М., 1999; *Могильнер М. Б.* Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999; *Олесич Н. Я.* Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 2002; *Hans N.* Russian Tradition in Education. London, 1963; *Confino M.* On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth and Nineteenth-century Russia // *Daedalus*. 1972. Vol. 101; *Brower D. R.* Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca etc., 1975; *Flynn J. T.* The University Reform of Tsar Alexander I. 1802–1835. Washington, 1988; *Kassow S. D.* Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley etc., 1989; *Beyrau D.* Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion. Goettingen, 1993; *Morrissay S. K.* Heralds of Revolution. Russian Students and the Mythologies of Radicalism. New York: Oxford University Press, 1998.

⁴ Университет для России / Ред. В. В. Пономарева и Л. Б. Хорошилова. Т. 1–2. М., 1997–2001; *Кулакова И. П.* Московский университет в историко-культурной среде XVIII века: Дисс... канд. ист. наук. М., 2002.

⁵ *Вишленкова Е. А., Сальникова А. А.* Юбилейные истории Казанского университета // Отечественная история. 2004, № 4.

новлений, реструктуризаций и конструирования социалистических традиций. Все эти перемены (1917–1930 гг.) пришлось на время жизни одного поколения. И надо сказать, что тогда удалось связать прошлое и настоящее единой бечевой просветительского мифа, предсказывавшего светлое будущее для образованных людей.

В опоре на социальную магию просвещения и было создано первое целостное повествование о жизни единого университета (М. Корбут «История Казанского университета за 125 лет его существования») ⁶. В последующем это повествование в различных вариациях воспроизводилось к каждой юбилейной дате (1954, 1979). Только, в отличие от начальной версии, ни одно из них больше не было монографическим текстом. Это были либо сборники статей, либо «очерки» ⁷. И каждое новое издание отличалось от предыдущего всё большими «провалами памяти».

Нынешний двухвековой юбилей Казанского университета празднуется в новой политико-экономической и культурно-психологической ситуации: распад СССР коснулся каждого его бывшего гражданина — он запустил процессы распада идентичности. В этих условиях Казанский университет лишился основы его советской самости, оформившейся в далекие 1920-е годы. Статус «ленинского» перестал обеспечивать ему привилегированное положение в структуре государственных учреждений. Если добавить к этому проявившееся в 1990-е годы движение руководства Татарстана к политической автономии внутри России (а Казанский университет сохранял российское подчинение), утрату веры общества в чудодейственную силу просвещения, экономический кризис, сковавший российскую школу, «утечку мозгов», то станет понятным, что в этой ситуации воспроизведение и усовершенствование прежнего нарратива, его пролонгирование было делом весьма сомнительным. Поэтому за создание юбилейного авторского моно-текста не взялся ни один специалист. В преддверии торжеств была учреждена редакционно-издательская комиссия, а профессор И. П. Ермо-

⁶ Корбут М. К. Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30. В 2-х тт. Казань, 1930.

⁷ История Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина (материалы к обсуждению). На правах рукописи / Под общей редакцией Д. Я. Мартынова. Казань, 1954; Казанский университет, 1804–1979: Очерки истории. Казань, 1979.

лаев согласился на руководство авторским коллективом, составленным из историков — специалистов по разным хронологическим периодам российской истории⁸.

По решению комиссии университетскую историю поделили на «кусочки»⁹. При этом единый принцип периодизации выдержать не удалось. Вехами выступали и законодательные акты (университетские уставы), и правление отдельных ректоров («От Лобачевского до Бутлерова», «Эпоха Нужи́на»), и политические этапы в жизни страны («Военное лихолетье», «От великого перелома к началу стабилизации»), и принятые в исторической корпорации условные временные отрезки («В конце XIX века», «Накануне XXI века»). Всего в жизни университета выделено 12 периодов.

Созданные «Очерки истории Казанского университета» были изданы за два года до юбилея тиражом в 450 экземпляров — «для внутреннего пользования». Они не поступали на книжный рынок, а были розданы на факультеты и некоторым российским специалистам для отзывов. Тогда же были проведены публичные внутри-университетские презентации книги. Это обсуждение имело принципиальное значение для констатации современной историографической ситуации: с нашей точки зрения, оно выявило невозможность повторения опыта 1930-х годов. Жизнь «образовательного учреждения» начала XXI в. «не стыковалась» с жизнью того учебного пансиона, каковым он был в начале XIX столетия, и слишком разнилась с жизнью университета начала XX в. Различий в масштабах и структуре этих учреждений больше, чем сходства.

В самом деле, сегодня обнаруживается мало общего между «храмом наук», где в 1810-х гг. «проповедовали» 64 «жреца истины» (большинство из них — иностранного происхождения), где обучались без разделения на факультеты и специальности 33 мальчика, выпускники местной гимназии, — и современной учебно-научной агломерацией, состоящей из 12 факультетов, 1200 высококвалифицированных специалистов и почти 9 тыс. учащихся. За столетие своего существования Казанский императорский университет выпустил меньше выпускников, чем государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за последние 10 лет.

⁸ Е. А. Вишленкова и А. А. Сальникова принимали участие в его работе.

⁹ Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002.

К тому же на право единства и преемственности от императорского университета 1804 г. формально имеет право не только государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина, но и большинство ныне существующих казанских вузов, выделившихся из него в самостоятельные учебные заведения: Ветеринарная академия, Технологический, Технический, Медицинский университеты, Финансово-экономический институт. Да и размножившиеся за XX столетие университетские кафедры стали бороться друг с другом за право на «древность», на символическое наследство от тех начальных 28-ми кафедр, что были созданы в Казани по первому университетскому уставу.

Но еще острее, чем проблемы «первородства», в представленном на обсуждение нарративе наших коллег волновал вопрос персональной мемориализации — кто, за какие заслуги и как упомянут в тексте. Собственно вопрос о праве кого бы то ни было или о праве университетских историков формировать корпоративную память встал на первой же презентации «Очерков», а затем вылился в череду критических выступлений и кулуарных разговоров на эту тему. В этой связи особенно «досталось» очерку, в котором описывалась жизнь университета в 1980–2000-е гг. (Н. А. Федорова, А. И. Ермолаев «Университет накануне XXI века»). Он явно не воспринимался читателями как разделяемое воспоминание, вызывал критику и отторжение. Стало ясно, что вместо проверенной функции единения корпорации нынешняя университетская история порождает обиды и соперничество. Понятно, что такая реакция была вовсе не тем эффектом, который хотелось бы получить накануне празднования. В этой связи у ректора М. Х. Салахова и возникла идея, наряду со спорной институциональной историей, предложить корпорации версию объединяющего её прошлого.

То, что это не утопический проект и то, что имеется настоящая потребность в нём, было ясно из спонтанно возникшей инициативы сотрудников кафедр и факультетов по написанию «своих» историй. В канун празднования в текущий университетский архив и в Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ), где хранятся фонды дел Казанского императорского университета, пришли физики, химики, филологи, биологи в поисках своих научных корней. Об истории университета заговорили представители разных специальностей, воспоминаниями о прошлом люди спонтанно делились на

мероприятиях, никак не связанных с историей — на Менделеевском съезде, математических школах, симпозиумах по микробиологии и т. д. На наших глазах множились версии университетского прошлого, и все они порождали споры и вызывали непритворный интерес корпорации. Таким образом, история современного Казанского университета вышла из рамок единого «официального» нарратива и жила в сюжетах о «научных школах», в «биографиях выдающихся ученых», в автобиографических очерках, и даже давала о себе знать в стандартных CV сотрудников.

В обстановке переживаемой корпорацией «войны памятей», перед нами, как предполагаемыми авторами «новой» университетской истории, ректор поставил вопрос: *что*, если не стены, *что*, если не учреждение как таковое, разросшееся и распавшееся на «мини-университеты», объединяло и продолжает объединять местных интеллектуалов? На этот вопрос мы ответили: *университетская культура*. А далее наша декларация потребовала объяснений: что это такое и где её корни. Так родился замысел нарратива, получившего впоследствии название «Два века университетской культуры в Казани».

Приступив к его реализации, мы задались вопросами: непрерывны ли университетское пространство и время? Есть ли преемственность в жизни Казанского университета? Являются ли нынешние студенты и преподаватели прямыми «наследниками» дореволюционных школяров и императорских профессоров? Так же ли они ощущают течение времен и их связь?

С точки зрения реального пространства — да. Мы ходим по тем же коридорам и пользуемся теми же книжными шкафами. И юбилейный, заказной характер издания подталкивал нас к признанию континуальности двухсотлетней жизни университетского организма. Но сомнения были. Представление о разрыве «связи времен» давала делопроизводственная документация, свидетельствующая о радикальной, массовой смене состава университетской корпорации в 1920-х – начале 1930-х гг. Тексты же памяти этот разрыв не фиксировали. Вернее фиксировали, но их декларация ничем не отличалась от традиционной для университетской мемуарной традиции темы «раньше и сейчас». Утверждение о том, что «нынешние студенты явно хуже их предшественников, а старое поколение профессоров, конечно же, лучше современных молодых преподава-

телей» — один из тропов университетского сознания. Его прямое или скрытое присутствие в текстах памяти — отнюдь не свидетельство качественных перемен в идентичности.

Если в периодизации университетской истории идти от разрывности времен, фиксируемой в эго-документах казанских интеллектуалов, то следовало бы выделить три этапа — до ревизии 1819 года (1804–1819), попечительство М. Л. Магницкого (1819–1826) и вся история жизни университета после него. Не было такого мемуариста в XIX веке, не было историка университета в XX веке, который бы не выделял попечительство Магницкого как особый период. Специальное изучение этого опыта саморефлексии убедило нас в том, что данный приём использовался мемуаристами как способ выделения, ревизии и тем самым отторжения насаждаемых Магницким норм корпоративных отношений, учебной повседневности и декларируемой цели университетского образования¹⁰.

Мы не пошли вслед за изгибами корпоративной памяти. Сейчас, оглядываясь назад, можно сказать, что мы убедились в ограничениях многих методов построения исторического нарратива, разочаровались в попытках найти универсальный рецепт его создания. Чем дальше, тем всё более очевидным было, что университет — это не только учреждение, не только политика, не только культурные практики, но и не только текст, даже если это текст памяти. И наши отношения с ним стали обретать договорной характер.

Дабы преодолеть соблазн апологии истории Казанского университета и отливки ее в статичные «бронзовые формы», мы договорились рассматривать её, во-первых, как часть европейской университетской культуры, а во-вторых, как часть российского культурного процесса. В таком контексте его двухсотлетняя история представляла *случаем* — восточным и региональным вариантом общего и универсального целого. Его мы инспектировали по следующим направлениям, которые стали впоследствии главами книги: «Университетское пространство», «Корпорация», «Культура отношений», «Качество жизни», «Стиль жизни», «Университет в ритуалах, символах, сказаниях и мифах».

¹⁰ Подробнее об этом: Вишленкова Е. А. Ревизор, или случай университетской проверки 1819 г. // Отечественная история. 2002. № 4.

Поскольку мы стремились понять и объяснить, каким был и есть университетский человек Казани, что он ощущал в аудиториях и на улицах города, в пределах собственного дома и на отдыхе, что он получал за свой труд и на что тратил, как складывались его отношения с представителями власти, с коллегами, студентами и служащими, с женой и детьми, какими ритуалами, символами, легендами, приметами и мифами обростала его жизнь, ответы на эти вопросы мы искали в законодательстве, в распоряжениях центральной власти и местного начальства, в протоколах университетского совета, в письмах, дневниках, воспоминаниях, в песнях, анекдотах и стихах, в надписях на партах и стенах, в фотографиях, в устных рассказах, в наградных медалях и значках, в печатях и официальных бланках, в газетах и журналах, в портретах и зарисовках, в сохранившихся предметах и вещах — словом, перефразируя Люсьена Февра, во всем том, «что было у университетского человека, зависит от него, служит ему, что выражает университетского человека, означает его присутствие, деятельность, вкусы и манеру быть университетским человеком».

Не иллюстрацией, а полновесным источником сведений и представлений об ушедшей жизни являются для нас портреты, зарисовки, карикатуры и фотографии. Это отнюдь не прерогатива XX столетия. В XIX в. университет был наполнен не только нынешними участниками его переживаний, но в нем зримо и незримо присутствовали «предшественники». Их имена звучали на лекциях и диспутах, на заседаниях совета, были прописаны в книгах и статьях, они смотрели на шумящую многоликую толпу студентов с портретов, развешанных на стенах в аудиториях, актовом зале, зале совета, в библиотеке, в вестибюле и коридорах. Среди ликов, сопровождавших повседневную жизнь учащихся, были профессора, попечители, ректоры, выдающиеся ученые и мыслители, царствующие и в бозе почившие монархи, меценаты. К сожалению, политические катаклизмы уничтожили большинство картин императорского университета. Об их существовании мы знаем из финансовой документации¹¹, по фотокопиям, сделанным в начале

¹¹ Например, в «Описе вещам, поступающим в собственность библиотеки университета» за 1833 год значатся шесть портретов (ОРРК НБЛ. Ед. хр. 9422)

XX в. при подготовке иллюстраций к юбилейной истории Н. П. Загоскина, а также из постреволюционных решений Совета университета о снятии со стен одних портретов и сохранении других¹².

Фотографии университетской жизни XX века весьма скупо отложились в официальных архивах и музеях. Поэтому через наших учеников, друзей, коллег мы обратились к семейным фотоколлекциям. Именно они и стали основой нашего визуального познания университетской культуры советского и постсоветского периодов. Недостающие данные мы пополняли, фотографируя нынешний университет, его людей, его символику.

Сейчас, представляя читателям результаты исследования, мы осознаем, что наша книга являет собой экспериментальный вариант «самоописания». И этот подход не акт волонтаризма, он вынужденный и осознанный. Являясь неотъемлемой частью страны, города, эпохи, в то же время Казанский университет и его люди являют собой особый «мир в миру» — со своими писаными и неписаными правилами, вкусами, обычаями, языком, «гамбургским счетом», взаимоотношениями внутри сообщества, способами общения с «внешним миром». Такое «двойное гражданство» университетского человека поставило перед нами две задачи. С одной стороны, мы стремились представить «постороннему» читателю и зрителю мир университетской культуры так, как антрополог представляет и описывает «извне» заинтересованному сообществу открытое им племя и его культуру, — акцентируя внимание на её экзотичности. С другой стороны, книга представляет мир университетской культуры «изнутри» — как он мыслится и воспринимается самими её носителями, наследниками и создателями. Соответственно, речь идёт об «общих местах», о рутине, о ритуалах, о типичном и привычном.

Осмысление университетской культуры «изнутри» всегда чревато риском излишне довериться собственным ощущениям или подпасть под влияние рассказчиков. Между тем, самописание не есть «выдумка», «фантазия» или «свободная интерпретация» на заданную

¹² В декабре 1920 года Совет слушал представление коллектива компартии при ВУЗ от 11 декабря 1920 г. о снятии портретов благотворителей, не имеющих отношения к науке. В итоге решение комиссии о портретах гласило: оставить Л. Н. Толстого, Н. М. Любимова, В. П. Энгельгардта, Н. Н. Булича, Н. И. Лобачевского, Н. О. Ковалевского, С. Т. Аксакова, снять: Д. П. Широкова, М. Н. Ахматова, Ю. Л. Виноградова и др. (НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. Совет. Д. 22. Л. 104; Д. 30. Л. 22).

тому. Мы представляем читателю коллективное (корпоративное) воспоминание, и оно должно быть выверено, осознано и как минимум беспристрастно. Наш читатель знакомится с прошлым, настоящим и, может быть, будущим университетского человека как явления отечественной культуры.

Мы не претендуем на объективность изложения. Объективным оно не может быть по нескольким причинам. Во-первых, научное творчество всегда субъективно, и конструктивная роль исследователя имеет огромное значение, особенно в гуманитарной сфере. Во-вторых, исследование культуры предполагает не изложение суммы непреложных фактов, а описание и объяснение явлений, выявление значений, а, следовательно, их авторскую интерпретацию. В-третьих, наше исследование, помимо прочего, базировалось на большом пласте источников личного происхождения (в том числе устных), которые отличает высокая степень субъективности. Для нас, однако, и те, и другие одинаково ценны, как свидетельства ныне живущих и уже ушедших людей.

За долгую жизнь Казанского университета в нём менялись поколения преподавателей и студентов. Одни из них оставили массовые свидетельства о своих ощущениях, размышлениях, переживаниях, другие были скупы на фиксацию чувств. У них были на то основания. Но и «молчание» — тоже явление культуры, и прочитывается как таковое. Чаще всего «зоны молчания» связаны с травмирующими сознание явлениями. И такими травмами являлись отнюдь не «погромы» университета со стороны политической власти. О них-то как раз университетские люди вспоминали часто и охотно: способность университета выживать в неблагоприятных политических условиях осмыслялась как торжество просвещения над темными силами регресса.

Травмирующее воздействие на университетскую память оказывали внутрикорпоративные события — «позорные», табуированные, с точки зрения университетской этики. Так, «тексты памяти» упорно молчат об изгнании из императорского университета талантливого химика, ректора А. М. Бутлерова, об уходе из «ленинского» университета крупнейшего в СССР специалиста в области теории относительности и гравитации А. З. Петрова. Ведь не политические события, не насилие властей, не высокие идеалы науки, а зависть коллег, конфликты в профессиональной среде заставили этих выдающихся ученых покинуть *alma mater*.

Мемуаристы молчат и о коррупции, время от времени захлёстывавшей университет. Как известно, коррупция возникает там и тогда, где и когда для нее есть почва. И, поскольку выдаваемые университетом аттестаты, дипломы и ученые степени обладали высокой социальной ценностью, а доступ к ним был строго нормированным, то на них всегда существовал высокий спрос и договорная цена. О наличии коррупции могли заявлять правительственные чиновники, могли писать газеты, ей объявляла мужественную борьбу власть, а университетское сознание стыдливо отвергало предъявляемые обвинения.

Мы не нашли в биографических текстах — за редчайшим исключением — рассказов о политических доносах коллег друг на друга в годы сталинских репрессий. Всё это — либо «зона умолчания», либо область «перекодирования». Деструктивные, с точки зрения университетской жизни, события получали в сознании интеллигента политическую интерпретацию. Так, конфликт профессорского совета, в результате которого в 1870 г. из университета разом ушли восемь ведущих профессоров-естественников, позднее был осмыслен как «дело Лесгафта», главный пафос которого сместился в сторону противостояния либеральной профессуры и властей. Аналогичное прочтение получили конфликты профессоров и студентов конца XIX — начала XX в. Неприятие «старой профессурой» в 1920-е гг. неотягощенного знаниями контингента студентов-рабфаковцев, а также новых, групповых методов обучения («бригадный метод») также истолковывалось в политических категориях.

При всём разнообразии стилей, за мемуарами, созданными людьми Казанского императорского университета, прочитывается некий «мастер-нарратив» — матричный текст-сценарий. Каждый мемуарист вписывал свою судьбу в большую историю, и университет был в ней стартовой ступенью. На сегодняшний день нам удалось выявить более 70-ти опубликованных и рукописных воспоминаний. Все эти тексты построены на тропах. Собственно их выделение и разворачивание позволило раскрыть сюжет о культуре отношений университетских людей друг с другом, с людьми «извне» (властями, мелкими чиновниками, обществом, родителями воспитанников) и со своими учениками. Эти мемуарно-литературные тропы мы сформулировали в следующих тезисах: «Университет состоит из порядочных людей и самоуправляется ими»; «Университет — это западноевропейский либеральный ин-

ститут»; «Университет противостоит бюрократии, как свет — царству тьмы»; «Университетский студент — повеса и бунтовщик».

Почти все известные нам мемуарные тексты принадлежат авторству бывших воспитанников университета (рефлексия преподавателей находила воплощение в делопроизводственной документации и научных трактатах). А у студенческой памяти есть особенности функционирования, обусловленные возрастной и гендерной психологией. Для каждого пишущего университет был временем и местом перерождения. Оно совершалось под руководством учителя, но иногда вопреки педагогам.

Бывшие выпускники клялись в любви и благодарности университету. При этом многим казалось, что данное чувство присуще только их поколению. «В мои студенческие годы моя “mater” была именно “alma”. Такова эта “mater” в моем сердце до сих пор и с этой любовью и с этой почтительной благодарностью я лягу в могилу», — заверяли многие подобно С. В. Смоленскому¹³ и порицали неблагодарную молодежь. Но проходили годы, и воспоминания бывших «молодых» наполнялись такими же признаниями.

Университетская память впитала в себя и транслировала имперский нарратив прошлого. Мемуары университетских выпускников и созданная их руками историография изобилуют указаниями на местное общество как на невозделанное поле, враждебную или неблагоприятную среду обитания первых интеллектуалов. Себя же и профессора, и студенты осознавали миссионерами истины, цивилизаторами. «Темное царство бесправия, — сообщал один из мемуаристов, — окружало тесным кольцом университет и медленно шаг за шагом уступало захваченные им владения»¹⁴. «Несомненно, влияние Университета на Казань было очень значительно, — вторили ему современники, — и казанская жизнь была намного выше жизни других провинциальных городов, прозябавших еще более сонливо и прозаично. Как ни медленны были тогда сообщения, как ни туги были к восприятию “нового” почти все казанцы, все же Университету, энергично бодрившему все и вся, внутри и вне сво-

¹³ *Смоленский С. В.* Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах // Былое из университетской жизни: Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. СПб., 1904. С. 240.

¹⁴ *Михайлов И. И.* Казанская старина. Из воспоминаний // Русская Старина. 1899. № 11 (ноябрь). Г. XXX. С. 400.

их стен, принадлежало в Казани, несомненно, первое место в деле ее скорейшего пробуждения»¹⁵.

Университетская корпорация осознавала себя провозвестником цивилизации: «Благодаря университетам, движение прогресса в области знания совершалось безостановочно», — вторили профессорам их воспитанники¹⁶. В Казани эта миссия была очевиднее, поскольку здесь набор учащихся был менее элитарным, чем в столицах. Вырванные из культурной нищеты отдаленных поселений российского Севера, Сибири, Кавказа, Урала, юноши должны были переродиться в университете: умереть для прошлого и возникнуть для будущего. Казалось, что университет давал его питомцам новую духовную жизнь. И потому они писали, что «в семье не узнавали студента, вышедшего из университета. Он казался пришлецом из другого мира, так его понятия противоречили понятиям, укоренившимся в семье. И не редко из бедной мещанской или чиновничьей семьи, проникнутой затхлыми идеями, выходили государственные люди или ученые со светлым взглядом»¹⁷. Это были новые люди, и университетские выпускники видели себя в первых рядах грядущего.

За годы обучения в Казани университетские воспитанники проникались ощущением собственного высокого предназначения. Они чувствовали себя носителями «широкой терпимости, правды и прогресса»¹⁸. Эта приобщенность к великим ценностям цивилизации, «посвященность» в тайную логику мироздания были идеями-эмблемами, которые сближали членов университетского сообщества и заставляли их поддерживать многолетние связи, помогать друг другу. Из одного текста памяти в другой кочуют имена-эмблемы — фамилии людей Казанского университета, вошедших в сокровищницу мировой или хотя бы российской науки (Н. И. Лобачевский, И. М. Симонов, М. А. Бутлеров, К. К. Клаус, В. В. Марковников, В. И. Григорович и др.).

Но, вероятно, в силу тех же причин, университетская память молчалива или скупа на описания служащих — людей не значимых с точки зрения науки, прогресса, просвещения. Их история сведена до уровня сносок или заметок на полях Большого нарратива исто-

¹⁵ Смоленский С. В. Из воспоминаний... С. 252-253.

¹⁶ П. Т. Что такое университет? (Письмо из Елабуги) // Волжский вестник. 1887, 20 ноября (№ 303).

¹⁷ Михайлов И. И. Казанская старина... С. 400.

¹⁸ Смоленский С. В. Из воспоминаний... С. 272.

рии университетской корпорации. Характерно, что в текстах памяти Казанского университета упомянуты лишь те служащие, чья судьба подтверждала цивилизационную миссию университета. Особенно наглядно это демонстрировали судьбы служащих из татар и женщин, т. е., по умолчанию, людей, якобы, «ограниченных интеллектуальных возможностей». Согласно мемуарным рассказам, их жизнь оказывается расщеплена надвое университетом — местом их перерождения.

Так, принятый в 1870-е гг. служителем анатомического театра Хасан (Гайнул Гибад Хассанов) проработал в нем более сорока лет. «У кого из старых студентов и врачей не запечатлелась эта типичная фигура в национальном костюме?» — вопрошал у коллег профессор М. М. Гран. Хассанов не только овладел анатомией сам (т. е., согласно «цивилизационному мифу», приобщился к источнику знания), но и написал первый на татарском языке анатомический учебник (т. е. и сам стал «миссионером») ¹⁹. С нежностью покровителей мемуаристы рассказывали о том, что вверяли своим младшим «родственникам» даже собственные жизни. Ведь от добросовестности служащего, например, химического кабинета зависел не только порядок и организация учебного процесса. Мемуаристы с благодарностью и гордостью упоминали имена служащих физиологической лаборатории Латыфа (Латыф Курмычев) и физического кабинета — Файзуллы. Ни тот, ни другой не имели систематического образования, но об их мастерстве знали даже европейские академики. Латыф помнил названия всех костей человеческого скелета и «не только проводил все опыты на лекциях и практических занятиях со студентами, но был талантливым конструктором всевозможных препаратов» ²⁰, а Файзулла прекрасно разбирался в механических и электрических машинах ²¹.

Этот покровительственный тон «белого человека» проявляет себя в уменьшительно-ласкательной форме имен или кличек, дававшихся служащим. Бывшие студенты вспоминали, что в 1830-е годы окончание лекций в университете оповещал долгожданный

¹⁹ Очерки по нормальной анатомии человека вместе с понятием о некоторых наиболее частых заболеваниях (на тат. яз.). Казань, 1909.

²⁰ Гран М. М. Служители — «научные сотрудники» Казанского университета // Казанский медицинский журнал. 1930. № 5-6 (май-июнь). С. 522.

²¹ Смоленский С. В. Из воспоминаний... С. 271; С. Г. [Глинка] Отрывки из воспоминаний (1874–1877) // Там же. С. 281.

звонок Валиды Назирова. Обыгрывая его обязанности, студенты прозвали служителя «Валидка-Сатурн». Мемуаристы шутливым тоном писали о его восприятии университета как храма наук. Несмотря на горячие просьбы воспитанников, он никогда не соглашался «дать звонок» раньше времени и тем самым прервать просветительское священнодействие²².

В конце XIX столетия среди университетских служителей и лаборантов появились женщины. Первая девушка-ассистент была принята на службу в анатомический театр в 1870 г. Это была ученица акушерских курсов Евгения Степановна Мужскова. Примечательно, что в делопроизводственной документации необходимость ее привлечения на службу обосновывалась утилитарными нуждами, порожденными непрестижной, тяжелой и низкооплачиваемой работой²³. Между тем, в памяти мемуаристов, а затем и в официальном университетском нарративе женщина играет роль некоего колониального субъекта, по отношению к которому являет себя внутренняя терпимость и просвещенный либерализм университетских мужчин. Примечательно, что в женской памяти Евгения Мужскова явление скорее негативное, чем позитивное. Вспоминая ассистентку профессора анатомии, В. Н. Фигнер отмечала, что это была «высокая девушка, худая и смуглая, с некрасивым мужеподобным лицом», и указывала на удивительное соответствие ее внешности и фамилии²⁴.

Мемуары бывших воспитанников Казанского императорского университета сыграли в его жизни не только роль «консервов» университетской памяти. В политическое лихолетье 1930-х публикацией воспоминаний «к 125-летию», рассказывавших о революционном прошлом императорского университета, выпускники спасали *alma mater* от ликвидации. И это с признательностью воспринималось их учителями и коллегами.

Приступив к изучению университетской культуры, мы встретились с явлением «источниковой асимметрии» темы. «Советская история» оказалась довольно скудна на письменные свидетельства, но богата материальными «следами» (вещи, архитектура, памятники, фильмы, фотографии, картины и пр.) Напротив, «императорская

²² Мамаев Н. И. Из воспоминаний // Былое из университетской жизни. СПб., 1904. С. 44.

²³ НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5500. Л. 1.

²⁴ Фигнер В. Н. Запечатленный труд // Избранные произведения. Т. 1. М., 1933. С. 64.

эпоха» зафиксирована в огромном количестве текстов, но время неминуемо быстро уничтожает ее вещественные следы. Это обстоятельство не могло не отразиться на содержании нашего текста, его источниковом обосновании и иллюстративном оформлении.

Судьба хранит архив Казанского императорского университета. Сегодня он является одним из богатейших в стране. Фонды профессорского совета, правления, четырех факультетов, строительного и училищного комитетов, попечителя, его канцелярии содержат в общей сложности около 17 тыс. дел. Все они лежат в Национальном архиве Республики Татарстан (Казань). Кроме того, документы по истории Казанского университета отложились в фонде Казанского учебного округа в составе архива министерства народного просвещения (Российский государственный исторический архив, Петербург). Это более 3 тыс. архивных дел, объём которых колеблется от одного листа до тысячи листов рукописного текста. И ещё: богатую рукописную коллекцию документов по истории Казанского императорского университета имеет Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета (более 1.5 тыс. единиц хранения).

Если добавить к этому сборники опубликованных документов законодательного характера, изданные воспоминания, созданные за последние сто лет исследования историко-биографического, историографического и конкретно-исторического жанров²⁵, то станет ясно, что исследователь «дореволюционного» университета сталкивается с трудностью освоения колоссального источникового наследия.

Кстати, именно это обстоятельство обрекло на провал первую попытку написания юбилейной истории Казанского университета, предпринятую в начале XX века. Ее автор Н. П. Загоскин пошел по пути фронтального изучения документов университетского архива и их литературного пересказа. В итоге его четырехтомная «История» сумела охватить лишь первые двадцать пять лет существования университета. Этот опыт заставил нас искать более адекватные методы обработки массовой документации. Самым сложным было отобрать из огромной массы однотипных документов, например,

²⁵ Большинство этих работ, вышедших до 1969 года, отражены в библиографическом указателе «Высшее образование и наука в Татарии» (Казань, 1971). Карточный указатель литературы о Казанском университете сегодня насчитывает более 1.5 тыс. наименований. К юбилею планируется создать его электронную версию и разместить в Интернете.

протоколов заседаний совета, так называемые «образцовые» тексты — яркие и, в то же время, характерные «следы прошлого».

Иные заботы и проблемы возникли при создании истории культуры советского университета. При всей кажущейся многочисленности и многообразии документов, на поверку оказалось, что в большинстве своем они представлены источниками официального происхождения (законодательными документами, позволяющими воссоздать процесс конструирования советской высшей школы «сверху»; материалами делопроизводства и статистики, отражающими реальное воплощение этого конструкта на местах; советской периодикой, носящей во многом установочно-директивный и демонстративно-показательный характер и т. д.) Однако сфера университетской культуры достаточно самостоятельна, здесь действуют собственные законы, вырабатываются собственные практики, которые насыщают властные решения опытами собственно университетской жизни, подчас изменяют эти решения до неузнаваемости. Поэтому, когда речь идет о формировании и бытовании университетской культуры «снизу», о восприятии ее «изнутри», на первое место выступают, безусловно, источники личного происхождения.

В архивах отложилось немало служебных автоисточников, созданных университетскими людьми, характерных для советского делопроизводства в целом: заявления, личные листки по учету кадров, служебные автобиографии, объяснительные записки и др. Помимо них, неплохо сохранились и материалы личного происхождения, присущие собственно университетской «трудовой» повседневности — рукописи научных трудов, лекций и лекционных курсов, подготовительные материалы к ним (выписки, конспекты, планы, наброски и пр.), научная переписка. Однако, при всей значимости этих документов, они, в соответствии с логикой жанра, обычно отстранены, формализованы, и большинство из них лишено даже намеков на индивидуально-чувственное восприятие окружающей действительности и ее «неформальных» сторон. Между тем, без изучения этих сюжетов «портрет» советской университетской культуры был бы явно неполным. Поэтому особое значение в данном случае приобретают нарративные эго-документы университетских людей.

В нашей работе нам сопутствовало везенье. Например, от сотрудников Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского КГУ мы узнали об инициативе В. И. Аристова, С. В. Писаревой и В. И. Шишкина по сбору мемуарных свидетельств воспитанников университета

1910-х — начала 1960-х гг., реализованной в начале 1980-х годов. Опубликовать собранные мемуары в то время не удалось, и они лежали в Отделе рукописей и редких книг (ОРРК) в особой коробке, ожидая своего часа. Это 60 машинописных текстов разного объема. Мемуары, созданные студентами и преподавателями Казанского университета (мужчинами и женщинами, людьми разного возраста, представителями различных национальностей, социальных слоев и регионов страны) отразили специфику воспоминаний советского интеллигента, специфику организации памяти советского университета, особенности текстов об *alma mater*.

«Истории» большинства мемуаристов начинаются с момента их прихода в КГУ на учебу (работу) и, таким образом, как бы делят жизнь автора на три эпохи: до, после и в бытность. Благодаря этому выстраивается прогрессивно-хронологическая модель собственной жизни. Некоторые мемуаристы, например, М. Варга, сознательно подчеркивали движение судьбы в «социальный верх» в названии рукописи («Мое восхождение на Красную позицию» — метафора, обыгрывавшая название улицы, на которой находится студенческое общежитие). Все мемуаристы подчеркивали значимость университетских лет для собственного становления как профессионала и как личности, для духовного роста и возмужания. Весьма показательно озаглавил свои мемуары контр-адмирал в отставке М. Бочкарев, который до начала военно-морской карьеры проучился некоторое время в КГУ — «Что мне дал университет».

Примечательно, что весьма значительное число мемуаров посвящены личностям Учителей — выдающихся ученых, и их роли в жизни и профессиональном формировании мемуариста. При этом ощутимо превалируют оценки не столько профессиональных качеств Учителя (об этих качествах свидетельствует сам подбор героев мемуарных зарисовок), сколько его педагогических достоинств, качеств Личности, осуществляющей трансляцию духа российской высшей школы.

Обнаруженные в ОРРК мемуары были нашей огромной удачей. Мы надеялись найти подобные тексты, созданные университетскими людьми во второй половине XX столетия. Но надежды не оправдались, и эти источники нам пришлось инициировать и писать самим.

Нами были разработаны две анкеты: одна — для бывших студентов, другая — для бывших и нынешних преподавателей Казан-

ского университета. Каждая из них содержала свыше 60-ти вопросов. Проводили анкетирование студенты второго-четвертого курсов исторического факультета. В результате мы получили свыше 250-ти анкет. В круг опрашиваемых вошли и бывшие члены университетского руководства, и рядовые преподаватели, и студенты — представители всех факультетов. Мы нацеливали наших помощников на выявление аспектов повседневной жизни университетской корпорации и отношений внутри неё. Вопросы анкеты были выверены, унифицированы, а, главное, мы стремились, чтобы они были корректны и однозначно поняты. Разумеется, факты, полученные из интервью, нуждались в проверке, поэтому после их систематизации началась работа по уточнению и верификации сведений, в том числе (и в первую очередь) — с использованием документальных материалов.

Полученные анкеты были далеко не равнозначны. Некоторые из них были объемом до 30-40 страниц плотного текста и представляли собой развернутые повествования о бытовании и существовании человека в Университете и Университета в человеке — в его памяти, ощущениях, эмоциях, поведении. Другие были предельно лаконичны и подчас ограничивались простыми ответами «да» или «нет». Однако и те, и другие зафиксировали чувства, мысли, впечатления, настроения людей, их отношение к происшедшим событиям — всё то, что приближает историю к жизни, да фактически и делает её таковой. Поскольку, по образному выражению одного из отвечающих, «эти вопросы порой заставляли выворачивать душу наизнанку», многие участники анкетирования искренне и откровенно рассказали обо всём, что помнили.

Мы учитывали, что большинство анализируемых нами источников личного происхождения носят так называемый «провоцированный», «продуцированный» характер, т. е. написаны не по собственной инициативе мемуаристов и интервьюируемых, а по настоянию или просьбе исследователей-профессионалов. Поэтому изначально в них была заложена некая матрица памяти. Впоследствии она обнаруживала себя в зависимости от разновидности источника с разной степенью интенсивности: в меньшей степени — в мемуарах, в большей степени — в анкетах. Она выдавала своё присутствие не только в формуляре документов, но и в их содержании и, более того, — даже в оценках и суждениях авторов источников.

Вместе с тем, привлеченные нами нарративные источники носили глубоко личный, индивидуальный характер, что сказалось на степени достоверности и полноты текста. Хорошо известно, что люди склоны к разной степени самораскрытия, и уровень биографической саморепрезентации у них может существенным образом отличаться. «Закрытость» наших текстов памяти порождена не только идейными ограничениями, но, к сожалению, спровоцирована использованным нами способом анкетирования — так называемым «корреспондентским» способом. Первоначально предполагалось, что опрос будет осуществляться по типу «свободного рассказа» респондентов, а вопросник будет его лишь направлять. Однако студенты, проводившие опрос, пошли по линии «наименьшего сопротивления» — раздали готовые анкеты, а опрашиваемые их заполнили. Поэтому априорно «память» таких текстов не могла быть полной. В частности, мы получили довольно исчерпывающий пласт памяти о фактах и весьма скудный пласт памяти об эмоциях.

В ряде случаев мы столкнулись с фактами фальсификации явлений и событий, обусловленными не только феноменом забывания, но и сознательной конъюнктурой, иногда — политической (например, содержащийся в одной из анкет рассказ о бытовой драке студентов был представлен в другой анкете как «сказание» о борьбе за национальную идею). При этом верификация сведений представляла для нас сложную проблему, ибо сопоставить полученные данные было не с чем. Особенно это характерно для сведений по истории повседневности и культуре отношений. Очевидно, данная информация попадала под категорию «катакомбной», т.е. не востребованной и не отраженной в других текстах памяти.

Довольно часто информантами были члены семьи интервьюированных — родители, бабушки, дедушки, старшие сестры и братья, дяди и тети, и те рассказывали о воспоминаниях, услышанных еще от своих родителей. Такие анкеты превращались в образцы «семейной» памяти, что делало работу особенно интересной.

Собранные ответы образовали уникальный комплекс свидетельств, который, несмотря на заданную стилистику вопросника, отличается разнообразием жанров воспроизводства личной памяти. Сейчас все анкеты и записанные воспоминания переданы нами на хранение в Отдел рукописей и редких книг НБЛ КГУ.

Читая труды историков университета, наших предшественников, мы видели, что раньше его история казалась простой и понятной. Она выстраивалась как поступательная борьба прогресса с косностью и невежеством. Между тем, результаты наших опросов породили у нас тревогу. Стал очевидным контраст между тем, как прошлое виделось раньше, и каким оно воспринимается сейчас. Стало видно, что раньше история и память дополняли друг друга, а теперь они находятся в явном конфликте. Например, люди по-разному оценивали состояние современного им университета — от восторженного восхищения до горестных сетований и желчной критики. Изучая ответы анкетированных, их биографические данные, мы пришли к заключению, что восприятие и запоминание зависит не столько от административного положения, сколько от неформального статуса человека в корпорации, а также от состояния факультета, на котором он учился или служил. А университет никогда не развивался равномерно. Так, в 1840-е годы юридический факультет был в упадке, а историко-филологический — на подъёме. С приходом на юридический факультет ярких молодых лекторов, с одной стороны, и с переводом восточного разряда в Петербург, с отъездом из Казани талантливых историков и лингвистов — с другой, ситуация изменилась на противоположную. И это отразилось на содержании, тоне и эмоциональной окраске сохранившихся свидетельств.

Мы столкнулись с тем, что люди, находившиеся вне университета, судили о нём по уровню специалистов в своей области, иногда даже по заслугам одного учёного. Мы видели, что научный уровень своих наставников студенты оценивают по их личной привлекательности и по увлекательности лекций. И, наконец, анализ собранных нами устных источников убедил в том, что суждения университетских людей напрямую зависят от качества их жизни. Люди, обласканные советской властью, и поныне склонны считать коммунистические порядки в управлении университетом самыми лучшими; преподаватели и студенты, прошедшие через тяготы распределительной системы, пострадавшие во время репрессий, вспоминают о той же поре с горечью. Оценки прошлого даются в связи с тем образом жизни, которому отдается предпочтение. Коллективная память являет собой не механическое «сложение» совокупности фрагментов таких персональных историй, ощущений и

оценок: переплетаясь, разнородные групповые и индивидуальные «памяти» творят ее как причудливый сплав.

И, наконец, из анкет стало ясно, что нынешний преподаватель или студент — это не только физический, но и ментальный житель университетского городка. Он мыслит себя членом университетской корпорации, даже если не числится её штатным сотрудником, даже если физически живёт в другом пространстве (например, в иногородних филиалах университета). Его умение читать знаки университетской истории, интерпретировать ее зависят от приобретенных о ней знаний: люди видят то, что знают. Отсюда — нередко почти дословное сходство ответов на вопросы нашей анкеты.

Итак, в результате поисковой работы в архивах и библиотеках страны, в результате напряжения памяти наших коллег и помощи наших учеников, привлечения собственных воспоминаний мы получили богатый и разнообразный комплекс источников, позволяющий ответить на поставленные исследовательские вопросы. Следующей проблемой было найти соответствующие методы его аналитической обработки. А многие аспекты нашей работы выходили на темы, все ещё слабо разработанные в науке (например, на проблемы формирования советской и «гибридных» идентичностей, феномен престижного потребления, интеракции в учебном процессе и т. д.). Мы обладали документами, которые зафиксировали рутину каждодневной жизни, а также ее «взрывы» конфликтами и праздниками. Из их прочтения мы делали реконструкцию текущей жизни с ее повседневными заботами и ритмом. Однако этого было явно недостаточно, чтобы говорить о культуре.

Носителями культуры и хранителями памяти были люди. Наше исследование механизмов саморегулирования корпорации убедило нас в том, что университет как сообщество — это пространство практик, а не реальных сущностей. Он не закрытый и доминантный мир, и, следовательно, о нём можно говорить лишь как о наррации правил. К тому же университетское пространство характеризуется неровным распространением этих правил. Так было всегда, но сегодня это становится особенно явственно. Современный университет представляет собой сумму культурных локальностей, и они дают неомогенную память.

Заданные нормативными документами учебный процесс, исследовательская работа, административная деятельность сами по себе не способны раскрыть характера университетских отношений. Они образуют лишь пространство их существования. Границы дозволенного и критерии оценок друг друга, корпоративную идентичность вскрывают конфликтные ситуации. Именно в такие моменты университетские люди проговаривались и отстаивали базисные для себя принципы социальных связей. В условиях университетской демократии конфликт был и является естественной реакцией на накопление противоречий развития. И университетские ритуалы были тем средством, которые позволяли и позволяют либо восстановить близкую к расколу социальную структуру, либо достичь умиротворения, узаконив раскол. Такой ракурс прочтения мемуарных и делопроизводственных текстов позволил нам описать культуру повседневности, межличностных и властных отношений в университете.

Мы рассматривали университетскую символику как средство сохранения идентичностей и как «точки памяти». В ней ярко воплотилась неоднородность Большого стиля, наличие в нем отложений различных эпох, продукции разнонаправленных культурных трендов и фрагментов культурных эталонов, заимствованных у иных социальных институтов. Изучение символики позволяет всё это увидеть.

Университетская культура являет себя «внутреннему» и «внешнему» миру в мифах²⁶, не только находящих воплощение в формах устного фольклора (легенды, байки, анекдоты и пр.), но и усвоенных профессиональной историографией и кочующих со страниц одной книги в другую, упорядочивая корпоративную память и придавая ей элементы занимательности. Университетские люди передавали эти мифы из поколения в поколение, пропуская их через фильтр приобретенных знаний о последующих событиях. Настоящее накладывалось на прошлое, изменяя его лицо. Университетский миф нередко персонализировался, воплощался в образах

²⁶ В современной гуманитарной литературе существует множество толкований термина «миф». С середины 1980-х годов многие зарубежные, а затем — и российские историки и представители иных гуманитарных дисциплин активно используют этот термин как синоним понятия «нарратив» и «метанарратив», а также при характеристике отдельных частей этого нарратива. В этом же значении используем его и мы.

реальных людей, которые с течением времени переставали соотноситься с реальностью, становились символами времени, культуры, прогресса. Они как бы концентрировали в себе корпоративное прошлое, а также то, которое воплощалось и сохранялось в их индивидуальных судьбах.

Объектом мифологизации в университетских мемуарах служит фигура Ректора. Стоя на вершине корпоративной иерархии, на фронтире, отделявшем / соединявшем университетариев и «внешний мир», представляя университет перед лицом высшей политической власти, и наоборот — высшую власть перед лицом университетского сообщества, он как нельзя лучше соответствовал задаче мифологизированной передачи социальной миссии университета. Будучи не только администратором, но и ученым, Ректор прекрасно вписывался в распространенную матрицу мифа об «Отце-Основателе» (в данном случае научной школы или направления) или о «Человеке Духа». Так, вспоминая о ректоре Н. И. Лобачевском, бывший студент Н. Ф. Ворожцов признавался, что

«...все студенты без исключения его уважали, а студенты-математики просто благоговели перед ним. Все анекдоты, касающиеся его личности, говорили о нем как о человеке мысли. Рассказывали, например, что, увлеченный каким-нибудь математическим вопросом, он забывал всё окружающее, и в этом состоянии, если, ходя по комнате, встречал стену, то останавливался перед нею и целые часы мог простоять неподвижно, опершись в нее лбом»²⁷.

Другие собеседники уверяли, что видели его в таком состоянии на балу Дворянского собрания. Маргинальность любимого наставника, его отличие от обывателей нравились воспитанникам.

Н. И. Лобачевский и сейчас живет в университетской памяти в качестве идеального ректора. С его именем связывается подъем Казанского университета: открытие восточного и камерального разрядов, первые научные открытия мирового масштаба (неэвклидова геометрия и химический элемент «рутений»), значительное увеличе-

²⁷ Пономарев П. А. К биографии Н. И. Лобачевского (по неизданному письму и записям со слов современников // Известия физико-математического общества при Императорском Казанском университете. Сер. 2. Т. XVII. Казань, 1913. С. 3.

ние числа студентов и строительство новых университетских корпусов. За более чем столетие канонический образ Лобачевского превратился в мерило талантливого и успешного руководства университетом. Этим мерилom казанские профессора определяли всех последующих ректоров. И в процессе сопоставления, в критике действующего лица осовременивался, обновлялся сам идеал²⁸. Бывшие воспитанники критиковали всех преемников любимого ректора. В этой связи особенно «досталось» И. М. Симонову. Мемуаристы ставили ему в упрек и предательство Лобачевского, и отсутствие патернализма в отношении студентов и коллег²⁹.

Отдельные элементы коммеморативного нарратива о Лобачевском демонстрируют механизмы оформления мифа, его трансляции из устного предания в мемуарный тезаурус, а через него — закрепления в исторической и литературной традиции. «В университете сохранился не раз слышанный мною рассказ об одной шалости Лобачевского во время его студенчества, — вспоминал воспитанник Казанского университета П. П. Перцов. — Однажды в веселой компании Николай Иванович держал пари с одним товарищем, что перепрыгнет через ректора университета Никольского, профессора как раз математики. И вот, выбрав момент, когда Никольский, довольно тучный человек, окончив свою лекцию, медленно спускался по лестнице в нижний этаж университета, Лобачевский бежит сверху, упирается обеими руками в плечи Никольского и перепрыгивает через его голову. Никольский ничего еще не мог сообразить,

²⁸ Формулируя желаемые для университетских людей конца XIX века черты руководителя университета, Э.П. Янишевский писал: «Вполне преданный университету, безукоризненной честности убеждений, неутомимый в деятельности, энергичный, но беспристрастный и всегда уважавший мнения других, действовавший на членов совета только силою убеждения и вследствие этого всеми уважаемый — таков был Лобачевский ректором университета». — См.: *Янишевский Э. П.* Из воспоминаний старого студента. Казань, 1893.

²⁹ «Ректора никто не боялся... — признавался П. Боборыкин. — От всего этого начальства не исходило на нас никого обаяния. Это было нечто вроде наших гимназических властей, только повыше рангом. Отношение в студенчестве ко всем этим лицам было насмешливое, вовсе не почтительное, разумеется, про себя». — См.: *Боборыкин П.* За полвека. М., 2002. С. 59-60.

как перепрыгнувший уже убежал»³⁰. Затем якобы было разбирательство на университетском совете. В защиту дерзкого студента выступил сам ректор Никольский, заявивший, что студента с такими способностями в математике исключать нельзя.

Миф этот — далекий от реальности, почти сказочный. Трудно предположить такую дерзость в университете тех лет. К тому же во времена студенчества Лобачевского Г. Б. Никольский не был ректором. Да и вообще, тогда и должности ректора в Казани еще не существовало. Кроме того, в архивном фонде университета нет дел с разбирательством подобного проступка. Скорее всего, это легенда, рожденная в студенческой среде, желавшей сделать любимого профессора «своим» героем. В ней важна не событийная канва, а финал, так называемая «мораль». В данной истории зафиксировался утвердившийся к тому времени университетский принцип оценки личности: талант искупает любые формы поведения. Такие критерии отбора «своего» человека отличали университет от любого иного присутственного места, а университетских людей — от чиновников.

Примечательно, что просветительская, по своей сути, апология гениальности оказалась созвучна способам мышления и оценкам российской интеллигенции периода «оттепели» 1960-х годов. На ее волне и родилась поэма Е. Евтушенко «Казанский университет». В главе «Лобачевский» поэт метафорически обыграл прыжок Лобачевского. С прыжка начинается духовная жизнь великого математика:

Что за юнец с локтями драными,
буян с дырявыми карманами,
главарь в студенческой орде,
так заговорщицки подмигивает
и вдруг с разбега перепрыгивает
профессора, как в чехарде?

И прыжком, призывом к прыжку заканчивается его жизнь:

Еще зеркало не занавесили,
но лежит, барельефно суров,
тот старик, что мальчишкой на лестнице
перепрыгивал профессоров.
Есть у всех умирающих прихоти,

³⁰ Из воспоминаний П. П. Перцова / Материалы для биографии Н. И. Лобачевского. М.-Л., 1948. С. 625.

и он шепчет, попя отстраня:
«Перепрыгивайте, перепрыгивайте,
перепрыгивайте меня...»³¹.

Отдельные элементы «ректорского мифа» отрабатывались университетской памятью и на личностях других ректоров, в том числе советского времени — К. П. Ситникова, М. Т. Нужина. При этом явно играл роль фактор «долгого правления» (Лобачевский — 19 лет, Ситников — 14 лет, Нужин — 25 лет). Очевидно, мифологизация предполагала не только создание отдельных баек, легенд, анекдотов и бытование их в течение жизни одного поколения, но и запуск механизма передачи их другим поколениям.

В этом же ряду стоит миф, носящий явно политический характер и сотворенный уже силами профессиональных советских историков — сказание о студенческой сходке 1887 года, в которой принял участие первокурсник юридического факультета Володя Ульянов. Он разворачивался, как сюжет инициации революционера. В Казанском университете культ В. И. Ленина приобрел особый размах, поскольку здесь он был признан «своим» и рассматривался как университетское достояние. «Присвоение» вождя повышало оценку и самооценку университета. Как выразился при опросе один из бывших студентов КГУ, «в университете всегда витал дух Ленина».

Подготовка к созданию культа вождя началась в Казанском университете еще на рубеже 1910–1920-х годов. В декабре 1922 года студенты писали Ленину:

«Мы гордимся Вами, старым студентом нашего университета. Ваша деятельность и проповедь идеи социального переустройства мира глубоко запала в наши души. Мы надеемся, что в будущей нашей деятельности мы сумеем превратить слова в дело»³².

Тотальный же характер это явление приобрело в связи со смертью Ульянова. Она оказалась «очень своевременной» и эффективной для воспитания студенчества в советском духе. Уход вождя породил желание подражать его жизни, воплощать его идеалы. В этой связи естественным стало стремление Казанского университета обрести имя Ленина.

³¹ *Евтушенко Е.* Казанский университет. Казань, 1971. С. 14, 20.

³² Цит. по: Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина. С. 19.

29 января 1925 года ВЦИК Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов удовлетворил ходатайство «о присвоении Казанскому университету имени В. И. Ульянова-Ленина» и направил его на утверждение в ЦИК СССР³³. С 26 июня 1925 года университет на законных юридических основаниях стал носить имя В. И. Ульянова-Ленина — не просто Ленина, а молодого Володи Ульянова, начавшего здесь свой «путь в революцию».

«Университет запомнил Ленина молодым, — писал впоследствии Р. Кутуй, — таким, каким он стоит сегодня в бронзе перед строгим лицом *alma mater*. Таким университет проводил его в революцию, и таким он остался здесь навсегда»³⁴.

Восхищение кумиром приумножали издаваемые большими тиражами биографии Ильича, неизменно включавшие «казанский период», созданные о нем поэтические строки. Гиперболизация трагических подробностей университетской жизни вождя, условность решения биографической темы, революционная стилизация, высокий эмоциональный накал — вот наиболее характерные черты «ленинского мифа».

В январе 1927 года в актовом зале Казанского университета В. Маяковский читал студентам отрывки из поэмы «Владимир Ильич Ленин», а через год в том же зале звучали знаменитые строки пролетарского поэта, навеянные его прошлогодним пребыванием в стенах столь признаваемого в советской стране вуза:

Университет — горделивость Казани,
и стены его и донныне
хранят любовнейшее воспоминание
о великом своем гражданине³⁵.

Со временем образ молодого Ленина приобретал все более схематические черты сакрального знака. Советское общество получило эталон, Ленин — бессмертие, а студенты Казанского университета — высокий титул правопреемников. Политическое наследство вверялось юношам и девушкам, переступившим порог Казанского университета. Обращаясь к ним, Е. Евтушенко взывал:

³³ ОРРК НБЛ. Д. 4912. Л. 1.

³⁴ Кутуй Р. Вступительная статья// Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. М., 1980. С. 15.

³⁵ Маяковский В. По городам Союза.

Семнадцатилетняя зрелость
Завещана Лениным вам.
И выбрав свой путь на распутье,
Ступая в завещанный след,
Семнадцатилетние, будьте,
Как Ленин семнадцати лет!³⁶

Особое отношение к Ленину потребовало специального публичного пространства для «общения» с ним. В 1940 г. на одном из заседаний парткома КГУ был поставлен вопрос о создании мемориальной ленинской аудитории, а уже в 1948 г. она открылась для посещений. Первоначально выставленные в ней экспонаты освещали весь поволжский период жизни Ильича, но в 1960 г., к 90-летию Ленина, была осуществлена реэкспозиция, в соответствии с которой музей стал «специализироваться на сходке». Музей привлекал внимание многочисленных гостей города, а сам университет стал осознаваться как «ленинский», а значит «особый», «заповедный». Воспользовавшись этим ощущением современников, партком и ректорат добились разрешения и финансирования реставрационных работ по созданию Ленинской мемориальной зоны.

Ее открытие состоялось 17 апреля 1970 года, в преддверии очередного юбилея вождя. Чугунные ступени лестницы вели посетителя в редакторский и актовый залы, в конференц-зал, и через него в аудиторию № 7, где в мельчайших подробностях воссоздан интерьер учебного класса 1880-х годов. Эта зона и поныне уникальна. Ее реставрации предшествовала кропотливая научно-исследовательская работа по изучению академической повседневности и университетского пространства. Ею руководил профессор Г.Н. Вульфсон. В благодарность за проделанный труд университетский коллектив начертал его имя на мемориальной доске, установленной у входа в комплекс. В аудитории № 7 собраны подлинные предметы учебного обихода конца XIX столетия, воссоздано естественное освещение, установлена антикварная мебель, восстановлены печные аксессуары. То, что не удалось восстановить, изготавливали заново. По обнаруженным фрагментам были отпечатаны обои на машине образца 1894 года. Как в былые времена, паркет натирали натуральным воском.

³⁶ *Евтушенко Е.* Казанский университет.

Электрические лампы (газовые рожки не разрешили установить по соображениям пожарной безопасности) точно имитируют тусклый газовый свет³⁷. Долгое время Ленинский мемориал являлся сакральной зоной: здесь проходили вступительные лекции к курсу истории КПСС, здесь вручали комсомольские билеты, здесь проводились встречи с ветеранами революции, здесь принимали в пионеры отличившихся в учебе и общественно-полезном труде школьников.

Университетский человек Казани постоянно находился в культурно-семантическом «ленинском» поле. У памятника Володе Ульянову начиналась студенческая жизнь казанских воспитанников. 1 сентября в историческом актовом зале ректор рассказывал первокурсникам о славных «ленинских» традициях *alma mater*. 16 декабря каждый год проходила инсценировка сходки 1887 года. К 22 апреля приурочивалась Ленинская неделя, включавшая в себя Ленинские уроки, итоговую общественно-политическую аттестацию и Ленинский зачет. Студенты и преподаватели участвовали в Ленинском коммунистическом субботнике, а в мае в Ленинской легкоатлетической эстафете. Лучшие учащиеся (не все, а только активно занимающиеся общественной работой) удостоивались Ленинской стипендии. Даже университетская многотиражка носила имя Ленина («Ленинец»). Оно же входило и в названия многочисленных факультетских стенгазет (например, стенгазета историко-филологического факультета называлась «Ленинское знамя»).

Имя Ленина или его визуальный образ воспроизводились на мемориальных досках, в скульптуре, портретах, барельефах и панно, на университетском фронтоне. Вождь зримо присутствовал на юбилейных значках и медалях, на папках и планшетах, смотрел с обложек блокнотов, с открыток и конвертов. Его профиль или профиль его скульптурного изображения покоился на программах конференций и концертов. Даже местная кафедра истории КПСС в значительной степени была ориентирована на изучение жизни Ленина и его наследия.

Зная о символической сращенности Казанского университета и Ленина, нас интересовал вопрос о том, насколько эта связка куль-

³⁷ Здесь каждый камень Ленина знает (интервью с Г. Н. Вульфсоном) // Комсомолец Татарии. 1977. 20 декабря.

турно и психологически значима для университетской корпорации. Или это была лишь дань времени, рациональная эксплуатация политического манекена, игра с властью? Результаты проведенных опросов показали, что для многих воспитанников университета и его преподавателей эта связь имела сущностный характер, во всяком случае, так было в советское время: «Университет вызывал очень трепетное чувство и гордость, что там учился В. И. Ленин»; «я очень гордилась тем, что учусь в старейшем вузе страны, тем более, что в нем учился Ленин»; «самое грандиозное, что здесь учился В.И. Ленин»; «само поступление в университет было для меня гордостью. Я гордилась тем, что могла учиться там, где учился великий Ленин», «университетский городок казался каким-то святым местом, где учатся необыкновенные люди, где учился и начал революционную деятельность человек, который был богом и путеводной звездой для всего человечества», «это была мечта — хотя бы зайти туда; было ленинское время, у каждого школьника была мечта — попасть туда», «университет воспринимали, как чудо света, т.к. тут учился Ленин, особенно после празднования его столетия».

«Ленинский» миф оказался одним из самых устойчивых и судьбоносных в советский период жизни университета. И, понимая его спасительную роль, корпорация сохранила все памятные и символические места этой эпохи, не отреклась от своего советского прошлого.

Помимо исследовательских проблем перед нами стояла задача поиска адекватного нашему замыслу стиля изложения результатов исследования. Текст юбилейной истории мы писали как реконструкцию и объяснение. Это не пересказ суммы документов. Цитаты из источников в данном повествовании приводятся, главным образом, для того, чтобы читатель услышал живой голос прошлого или увидел типичный образец того вида источников, анализ которых позволил нам сделать те или иные выводы. Сами темы диктовали нам разную стилистику изложения материала. Поэтому раздел, посвященный качеству жизни, выстроен как рассказ о материальных возможностях и духовных потребностях университетских людей, а раздел о мифах и культуре межличностных отношений как деконструкция мнемических и литературных тропов.

Наш текст возник в «смутное время». Нынешнее поколение казанских университетариев живёт в период стремительных перемен в мире и в нашей стране. И это обстоятельство сильно сказывается на мире университета. Многое из того, что некогда было частью общих воспоминаний, вызывало общие ассоциации, поддерживало профессиональные традиции, исчезает на наших глазах. Мы стремились их запечатлеть. Вся книга посвящена Университету. В результате наших творческих поисков она повествует о том смысле, который университетские люди вкладывают в это понятие, об их понимании того, что значит — быть университетским человеком, жить и работать в университете, помнить его прошлое. Вместе с тем, наша книга — не альтернатива институциональной истории, она не осмысляется нами как противовес чему бы то ни было. Скорее, она может быть рассмотрена как автономный и параллельный вариант прочтения университетского прошлого.

Метод создания университетской истории, как коллективного диахронного воспоминания, имеет свои положительные и отрицательные стороны. Он позволил нам избежать справочного характера изложения, перейти от описания к объяснению. И в этом смысле дал возможность конструировать новую реальность. Наша симпатия к одним сторонам жизни университетской корпорации и антипатия к другим, несомненно, отложились в тексте и придали ему некий, пусть и скрытый, дидактический оттенок.

Но у данного метода есть и свои ограничения. Мы осознаем, что вряд ли выполнили поручение ректора в полной мере: вряд ли мы смогли рассказать о многих сторонах университетской культуры так, чтобы смысл этого рассказа однозначно разделялся большинством наших коллег. Данная книга — это всё же *наша* версия прошлого, та, что сложилась у нас после прочтения и прослушивания множества текстов памяти.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

И. М. САВЕЛЬЕВА, А. В. ПОЛЕТАЕВ

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА: РАНКЕ, МАРКС, ДРОЙЗЕН*

Становление истории как полноценной науки происходит во второй половине XIX века, одновременно с выделением социальных наук как самостоятельного типа знания, отличного от естествознания. В этот период формируются основные общественно-научные дисциплины — экономика, социология, психология, этнология, которые раньше были, в большей или меньшей степени, растворены в философии общества. Тогда же становится самостоятельной дисциплиной и история. Самоопределение истории в ходе «распада» достаточно единого до той поры знания об обществе, помимо прочего, означало отчетливую специализацию по времени. В последней трети XIX века история в качестве отдельной области научного знания становится знанием о *прошлой* социальной реальности, в то время как другие общественные науки концентрируются преимущественно на анализе *настоящего*.

В это же время история обретает полноценный академический статус и научную организацию: кафедры, факультеты, общества, дипломы. Так, хотя первые самостоятельные кафедры истории были учреждены в Берлинском университете в 1810 г. и в Сорбонне в 1812 г.¹, например, в Англии первые кафедры истории появились

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 06-03-00292а «Классика и классики в социогуманитарном знании: формирование и функции».

¹ Если не считать открытую в 1504 г., но просуществовавшую всего несколько лет, кафедру истории в университете Майнца (*Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. Пер. с фр. М.: Языки славянской культуры, 2002 [1980], с. 42) или основанную У. Кемденом в начале 1620-х годов кафедру истории в Оксфордском университете, которая также перестала существовать после его смерти в 1623 г.

только в 1860-е годы (в Оксфорде в 1866 г. и в Кембридже в 1869 г.). Точно так же, хотя уже в конце XVIII – первой половине XIX века во всех европейских странах издавалось множество исторических периодических изданий (только в Германии в 1790 г. их было 131)², первые *профессиональные* национальные исторические журналы появляются лишь во второй половине XIX века³.

В отличие от многих своих европейских коллег, немецкие историки XIX века уже работали в университетах, что явилось важной предпосылкой ранней сциентизации исторического знания в Германии. Последнее обстоятельство побудило нас обратиться к анализу именно немецкой исторической школы (школ), которая раньше других национальных европейских историографий пришла к «научной» форме репрезентации прошлого. Немецкие историки, работавшие в русле аналитической истории, ставили задачу создания «истинной картины» прошлого, неважно, универсальной или локальной. Они очень серьезно относились к историческому труду и профессии историка, вели бесконечные дебаты о специфике и задачах исторической науки, создали «школу» исторического исследования, оставили после себя огромный массив опубликованных и проанализированных документов и множество исторических сочинений, если не читаемых, то почитаемых до сих пор.

Стремление следовать научной парадигме позволило немецким историческим школам во второй половине XIX века занять лидирующие позиции в историческом знании, вписаться в позитивистскую конструкцию и стать «образцом» западноевропейской историографии, который сознательно выбирали для себя иные национальные школы (русская, американская и др.). А установленные немцами критерии научности, связанные с отношением к источнику, радикально изменили характер исторических исследований, став признаком профессиональной культуры любого ученого-историка. Превращение истории в науку сопровождалось разработкой новых методов и соответствующими рефлексиями.

² *Wittram R. Das Interesse an der Geschichte // «Die Welt als Geschichte», 1952, Bd. XII, H. 1, S. 1.*

³ «Historische Zeitschrift» (1859) в Германии, «Русская старина» (1870) в России, «R vue historique» (1876) во Франции, «Rivista storica italiana» (1884) в Италии, «English Historical Review» (1886) в Англии, «American Historical Review» (1895) в США.

Детерминизм, историзм и позитивизм

Уже предшественники современной научной историографии формулировали важнейшие методологические задачи исторического познания. Главные цели историописания они видели в том, чтобы попытаться дать рациональное объяснение прошлому, установить причинно-следственные связи в последовательности событий, понять мотивы действий исторических личностей, соотнести закономерность и случайность исторических эпизодов, структурировать историческое время. Со времен Ренессанса понятия причинности, следствия, противоречия, случайности, возможности становятся базовыми для исторического анализа. Все они так или иначе связаны с представлением о каузальности.

Хотя, согласно господствующей в современной науке точке зрения, эпоха Просвещения в целом оказалась неблагоприятной для развития исторического метода, именно просветители сформулировали принцип каузальности в характерной для современного исторического сознания манере. В их конструкциях прошлого каузальное объяснение приняло форму детерминизма, который был направлен против фатализма и волюнтаристских концепций, не видевших в истории ничего кроме цепи следствий или хаоса случайностей. Детерминизм в интерпретации просветителей носил абсолютно жесткий характер и практически не оставлял места исторической случайности. «Вечные», «неизменные» законы либо заимствовались из естествознания, либо понимались как «законы разума», «прогресса» или «абсолютного духа». Идея развития, где предсказуема каждая следующая стадия, прилагалась к общественной жизни, мыслям и поступкам людей. Таким образом объяснялось бытие стран, культур и экономик. Вот как писал, например, П. Гольбах:

«Во время страшных судорог, сотрясающих иногда политические общества и часто влекущих за собой гибель какого-нибудь государства, у участников революции — как активных деятелей, так и жертв — нет ни одного действия, ни одного слова, ни одной мысли, ни одного желания, ни одной страсти, которые не были бы необходимыми, не происходили бы так, как они должны происходить, безошибочно не вызывали бы именно тех действий, какие они должны были вызвать сооб-

разно местам, занимаемым участниками данных событий в этом духовном вихре»⁴.

Детерминизм просветителей представлял собой своеобразный способ связи настоящего не только с прошлым, но и с будущим, поскольку сторонники детерминистского подхода исходили из того, что знание законов позволяет познать существующую реальность, предсказать ее эволюцию в будущем и реконструировать генезис.

Детерминистский подход к прошлому унаследовали от просветителей многие историки XIX века, например, во Франции — представители политической школы (Ф. Гизо, Ф. Минье, А. Тьер), которые полагали, что масштабные исторические явления во все века развиваются по одним и тем же законам (хотя и не имеющим столь абсолютный характер, как физические). Но постепенно жесткий детерминизм просветителей, их попытки применить к исследованиям прошлого господствующее в общественном сознании стремление «объяснять все законами» начали встречать противодействие со стороны историков, по крайней мере наиболее талантливых и мыслящих исторически. Даже признавая примат детерминизма, они всегда вводили массу градаций и оговорок и в собственное повествование, и в объяснение своей теоретической позиции. Например, А. де Токвиль, который в своих сочинениях искал ответ на вопрос, почему то или иное историческое событие завершает «дело, которое мало помалу завершилось бы само собой»⁵, полагал, что

«...в любую эпоху одну часть событий, происходящих в этом мире, следует относить к событиям весьма общего характера, а другую их часть объяснять чрезвычайно конкретными, особыми причинами»⁶.

Бесспорным лидером историографии в XIX веке была политическая история. Поэтому представления из области политической теории во многом определили и формы исторического детер-

⁴ Гольбах П. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного [1770] // П. Гольбах. Избр. произв. В 2-х т. Пер. с фр. М.: Соцэкгиз, 1963, т. 1, с. 53-683 (С. 351).

⁵ Токвиль А. де. Старый порядок и революция. Пер. с фр. М.: Московский философский фонд, 1997 [1856], с. 24.

⁶ Он же. Демократия в Америке. Пер. с фр. М.: Прогресс, 1994 [1835-1840], с. 366.

минизма как системы причинно-следственных связей во времени. Два макроявления социальной реальности способствовали этому: становление национального государства и развитие капитализма. Осмысление этих феноменов, в свою очередь, породило потребность в понимании двух центральных проблем тогдашней «современности»: национальной идентичности и социального неравенства. Колоссальное влияние идеологических концепций (марксизм, фабианство, либерализм, консерватизм, национализм) на историю объясняется политической остротой этой проблематики. Но наряду с идеологическими концепциями (и под их влиянием) развивался и научно-исторический анализ социально-политических проблем. Его обеспечивали различные теории государства и права, этногенеза, развития феодализма и капитализма, классовой борьбы.

Дальнейшее распространение причинно-следственного анализа на временные последовательности явилось результатом применения к истории генетического метода, который в социально-гуманитарной сфере принял форму «историзма». В некоторых случаях историзм использовался в качестве эволюционистского варианта детерминизма, позволявшего обобщать историю и культуру до универсальных законов мироздания. Но одновременно историзм стал настоящим прорывом в историческом знании, объединив разные исторические школы XIX столетия, в результате чего история действительно обратилась к изучению *прошлой* социальной реальности.

Историзм (*нем.* Historismus) — это принцип мышления, в основе которого лежит представление о постепенном «органическом» развитии любого явления и о каждом этапе в истории как определенном и необходимом звене в историческом процессе. Согласно формулировке одного из ведущих специалистов по этой проблеме Ф. Мейнеке, «ядром историзма является замена генерализирующего способа рассмотрения исторических и человеческих сил рассмотрением индивидуализирующим»⁷.

Принцип историзма подразумевает, что не только прошлое, но и институты и культура современности могут быть поняты только исторически. Для того, кто не имеет представления об их

⁷ Мейнеке Ф. Возникновение историзма. Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2004 [1936], с. 6.

развитии в предшествующие века, их природа остается непостижимой. И наоборот, историческая проекция какого-либо явления сама по себе уже служит доказательством той или иной интерпретации. В середине XIX века идея историзма становится ключевой как в философии истории, так и в историографии.

Решающую роль в становлении историзма сыграли романтики⁸, но утверждению метода способствовали и исторические школы, располагавшиеся за пределами романтизма. Прежде всего в этой связи следует назвать либеральную гейдельбергскую школу Ф. К. Шлоссера и консервативную берлинскую школу Л. фон Ранке. С конца XIX века историзм укореняется в марксистском учении, о чем свидетельствуют характерные для него постулаты о тесной связи прошлого с настоящим, объективной реальности прошлого по отношению к настоящему, идея стадийного развития и, соответственно, качественного различия общественно-экономических эпох.

Следующей после утверждения историзма крупной новацией в концептуальном оснащении историографии XIX века была методологическая перестройка на основе позитивизма. Тип историографии, который может быть назван позитивистским, развился под воздействием естественнонаучного подхода, предполагающего установление фактов в непосредственном чувственном восприятии и разработку законов путем обобщения фактов посредством индукции. Позитивистский подход к изучению социальной реальности притянул на разработку четких теорий общественного развития. Первые теоретики социального позитивизма (О. Конт, Г. Спенсер, Л. Морган), оказавшие колоссальное влияние на последующую социальную мысль, начертали схемы эволюции и разработали социальные теории стадий. В органологии позитивистской школы О. Конта и позднее — Г. Спенсера общество сравнивалось с «материальным» организмом, а социальная жизнь объяснялась с помощью биологических аналогий, часто просто вульгарных.

В соответствии с установками позитивного метода представители историзма второй половины XIX в. стремились утвердить в ис-

⁸ См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Плоды романтизма // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 11. М.: УРСС, 2003, с. 40-83.

торической науке примат объективного факта. Они признавали реальность прошлого, считая, что оно непосредственно дано историку в виде остатков: исторических документов и вещественных памятников. В соответствии с установками позитивного знания историк не может знать больше того, что заключено в документах. Поэтому его задача состоит в том, чтобы наиболее точно воспроизвести прошлое по документам и избегать умозрительных рассуждений.

В результате утверждение позитивного метода в исторической науке парадоксальным образом угрожало историческому познанию лишением права на категориальное мышление, научные гипотезы, дедукцию и т. п. — превращением историографии во вспомогательную по отношению к социологии дисциплину. Именно позитивизм привил историографии склонность к фактографии, к чистому «описанию» и сугубо внешней систематизации верифицируемых фактов. Историки-позитивисты видели свою задачу в создании логичной и достоверной картины прошлого, в которой факты (документы) не существуют сами по себе. Эмпирический подход и эмпирическая установка у исследователя-позитивиста состояла, конечно, не в том, что он ограничивается презентацией фактов, а в том, что он строит объяснение, интерпретируя эмпирические данные, а не развивая априорные социальные теории. При этом вне сферы внимания оказывались области прошлого, не поддающиеся рациональному истолкованию, связанные с проявлением массовых настроений, нарушением социальных норм, отклоняющимся поведением (а часто и просто индивидуальными действиями).

Во второй половине XIX века к позитивистскому направлению в историографии принадлежало большинство наиболее известных историков. Манифестом позитивизма в истории считается статья Г. де Моно в первом номере «*Révue historique*» (1876). В ней говорилось, что история должна развиваться как позитивная наука, а историк должен строго ограничивать себя областью документов и фактов, отвлекаясь от всяческих политических и философских теорий. Отказ от приверженности философским системам и идеологическим интересам суммировался в словах Моно: «Мы не поднимаем никакого знамени».

Благодаря подобным установкам с появлением позитивизма в значительной степени происходит сдвиг от идейно-политических

ориентиров к приоритету научных критериев. С позиций позитивистской парадигмы, дифференциация историков осуществляется не по признаку национальной, политической или идеологической принадлежности, а на основе научных позиций. Если историки-романтики привнесли свои политические взгляды как во всеобщие, так и в национальные истории, то историки-позитивисты возвели в программу, и по мере сил следовали этому в своих работах, отказ от националистической и партийной тенденциозности. В идеале история не должна была быть ни немецкой, ни французской, ни католической, ни протестантской, ни либеральной, ни марксистской, а — «достоверной». Конечно, временами историки-позитивисты отстаивали право открыто выражать свой патриотизм и политические пристрастия, но «не в ущерб фактам», которые не должны зависеть от чьих бы то ни было мнений, а призваны лишь подкреплять их своей совокупностью.

Позитивистские критерии научности исторического исследования во многом до сих пор определяют научную этику исторического сообщества и предлагают ориентиры, пользуясь которыми можно отличить историка-ученого от идеолога, легитимизирующего настоящее с помощью прошлого. Историка предписывается не манипулировать историческими данными. Историк должен считаться с исторической информацией, в том числе с новой, и, учитывая ее, корректировать свои конструкции и выводы. И, наконец, историк непременно использует принятые в науке его времени методы, в то время как пропагандист опирается на подходы, характерные скорее для псевдонауки.

Облик исторической науки второй половины XIX века очень заметно изменился под влиянием позитивистского подхода, представители которого, с одной стороны, много сил приложили к тому, чтобы отделить историю от философии, а с другой — передоверили задачи исторического анализа социальным наукам, сделав уделом историка сбор эмпирического материала. Лишение истории мандата на философствование, казалось бы, вводило историю в русло науки, но одновременно теоретическая часть работы по конструированию прошлого возлагалась на представителей других социальных наук. Однако понятно, что подобные установки не реализовались полностью: в историографии сохранились и фило-

софствующим, и теоретизирующим субъекты. Прямо скажем, их насчитывается немного, но именно благодаря им сформировались устойчивые понятия научной исторической школы и исторического метода. Наше внимание в этой связи привлекли три очень несхожие фигуры: Леопольд фон Ранке (1775–1886), Карл Генрих Маркс (1818–1883) и Иоганн Густав Дройзен (1808–1884). Работая в рамках позитивистской парадигмы, они, каждый по-своему, преодолевали запреты на теорию в профессии историка.

Ранке и историческая школа

Наиболее последовательным воплощением облика возникшей исторической науки стала историческая школа, ассоциировавшаяся с именем Л. фон Ранке (1795–1886) и множества его учеников (самые известные из них — Г. Вайц, В. Гизебрехт, Г. фон Зибель). Школа Ранке возникла в Германии в 1830–1840-х годах и впоследствии заняла ведущее положение в европейской историографии, надолго став эталоном культуры исторического исследования. Противопоставляя свой подход романтизму, представители школы Ранке сделали историзм, а затем и позитивизм основополагающими принципами исследований, минимизировав «издержки» романтизма (мистицизм, сентиментализм, художественную риторiku).

Труды самого Ранке, как и творчество любого выдающегося ученого, не встраиваются полностью в ряд позитивистских исторических работ. Сочинения Ранке не были ни механистическими, ни сугубо фактологическими. Скорее идеи, подходы, мысли и в целом наследие Ранке можно рассматривать как высшее достижение времени, проникнутого «позитивным» духом.

Уже в своих первых работах Ранке принял на вооружение выдвинутый романтиками принцип историзма и

«...воспринял как от поэтики, так и от идеалистической философии импульсы, в силу которых и та, и другая рассматривали историю — независимо от исторических событий — как имманентное смысловое единство и осмысливали ее с позиций науки»⁹.

При этом Ранке еще в начале своего творческого пути отмежевался от романтизма, стремясь сознательно подавить романти-

⁹ Козеллек Р. Случайность как последнее прибежище в историографии [1979] // *THESIS*, 1994, вып. 5, с. 171-184 (С. 183).

ческие импульсы своей сентиментальной натуры. Уже в предисловии к первой своей работе «История романских и германских народов с 1494 по 1535 г.» (1824) Ранке декларировал, что «задача исторического труда состоит в точной презентации фактов», что правда интереснее любой фантазии, и поставил себе целью избегать всякого вымысла и игры воображения¹⁰.

Известно, что Ранке находился под сильным влиянием философии Гегеля.

«Как Гегель принимает в свою новую, сверхрационалистическую логику известную долю рационализма XVIII в., так и Ранке получил от того же столетия метод ясного исследования мотивов и остроту пронизательности»¹¹.

Но если Гегель подчинял историческую реальность схемам всемирной истории, то Ранке, напротив, отдавал приоритет изучению реальности во всем ее многообразии. В результате то, что Ранке считал правильным реалистическим методом описания прошлого — это то, что оставалось после отказа от романтического искусства, социологизирующей науки и идеалистической философии его времени. Поэтому его исторические конструкции отличались высокой эластичностью.

В созданной Ранке системе исторической интерпретации структурообразующим было понятие «нация», которую он считал единственно возможным принципом организации человечества для обеспечения «мирного прогресса». На протяжении всей своей творческой жизни Ранке не поддавался соблазну создания универсальных концепций и даже

«...когда уже на склоне лет взялся за составление *Weltgeschichte* [“Всемирной истории”], то старательно отделил ее от истории мира в целом, заявив, что она “запутала бы среди призраков и философем”, если б оторвалась от твердой почвы национальных историй в поисках иной всеобщности кроме всеобщности наций»¹².

¹⁰ *Ranke L., von. Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1535 [1824] // L. von Ranke. Hauptwerke. 12. Bde. Wiesbaden: Vollmer, 1957, Bd. 1, S. 10.*

¹¹ *Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. Пер. с нем. М.: Юрист, 1994 [1922], с. 232.*

¹² *Кроче Б. Теория и история историографии. Пер. с ит. М.: Языки русской культуры, 1998 [1917], с. 174.*

При этом историческая мысль Ранке развивалась в широких временных и пространственных границах. Его интересовал не скрупулезный анализ узких тем, а большие исторические сюжеты и продолжительные периоды, нередко заключавшие в себе череду эпох. А главное — о чем бы он ни писал, перед его глазами всегда была всемирная история. Наверно, не случайно «Всемирной историей» завершился его жизненный путь.

Когда лорд Актон (Дж. Дальберг) в 1876 г. в последний раз встретился с Ранке, тому уже перевалило за восемьдесят. Он являлся автором огромного количества сочинений, среди которых были многотомные работы по истории папства, истории Германии во времена Реформации, истории Пруссии, Англии и Франции. Ранке, старый, тщедушный и почти слепой, с трудом мог читать и писать. Покидая его, Актон подумал, что следующее известие о Ранке будет известием о его смерти. Вместо этого Ранке вновь заявил о себе созданием многотомной «Всемирной истории», которая оборвалась на периоде позднего Средневековья, когда великий историк умер на 91-м году жизни¹³.

Три основные принципа историописания, составлявшие историческую традицию от Фукидида до Гиббона, оставались неизменными в творчестве Ранке:

- корреспондентская теория истины, предполагающая, что историк описывает людей, которые реально существовали, и действия, которые реально происходили;
- убеждение, что человеческие действия отражают намерения людей, и задача историка понять эти намерения;
- диахроническая концепция исторического времени.

Именно под влиянием идеи универсальности истории и диалектического подхода к пониманию общественных процессов в произведениях Ранке утвердились представления о непрерывной преемственности развития общества во времени, от эпохи к эпохе. Возникнув в тесной связи с романтизмом, школа Ранке придавала огромное значение традиции как квинтэссенции прошлого, сохра-

¹³ Geyl P. From Ranke to Toynbee. Five Lectures on Historians and Historiographical Problems // *Smith College Studies in History* (Northampton, MA), 1952, v. 39, p. 3.

няющейся в настоящем и переходящей в будущее, но отличалась от нарративно-романтического направления сознательным стремлением к строго научному, «объективному» воспроизведению действительности. Именно поэтому Ранке столько усилий отдал разработке принципов отбора и исследования источников.

Относясь к прошлому уважительно и бережно, Ранке тем не менее признавал, что у исторического исследования есть и внешние цели. Возможно, он был последним крупным историком, который верил, что результатом его собственных и других подобных сочинений станет обнаружение руки Бога в человеческой истории. В общем смысле философской основой творчества Ранке был провиденциализм. Исторический процесс, по Ранке, — это осуществление «божественного плана управления миром», придающего единство всему происходящему. Причинные связи между событиями также предуказаны Богом, а задача историка разглядеть их. Ранке полагал, что «каждая эпоха стоит в непосредственном отношении к Богу», в то же время, по его мнению, каждый исторический период имеет свою «руководящую идею», и наряду с религиозной идеей важное место занимает идея политическая¹⁴.

Как замечает Х. Уайт, из реальности своего времени Ранке сделал идеал на все времена.

«Для Ранке *исторический* процесс как таковой в отличие от общего *мирового* процесса, — это совершенно стабильное поле (его устойчивость гарантируется Богом), населенное разрозненными объектами (человеческими существами, индивидуально сотворенными Богом), которые собираются и объединяются в отдельные сообщества (народы, также индивидуально сотворенные Богом), а они, в свою очередь, придумывают для реализации своей судьбы как нации особые институты (церковь и государство)»¹⁵.

При этом Ранке не пытался извлечь из прошлого практические уроки. Знаменитая цитата из предисловия к «Истории романских и германских народов с 1494 до 1535 г.» гласит:

¹⁴ Ранке Л. фон. Об эпохах новой истории. Лекции, читанные баварскому королю Максимилиану II. Пер. с нем. М.: тип. И. А. Баландина, 1898 [1854], с. 4.

¹⁵ Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Пер. с англ. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002 [1973], с. 201.

«История взяла на себя обязанность судить прошлое, поучать настоящее на благо грядущих веков. Данная работа не может служить источником вдохновения для таких возвышенных целей. Ее цель состоит только в том, чтобы показать то, что происходило на самом деле (wie es eigentlich gewesen ist)»¹⁶.

Эта фраза на немецком — *parole* историков, они знают ее на память наряду с расхожими латинскими афоризмами. И, как отмечал Б. Кроче,

«...от этого метода он не отступал никогда, за что и удостоился невиданных триумфов: убежденный лютеранин, он пишет историю папства в период Контрреформации, и ее с благосклонностью принимают во всех католических странах; немец, он пишет историю Франции и не вызывает неудовольствия французов»¹⁷.

Представления Ранке о будущем тем более отличались от историософских концепций его времени: в грядущем он видел множество альтернатив. Он достаточно критически относился не только к способности историков предсказывать ступени будущего развития, но даже и к самой идее о безоговорочной прогрессивной направленности хода истории. Ранке обращал внимание на то, что теория прогресса базируется на локальном (европейском) опыте, и напоминал ее сторонникам о том, что случилось с цивилизациями Азии¹⁸.

Вкладом Ранке в развитие исторической науки является его методика, которая находится в некотором внешнем противоречии с характерным для него масштабом исследований и связана с общим тяготением научной мысли XIX века к позитивизму. Исследовательская методика Ранке, вполне в духе позитивистского понимания задач исторического анализа, основывалась на следующих положениях: объективные факты содержатся главным образом в архивных материалах политического характера — в донесениях посллов, переписке государственных деятелей и т. д.; то, чего нет в документе (мнения, слухи), не существует для истории; правильное использование источников требует филологического анализа, установления аутентичности и достоверности документа и других операций внешней и внутренней критики текста.

¹⁶ *Ranke L. von.* Op. cit., S. 10.

¹⁷ *Кроче Б.* Указ. соч., с. 174.

¹⁸ *Ранке Л. фон.* Указ соч., с. 16.

Вместе с тем, как мы уже сказали, Ранке воплощал в историческом исследовании не только принципы позитивизма, но и идеи универсальности истории, требующие широких обобщений. Он говорил о том, что историк не может написать историю, не прибегая к генерализациям. То есть о прошлом можно судить по документам и установленным фактам, но многое можно узнать о прошлом такого, что лежит за рамками известных событий, путем умозаключений. Но он же подчеркивал, что историку, в отличие от философа, необходима любовь к детали, человеку и событию в их уникальности¹⁹.

Как удачно суммировал английский историк Дж. Гуч, заслуги Ранке состояли в том, что он отделил изучение прошлого от страстей настоящего; был не первым, кто использовал архивы, но первым, кто использовал их хорошо; развил критический метод применительно к анализу государственных источников. «И все это сделало немецкую историческую школу лучшей в Европе»²⁰.

Но хотя Ранке считался главой «немецкой исторической школы» второй половины XIX века, всю немецкую историографию этого периода можно связывать с его именем лишь с очень большими оговорками. Как писал Э. Трельч, немецкая «историческая школа в действительности [была] чрезвычайно далека от универсализма Ранке, его всемирно-исторического конструктивного духа и динамической тонкости». По его мнению, сочинения Ранке выгодно отличались от трудов других немецких историков того периода «критической ясностью и политически-дипломатической концепцией истории»²¹.

Маркс и материалистический историзм

Другим влиятельным вариантом аналитического подхода в историографии XIX века, в котором были преодолены основные табу позитивизма — запрет на философствование, запрет на политизированность и отказ от макротеории — была марксистская историография. Если школу Ранке можно характеризовать как идеалистический историзм, то марксистская историография представляет историзм материалистический. Материалистический исто-

¹⁹ Там же, с. 15–21.

²⁰ *Gooch G. P. History and Historians in the Nineteenth Century.* L.; N. Y.; Toronto: Longmans, Green and Co., 1928 [1913], p. 102.

²¹ *Трельч Э. Указ. соч., с. 232, 238.*

ризм²² руководствуется принципами тесной связи прошлого с настоящим и полагает прошлое данного общества столь же реальным и объективным с позиций настоящего, как реальна и объективна для отдельного человека его предшествующая жизнь.

Отметим сразу, что понятие историзма в марксизме шире, чем понятие исторического метода, поскольку здесь принцип историзма считается обязательным для любого теоретического исследования. Именно так, как считают интерпретаторы Маркса, смысл фразы из «Немецкой идеологии»: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории»²³.

Историзм как методологический принцип в марксистской историографии требует рассматривать любое явление прошлого и настоящего, во-первых, в его возникновении, развитии и изменении; во-вторых, в соотношении с другими явлениями и условиями данной эпохи; в-третьих, в связи с конкретным опытом истории, который позволяет установить не только непосредственные, но и отдаленные последствия изучаемого события или процесса. Первое требование ориентирует на изучение внутренних законов исследуемого явления, вычленение главных периодов его развития и его качественных особенностей на разных стадиях процесса. Второе — подчеркивает своеобразие и единство каждой социальной структуры, отдельные элементы которой можно понять только в их отношении к целому. Наконец, третье — отражает единство, преемственность и поступательность исторического процесса, в котором любое явление может быть понято, лишь будучи соотне-

²² Напомним, что Маркс обозначал свою концепцию исторического процесса как «материалистическое понимание истории», «тем самым как бы подразумевая, что речь идет не о философской системе, а об определенной теоретико-методологической позиции или установке» (Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии. М.: Мартис, 1995, с. 103). «Это [материалистическое] понимание истории, в отличие от идеалистического, не разыскивает в каждой эпохе ту или иную категорию, а остается все время на почве действительной истории, объясняет не практику из идей, а идейные образования из материальной практики» (Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* [1846/1932] // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Пер. с нем. М.: Госполитиздат, 1955, т. 3, с. 7-544 (С. 37)). Термин «исторический материализм» ввел в обиход Ф. Энгельс в 1890-е годы, но, на наш взгляд, он является менее точным, чем «материалистический историзм».

²³ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*, с. 16 (сн.).

сенным не только с прошлым, но и с будущим, якобы реализующим тенденции его развития.

При этом материалистический историзм характеризуется ценностным, а именно, негативным отношением к «темному» прошлому, к традиции, и, наоборот, позитивной оценкой инноваций, прерывностей, разрывов как свидетельств исторического прогресса.

Основоположники марксизма резко размежевались со школой Ранке, утверждавшей, в духе консерватизма, как раз сохранность прошлого в настоящем. Похоже, что произведения самого Ранке они игнорировали вполне сознательно. Ни Маркс, ни Энгельс не ссылались ни на одно из сочинений главы немецкой исторической школы и использовали в своих работах труды тех английских и французских историков, которых считали менее «реакционными», а также сочинения некоторых представителей гейдельбергской исторической школы в Германии. Маркс только один раз упоминает имя Ранке, называя его «камердинером истории» и заведомо несправедливо характеризуя его работы как «собрание анекдотов и сведение всех событий к мелочам и пустякам»²⁴.

В своих исторических исследованиях Маркс использовал два подхода, которые представляются несовместимыми. Первый — механистический подход к реальности — вполне соответствовал духу позитивизма его времени. Маркс исходил из возможности получения объективного научного знания, считая, что оно выражается прежде всего в формулировании законов общественного развития.

Второй подход — это диалектика, которая опровергает позитивистское положение о первичности объектного мира для познания, так как считает все наблюдаемые явления постижимыми только в более широком контексте. Диалектическая характеристика материалистического историзма состоит не просто в констатации отличия, возникающего в процессе развития, но и в понимании этого отличия как тяготеющего к такому, которое называется противоположностью.

Материалистический историзм является, по мнению известного польского социолога П. Штомпки, многомерной теорией, разра-

²⁴ *Маркс К.* Письмо Энгельсу в Манчестер [7 сент. 1864 г.] // *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. 2-е изд. Пер. с нем. М.: Госполитиздат, 1963, т. 30, с. 351-354 (С. 352).

ботанной на трех различных уровнях: всемирно-историческом, социально-структурном и индивидуальном — и, соответственно, включает три взаимосвязанные частные теории: теорию общественно-экономических формаций на высшем уровне, теорию классовой борьбы на среднем и теорию «человеческого бытия» на нижнем²⁵.

Соглашаясь в принципе с таким членением, добавим только два соображения. Во-первых, на всех трех уровнях Маркс никаких целостных теорий не разработал — по существу речь может идти лишь об их условной реконструкции на основе отрывочных, разрозненных и порой весьма противоречивых высказываний, разбросанных по разным работам. Во-вторых, во всех трех случаях можно легко обнаружить конфликт между механистическим позитивистским догматизмом (к тому же приправленным идеологией) и тонким диалектическим анализом. С одной стороны, Маркс искренне верил в существование «законов» общественного развития и пытался «открывать» их²⁶, с другой — проявлял превосходное историческое чутье, которое заставляло его самого отказываться от выстроенных им позитивистских схем и моделей.

Так, на всемирно-историческом уровне Маркс, с одной стороны, рассматривал исторический процесс как необратимый, проходящий определенные стадии и неизбежно ведущий к «победе коммунизма». В предисловии к I тому «Капитала» (1867) он утверждал: «Общество... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»²⁷. С другой стороны, в 1877 г. он протестовал против попыток универсализации его теории и писал следующее:

«Глава о первоначальном накоплении [в “Капитале”] претендует лишь на то, чтобы обрисовать тот путь, которым в Западной Европе капиталистический экономический строй вышел из недр феодального экономического строя... Но этого моему

²⁵ Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1996 [1993], с. 206-207.

²⁶ Например, в предисловии к I тому «Капитала» он писал: «Конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества» (Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. В 3-х т. [1867, 1893–1894 посм.] // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Пер. с нем. М.: Госполитиздат, 1960–1962, т. 23–25 (т. 23, с. 10)).

²⁷ Там же.

критику слишком мало. Ему непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические обстоятельства, в которых они оказываются, — для того, чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека. Но я прошу у него извинения. Это было бы одновременно и слишком лестно, и слишком постыдно для меня.

...События поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, прив[одят] к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надысторичности»²⁸.

Марксов «исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе» оказал колоссальное влияние на развитие последующих концепций исторического развития, от В. Зомбарта и М. Вебера до М. Блока и Ф. Броделя, не говоря уже о множестве конкретных исторических исследований. Оценивая историческую интуицию Маркса, Л. Февр писал в 1934 г.:

«Обширная и глубокая проблема связей и соотношений между капитализмом и Реформацией... — кто первым выдвинул ее? Ответим без колебаний — Карл Маркс. ...Его взгляды лежат у истоков, у отправной точки многих наших самых «новейших» спекуляций на исторические темы. Разве не он первый, исследуя исторические корни капитализма, ткнул пальцем в XVI век и сказал: ищите здесь? Мысль прозорливая, интуитивная — в его времена вполне могла показаться революционной; с тех пор она господствует во всех наших концепциях»²⁹.

Заметим, что столь же сильное влияние на последующее раз-

²⁸ *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок» [1877/1886 посм.] // *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.* 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961, т. 19, с. 116-121 (С. 119-121).

²⁹ *Февр Л.* Капитализм и Реформация [1934] // *Л. Февр. Бои за историю.* Пер. с фр. М.: Наука, 1991, с. 203-216 (С. 203).

витие исторических концепций, вплоть до столь востребованной по сей день теории модернизации, оказал и другой пункт марксова анализа — идея промышленной революции.

На социально-структурном уровне ключевую роль в материалистическом историзме играет концепция «классов». По этому поводу Маркс писал, что ему не принадлежит ни заслуга открытия существования классов в современном обществе, ни честь обнаружения классовой борьбы.

«... Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства*; 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и обществу без классов*»³⁰.

Под «буржуазными экономистами» здесь имеются в виду прежде всего А. Тюрго, А. Смит и Д. Рикардо, а под «буржуазными историками» — в первую очередь французские историки первой половины XIX века — Ф. Гизо, Ф. Минье, А. Тьер, О. Тьерри.

Опираясь на классовый подход, Маркс и его соавтор Энгельс во многих случаях дают упрощенную и довольно примитивную историческую картину классовой структуры, пытаясь свести ее к бинарному делению на «угнетающих и угнетаемых»³¹. Но одновременно в процессе анализа выделяется множество различных социальных групп, «целая лестница различных общественных положений»: патриции, всадники, плебеи, рабы — в Древнем Риме, феодальные господа, вассалы, цеховые мастера, подмастерья, крепостные — в Средние века, и «к тому же почти в каждом из этих классов — еще особые градации»³².

³⁰ Маркс К. Письмо Иоганну Вейдемейеру [5 марта 1852 г.] // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Пер. с нем. М.: Госполитиздат, 1961, т. 28, с. 422-427 (С. 422, 427).

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии [1848] // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Пер. с нем. М.: Госполитиздат, 1955, т. 4, с. 419-459 (С. 424).

³² Там же, с. 424-425.

Еще более сложно и подробно характеризуется социальная структура европейского общества середины XIX века: промышленная и торговая буржуазия, финансовая аристократия, крупные землевладельцы, мелкая буржуазия (мелкие промышленники и торговцы), ремесленники, крестьяне, прислуга, пролетарии (наемные рабочие), люмпен-пролетариат³³, вплоть до школьных учителей — «пролетариев класса ученых»³⁴.

На третьем уровне, в рамках теории «человеческого бытия», у Маркса, как замечает П. Штомпка, можно найти множество высказываний о том, что

«...люди (капиталисты, крестьяне, пролетарии) интересуют его лишь как представители социальных классов (члены определенных специфических социальных групп), или как воплощение экономических категорий (как лица, занимающие определенные позиции в системе производства и распределения) или исторических тенденций (носители более широкого исторического процесса)»³⁵.

Но при этом Маркс неоднократно возвращается к мысли о свободе индивидуальных действий и подчеркивает, что в принципе любая личность может действовать против своих экономических интересов, исходя из эмоций, традиций и даже идеологии. Действия индивидов, по его мнению, отнюдь не являются лишь проявлением неких надындивидуальных «законов исторического развития».

«История не делает ничего, она „не обладает никаким необъятным богатством“, она „не сражается ни в каких битвах“! Не „история“, а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все берется. „История“ не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История — не что иное как деятельность преследующего свои цели человека»³⁶.

³³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии; Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. [1850/1859] // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Пер. с нем. М.: Госполитиздат, 1956, т. 7, с. 5-110.

³⁴ Маркс К. Классовая борьба во Франции, с. 87.

³⁵ Штомпка П. Указ. соч., с. 212-213.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании [1845] // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Пер. с нем. М.: Госполитиздат, 1955, т. 2, с. 3-230 (С. 102).

Позиция для середины XIX века совершенно удивительная, учитывая, что лишь в середине XX столетия в историографии начинает утверждаться представление об истории как науке о человеческих действиях, и только в 1970-е годы, в результате «антропологического поворота», с полным правом можно говорить о возвращении человека в качестве объекта научного анализа в историографию.

Дройзен и методология истории

Имя Дройзена — одно из первых и по времени, и по значению в отнюдь не длинном ряду методологов истории XIX века. Примечательно, что, будучи крупным «практикующим» историком³⁷, Дройзен оказался одновременно и одним из первых теоретиков только возникающей исторической науки. Основные подходы к трактовке исторического знания Дройзен изложил в речи, произнесенной при вступлении в Берлинскую Академию наук в 1868 г. Он отметил, что с древних времен над историей «тяготеет предвзятое мнение, что она представляет собой занятие, лишенное метода (греч. ἀμέθοδος ὕλη), равно как и господствующее в классической античности представление, что она относится к области риторики». Это представление, по его словам, вновь возродилось в тезисе, что история является одновременно и наукой, и искусством³⁸ (сколько еще раз впоследствии воспроизводился этот тезис!). Точно так же Дройзен выступал против сведения истории к эмпирической работе, призванной лишь поставлять материал для философов:

³⁷ Уже в 1830-е годы Дройзен выступает с крупными историческими работами, публикуя сначала «Историю Александра Великого» (1833), а затем два тома «Истории эллинизма» (1836–1843), которые составили ему репутацию известного специалиста по античности (обе работы изданы на русском в переводе с авторизованного Дройзеном французского издания 1883–1885 гг., содержавшего дополнения по сравнению с немецким вариантом: Дройзен И. Г. История эллинизма. В 3-х т. Пер. с фр. СПб.: Наука, 1997–1999). Более 30 последних лет жизни Дройзен отдал сочинению 14-томной «Истории политики Пруссии» (первый том вышел в 1855 г, последний — в 1886 г., уже после смерти Дройзена).

³⁸ Дройзен И. Г. Речь, произнесенная при вступлении в Берлинскую Академию наук [1868] // И. Г. Дройзен. Историка. Пер. с нем. СПб.: Владимир Даль, 2004, с. 574-580 (С. 576).

«Достолавная гёттингенская историческая школа³⁹ прошлого столетия, хотя и не первая, попыталась сделать систематический обзор области истории и развить ее научный метод, и с ее стороны не было недостатка в наименованиях и изобретательных различениях. Например, в наш обиход вошли от нее такие рубрики и дистрикции, как всемирная история, всеобщая история, история человечества, исторические элементарные и вспомогательные науки. Однако метод, которому она учила, был лишь техникой исторической работы; и воспринятое ею выражение Вольтера “философия истории” было как бы приглашением, адресованным философии»⁴⁰.

Наконец, Дройзен вступал в открытую полемику с тогдашней «философией истории». Он говорил (это существенно с точки зрения современных дискуссий о характере исторического знания), что если бы философы взяли на себя только обоснование исторического процесса *познания* (курсив наш. — И. С., А. П.), то это «в высшей степени заслуживало бы благодарности». Но философы занялись и созданием субстанциальной философии истории, разработкой концепций исторического *процесса*, что привело к довольно плачевным последствиям для исторической науки.

«В одной системе... был сконструирован общий исторический труд всего рода человеческого как самодвижущаяся идея. В другой же системе учили об этом самом общем труде человечества, что “всемирная история, собственно говоря, есть только случайная конфигурация и не имеет метафизического значения”. С третьей стороны, требовали в качестве научной легитимизации нашей науки, обозначая как ее задачу, нахождение законов, по которым движется и изменяется историческая жизнь. Ей рекомендовали заимствовать норму из географических факторов и “первозданной естественности”; в связи с так называемой “позитивной философией” была сделана весьма привлекательная попытка “возвести” историю, как заявляли, “в ранг науки”»⁴¹.

³⁹ Основатель гёттингенской исторической школы XVIII века — А. Л. Шлёцер (1735–1809). В 1761–1767 гг. он работал в России, с 1765 г. — ординарный профессор истории Петербургской Академии наук, с 1769 г. — профессор Гёттингенского университета. Его историографическая концепция изложена в работе «Понятие всеобщей истории» (1772–1773).

⁴⁰ Дройзен И. Г. Указ. соч., с. 577.

⁴¹ Там же.

Имена Г. Гегеля, О. Конта, Г. Бакля (Бокля в устоявшейся русской транскрипции) и других известных архитекторов философии истории легко прочитываются в резюме Дройзена, равно как и его отношение к подобным взглядам на прошлое и научное знание о нем.

Неудовлетворенный в разной мере и по разным основаниям всеми этими подходами, Дройзен видел задачу историков своего времени (и в первую очередь свою собственную задачу) в том, чтобы обобщить имеющиеся в распоряжении историков «методы, объединить их в систему, разработать их теорию и таким образом установить *не законы истории*, а только *законы исторического процесса познания и знания*»⁴² (курсив наш. — И. С., А. П.).

Эту цель он попытался реализовать в лекционном курсе, который неоднократно читал студентам Берлинского университета с 1857 по 1883 г. Полностью этот курс, который Дройзен называл «Энциклопедия и методология истории»⁴³, был издан только в 1936 г., но Дройзен при жизни несколько раз опубликовал краткие тезисы своей концепции под названием «Очерк историки»⁴⁴.

Свою теорию исторической науки Дройзен именовал «историкой» или «наукоучением истории», и она включала следующие разделы: методика, систематика и топика (изложение) истории (в разное время они компоновались по-разному). Методика делилась на эвристику, критику и интерпретацию (исторического материала), отвечая на вопросы: *почему, каким образом, с какой целью*. Систематика определяла область применения исторического метода, отвечая на вопрос: *что* может исследовать история. К топике относился анализ форм исторического изложения (план выражения, как сказал бы современный исследователь). И в каждом из указанных разделов мы обнаруживаем идеи, к которым неприменим эпитет *устар.*

⁴² Там же, с. 578. Здесь и далее цитаты из русских переводов работ Дройзена даются с незначительной стилистической правкой.

⁴³ Назван Дройзеном по образцу курса лекций А. Бёка «Энциклопедия и методология филологических наук», который он прослушал в молодости.

⁴⁴ «Очерк историки» публиковался при жизни Дройзена два раза на правах рукописи (в 1858 и 1862 гг.) и три раз в составе подготовленного самим Дройзеном сборника его статей методологического характера (в 1867, 1875 и 1882 гг.).

Дройзен, как и Ранке, и Маркс, был последовательным сторонником историзма, и рефлексии на эту тему есть в его сочинении, но в центре его внимания находится собственно историческая наука и ее методология. Представления Дройзена об исторической науке могут быть суммированы в нескольких его тезисах:

«История — не сумма происшествий, не общий ход всех событий, а некоторое знание о происшедшем»⁴⁵.

«Наша наука — не просто история, а *istoría*, исследование, и с каждым новым исследованием история становится шире и глубже»⁴⁶.

«...Материалом нашего исследования является то, что еще не исчезло из былых времен»⁴⁷.

«Задача истории есть понимание [прошлого] путем исследования»⁴⁸.

Остановимся на некоторых из этих тезисов чуть более подробно. Прежде всего, Дройзен, в соответствии с традициями школы Ранке (который работал в том же Берлинском университете и работы которого Дройзен очень высоко ценил⁴⁹), уделял существенное внимание эмпирическому материалу исторического исследования. Оставляя в стороне его не слишком удачную классификацию источников, можно констатировать, что подход Дройзена к проблеме источников имел, как минимум, три примечательных особенности.

Во-первых, Дройзен использовал необычайно широкую трактовку исторических источников, не многим отличающуюся от современной. К историческому материалу он относил не только архивные «деловые документы» (корреспонденции, счета, юридические грамоты и т. д.), но также «изложение мыслей, выводов, духовных процессов всякого рода» (мифы, философские и литературные произведения, а также «исторические труды как продукт своего времени»), сказания и исторические песни, речи в суде и парламенте, публицистические речи и проповеди, воспоминания (мемуары),

⁴⁵ Дройзен И. Г. Указ. соч., с. 461.

⁴⁶ Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории [1857/1936] // И. Г. Дройзен. Историка., с. 39-448 (С. 63).

⁴⁷ Там же, с. 64.

⁴⁸ Там же, с. 70.

⁴⁹ См., например: Там же, с. 144–145.

«произведения искусства всякого рода», надписи, медали, монеты и т. д., «произведения, которым дал форму человек (художественные, технические и т. д.)», вплоть до дорог и общинных лугов, «любые монументальные отметки для памяти вплоть до пограничного камня, титула, герба, имени»; наконец, сохранившиеся в настоящем «правовые институты нравственных общностей» (нравы, обычаи и традиции, законы, государственные и церковные установления), и этим список далеко не исчерпывается⁵⁰.

Во-вторых, говоря об источниках, Дройзен постоянно отмечал их неполноту и фрагментарность, не позволяющую получить полную картину прошлого. Поэтому «мерой достоверности исследования» он полагал «четкость в обозначении пробелов и возможных ошибок». А отсюда вытекает необходимость анализировать разные виды источников, в поисках точки пересечения между ними⁵¹.

Наконец, Дройзен всячески выступал против «фетишизации» источников, настойчиво подчеркивая, что источники — это только материал для изучения, их анализ и критика — лишь подготовительный этап, а самое сложное в работе историка начинается на стадии собственно исследования.

«Результатом критики [источников] является не “подлинный исторический факт”, а то, что материал подготовлен для получения на его основе относительно точного и конкретного мнения. Добросовестность, не идущая дальше результатов критики, заблуждается, предоставляя дальше работать с ними фантазии, а надобно было бы поискать для дальнейшего исследования правила, которые гарантируют его корректность»⁵².

Такая трактовка процесса производства исторического знания непосредственно связана с абсолютно актуальным и четко артикулированным представлением о предмете исторической науки. Дройзен полагал что, в конечном счете, таковым является не прошлое, а *человеческие действия, совершенные в прошлом* (по терминологии Дройзена, *волевые акты*). Подчеркивая важность изучения истории «макрофеноменов», в современной терминологии, и

⁵⁰ Дройзен. Очерк истории, с. 468–469; подробнее см.: Дройзен. Энциклопедия..., с. 84–145.

⁵¹ Дройзен. Очерк истории, с. 474.

⁵² Там же.

детально рассматривая проблемы написания истории племен, народов и государств; политической, правовой и экономической жизни; искусства, науки и религии и т. д., Дройзен одновременно напоминал: «Когда мы говорим: “Государство, народ, церковь, искусство и т. д. делают то-то и то-то”, то мы имеем в виду “благодаря волевым актам” [людей]»⁵³.

При такой постановке вопроса Дройзен вступал в прямую полемику с позитивистами, полагавшими, что социальная жизнь определяется историческими законами, а поступками людей можно либо пренебречь, либо искать в них лишь проявления этих самых законов.

Акцент на человеческих действиях как на основу всех явлений прошлого приводит Дройзена к проблеме «понимания» в истории. Лишь много позднее эта тема возникла в работах Дильтея, Риккерта и др., вплоть до «понимающей социологии» М. Вебера⁵⁴. Акцентируя роль «понимания», Дройзен противостоял как естественнонаучным методологическим дискуссиям об «описании и объяснении», так и представлениям романтиков о возможности вчувствования, проникновения в мысли людей прошлого. (Как легко заметить, и естественнонаучные, и романтические представления об историческом знании не изжиты полностью по сей день.)

«Сущность исторического метода — понимание путем исследования»; «Понимание является синтетическим и одновременно аналитическим, индукцией и дедукцией»⁵⁵, — так тезисно сформулировал Дройзен свое представление о «понимании» в «Очерке истории». Расшифровывая эти тезисы в «Энциклопедии и методологии истории», Дройзен пишет:

«Наша задача может заключаться только в том... чтобы попытаться узнать путем исследований имеющихся у нас материа-

⁵³ Указ. соч., с. 488.

⁵⁴ При этом указанные авторы совершенно по-разному концептуализировали понятие «понимание» и, строго говоря, вкладывали в него абсолютно разный смысл. В частности, Дильтей и Риккерт принципиально по-разному определяли объект общественнознания («науки о духе» и «науки о культуре») и использовали разные немецкие слова для обозначения «понимания» (соответственно, *Verstehen* и *Auffassung*).

⁵⁵ Дройзен. Очерк истории... с. 463, 464.

лов, чего хотели те люди, которые создавали, действовали, трудились, что волновало их Я, что они хотели высказать в тех или иных выражениях и отпечатках своего бытия. Из материалов, какими бы фрагментарными они ни были, мы пытаемся познать их воления и деяния, условия их желаний и поступков; из отдельных выражений и образований, которые мы еще можем понять, мы пытаемся реконструировать их Я, или в том случае, если они действовали и создавали сообща, постичь это общее... частицей и выражением которого они являются»⁵⁶.

При этом следует обратить внимание на слово «пытаться», которое не случайно встречается в процитированном абзаце три раза. Дройзен прекрасно понимал ограниченные возможности и пределы нашего понимания людей прошлого, их мыслей и чувств.

«Необходимо длительное и трудное опосредование, чтобы вникнуть в чуждое, ставшее для нас непонятным, чтобы восстановить представления и мысли, которыми люди руководствовались сто, тысячу лет назад, совершая те или иные поступки, по-своему их воспринимая; необходимо как бы понять язык, на котором говорят странные для нас теперь события и социальные отношения»⁵⁷.

Конечно, сам термин «понимание» ныне выглядит немного архаично и в значительной мере уже ушел из современного научного лексикона. Но, по сути, именно проблему понимания людей прошлого пытается решить современная историческая культурная антропология, возникшая спустя почти сто лет после создания «Историки».

* * *

Анализируя вклад Ранке, Маркса и Дройзена в развитие исторической науки мы, конечно, оцениваем его с позиций сегодняшних представлений об историческом знании. Реальная судьба их идей и концепций складывалась достаточно специфическим образом.

Многие последователи метода Ранке стали считать главным достоинством исторического сочинения строгую документированность, в итоге все больше перегружая исторические исследования бесконечными ссылками и анализом источников. Некоторые исто-

⁵⁶ Дройзен. Энциклопедия... с. 71.

⁵⁷ Там же, с. 144.

рики вообще ограничивали свою деятельность публикацией архивных документов, снабжая их огромными комментариями⁵⁸. Такая ситуация неминуемо приводила к сужению предмета исследования, ибо скрупулезный исследователь не мог справиться с обилием источников. В то же время не только публику, а даже профессионалов за рамками узкого круга специалистов по той или иной теме, как правило, не могли интересовать анализ фактов и комментарии документов, относящихся к очень конкретным проблемам. В целом позитивистская историография выглядела «скромненько, но научно». Недаром М. Блок называл представителей этого направления историками, которые извлекли «урок трезвого смирения»⁵⁹.

Последователи Ранке в области политической и дипломатической истории также не поражали масштабom своих работ. Кроме того, неоранкеанцы на рубеже веков во многом свели свою историографию к апологетике прусского государства, а национальное государство объявили доминирующей исторической силой.

Впрочем, не слишком гладко сложилась и судьба исторических идей Маркса. В ортодоксальной марксистской историографии утвердилась догматическая, условно говоря, позитивистская, интерпретация Марксова теоретического наследия. В странах с официальной марксистской идеологией более всего идеологизирована, а следовательно и догматизирована, оказалась проблематика современности, в изучении которой главными были не научные, а пропагандистские задачи. Поэтому почти все крупные сюжеты новейшей истории, как отечественной, так и зарубежной — история отдельных стран, международных отношений, экономическая и социальная история («история классово́й борьбы») не могли вполне соответствовать стандартам аналитического исследования и даже просто профессиональным требованиям.

⁵⁸ Английский историк Дж. Пэмбл отметил, что «для следующего поколения [историков] Ранке уже был недостаточно ранкеанцем». Его источники, по их мнению, были частичными, избирательными и ограниченными, он слишком мало использовал архивные материалы; только поэтому он смог написать так много (цит. по: *Evans R. J. In Defence of History*. L.: Granta Books, 1997, p. 23).

⁵⁹ *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. Пер. с фр. 2-е изд. М.: Наука, 1986 [1942/1949], с. 12.

Столь же малоперспективным был макроисторический подход в целом, где обязательным был анализ исторических процессов с позиций марксистской теории. Исходя из универсальных исторических законов, марксистские историки интерпретировали любые конкретные сюжеты. Источники в таких исследованиях рассматривались как эмпирический материал, который подтверждает закон, наполняет его содержанием, в крайнем случае «проверяет» закон и ограничивает сферу его применения.

Дройзену не повезло дважды. Первый раз потому, что его «Энциклопедия и методологии истории» не была издана тогда, когда была создана. Хотя имя Дройзена, как правило, упоминается в ряду основоположников теоретических основ исторической науки второй половины XIX века, и тезисы его были известны, но обычно читались и соответственно цитировались созданные и опубликованные позднее монографические исследования Э. Бернгейма, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, а также, когда речь шла об определении характера исторического знания — В. Виндельбандта, Г. Риккерта, В. Дильтея — мыслителей, которые вообще не были историками.

Второй раз Дройзену не повезло потому, что впервые его лекции были изданы в Германии в 1936 г. Время и место — роковые для произведения, содержащего концепцию *исторического* значения. Публикация сочинения примерно совпала по времени с появлением теоретических работ Ч. Бирда, К. Беккера, М. Уайта, Ф. Мейнеке, М. Блока, Л. Февра, Р. Дж. Коллингвуда, но ведь написано оно было на 80 лет раньше! Тем не менее, по нашему мнению, публикация могла бы стать заметным явлением в исторической науке и в 1930-е годы, если бы не изоляция нацистской Германии в интеллектуальном пространстве. В результате текст Дройзена оказывается, как правило, вне поля зрения историков.

Но какие бы перипетии не переживали идеи Ранке, Маркса и Дройзена, как бы далеко вперед не ушли социальные науки и по содержанию, и по форме, методологические достижения этих выдающихся ученых оставались актуальными в контексте дискуссий о характере исторического знания на протяжении всего XX века.

Е. В. ГЛУШКО

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО НАУЧНОГО СПОРА, ИЛИ О ЛЮБВИ

(ЙОЗЕФ ПЕКАРЖ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ КРИСТИАНА)

Объективное обоснование субъективных предпочтений не делает объективной оценку, а только объективирует предпочтения.

В. Изер. «Акт чтения»¹

Не лишено интереса рассмотреть подробнее то, каким образом в процессе критики исторических источников можно прийти к прямо противоположным результатам.

Б. Бретгольд. «К решению вопроса о Кристиане»

На вопрос о том, что заставляет историков занимать ту или иную позицию в научных спорах, можно дать бесконечное число ответов. Можно рассуждать о научных школах, смене исторических направлений, о конкретной общественной ситуации в тот или иной период; иногда, однако, все эти факторы оказываются недостаточными, и приходится вводить дополнительный — собственно объект изучения историка; более конкретно, фактор отношения историка к объекту его изучения, которое, как и любое человеческое чувство, очень трудно обосновать и оценить с рациональных позиций.

В данной статье влияние этого фактора будет показано на материале одного из ключевых эпизодов научной дискуссии, которая на протяжении примерно двух сотен лет являлась основным полем реализации полемического задора ученых, занимавшихся вопросами раннего чешского средневековья. Речь идет о полемике по поводу аутентичности так называемой Легенды Кристиана, текста, автор которого называет себя Кристианом и посвящает свое произведение второму епископу Пражскому Адальберту² (ок. 956–997)

¹ *Iser W.* The Act of Reading: a Theory of Aesthetic Response. Baltimore, 1987. P. 25.

² Святой Адальберт (Войтех, Войцех) был избран епископом Пражским,

как своему близкому другу и духовному наставнику. Из других источников того времени известно о существовании монаха Кристиана, брата (а значит, и сына) чешского князя. В прологе под «мы» подразумеваются, очевидно, чехи, противопоставленные обитателям «земель Лотарингов и Каролингов», далее следует рассказ о происхождении чехов, о миссии Кирилла и Мефодия, крещении первого чешского христианского правителя Борживоя при дворе Святополка Моравского, некоторые эпизоды из последующей истории этих земель, и только затем начинаются собственно «Житие и страсти святого Вацлава³ и святой Людмилы, его бабки».

Аутентичность текста, т. е. то, что он действительно написан в конце X века, впервые была поставлена под сомнение в конце XVIII столетия; Йозеф Добровский, «патриарх славистики», провозгласил ее фальшивкой XIV века, и в этом качестве она воспринималась подавляющим большинством историков на протяжении всего XIX столетия. В настоящее время спор как будто бы закончен, и аутентичность легенды считается доказанной; описываемый эпизод относится ко временам, когда доверие к ней и к ее автору было впервые возрождено.

В конце XIX – начале XX века в чешских землях потребность создания собственной национальной истории ощущалась все сильнее и сильнее, и значительную роль в ее формировании в тот период сыграл Йозеф Калоусек (1838–1915), первый профессор чешской истории на чешской половине Карлова университета⁴, «покровитель национальной истории»⁵, автор первой работы о чешском государственном праве⁶, писавшейся в годы, когда чешские земли пытались добиться той же независимости в составе Австрийской империи, что

но дважды бежал от своих обязанностей в Рим, где принял монашеский постриг. Претерпел мученическую кончину в Пруссии; считается крестителем венгров; национальный святой Чехии и Польши.

³ Святой Вацлав (Вячеслав) — чешский князь, был убит своим братом Болеславом, по разным подсчетам, в 929 или 935 годах.

⁴ В 1882 году Карлов университет в Праге был разделен на два — чешский и немецкий.

⁵ *Plaschka R. G. Von Palacký bis Pekař. Geschichtswissenschaft und Nationalbewußtsein beider Tschechen // Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas. 1955. S. 44.*

⁶ *Kalousek J. České státní právo. Praha, 1871.*

и Венгрия⁷. Книга должна была показать, что чешская государственность имеет право на существование. Отношение Калоусека к вопросам национальной истории показывают слова из его письма французскому историку Эрнсту Дени, который трактовал события на Белой горе⁸ как естественное завершение периода упадка:

«Я сам внутренне вовсе не убежден, что это Ваше суждение — ложное, но чеху чересчур тяжело признать, что оно справедливо, признать, что величайшая наша трагедия — это было событие еще не настолько плохое по сравнению с тем, к чему нас вела гнусность и глупость наших предков. Скорее всего, Вы правы; но чеху страшна эта мысль»⁹.

Наиболее значительный сюжет чешской историографии конца XIX века — «спор о Рукописях», спор о подлинности Краловедворской и Зеленогорской рукописей, «обнаруженных» в 1817 и 1824 гг. соответственно. Считалось, что эти рукописи содержат народные чешские стихотворные предания XIII и IX вв. соответственно; они были очень популярны во времена романтизма среди всех славян, в частности, А. Н. Афанасьев в своем трехтомнике уделяет им немало внимания. Йозеф Калоусек, в своем блистательно язвительном стиле, отточенном годами работы в газете и в средней школе, вместе с другими учеными¹⁰ защищал подлинность манускриптов от нападков более младших коллег¹¹. Одним из его оппонентов был Ярослав Голл, делавший упор на художественном содержании текстов, которые не могли быть сочинены таким образом в IX и XIII вв.

⁷ В 1867 году Австрийская империя была преобразована в Австро-Венгрию: отныне Венгрия имела право решать свои внутренние дела самостоятельно.

⁸ Битва на Белой горе (1620), после которой чешские земли утратили независимость и были подчинены империи Габсбургов.

⁹ Цит. по: *Kučera J., Rak J. Bohuslav Balbín a jeho místo v české kultuře. Praha, 1983. S. 12.*

¹⁰ Вацлав В. Томек, автор фундаментальных трудов по истории Праги и Карлова университета; Йозеф Эмлер, издатель *Fontes rerum Bohemicarum*.

¹¹ В первую очередь следует назвать Яна Гебауэра, автора грамматики и инициатора словаря древнечешского языка; возглавлял группу противников подлинности Рукописей Т. Масарик, серьезную полемику с которым, впрочем, Калоусек считал ниже своего достоинства.

Ярослав Голл не стал автором знаменитых книг, но слава его исторических семинаров надолго пережила его самого. В чешской историографии существует понятие «Голлова школа», откуда вышло, в сущности, все следующее поколение историков, игравшее ведущую роль в политической и культурной жизни Чехии до конца 30-х гг. Разумеется, эти люди отличались друг от друга и часто активно выступали друг против друга, что не доставляло радости Голлу; разумеется, их научные позиции отличались от его собственной; тем не менее они помнили и любили своего учителя. Его любимым учеником — на самом деле их соединяли намного более личные связи — был Йозеф Пекарж¹².

Ярослав Голл, учившийся у Георга Вайтца, основателя *Monumenta Germaniae historica*, провозглашал своим девизом «историю ради самой истории», «вне всяких дополнительных соображений, пусть даже самых благородных». Его интересовали не только «изолированные факты», но «факторы», а основным фактором всегда является человек:

«Мы хотим слышать не только о том, как открытие Америки сперва готовилось, а потом действительно совершилось, с той неизбежностью, которая управляет всей исторической жизнью, мы хотим не только узнать последствия, которые данное событие возымело для старого света, мы хотим познать и личность Колумба во всех ее индивидуальных подробностях, и всю историю его скитаний»¹³.

Йозефа Пекаржа (1870–1937) также интересовали личности. В первом труде «История заговора Вальдштейна»¹⁴ он воссоздает психологический портрет и судьбу своего главного героя, знаменитого полководца времен Тридцатилетней войны Альбрехта Вал-

¹² Их личная переписка, несмотря на постоянные просьбы в первую очередь Голла уничтожить всякие ее следы, частично сохранилась; эти письма были изданы под названием «Письма почтения и дружбы» (*Listy úcty a přátelství*. Praha, 1941).

¹³ *Goll J. Dějiny a dějepis // Athenaeum*, vol. 6. S. 94.

¹⁴ *Pekař J. Dějiny Valdštejnského spiknutí (1630–1634). Kritický pokus // Rozpravy české akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění v Praze, tř. I., roč. IV (1895), č. 3.*

ленштейна. Его более поздние работы — «Жижка и его время»¹⁵, «Книга о Кости»¹⁶ раскрывают исторические эпохи — времена гуситов и эпоху барокко соответственно — на примерах одной личности, или же членов одного рода (как в последнем случае).

Однако в 1902–1906 гг., о которых пойдет речь, Йозеф Пекарж был только автором «Истории заговора Вальдштейна», ряда небольших публикаций на разные исторические темы и произведения под названием «Чехи — апостолы варварства. Теодору Моммзену посвящается», которое было написано по-немецки, переведено самим автором на чешский, и примерно тогда же — на польский и русский. Это была единственная ответная реплика на нашумевшее открытое письмо Теодора Моммзена, содержащее грубое принижение чешской нации¹⁷. В 1902 г. Й. Пекарж вступил в полемику с А. Бахманном¹⁸, немецким историком, известным своим национализмом.

Третьим участником драмы, разыгравшейся в десятых годах двадцатого века вокруг монаха Кристиана, был Бертольд Бретгольц (1862–1936). Немец, родившийся в Моравии, он получил прекрасное европейское образование, учился в Вене, работал в Monumenta Germaniae historica: в 1923 г. в этой серии вышло новое издание «Чешской хроники» Косьмы Пражского в его редакции¹⁹. К моменту описываемых событий он стал моравским историографом и архивариусом и издавал — вслед за своим предшественником в должности историографа²⁰ — «Историю Моравии»²¹, хотя и довел

¹⁵ *Idem*. Žižka a jeho doba. Díl 1-3. Praha, 1927–1930.

¹⁶ *Idem*. Kniha o Kosti. Kus české historie. Díl 1-2. Praha, 1909–1911.

¹⁷ См. Sutter B. Theodor Mommsens Brief “An die Deutschen in Österreich (1897)” // Ostdeutsche Wissenschaft. Bd. 10. 1963. S. 152-225.

¹⁸ Pekař J. “Prof. A. Bachmann und die zweite böhmische Universität” // Politik 41 (1902), Nro. 303, 304 (4., 5. November). “Prof. A. Bachmann und die böhmische Geschichtsschreibung” // Politik 41 (1902), Nro. 318, 319 (19. 20. November).

¹⁹ Косьма Пражский (ум. 1125) — декан Пражского кафедрального собора, автор Chronicon Boemorum, основного источника по ранней истории Чехии. Последнее издание: Bretholz B. Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag // MGH, nova series 2, Berlin, 1923.

²⁰ Dudík B. Dějiny Moravy. Díl 1-9. Praha, 1871–1884.

²¹ Bretholz B. Dějiny Moravy. Díl 1-2. Brno, 1893–1895.

ее только до XII в. Он продолжал издание источников по истории Моравии²² и также поспособствовал разоблачению подделок²³.

Как признавался сам Пекарж, в 1902 г., изучая социально-экономическую ситуацию в чешских землях XII в. на летописном материале этого периода, он совершенно случайно заглянул в Легенду Кристиана, которая, согласно одной из датировок, относилась к этому столетию²⁴, и «мне стало ясно с первого взгляда на произведение Кристиана... что нет никаких оснований считать его подделкой»²⁵. Менее чем за две недели он написал сорокачетырёх-страничное доказательство этого тезиса и поместил его, вместе с изданием текста легенды, под громким названием «Древнейшая чешская хроника»²⁶ в «Чешском историческом журнале», который они издавали тогда вместе с Голлом. На первых же страницах Пекарж открыто провозгласил, каково его видение текста и его значения: «...Это не просто житие, описывающее святую жизнь первых наших мучеников и чудеса над их останками, это нечто намного большее — труд, который связно воссоздает древнейшую чешскую историю, начиная от времен сказочных до убийства святого Вацлава, и где, помимо того, довольно подробно рассказывается о деятельности солунских братьев Кирилла и Мефодия в Моравии и Чехии; речь идет, одним словом, о *древнейшей чешской хронике*, возникшей по меньшей мере на 130 лет раньше Косьмы, речь идет о *первом чешском литературном произведении*, обладающем выдающимися художественными достоинствами!»²⁷. Возвращение

²² *Idem* (ed.) Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae. Vol. 14-15. Brno, 1903. *Idem* (ed.) Libri citationum et sententiarum. Vol. 7. Brno, 1911.

²³ *Idem*. Die Tataren in Mähren und die moderne mährische Urkundenfälschung // Zeitschrift des Deutschen Vereines für die Geschichte Mährens und Schlesiens. Vol. 1. 1897.

²⁴ *J. Pekař*. Námitky Kalouskovy // Český časopis historický. Č. 9 (1903). S. 162.

²⁵ *Idem*. Die Wenzels- und Ludmila Legenden und die Echtheit Christians. Praha, 1906. S. 8.

²⁶ *Idem*. Nejstarší kronika česká ku kritice legend o sv. Ludmile, sv. Václavu a sv. Prokopu // Český časopis historický 8 (1902): 385–481. Интересно, что первое, журнальное издание работы было посвящено Голлу.

²⁷ Цит. по: *Pekař J.* Nejstarší kronika česká ku kritice legend o sv. Ludmile, sv. Václavu a sv. Prokopu. Praha, 1903. S. 2.

ореола подлинности Легенде Кристиана означает перелом в судьбах чешской исторической критики: если прежде ей «в основном приходилось принимать на себя печальную обязанность разоблачать старые и новые подделки, [то] теперь все должны будут признать, что разрушать, опустошать, обезлюдить — не ее сущность, что она способна и открывать новые ценности, возвращать утраченные, полузабытые королевства...»²⁸. «...С литературной точки зрения [легенда] значительно превосходит и лучшие средневековые хроники, не только в плане формальном (язык и стиль кое-где просто-таки элегантны), но и в плане фактическом, то есть как по своему историко-критическому чувству, так и по своему духу пылкого, но просвещенного (я бы сказал, утонченного) христианства, который стремится гармонически соединить историческую правду с правдой жития»²⁹. Как нетрудно заметить, говоря о тексте, Пекарж, в сущности, говорит о его авторе, о той самой «личности», которая была частью программы его учителя; веря в несокрушимость своих аргументов, он торжественно заключает: «...То, что столь благородную фигуру, столь редкую нравственную и литературную индивидуальность, человека, происходящего к тому же из княжеского рода, первого и последнего писателя-историка из рода Пршемысловичей это опровержение огромной исследовательской ошибки вернуло истории, я считаю не последней заслугой своей работы»³⁰.

Итак, что же произошло? Йозеф Пекарж прочитал легенду (в первую очередь — ее пролог, где четче всего проступает авторское «я»: «с того момента, как я впервые прочитал пролог легенды Кристиана...»³¹), и она, говоря простыми словами — поскольку никаких других здесь найти нельзя³² — ему понравилась. Художественное произведение привлекает читателей языком, стилем, композицией, содержанием; он назвал все это «внутренними осно-

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid, 74.

³⁰ Ibid, 76.

³¹ *Pekař J. Ještě námitky Kalouskovy // Český časopis historický. Č. 9 (1903). S. 319.*

³² «...Почему повествования отвечают нашим читательским и психологическим ожиданиям, до сих пор не вполне понятно». *Stock B. Listening for the Text. On the Uses of the Past. Philadelphia, 1990. P. 11.*

ваниями»³³ в противовес внешним, то есть взаимосвязям текста с другими текстами, и использовал их в качестве доказательства подлинности легенды. Как ни странно, чем яснее видел Пекарж в ходе полемики — потому что едва ли он мог не видеть очевидно, — что его оппонентов раздражают такого рода «внутренние основания» и они их за основания вовсе не считают, тем больше он делал акцент именно на них. Если в «Древнейшей хронике» раздел «Внутренняя критика» значительно короче (стр. 4-14), чем раздел «Внешняя критика» (14-74) (сюда Пекарж включил демонстрацию того, что тексты, дошедшие до нас в рукописях XII века, являются почти дословными выдержками из Кристиана, а не его протографами, а также сопоставление Легенды Кристиана и Хроники Космы и новую схему взаимоотношений между житиями внутри корпуса вацлавско-людмилской агиографии), то в его трехсотстраничной немецкой монографии³⁴, появившейся в ответ на полемику с Б. Бретгольцем, «Die äusseren Gründe» (131-153) занимали в пять раз меньше места, чем «Die inneren Gründe» (154-261). Произошло это отчасти потому, что анализ образной структуры разных житий как основа для построения схемы их взаимных отношений также перешел в разряд «внутренних оснований». Но уже первая работа Пекаржа была в этом плане со временем глубже осмыслена — или перетолкована? — им самим, и акценты становились все более четкими. Хотя он назвал вопрос о взаимосвязи Легенды Кристиана и Хроники Космы Пражского «критическим пунктом» своей работы, но когда оба его основных оппонента, Йозеф Калоусек и Бертольд Бретгольц, специалист по Косме, попытались доказать ему ложность его построений в этом пункте, Пекарж возразил, что, хотя он с ними и не согласен, но так или иначе, основа его доказательств — внутренние основания подлинности легенды³⁵.

³³ В «Древнейшей хронике» Пекарж использовал термин «внутренняя критика». В примечании 2 на стр. 4 мы читаем: «Я не использую здесь этот термин в обычном смысле слова».

³⁴ *Pekař J. Die Wenzels- und Ludmila Legenden und die Echtheit Christians. Praha, 1906* (далее WLL).

³⁵ Интересно наблюдать за эволюцией текстов самого Пекаржа. Оба своих ответа Бертольду Бретгольцу, изначально вышедшие на чешском, он перевел на немецкий и поместил в качестве приложений в свою немецкую моно-

Суть внутренних оснований сводилась к тому, что: а) все художественные особенности легенды соответствуют концу X в., временам Оттоновского возрождения в Европе; б) пролог составляет органическую часть текста, единого по своей структуре, стилистическим и тематическим особенностям, и если пролог написан в конце X в., следовательно, легенда целиком также написана в конце X в. Иногда «стиль Кристиана приобретает по-настоящему торжественную пышность... весь текст написан превосходной латынью, свободным, легким, часто элегантным стилем»³⁶. «Композиция просто мастерская, она выразительно указывает на оригинальную, заботливую редакцию целого. ...Ему [автору] великолепно удалось на основе абсолютно независимых произведений, посвященных отдельно святому Вацлаву и отдельно святой Людмиле... составить единое органическое целое, которое положительно свидетельствует об историческом чувстве автора»³⁷.

Для сопоставления можно привести высказывание одного из оппонентов Пекаржа (который, впрочем, не принимал особенно активного участия в спорах), Вацлава Новотного: текст является подделкой, и «доказательством служит сама легенда, с ее анахронизмами, с полным противоречий и неясностей, временами совершенно бессмысленным соединением различных мотивов и неловким списыванием с более старых образцов, вообще со всем своим стилем, который прямо выдает время ее возникновения, несмотря на все неловкие попытки архаизировать (разумеется, по понятиям той эпохи) язык, приводящие в своей невыносимой пышности прямо к невразумительности...»³⁸.

Возможно, Пекарж не был бы столь непримирим к своим соперникам, если бы он боролся только за текст; но он боролся за че-

графию: *Pekař J. Námitky Bretholzovy // Český časopis historický. Č. 10. 1904. S. 304-317. Автоперевод: Die Einwendungen Bretholzs // WLL. S. 296-312. Idem. Ještě námitky Bretholzovy // Český časopis historický. Č. 11. 1905. S. 267-300. Перевод, несколько дополненный, назывался Nochmals die Einwendungen Bretholzs // WLL, 312-353. Как раз на этом месте (с. 322-323 немецкого текста, что соответствует с. 307 журнального издания) в 1906 году он сделал вставку касательно все того же анализа внутренних оснований.*

³⁶ WLL. S. 173.

³⁷ Ibid. S. 174.

³⁸ *Novotný V. České dějiny. Díl 1, č. 3. Praha, 1928. S. 197.*

ловека. Точнее сказать, за людей — ведь Кристиан был другом и соратником Адальберта Пражского, который положил начало новому периоду в жизни центрально-европейских княжеств: с Легендой Кристиана оживала целая эпоха.

«Мы видим перед собой монаха, чья литературная одаренность, чья глубокая религиозность делают для нас во многих отношениях понятной столь привлекательную среду так называемого оттоновского ренессанса, где св. Адальберт вместе с кругом единомышленников занимал действительно выдающееся положение. Однако склонности к фанатизму, беспокойных поисков и стремления к идеалам и заслугам святости, столь характерных для св. Адальберта и Бруно, волнения и воодушевления, которые отличают стиль последнего³⁹, мы не замечаем у Кристиана — напротив, создается впечатление, что разум у него преобладал над чувством: сюда относится все, что было сказано о его квазикритической позиции, его нелюбви ко всепронизывающему легендарному духу, о ясной и логической композиции его работы и, не в последнюю очередь — о его могучем чувстве истории, которому мы обязаны также двумя сугубо историческими главами; даже и в тех местах, где его стиль возвышается до прославления своего героя, великолепные фразы явно обязаны своим возникновением сознательно отточенному искусству стилиста, а не волнению духа. ...Его критический ум, его понимание истории своего народа в целом, далеко превосходящее уровень, свойственный агиографам, его искренность... могут служить доказательством его выдающейся индивидуальности, сформированной, вероятно, и рождением, и образованием. Нам, чехам, он подарил своей работой древнейший памятник нашей исторической литературы, произведение, которое во многих отношениях по праву может быть обозначено как «древнейшая чешская хроника» и которое именно в первых двух своих главах сохранило для нас бесценные сведения о древнейшей истории христианской Чехии»⁴⁰.

³⁹ Св. Бруно Кверфуртский (погиб мученической смертью в 1009), капеллан Оттона III, был автором так называемого Второго жития Адальберта Пражского. См. *Bruno Querfurtensis. Passio sancti Adalberti episcopi et martyris* // MPH. Nova series, vol. 4, 2. Ed. Jadwiga Karwasińska. Warszawa, 1969.

⁴⁰ WLL. S. 291-292.

Едва ли кто-нибудь станет удивляться, что исследователи не разделили энтузиазма Пекаржа. Даже Голл сдержанно отнесся к новому открытию своего ученика. В «Католической газете» появился фельетон Франтишека Вацека, который с тех пор не оставлял этой темы вплоть до конца двадцатых годов; впрочем, первым и последним прямым ответом Пекаржа на его выступления явилась добавочная главка «Кристиан и латинские легенды о святом Прокопе» в новом, книжном издании «Древнейшей чешской хроники». Вацек пытался доказать, в частности, что Легенда Кристиана слишком похожа по структуре и т.д. на другие агиографические произведения, в частности, те самые легенды о святом Прокопе, следовательно, ее создатель был просто компилятором. Об уровне его аргументации дает представление, например, популярный в те годы у оппонентов Пекаржа аргумент, что, поскольку блаженный Августин получил титул учителя церкви только в XIII в., он не мог быть назван *magnificus doctor* в X в. Интересно, что Вацек был единственным, кто согласился увидеть личность в авторе легенды, однако он раскритиковал эту личность, обвинив Кристиана в тщеславии⁴¹ и в отсутствии снисхождения к Болеславу, который, хотя и убил Вацлава, однако воспитал дочь Младу, основательницу первого монастыря в Чехии, а также Дубравку, вышедшую замуж за польского князя Мешко и склонившую его к крещению⁴². Так или иначе, спора не получилось, в связи с чем взаимоотношения этих двух историков не будут здесь рассматриваться.

В 1903 г. с отзывом на «Древнейшую хронику» выступил Йозеф Калоусек, автор дважды переиздававшейся «Защиты князя Вацлава Святого против клеветы и несправедливых суждений о его характере»⁴³. На эту работу Пекарж даже ссылался в своей «Древнейшей хронике»⁴⁴. Идея Калоусека заключалась в том, что Вацлав был вовсе не трусливый религиозный фанатик, не умевший дать

⁴¹ *Vacek F.* Legenda Kristiánova, prameny její a čas sepsání // Časopis muzea království českého. Č. 77. 1903. S. 401.

⁴² *Idem.* Legenda Kristiánova. Ke kritice nejstarší hagiografie české // Hlídky. Č. 20. 1903. S. 742.

⁴³ *Kalousek J.* Obrana knížete Václava Svatého proti smyšlenkám a křivým úsudkům o jeho povaze. Praha, 1901.

⁴⁴ *Pekař J.* Nejstarší kronika česká. S. 95.

отпор своим противникам, а добрый, самоотверженный князь, делавший все, что требовалось его княжеству в тот начальный период христианизации Центральной Европы, в частности, успешно добившийся церковной независимости от немцев. Разумеется, авторы житий делали из Вацлава прежде всего аскета, и чем позднее они писали, тем более упорно к этому стремились; однако в Легенде Кристиана содержится ряд деталей, действительно больше приличествующих князю, чем святому (в частности, рассказ о попойках Вацлава и о том, как он сек на пирах пьяниц), из чего Калоусек заключил, что хотя легенда, конечно, была написана в XIV в., но ее автор воспользовался более ранними источниками.

Конечно же, Пекаржу было важно мнение Калоусека; и ему пришлось разочароваться.

Йозеф Калоусек был уже чересчур умудрен — годами, опытом, или просто менее восторжен по природе — чтобы верить в «редкие нравственные и литературные индивидуальности». «Признаюсь, что я никогда не ломал себе особенно голову над временем возникновения Легенды Кристиана... мне хватило прочесть предисловие и начало этой легенды, и я пришел к выводу, что по крайней мере эти ее части были составлены намного позднее, чем в них изображается. Когда я читаю пролог, у меня всегда возникает чувство, словно я слушаю вкрадчивую ложь, словно говорит мошенник, который нам уверенно обещает нечто, что нас бы очень порадовало, когда бы исполнилось»⁴⁵. «...Я полагаю, что кто-то в первой половине XIV века собрал несколько более древних житий чешских святых, некоторые из них просто переписал, из некоторых взял основу, и все это вместе несколькими собственными фразами соединил в одну длинную легенду, перед которой поставил обманный пролог, как если бы все это было написано во времена епископства святого Войтеха»⁴⁶.

Да, Калоусек тоже понял легенду и образ автора, стоящий за ней, но отказался ему верить. Признание компилятивной природы источника, с одной стороны, позволяло пользоваться им именно как источником, а с другой стороны, избавляло от этого «мошенника», столь очаровавшего Пекаржа: у компиляции нет автора. Ка-

⁴⁵ *Kalousek J. Nejstarší kronika česká? Osvěta. Č. 33. 1903. S. 119-120.*

⁴⁶ *Ibid. S. 123.*

лоусек утверждал, что текст легенды непоследователен, что он содержит анахронизмы, что так называемая «критика» Пекаржа — что внутренняя, что внешняя — ничего, в сущности, не доказывает. Да, такие подробности, как рабство, женатые священники, причастие под двумя видами характерны для X, а никак ни для XII и уж тем более не для XIV веков, но в это время о них могли прочесть; точно так же и стилистические соображения не могут служить неопровержимым аргументом. Да, если бы легенда была подлинной, то это, например, означало бы, что Борживоя действительно крестил Мефодий (идея, столь привлекательная для идеологии чешской независимости), но, к сожалению, проблема сможет считаться решенной, только если найдется полная рукопись жития, написанная в конце X в. Калоусек не ждал от истории чудес, и он закончил свою статью, выдержанную в нетипичном для него, спокойном и даже немного грустном тоне, фразой, долженствовавшей восстановить мир между ним и Пекаржем, — о том, что «речь не идет ни о потере старого, ни об обретении нового исторического источника, но только о том, были ли эти древние легенды соединены вместе и дополнены впереди и позади несколькими неудачными вставками только в XIV веке или уже в конце X»⁴⁷.

Неудивительно, что после такой дискредитации Кристиана никакой мир между Пекаржем и Калоусеком оказался невозможен. Надо сказать, что, хотя в этой дискуссии последовал еще только один обмен репликами — получив отклик Пекаржа, Калоусек написал краткий и очень язвительный, в своем обычном стиле, ответ, объявил, что более к этой теме возвращаться не будет, и сдержал слово, несмотря на не замедлившую последовать реакцию Пекаржа — еще в 1916 г., когда Пекарж, уже как единственный редактор «Чешского исторического журнала» и получивший окончательное признание историк, писал некролог Калоусека⁴⁸, он не забыл о своих трениях с покойным и искал им личные объяснения.

Но в 1903 г. Пекарж продолжал считать, что он сумеет убедить старшего коллегу, равно как и всех прочих, в своей правоте, если еще раз прояснит свои аргументы. Ему не казалось странным в статье, посвященной анализу исторического источника, пускаться

⁴⁷ Ibid. S. 127.

⁴⁸ *Pekař J. Josef Kalousek // Český časopis historický. Č. 22. 1916. S. 1-16.*

в рассуждения о художественном единстве текста, о проблеме автора и т. д., несмотря на все ехидство Калоусека: «[Пекарж] говорит так, будто те, кто не верит в правдивость ее [легенды] пролога, полагают, что кто-то эту легенду в XIV веке написал примерно столь же самостоятельно и свободно, как Палацкий писал о чешской истории в веке XIX»⁴⁹. Пекарж искренне недоумевал, каким образом можно не соглашаться с его аргументами, и был возмущен пренебрежительной, как ему казалось, характеристикой легенды, данной Калоусеком. Значение источника «проявится четко только тогда, когда на основании Кристиана и моей новой филиации легенд древнейшая чешская история будет подвергнута новой переработке»⁵⁰. Кристиан стал основой видения истории для Пекаржа; он не хотел понимать, что не все готовы его разделить.

В сущности, Калоусек тоже не понял, что на самом деле двигало его младшим коллегой. Язвительно разобрав его ответную реплику, откомментировав, прежде всего, чересчур эмоциональный для научной статьи (точнее сказать, оскорбительный) стиль, он заключил: «Но уже на прощание добавлю кое-что еще. Прежде всего я хочу заявить, что за все это никакого зла на Пекаржа не держу, ни за его вышеупомянутый повышенный тон, ни за все недосмотры, недогляды, преувеличения, привычку принимать возможное за действительное, фантастические выводы, чрезмерную веру в то, что ему подходит; все это я списываю на то обстоятельство, в котором он сам признается (с. 162): “я не виноват, если уже не могу работать иначе, если, когда меня интересует тема, я работаю *не просто быстро, но как в горячке*”. Это признание объясняет все, и извиняет многое, пускай не полностью. Быстрый, горячечный способ работы подходит художнику, когда он творит, но не ученому, когда ему нужно исследовать»⁵¹.

⁴⁹ *Kalousek J.* O legendě Kristiánově // *Osvěta*. Č. 33. 1903. S. 541. Франтишек Палацкий (1798–1876) — ведущий деятель чешского национального возрождения, «отец нации», автор «Истории чешского народа в Богемии и Моравии» — *Die Geschichte des tschechischen Volkes in Böhmen und Mähren*, Praha, 1836; *Dějiny národu českého v Čechách a na Moravě*, Praha, 1848.

⁵⁰ *Pekař J.* Námitky Kalouskovy. S. 160.

⁵¹ *Kalousek J.* O legendě Kristiánově. S. 548.

Можно сказать, что Пекарж был художник, готовый отстаивать свое творение, особенно если это творение было — видение национальной истории; можно сказать, что он был еще и верный друг, не желавший дать в обиду монаха Кристиана. Так или иначе, но следующий этап полемики стал значительно более трудным испытанием его стойкости. Когда страсть сталкивается с трезвостью, трезвость обычно уступает страсти; когда сталкиваются две страсти, последствия бывают непредсказуемы.

В 1904 г. Бертольд Бретгольц опубликовал на немецком языке краткий обзор новейшей литературы «о Псевдокристиане»⁵², суть которого сводилась к тому, что мнения о датировке легенды продолжают расходиться, и доказательства раннего ее возникновения довольно шатки. Причина того, почему человек, профессионально занимавшийся историей Моравии и ее столицы Брно, а также работавший над новым изданием «Чешской хроники» Косьмы Пражского, обратился к этой теме, состояла в том, что после «воскрешения» Легенды Кристиана некоторые ученые объявили ее единственным надежным источником по ранней истории Чехии, что вызывало недоверие к сведениям, сообщаемым Косьмой⁵³. Интересно замечание Бретгольца, демонстрирующее его восприимчивость к средневековому тексту: «я охотно соглашусь с Пекаржем, что чтение пролога оставляет неопределенное ощущение, что до такой степени утонченности мошенник не мог бы подняться»⁵⁴. Это был достойный оппонент Пекаржа.

Пекарж, однако, не допускал двух мнений касательно Легенды Кристиана, и взвешенный тон очерка Бретгольца ничем последнему не помог. Для Пекаржа дискуссия о Кристиане была не просто абстрактной научной полемикой, это была дискуссия об основах его мировоззрения, его личности, и он не сомневался, что для всех окружающих дело обстоит точно так же — или, если выразиться иначе, что эти вопросы «принадлежат к числу важнейших вопросов

⁵² *Bretholz B.* Neueste Literatur über Pseudochristian // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. Bd. 29. 1904. S. 480-489.

⁵³ У Бретгольца см. об этом *Bretholz B.* Cosmas und Christian // Zeitschrift des Deutschen Vereines für die Geschichte Mährens und Schlesiens. Bd. 9. 1905. S. 94 sqq.

⁵⁴ *Bretholz B.* Neueste Literatur über Pseudochristian. S. 488.

центрально-европейской истории IX–X веков»⁵⁵. Поэтому причины того, почему оппонент не согласен с его позицией, он искал на том же, глубоко личном уровне. Ответ, казалось бы, напрашивался сам собой — и Пекарж обвинил Бретгольца в национализме⁵⁶.

Разумеется, Бретголец был шокирован. Он заявил, что сам всегда считал себя мораванином, что Хроника Косьмы — более враждебно настроенный к немцам источник, чем Кристиан, и вообще то, «что эти источниковедческие вопросы имеют также политическую, т. е. национальную — чешскую либо немецкую — подоплеку, первым открыл профессор Пекарж»⁵⁷. Однако обвинения в непрофессионализме, «грубых ошибках», неожиданных для сотрудника Monumenta, также имели место, и Бретгольцу нужно было оправдаться. Он привел новый, значительно более подробный обзор предшествовавшей литературы, все еще взвешенный и достаточно объективный, в обоснование того, что в предыдущей статье оставил вопрос о датировке легенды без ответа: «Чтобы объяснить такое расхождение во мнениях, едва ли требуется предполагать пристрастность, ненаучность, тенденциозность; оно легко объясняется само собой на основе трудностей, связанных с этим вопросом; и когда по пятам за «Он спасен» Пекаржа следует «Он осужден» Калоусека и Вацека, значит, в этом виновны недостаточные доказательства первого, которые местами своей бессодержательностью просто напрашиваются на возражения»⁵⁸. Но заглавие ответной статьи Бретгольца звучало характерным образом — «Косьма и Кристиан», и всякая сдержанность изменила ему, как только дело дошло до Хроники Косьмы; тут количество восклицательных знаков в его статье также резко возросло. Как можно не доверять Косьме из-за Кристиана? Даже если их свидетельства не совпадают, «это еще далеко не дает права называть его лгуном, который высосал свои предания из пальца. Косьма знал легенды, которые рассказывали старые люди в Чехии, и облек их в поэтическую форму; Кристиан пользовался подобным же источни-

⁵⁵ *Pekař J.* Nochmals die Einwendungen Bretholz. S. 314-315.

⁵⁶ *Idem.* Die Einwendungen Bretholz. S. 296 sqq.

⁵⁷ *Bretholz B.* Cosmas und Christian. S. 70.

⁵⁸ *Ibid.* S. 79-80.

ком, точно такими же историями из уст стариков...»⁵⁹. Короче говоря, Легенда Кристиана вовсе не является «единственным авторитетом для древнейшей истории Чехии»; более того, чтобы решить этот вопрос раз и навсегда, «Косьма Кристиана не знал и не использовал», что бы там ни утверждал Пекарж, а поскольку столь значимое сочинение не могло оказаться абсолютно забытым в том же диоцезе через сто лет, значит, во времена Косьмы никакой Легенды Кристиана просто не было⁶⁰. В качестве приложения Бретгольц издал тексты двух рукописей: одного из более поздних святоацлавских житий и фрагмента, который разными учеными считался либо дословной выдержкой из Кристиана, либо самостоятельным житием Людмилы и его (Кристиана) источником.

«Итак, в битву!»⁶¹ — начал Пекарж свой новый ответ Бретгольцу. Теперь он понял внутренний мотив своего оппонента и, как всегда, приготовился ответить по существу. Он признал, что был, пожалуй, неправ, обвинив Бретгольца в национализме; но тот должен был помнить, что пишет для немецкоязычного читателя, для которого его очерк — единственный источник сведений о том, что происходит в современной чешской историографии, и подойти к делу профессиональнее. Обзор литературы поверг его в искреннее недоумение. Здесь мотивы Бретгольца, в целом очевидные из статьи, проступали недостаточно отчетливо. «Что хочет Бретгольц этим своим обзором литературы?» Что он хотел здесь доказать? Где сведения о рукописях, с которыми работали исследователи? Где описания их мотивации? Если бы Бретгольц был объективен, он бы не умалчивал обо всем, что говорит в пользу Кристиана. Вся эта часть статьи Бретгольца не имеет никакой научной ценности⁶². И Пекарж перешел к сути дела, как он ее понимал. Неуважение к Кристиану не могло никому пройти даром: расправившись с аргументацией своего оппонента, Пекарж нанес ответный удар. Итак, мы не можем судить, знал Косьма Кристиана или нет, потому что его хроника — это просто набор выдумок, что бы там ни утверждал

⁵⁹ Ibid. S. 95, Anm. 1.

⁶⁰ Ibid. 98.

⁶¹ *Pekař J.* Nochmals die Einwendungen Bretholz. S. 314.

⁶² Ibid. S. 316.

Бретгольц, это то же самое, что сочинение Гайека⁶³; Косьма использовал свои источники «с невероятной неаккуратностью и небрежностью»⁶⁴, и, например, если сопоставить его текст с одним из житий св. Адальберта⁶⁵, которое Косьма читал наверняка, то можно точно так же прийти к выводу, что «Косьма Канапария не знал и не использовал»⁶⁶. Тем большую ценность имеет Легенда Кристиана. Пекарж прекрасно знал, что он делает, он понимал, что это худшее из возможных личных оскорблений, которое можно нанести его оппоненту: «Я показал господину Бретгольцу с помощью этого очень наглядного, хотя и несколько болезненного для него эксперимента, что его критика ведет *ad absurdum*»⁶⁷. Он еще усилил атаку: пусть и в сноске, но он подсчитал ошибки, содержащиеся в двух текстах, изданных Бретгольцем, и подытожил, что, пожалуй, рано научной общественности радоваться готовящемуся новому изданию Косьмы⁶⁸. И все-таки Пекарж не мог почувствовать себя достаточно отомщенным. «...В сущности, все написанное выше показывает только, что возражения и высказывания Бретгольца ложны или бессмысленны, что в его статье — ошибка на ошибке, что иногда он позволяет себе откровенно ложные суждения, опасное умолчание и передергивание действительности, и делает все это, не задумываясь о том важном обстоятельстве, что его читатели в большинстве своем не имеют никакого представления о чешской научной литературе, и о моей работе и моих аргументах они могут узнать только из-под его пера»⁶⁹. Статья заканчивалась исполненным горечи и отчаяния обещанием Пекаржа перейти на немецкий. И он приступил к подготовке своей немецкой монографии.

⁶³ Вацлав Гайек (ум. 1553) — известен в основном как автор «Чешской хроники», прославившейся в чешской историографии как подборка ни на чем не основанных, но вдохновенных сказок. *Hájek V. Kronika česká*. Много изданий.

⁶⁴ *Pekař J.* Nochmals die Einwendungen Bretholz. S. 333.

⁶⁵ Так называемое Первое житие Адальберта Пражского, обычно приписываемое Иоанну Канапарию. См. *Passio sancti Adalberti martyris Christi // МРН. Nova series 4, 1. Ed. Jadwiga Karwasińska. Warszawa, 1962.*

⁶⁶ *Pekař J.* Nochmals die Einwendungen Bretholz. S. 336.

⁶⁷ *Ibid.* S. 337.

⁶⁸ *Ibid.* S. 350. Anm. 1.

⁶⁹ *Ibid.* S. 353.

Бертольд Бретгольц принял вызов. Теперь и для него дискуссия стала делом глубоко личным. В следующем году он опубликовал статью под заглавием «К решению вопроса о Кристиане». Первая фраза была: «На мою работу под заглавием ‘Косьма и Кристиан’... господин профессор Пекарж ответил призывом ‘Итак, в битву’, как будто мы не ведем битву уже больше года»⁷⁰. Статья делилась на пять частей; первая называлась: «Обзор развития вопроса о Кристиане». Это был ответ на недоуменный вопрос Пекаржа «Что хочет Бретгольц этим своим обзором литературы?» В этой версии обзора Бретгольц не пощадил никого, ни защитников Кристиана, ни его противников; может быть, только к Добровскому он все-таки отнесся более-менее уважительно. Эта часть его статьи, благодаря своей практически образцовой основательности, до сих пор остается полезным чтением для тех, кто хочет ознакомиться с историей проблемы; только к его язвительным персональным характеристикам ученых следует подходить с осторожностью. Вторая часть носила название «Способ издания и критики источников, свойственный профессору Пекаржу». Сюда был включен четырехстраничный список ошибок, найденных Бретгольцем в издании Легенды Кристиана в «Древнейшей чешской хронике». Защищаясь против обвинений в некомпетентности, Бретгольц зачастую не мог найти ничего лучшего, как просто процитировать своего оппонента; местами в его тоне сквозило отчаяние. Третья часть статьи носила название «Косьма и Канапарий». Процитировав две страницы из статьи Пекаржа, Бретгольц разобрал все его аргументы, опять-таки, по пунктам, и показал, что, хотя Косьма и обращается с текстом жития Адальберта довольно свободно, противоречий между ними тем не менее нет, и имеются даже некоторые дословные совпадения — в отличие от ситуации с Легендой Кристиана. Четвертая часть была озаглавлена «Доказательство зависимости Кристиана от Косьмы»: если раньше Бретгольцу было достаточно констатировать, что Косьма Кристиана не знал, то теперь честь не позволяла ему ограничиться этим утверждением. Вывод, напечатанный разрядкой, гласил: «итак, Кристиан — мошенник, итак, он не современник святого Адальберта, за которого он себя

⁷⁰ *Bretholz B. Zur Lösung der Christiansfrage // Zeitschrift des Deutschen Vereines für die Geschichte Mährens und Schlesiens. Bd. 10. 1906. S. 1.*

выдает, итак, он не смеет к нему обращаться *peros carissime*⁷¹, итак, он не тождествен тому Кристиану, который действительно был племянником святого Вацлава и сыном Болеслава I, итак, он не первый и последний историк из дома Пршемысловичей, и, наконец, его работа — не древнейшая чешская хроника⁷². Пятая и последняя часть статьи была озаглавлена «Опровержение приведенных Пекаржем доказательств зависимости Косьмы от Кристиана». Здесь Бретгольц временами уже даже не пытался изображать объективность: «Когда Косьма замечает, что послы Либуше приветствовали Пршемысла по крестьянскому обычаю — дважды повторив приветствие: *salve dux, salve* — это, разумеется, момент характерный; когда же Кристиан называет *salveris amice, salveris* приветствием по народному обычаю — совершенно очевидно, что это неудачное заимствование»⁷³. Заключение гласило — легенда Кристиана является фальшивкой и не имеет никакой исторической ценности; неужели же, несмотря на все это, «мы должны считать его [Лжекрестиана] мерилом, руководством для оценки Косьмы... и других древних источников, неужели по нему мы должны учиться судить и критически разбирать эти тексты, на нем строить наши познания о чешской древности вплоть до Вацлава, неужели же он — древнейший, лучший чешский источник! ...Неужели мы, вся наша чешско-моравская история должна возвратиться во времена Бальбина⁷⁴, нет — Гайека?!»⁷⁵.

Пекарж прочитал статью, когда его немецкая монография уже готовилась к печати. Он успел включить в нее, помимо переводов двух своих предыдущих статей, ответ и на последнюю реплику Бретгольца⁷⁶. Восклицательный знак был здесь, пожалуй, наиболее

⁷¹ «Дражайший племянник». *Pontifex inclite et nepos carissime* — так Кристиан обращается к Адальберту в прологе (WLL. S. 89).

⁷² *Bretholz B. Zur Lösung der Christiansfrage. S. 54.*

⁷³ *Ibid. S. 60.*

⁷⁴ Богуслав Бальбин (1621–1688), чешский антикварий, автор ряда исторических работ, в которых он во многом основывался на сведениях Гайека. Первым издал Легенду Кристиана. См. *Balbin B. Epitome historica rerum Bohemiarum. Vol. 1. Praha, 1677. S. 40-90.*

⁷⁵ *Bretholz B. Zur Lösung der Christiansfrage. S. 81.*

⁷⁶ *Pekař J. Antwort auf den Artikel: Zur Lösung der Christians Frage. // WLL. S. 353-378.*

частым знаком препинания. Едва ли стоит цитировать текст этой статьи. Приведем только последний абзац: «Будущее покажет, кто из нас двоих, я или господин Бретгольц, хотел вернуть чешское историописание в давно устаревшую фазу... я спокойно предоставляю выбор между мной и господином Бретгольцем профессиональному мнению непредвзятого исследователя»⁷⁷.

К чести Бертольда Бретгольца следует заметить, что он не возвращался к этой теме до 1909 г., когда опубликовал статью, где стремился показать, что некоторые данные Хроники Косьмы, обычно вызывавшие недоверие, не обязательно являются ложными. В частности, он доказывал, что датой смерти Вацлава действительно может быть 929 год, а не 935, как чаще всего считалось на основании Хроники Видукинда. В качестве одного из подтверждений он сослался на Легенду Кристиана, где встречается та же дата, и на монографию Йозефа Пекаржа, где эти сведения разбираются самым подробным образом⁷⁸.

К чести Йозефа Пекаржа отметим. В 1921 г. Бретгольц издал книгу⁷⁹ — продолжение своих предыдущих изысканий в этой области⁸⁰, где доказывал, что германское население являлось в чешских землях коренным с древнейших времен, и XIII век не был периодом немецкой колонизации, а временем расцвета этих поселений. Пекарж, разумеется, откликнулся на эту работу, но не упомянул ни единым словом о старом споре и обвинениях, тогда прозвучавших⁸¹.

⁷⁷ Ibid. S. 378.

⁷⁸ Bretholz B. Studien zu Cosmas von Prag 1. Über Heinrichs I Feldzug nach Böhmen im J. 929 // Neues Archiv für ältere deutsche Geschichtskunde. Bd. 34. 1909. S. 655-674.

⁷⁹ Idem. Geschichte Böhmens und Mährens I. Das Vorwalten des Deutschtums bis 1419. Reichenberg, 1921.

⁸⁰ Idem. Geschichte Böhmens und Mährens bis zum Aussterben der Přemysliden 1306. München, Leipzig, 1912.

⁸¹ Pekař J. B. Bretholz, *Geschichte Böhmens und Mähren* (Reichenberg 1921). // Český časopis historický. Č. 26. 1921. S. 247-248, 500-501. Idem. Objevy Bretholzovy // Lidové noviny. 1922. Č. 71, 73, 75, 80, 82, 90, 93, 95, 97. Отдельным изданием: Objevy Bretholzovy, čili od které doby sedí Němci v naší vlasti, Brno, 1922.

Осталось, пожалуй, только добавить несколько слов по поводу немецкой монографии Йозефа Пекаржа. В нее включено издание Легенды Кристиана, которое, несмотря на существование нового издания с переводом, подготовленного Ярославом Людвиковским⁸², не теряет своей значимости (кстати, в конце приведены некоторые опечатки, указанные Бретгольцем); кроме того, туда вошли тексты двух других святовацлавских житий. Эрудиция Пекаржа и его чувство текста, его интуиция художника привели к странному явлению: в сущности, в этой книге можно найти все мысли о святовацлавской агиографии, позднее заново открытые, развернутые и доказанные в других работах; в ней можно найти множество тонких наблюдений о развитии средневековой литературы в целом (и не только литературы — эта книга была бы полезна для всех, кто интересуется ранним центрально-европейским средневековьем), каждое из которых могло бы стать основой для отдельной хорошей научной статьи; но эта монография не имела почти никакого отклика, и едва ли ее читали внимательно даже те, кто занимался непосредственно святовацлавской агиографией. Страницы книги изобилуют идеями, и само их количество мешает их восприятию.

Да будет позволено сказать, что этот наплыв мыслей продиктован любовью, которую ученый пронес через десятилетия — еще в его статье 1931 года⁸³ строки, посвященные Легенде Кристиана, поражают проникновенностью. Так или иначе, но сегодня монах Кристиан — полноправная фигура чешской и — шире — европейской литературной и даже политической сцены X века. Если бы не другие ученые, обладавшие тем, чего недоставало Пекаржу — спокойной рассудительностью, как, прежде всего, Ярослав Людвиковский — этого бы не случилось. Но этого не случилось бы также, не будь того огня, которым горел Йозеф Пекарж, который он сумел рассмотреть в авторе Легенды Кристиана и попытался показать всем — или хотя бы тем, кто сможет увидеть.

⁸² *Ludvíkovský J.*, vyd. a přel. *Legenda Christiani — Kristiánova legenda*. Praha, 1978.

⁸³ Pekař J. O Kristiána // *Český časopis historický*. Č. 37. 1931. S. 208-228. Полемика с В. Новотным.

С. Е. КИЯСОВ

МАСОНСКИЙ ФЕНОМЕН В ИСТОРИОГРАФИИ XVIII–XX ВЕКОВ

Масонские ложи, как тайные собрания, действующие под покровом древних аллегорий и мистических символов, вызывают немалый интерес просвещенной публики. Это повсеместное и давнее увлечение не смогли нарушить даже шокирующие слухи, якобы раскрывающие теневые стороны духовно-нравственной работы «вольных каменщиков». Напомним, что многочисленные приверженцы трансграничного братства нередко изображаются опасными политическими заговорщиками и безнравственными антихристианами¹. В наши дни, благодаря стараниям многочисленных исследователей, деятельность масонских структур изъята, наконец, из замкнутого круга крайних оценок. Несмотря на существующие «белые пятна», она по праву трактуется, причем не только апологетами, в качестве важного социокультурного компонента современной цивилизации².

Новейшие специалисты убеждены — подлинный вес и значение масонства определяются не надуманными ярлыками, а многообразием форм и фактов его проникновения в различные социальные институты³. Более чем избыточное число таких примеров

¹ Колеман Д. Комитет 300: Тайны мирового правительства / Пер. с англ. 3-е изд. М.: «Витязь», 2003. С. 6; Бегунов Ю. К. Тайная история масонства. 6-е изд. М.: Яуза, 2006. С. 7.

² См.: Peters A. Histoire mondial synchronoptique. Genève: Éditions Académiques de Suisse-Bâle, 1965; Nouvelle histoire des idées politiques sous la direction de Pascal Ory. P.: PUF, 1987; Perry L. Intellectual life in America: A history. Chicago, London.: Univ. of Chicago Press, 1989; Burke P. A social history of knowledge. From Gutenberg to Diderot. Cambridge: Univ. Press, 2000; Lomas R. The invisible college: the Royal Society, freemasonry and the birth of Modern science. L.: Headline Book Publishing, 2002.

³ Массоны принимают активное участие в общественной жизни. В качестве примера сошлемся на их работу по укреплению Европейского Союза, а также на «низовые» пропагандистские акции, явно рассчитанные на рабочих и служащих. См.: Проект масонского европейского договора (5 июня 1993 г.) //

свидетельствует об уникальной способности братьев-каменщиков адаптироваться к самым неблагоприятным условиям общественно-политической жизни. Безжалостные гонения со стороны государства, уничижительная критика и преследования католической церкви не смогли остановить распространение масонских организаций. Сегодня они действуют в большинстве стран земного шара. При всех сложностях статистических подсчетов, вызванных разрозненностью масонского сообщества, а также его приверженностью элементам конспирации, известно, что современные ложи объединяют миллионы людей всех цветов кожи⁴. Широкое распространение масонских структур, их активное участие в событиях повседневной жизни, заставляет относиться к этому феномену с надлежащим уважением. Особый интерес вызывают происхождение масонства, его идейная и организационная эволюция, подлинные причины распространения и влияния.

Между тем деятельность масонской организации все еще не получила ясной и взвешенной оценки. Движение «вольных каменщиков» по-прежнему имеет как своих ярких сторонников, так и безусловных противников. Столь резкое несовпадение мнений определяется политическими и идейно-религиозными мотивами авторов. Существенным барьером на пути изучения масонской истории является и то обстоятельство, что Орден каменщиков изначально распался на множество независимых обрядов, каждый из которых заявляет об аутентичности собственного происхождения⁵.

Начало осмыслению масонского феномена было положено в Англии. Точкой отсчета следует считать 1723 год — дату выхода в свет знаменитой книги «Конституций». Она приписывается

Масонство и масоны. М.: «Эра», 1994. Вып. 1. С. 118-122; *Maçonnerie de moellons: Aide-mémoire de formation à l'usage des travailleurs des PSTR*. Genève: BIT, 1991.

⁴ См.: *Mary R. L. La Franc-Maçonnerie dans le monde*. P.: Éditions de Vecchi, 1993. P.61.

⁵ По данным словаря Д. Лигу, к 1830 г. в мире существовало 52 Обряда «вольных каменщиков». См.: *Dictionnaire de la Franc-Maçonnerie publié sous la direction de D. Ligou*. P.: Presses Universitaires de France (PUF), 1987. P. 1011–1031. В наши дни наиболее популярным является Древний и Принятый Шотландский Обряд (*Le Rite Ecossais Ancien et Accepté*), насчитывающий 33 степени посвящения.

Джеймсу Андерсону (1684–1739), которого не случайно называют «отцом масонской истории». На страницах этого сочинения была изложена самая первая, однако предельно мифологизированная летопись движения «вольных каменщиков»⁶.

Дальнейшее изучение масонских структур способствовало появлению особого направления в исторической науке и литературе. О масштабах проделанной работы свидетельствуют цифры. В начале XX-го века немецкий библиограф Август Вольфштиг упомянул 50 тыс. сочинений по истории масонства⁷. В последней четверти прошлого столетия французский исследователь Поль Нодон писал о существовании более 60 тыс. таких работ⁸. В наши дни американец Руперт Корнуэлл подтверждает наличие 250 тыс. изданий по истории тайных обществ, хранящихся в библиотеке масонского Национального мемориала Джорджа Вашингтона⁹. Масонское движение наиболее плодотворно изучается во Франции, Великобритании, Италии, Испании, Германии, США, Польше и в России. Во многих странах функционируют специальные центры по масонским исследованиям¹⁰.

Интерес к собственной истории постоянно поддерживают и «вольные каменщики»¹¹. Крупнейшие масонские союзы давно рас-

⁶ The Constitutions of the Free-Masons. Containing the History, Charges, Regulations, &c. of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges. L.: Printed by William Hunter, for John Senex at the Globe, and John Hooke at the Flower-de-luce over-against St. Dunstan's Church, in Fleet-street, 1723. P. 1-48. (далее — The Constitutions of the Free-Masons).

⁷ См.: *Wolfstieg A.* Bibliographie der freimaurerischen Literature. In 4 t. Leipzig: Zechel, 1926 (первый, однотомный вариант справочника был опубликован в 1911 г.). Имеется также новейшее переиздание книги: *Wolfstieg A.* Bibliographie der freimaurerischen Literature. In 4 t. Hildesheim: Olms, 1964.

⁸ *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P.: Office du Livre, 1987. P. 239.

⁹ The Independent on Sunday, 24.09.2006. P. 1-9.

¹⁰ Институт масонских исследований и изысканий (Франция), Центр по истории масонства (Италия). Аналогичный исследовательский институт с 1984 г. существует в Испании. Во многих странах проводятся специальные выставки, посвященные масонской истории. См.: *La Franc-Maçonnerie. Exposition à Musée d'Aquitaine. Catalogue.* Bordaux: PUJOL, 1994.

¹¹ Научной деятельностью занимаются специальные исследовательские ложи. Подобные масонские структуры существуют во Франции, Великобри-

полагают первоклассными библиотеками, издательствами и музеями¹². Достаточно полную информацию о различных аспектах работы братьев-каменщиков можно получить в масонских периодических изданиях, а также на сайтах в Интернете¹³.

В историографии масонства выделяются два периода и два направления. К первому, наиболее раннему, относятся сочинения самих масонских авторов, которые, как правило, носили апологетический характер.

Таковым, в частности, оказался «Исторический очерк» неизвестного Джеймса Андерсона. Среди масонских летописцев-пионеров наибольшую известность приобрели англичанин Роберт Гулд (1835–1915)¹⁴, немец Йозеф Финдель (1828–1905)¹⁵, американец Альберт Маккей (1807–1891)¹⁶, француз Луи Амиабль (1837–

тании, Германии, а также в современной России. Отметим, что в последние десятилетия вопросы масоноведения стали обязательным компонентом учебных программ во многих учебных заведениях Западной Европы и США.

¹² Например, во Франции таким «культурным центром» располагает Великий Восток. Ему принадлежит издательский дом «EDIMAF». В вопросах просветительской интервенции от названной структуры не отстают другие, не менее известные стране масонские объединения — Великая Национальная Ложа и Великая Ложа.

¹³ Великий Восток Франции издает обозрение «Гуманизм» («Humanisme»), а также «Бюллетень Центра документации» («Bulletin du Centre de Documentation du G. O.»). Свое обозрение «Точка зрения посвященного» («Point de Vue initiatique») выпускает Великая Ложа. Разнообразные бюллетени печатают и другие масонские центры («Bulletin du Grand College des Rites», «Bulletin Interieur de la Grand Loge Nationale française»). Среди «масонских» веб-сайтов выделим наиболее доступные в России: www.masonry.ru (февраль, 2007 г.), www.freemasonry.ru (февраль, 2007 г.), www.grand-loge.org (февраль, 2007 г.), а в близкой области эзотерики и оккультизма — www.shamballa.ru (февраль, 2007 г.).

¹⁴ Один из основателей исследовательской масонской ложи при Объединенной Великой ложе Англии. Автор фундаментального многотомного сочинения: *Gould R. F. The History of Freemasonry*. In 4 t. L.: Jack, 1882–1883.

¹⁵ Этот издатель и журналист, был посвящен в масоны в 1856 г. Является автором знаменитого исследования, переведенного на многие европейские языки (*Findel J. G. Geschichte der Freimaurerei von der Zeit ihres Entstehens bis auf die Gegenwart*. In 2 t. Leipzig, Luppe, 1861–1862).

¹⁶ Один из наиболее крупных популяризаторов масонства XIX века на территории США. Автор ряда исследований, в том числе: *Mackey A. G. The*

1897)¹⁷. В более близкой исторической перспективе, помимо уже названного выше Даниэля Лигу, в группе исследователей-массонов следует особо выделить имена французов Жерара Энкосса¹⁸, Гастона Мартэна¹⁹ и Сержа Ютена²⁰. Столь же популярны и многие другие специалисты – американцы Артур Эдвард Уайт²¹, Фостер Бейли²² и Тим Дедопулос²³, англичанин Джон Хэмилл²⁴. Их книги

Symbolism of Freemasonry. N.Y.: Clark&Maynard, 1869; *Idem*. A Lexicon of Freemasonry: Containing a Definition of All Its Communicable Terms, Notices of Its History, Tradition, and Antiquities. 7th ed. L.: Charles Griffith, 1887.

¹⁷ Вне массонской истории Л. Амиабль был адвокатом и мэром центрального V округа Парижа. Он выступал также в качестве члена руководящих структур Великого Востока Франции. Автор нескольких монографий: *Amiable L. La Franc-Maçonnerie et la Magistrature en France à la veille de la Révolution*. Aix, 1894; *Idem*. Une loge maçonnique d'avant 1789: la respectable loge "Les Neuf Soeurs". P.: Collignon, 1897. В первой половине XIX в. во Франции прославились исторические сочинения массонов К. А. Тори (*Thory C. A. Acta Latomorum*. In 2 vol. P.: Dufart, 1815), Ф. Т. Клавеля (*Clavel F. T. Histoire pittoresque de la Franc-maçonnerie et des sociétés secrètes anciennes et modernes*. P.: Pagnerre, 1843), Ж. М. Рагона (*Ragon J. M. Orthodoxie maçonnique, suivi de la Maçonnerie occulte et de l'initiation hermétique*. P.: Dentu, 1853) и Э. Ребо (*Rebold E. Histoire des trois Grandes Loges de Francs-Maçons*. P.: Collignon, 1864).

¹⁸ *Патюс (Энкосс Ж.)*. Генезис и развитие массонских символов / Пер. с фр. СПб.: Экономическая типо-литография, 1911. В последнее время переизданы некоторые другие произведения знаменитого французского мистика. См.: *Патюс (Энкосс Ж.)*. Каббала, или Наука о Боге, Вселенной и Человеке. М.: Локид-Пресс, 2003; *Он же*. Оккультизм: Первоначальные сведения. М.: Локид-Пресс, 2003.

¹⁹ *Martin G. La Franc-Maçonnerie française et la préparation de la Révolution*. P.: PUF, 1926. В начале XX в. занимал высшие административные посты в структурах Великого Востока Франции.

²⁰ Один из крупнейших специалистов второй половины XX в. по проблемам эзотеризма и тайных обществ, автор более 50 работ, доктор филологии и массон. См.: *Hutin S. Les Francs-Maçons*. P.: Édition Du Seuil, 1966; *Idem*. *La Franc-maçonnerie et la Révolution française*. Bretteville l'Orgueilleuse: Éditions des Marais, 1989.

²¹ *Уайт А. Э.* Новая энциклопедия массонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств: их ритуалов, литературы и истории / Пер. с англ. СПб.: Изд-во «Лань», 2003. Первое американское издание книги увидело свет в 1921 г.

²² *Бейли Ф.* Дух массонства / Пер. с англ. М.: Литан, 1999. Сочинение было впервые опубликовано в американском журнале «Мастер каменщик» в октябре 1927 г.

составляют «золотой фонд» собственной истории всемирного масонского братства.

Вторую, более современную когорту, составляют исследователи, которые находятся вне рамок изучаемого движения. Если на протяжении XVIII–XIX столетий таковых практически не существовало²⁵, то минувший век можно смело назвать временем подлинно научного и независимого осмысления масонских тайн.

Галерея авторов новейшей «волны», посвятивших себя истории масонства, может быть открыта именами англичанина Альберта Кэлверта²⁶ и француза Поля Нодона. Не менее известны в научной среде англичанин Джаспер Ридли²⁷ и его многочисленные коллеги, представляющие страны Нового и Старого света: американец Стивен Баллок²⁸, немец Дитер Биндер²⁹, итальянцы Карло Франкович³⁰ и Микеле Морамарко³¹, австриец Гельмут Рейнальтер³², а также историки ряда других стран — поляк Людвик Хасс³³,

²³ *Дедопулос Т.* Масоны. Взгляд изнутри тайного братства. Пер. с англ. М.: Издательская группа «Контэнт», 2007.

²⁴ *Hamill J.* The History of English Freemasonry. Addlestone: Lewis Masonic Books, 1994. В момент написания книги автор занимал пост библиотекаря Объединенной Великой ложи Англии.

²⁵ Исключением можно считать немногочисленных критиков движения «вольных каменщиков» (О. Баррюэль, Д. Робинсон), о которых будет сказано ниже.

²⁶ *Calvert A. F.* The Grand Lodge of England. L.: Herbert Jenkins Limited, 1917.

²⁷ *Ridley J.* The Freemasons. L.: Constable and Company Limited, 1999.

²⁸ *Bullock S. C.* Revolutionary Brotherhood. Freemasonry and the Transformation of the American Social Order, 1730–1840. Chapel Hill and L.: University of North Carolina Press, 1996.

²⁹ *Binder D. A.* Die diskrete Gesellschaft: Geschichte und Symbolik der Freimaurer. Graz, Wien, Köln: Edition Kaleidoskop, 1988.

³⁰ *Francovich C.* Storia della massoneria in Italia dalle origini alla rivoluzione Francese. Firenze: La Nuova Italia, 1974.

³¹ *Морамарко М.* Масонство в прошлом и настоящем / Пер. с итал. В. П. Гайдука. М.: Прогресс, 1989.

³² *Reinalter H.* Die Freimaurer. München: Verlag C. H. Beck, 2001.

³³ *Hass L.* La franc-maçonnerie et les sciences occultes au XVIII siècle: Jean-Luc-Louis de Toux de Salvert // Acta Poloniae hist. Wrocław, 1986. № 53. В 1960–90 гг. этот историк издал более трех десятков работ, посвященных различным проблемам западноевропейского и русского (дореволюционного) масонства.

испанец Пабло Алварес Лазаро³⁴, португалец Альваро Оливейра-Маркес³⁵.

Весьма заметный вклад в осмысление тончайших нюансов массонской истории внесли и те специалисты, для которых данная тема не стала единственной в творчестве. Один из них – профессор Лондонского университета Александр Пятигорский, широко известный как историк мировых религий³⁶. Тщательное изучение массонской идеологии оказалось для него важным этапом на пути воссоздания многообразной картины философских и духовно-нравственных исканий, столь характерных для консервативной части западноевропейского общества. Морис Агюлон, профессор истории одного из ведущих университетов Парижа (Panthéon Sorbonne), опубликовавший около десятка работ по проблемам социальной и религиозной жизни Франции XVIII–XIX вв. написал солидную монографию о масонах дореволюционного Прованса³⁷.

Весьма популярный тип литературы о масонах – произведения разоблачительно-критического характера. В данном случае, речь идет о политически ангажированных изданиях, которые появились уже в конце XVIII в. В этой области на Западе наиболее известны сочинения аббата О. Баррюэля³⁸, Д. Робинсона³⁹, Г. Бора⁴⁰, Б. Фэя⁴¹,

См.: *Karpowicz A.* Katalog druków współczesnych w zbiorach masonskich biblioteki uniwersyteckiej w Poznaniu. Poznań, Biblioteka uniwersytecka, 2000.

³⁴ *Alvares Lazaro P. F.* Masoneria y librepensamiento en la España de la Restauración. Madrid: UPCM, 1985.

³⁵ *Oliveira Marques A. H., de.* Ensaio de Maçonaria. Lisboa: Quetzal, 1988.

³⁶ Эмигрировал в 1970 г. из СССР. Занимает штатную должность профессора Школы Восточных и Африканских исследований (SOAS) при Лондонском университете.

³⁷ *Agulhon M.* Pénitents et Francs-Maçons de l'ancienne Provence. Essai sur la sociabilité méridional. P.: Fayard, 1984.

³⁸ *Barruel A.* Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme. In 4 pt. L.: 1797–1798; английское издание — *Memoirs Illustrating the History of Jacobinism*, by Abbe *Augustin Barruel*. In 4 t. L.: T. Burton, 1798. В начале XIX в. книга была переведена на русский язык — [Баррюэль О.] Записки о якобинцах, открывающие все противу христианские злоумышления и таинства массонских лож, имеющих влияние на все Европейские державы. В 6 ч. М.: Университетская типография, 1806. О популярности «антимассонской классики» свидетельствует новейшее (однотомное) переиздание мемуаров Баррюэля в США — см.: *Memoirs Illustrating the History of Jacobinism*, by Abbe *Augustin*

С. Найта⁴², а в России — С. Д. Толь⁴³, Г. В. Бутми⁴⁴, О. А. Платонова⁴⁵. Они разделяют общий тезис о существовании масонского международного заговора, направленного на подрыв устоев христианской цивилизации (монархии, церкви, религиозной морали). Впрочем, появление таких псевдоисторических опусов не стало откровением. Они лишь продолжили кампанию католических авторов, которые издавна вели бескомпромиссную борьбу с еретиками и другими последователями Антихриста⁴⁶.

В обзоре антимасонской литературы следует особо выделить сочинения, обличающие «жидо-масонский заговор»⁴⁷. В эпицентре этого «критического» направления, заявившего о себе в самом начале XX в., оказалась Россия, уже втянутая в системный политический кризис. Главным доказательством тождественности идеологий сионизма и масонства стали пресловутые «Протоколы сионских мудрецов», которые были презентованы в книге С. А. Нилуса (1862–1929)⁴⁸. Ему поначалу приписывалось и автор-

Barruel. Fraser, Michigan: Real-View-Books, American Council on Economics and Society, 1995.

³⁹ См.: *Robinson J.* Proofs of a consiracy. Edinburgh: W. Cresch, 1798. Любопытно, что сам автор некоторое время являлся членом одной из масонских лож.

⁴⁰ *Bord G.* La Franc-Maçonnerie en France, des origines à 1815. P.: Nouvelle Librairie National, 1909.

⁴¹ Будучи убежденным антимасоном, в годы Второй мировой войны Бернар Фэй стал ярким коллаборационистом.

⁴² *Knight S.* The Brotherhood. The Secret World of the Freemasons. L.: Collins, 1988.

⁴³ *Толь С. Д.* Ночные братья: Опыт исторического исследования о масонстве в Германии; Масонское действо: Исторический очерк о заговоре декабристов. М.: Изд-во «Москва», 2000 (репринтное издание).

⁴⁴ *Бутми Г. В.* Враги рода человеческого. СПб.: Союз русского народа, 1906.

⁴⁵ *Платонов О. А.* Криминальная история масонства 1731–2004 гг. М.: Эксмо, Алгоритм, 2005.

⁴⁶ *Bourignon A.* L' antechrist d'ecouvert. In 3 t. A Amsterdam, chez Jean Ri-envert et Pierre Arents, 1681.

⁴⁷ *Petjean L.* La maffia judéo-maçonnique. P.: Éditions Baudiniere, 1934.

⁴⁸ Сионские Протоколы: Документ и приложения. М.: Витязь, 2004. Их текст был опубликован в декабре 1905 г. под названием «Отрывки из древних и современных протоколов Всемирного союза франкмасонов».

ство антисемитского апокрифа⁴⁹. Однако, как показали дальнейшие события, С. Нилус был лишь популяризатором скандального сочинения, истинных творцов которого еще предстоит установить.

Главным обличительным пунктом «Протоколов» стал тезис обретения мирового господства, в сражениях за которое лидеры еврейства, как утверждали неизвестные авторы, вознамерились сделать послушным орудием масонство. Особую убедительность взрывоопасному обвинению придавали утверждения о том, что запечатлевший его документ был похищен у одного из участников конгресса сионистов в Базеле (1897). На этом основании рождение «Протоколов» не менее тесно связывалось с деятельностью духовного вождя евреев-хасидов Ашера Гинцберга⁵⁰. Не вдаваясь в детали бурного обсуждения «Протоколов», скажем, что по решению суда в Берне (Швейцария) в 1935 г. они были признаны фальшивкой⁵¹.

Обилие исследований о «вольных каменщиках», появившихся после 1723 г., разумеется, не означает исчерпанности темы. Об этом свидетельствует довольно низкое качество большинства «исторических» сочинений на столь «острую» тему⁵². Подобному «результату» в немалой степени поспособствовало то обстоятельство,

⁴⁹ Соловьев О. Ф. Масонство в мировой политике XX века. М.: РОСПЭН, 1998. С. 5. Сам Нилус считал автором «Протоколов» основоположника сионизма Теодора Герцля.

⁵⁰ Убежденных сторонников подлинности «Протоколов» и теории «всемирного жидо-масонского заговора» немало и в наше время. См., например: Климов Г. П. Протоколы советских мудрецов. Краснодар: ООО «Пересвет», 2002. С. 323-327; Платонов О. А. Загадка Сионских протоколов. М.: Алгоритм, 2004. С. 210-216. Гитлер, признавая, что «Протоколы сионских мудрецов» явная подделка, говорил в своем ближайшем окружении об их внутренней истинности и вдохновляющем начале — см.: Раушинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны / Пер. с нем. М.: МИФ, 1993. С. 183.

⁵¹ Подложный характер «Протоколов» уже в 1921 г. установил английский журналист Ф. Грейвз. Позднее его выводы были подтверждены и другими исследованиями — Ladous R. Les Protocoles des Sages de Sion // L'information historique. 1994. Т. 56. Р. 19-23; Кон Н. Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов» / Пер. с англ. М.: Рудомино, 2000.

⁵² Это замечание касается в основном литературы прошлых веков, поскольку вся она носила рекламный характер и служила целям масонской пропаганды: Уайт А. Э. Новая энциклопедия масонства... С. 69-83.

что многие специалисты, включая историков, социологов, философов и культурологов, вследствие политической заостренности масонской проблематики, предпочитали ее не касаться вовсе. Так, о «вольных каменщиках», большинство из которых являлись видными философами, литераторами, революционерами, не написали и пары строк такие блистательные знатоки эпохи Просвещения, какими были А. Олар⁵³ и Ж. Жорес⁵⁴, Т. Карлейль⁵⁵ и Г. Грэхэм⁵⁶.

Вполне устоявшуюся традицию «замалчивания» масонской темы продолжили новые поколения западных ученых, которых, кстати, поддержали отечественные специалисты⁵⁷. Так, в биографии президента Джорджа Вашингтона, написанной Н. Яковлевым, лишь кратко сообщается о факте инициации первого президента США⁵⁸. Монография М. Филимоновой, посвященная деятельности Александра Гамильтона, не затрагивает масонскую тему вообще⁵⁹. В уже «перестроечной» книге Л. Пименовой, обстоятельно повествующей о предреволюционной Франции, также нет упоминания

⁵³ Олар А. Политическая история французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики 1789–1804. 4-е изд. / Пер. с фр. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1938.

⁵⁴ Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. В 6 т. / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1977–1982. Автор не говорит о масонстве, даже упоминая Шиллера и Гете (Т. 4. С. 116–120).

⁵⁵ Карлейль Т. История Французской революции / Пер. с англ. М.: Мысль, 1991.

⁵⁶ Грэхэм Г. Ж.-Ж. Руссо. Его жизнь, произведения и окружающая среда / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд. В. Н. Маракуева, 1908.

⁵⁷ Бокль Г. Т. История цивилизаций. История цивилизации в Англии: В 2 т. / Пер. с англ. М.: Мысль, 2000; Бадентэр Э., Бадентэр Р. Кондорсе / Пер. с фр. М.: Ладомир, 2001; Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М.: Наука, 1977; Манфред А. З. Великая французская революция. М.: Наука, 1983; Момдзян Х. Н. Французское Просвещение XVIII века: Очерки. М.: Мысль, 1983.

⁵⁸ Яковлев Н. Н. Джордж Вашингтон. М.: Эксмо, 2003. С. 34. Обращает на себя внимание подзаголовок книги — «Все о первом президенте США».

⁵⁹ Филимонова М. А. Александр Гамильтон и создание конституции США. М.: ИВИ РАН, 2004. Карьера одного из патриархов американской независимости не обошлась без «масонской составляющей»; даже его смерть на дуэли последовала от руки брата-масона Аарона Бэра.

нения о «вольных каменщиках»⁶⁰. Е. Кожокин пишет о французских масонских ложах весьма кратко, характеризуя их в качестве неполитических организаций просветительского характера⁶¹.

Сложившаяся ситуация явно требует специальных пояснений. Однако и в этой области предпринимались попытки завуалировать существующие проблемы. Прежде всего, подобные настроения преобладали в отечественной историографии. По словам М. Н. Соколовой, масонская история – это тема, которая попросту «не дается в руки исследователей». Главной же причиной творческих затруднений своих коллег автор называла отсутствие достаточного количества документов⁶². Совершенно очевидно, что вне рассуждений маститого советского ученого осталось главное – запрет на «неудобную» тему в СССР⁶³. Неблагоприятная политическая конъюнктура лишила отечественных исследователей и права доступа в архивы «вольных каменщиков». Показательна судьба масонских документальных коллекций из Европы, сосредоточенных после 1945 г. в СССР: поначалу «пленные» гитлеровцами, все они оказались «под замком» в Особом архиве КГБ. Лишь начавшийся в недавнее время процесс реституций помог оживить масонские изыскания как российских, так и зарубежных коллег⁶⁴.

В этой связи необходимо отметить масонский исследовательский бум, который буквально захватил современную Россию. В его рамках реализуется попытка восстановить былые научные традиции. На рубеже XIX–XX вв. разработку масонской тематики в нашей стране осуществляли такие известные и признанные специали-

⁶⁰ Пименова Л. А. Дворянство накануне Великой французской революции. М.: Изд-во МГУ, 1986.

⁶¹ Кожокин Е. М. Государство и народ: от Фронды до Великой французской революции. М.: Наука, 1989. С. 113, 128.

⁶² Соколова М. Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М.: Наука, 1979. С. 94-95.

⁶³ Создатели советского государства были отнюдь не одиноки. Под жесткий запрет масонство, кроме Кубы, попало в братских социалистических странах. Идейную конкуренцию со стороны интернациональных масонских структур решительно пресекали тоталитарные диктаторы XX века: А. Гитлер, Б. Муссолини, Ф. Франко.

⁶⁴ *Beaurepaire P.-Y.* L'espace des francs-maçons. Une sociabilité européenne au XVIIIe siècle. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2003. P. 93.

сты, как М. Н. Лонгинов⁶⁵, П. П. Пекарский⁶⁶, В. И. Вернадский⁶⁷, Я. Л. Барсков⁶⁸, А. Н. Пыпин⁶⁹, Т. О. Соколовская⁷⁰. В центре их внимания находились проблемы становления и начальной эволюции российских масонских лож⁷¹. В последнее время различные сюжеты истории «вольных каменщиков» России разрабатывали и продолжают изучать В. И. Сахаров, С. П. Карпачев, А. И. Серков, В. И. Старцев, О. Ф. Соловьев⁷². Многообещающими следует счи-

⁶⁵ Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М.: Типография Грачева и К°, 1867.

⁶⁶ Пекарский П. П. Дополнение к истории масонства в России XVIII столетия. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869.

⁶⁷ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. 2-е изд. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 1999 (репринтное издание).

⁶⁸ Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук, 1915.

⁶⁹ Пытин А. Н. Исторические очерки. Общественное движение при Александре I. СПб.: Изд-во «Вестник Европы», 1871; *Он же*. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в.: Исторические очерки. Пг.: Изд-во «Огни», 1916.

⁷⁰ Соколовская Т. О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и перв. Четв. XIX столетия). СПб.: Изд. Н. Глаголева, 1908; *Она же*. Капитул Феникса: высшее тайное масонское правление в России (1778–1822 гг.). М.: Изд-во ГПИБ, 2000 (репринтное издание).

⁷¹ Первые отечественные масонские ложи были образованы императором Петром Великим, но регулярные масоны появились в Российской империи лишь во времена правления Анны Иоанновны. См.: Пытин А. Н. Хронологический указатель русских лож от первого введения масонства до запрещения его (1731–1822). СПб., 1873. По мнению французского историка Мишеля Мурра, организованное масонство в России сложилось не ранее 1771 г. (*Mourre M. Dictionnaire encyclopédique l'histoire*. 8 t. P.: PUF, 1978. T. 3. P. 1876-1877).

⁷² См.: Сахаров В. И. Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века. М.: Жираф, 2000; Карпачев С. П. Российское масонство XVIII–XX вв. М.: Ред.-изд. центр «Альфа», 2000; Серков А. И. Русское масонство, 1731–2000: Энцикл. словарь. М.: РОС-ПЭН, 2001; Старцев В. И. Тайны русских масонов. 3-е изд., доп. СПб.: Из-во «Д.А.Р.К.», 2004; Соловьев О. Ф. Русские масоны. От Романовых до Березовского. М.: Эксмо; Яуза, 2005. Наиболее полный библиографический обзор отечественной литературы по истории масонства. См.: Карпачев С. П. Путе-

тать краеведческие⁷³, а также историко-культурные изыскания⁷⁴, равно как работы, в которых российские масонские ложи рассматриваются в контексте эволюции европейских тайных обществ начала XIX в.⁷⁵. Значительный интерес отечественные специалисты, в том числе историки-эмигранты, проявляют к проблеме «русского политического масонства» начала XX столетия⁷⁶. Однако можно согласиться с мнением, что движение «вольных каменщиков» сыграло наибольшую роль именно в культурной жизни старой, дореволюционной России⁷⁷.

водитель по масонским тайнам. М.: Центр гуманитарного образования, 2003. С. 285-376.

⁷³ Малов Н. М. Новые материалы по истории масонства в Саратовском крае // Саратовский краеведческий сборник. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. С. 190-215; Попкова Н. А. Илья Александрович Шляпкин // Библиотека вуза: вчера, сегодня, завтра. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып. 2. С. 6-17.

⁷⁴ См.: Карпачев С. П. Масонская интеллигенция России конца XIX – начала XX века. М.: Центр гуманитарного образования, 1998; Острецов В. М. Масонство, культура и русская история. 3-е изд., сокр. М.: «Крафт+», 2004.

⁷⁵ См.: Ланда С. С. Дух революционных преобразований. Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов 1816–1825. М.: Мысль, 1975; Орлик О. В. Братья Тургеневы и Франция // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 174–198; Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалия-Пресс, 2003; Жуковская Т. Н. Тайные общества 1810–1820-х годов: европейское влияние и российский контекст // Политическая культура XIX века: Россия и Европа. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 71-84.

⁷⁶ См.: Аврех Ф. Я. Масоны и революция. М.: Политиздат, 1990; Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М.: «Терра», 1990; Бакунина Т. А. Знаменитые русские масоны. Вольные каменщики. М.: «Интербук», 1991; Берберова Н. Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997. Их труды противостоят антимасонской литературе, которая с начала XX в. придерживается концепции «масонского заговора», направленного против православно-христианской Руси (Абарин Н. Н., Бутми Г. В. Франк-масонство и государственная измена. СПб.: Типография газеты «Россия», 1906; Бегун В. Я. Рассказы о «детях вдовы»: Очерки истории масонства. 2-е изд., доп. Минск: Наука и техника, 1986; Иванов В. Ф. Православный мир и масонство. М.: ТРИМ, 1993; Климов Г. П. Божий народ. 4-е изд. Краснодар: ООО «Пересвет», 2002; Брачев В. С. Масоны и власть в России. М.: Эксмо; Алгоритм, 2003; Башилов Б. История русского масонства (XVIII–XX вв.). М.: Лепта-Пресс, 2004; Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. М.: Яуза, Пресском, 2005.

⁷⁷ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. с англ. М.:

В начале XX в. историки масонского движения объединились, наконец, в собственную исследовательскую корпорацию. Ее вдохновителями и столпами на Западе, помимо Р. Ф. Гулда, А. Кэлверта и Г. Мартэна, стали такие крупные специалисты, как немец В. Бегеманн⁷⁸, французы Р. Ле Форестье⁷⁹, Э. Нис⁸⁰, Г. Готеро⁸¹, А. Лантуан⁸², американец С. Морс⁸³. В дореволюционной России к этой группе специалистов присоединились А. М. Васютинский, И. М. Херасков и В. Н. Перцев⁸⁴. Однако, несмотря на очевидные успехи, представители масоноведения долгое время пребывали вне господствующих в первой половине XX в. научных направлений. Например, их невозможно идентифицировать с позитивизмом или марксизмом, «школой «Анналов» или с «новой исторической наукой». Такому размежеванию невольно способствовали некоторые научные гранды. Известный историк эпохи Великой революции Жорж Лефевр («школа «Анналов»»), как и другие его коллеги, предпочитал по-прежнему говорить о скромной, малозаметной роли «вольных каменщиков» в общедемократическом потоке идей века Просвещения⁸⁵. Ортодоксальные марксисты, в особенности представители коммунистического течения, вообще не скрывали

Новое литературное обозрение, 2002. С. 829. Это мнение поддержано и в отечественной историографии (*Острецов В. М.* Масонство, культура и русская история. 3-е изд., сокр. М.: «Крафт+», 2004).

⁷⁸ *Begemann W.* Vorgeschichte und Anfänge der Freimaurerei in England. 2 t. Berlin: Mittler u. S., 1909-1910.

⁷⁹ *Le Forestier R.* Les illuminés de Bavière et la Franc-Maçonnerie allemande. Milano: Arche Milano, 2001 (репринтное издание). Впервые книга Рене Ле Форестье (1868–1951) увидела свет в Париже в 1915 г.

⁸⁰ *Нис Э.* Основные черты современного масонства / Пер. с фр. СПб.: В Синодальной типографии, 1912.

⁸¹ *Готеро Г.* Франк-масонство / Пер. с фр. Сергиев Посад: Изд. книжного магазина М. С. Елова, 1914.

⁸² *Lantoin A.* Histoire de la Franc-Maçonnerie française. La Franc-Maçonnerie cher elle. Paris: Nourry, 1925.

⁸³ *Morse S.* Freemasonry in the American Revolution. Washington: The masonic service association of the United States, 1924.

⁸⁴ См.: Масонство в его прошлом и настоящем. В 2 т. / Под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. М.: Изд. «Задруги» и К. Ф. Некрасова, 1914–1915.

⁸⁵ *Lefebvre G.* La révolution française. P.: PUF, 1963.

своих отрицательных оценок масонства. Оно представлялось им реакционным движением, отвлекающим трудящихся от классовой борьбы в капиталистических странах⁸⁶. Отметим, что подобные мнения не выходили за рамки критических замечаний о западноевропейском масонстве, содержащихся в сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса⁸⁷.

Лишь к середине XX в. полоса непризнания, сопровождавшая творческую деятельность большинства историков масонства, завершилась. Об этом свидетельствовали их впечатляющие успехи в области междисциплинарного взаимодействия, уже активно практиковавшегося в контексте тотального изучения общественных явлений. Это означало, что кризис историографии, связанный со сменой парадигм, принципов, методов познания, а также с изменением социального статуса самой науки, коснулся и специалистов-масоноведов. В их многоплановом творчестве, направленном на постижение глобального по своим масштабам интеллектуального феномена, отчетливо проступили подходы компаративной⁸⁸, локальной⁸⁹, интеллектуальной⁹⁰, глобальной⁹¹, антропологической⁹²,

⁸⁶ Малая советская энциклопедия. В 10 т. М.: «Советская энциклопедия», 1958-1960. Т. 5. С. 1008.

⁸⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Статья из «Neue Rheinische Zeitung» // Соч. Т. 6. С. 78-79; Энгельс Ф. Рецензии из «Neue Rheinische Zeitung» // Соч. Т. 7. С. 274; Маркс К. наброски «Гражданской войны во Франции» // Соч. Т. 17. С. 607, 633-637; Маркс К. и Энгельс Ф. Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих // Соч. Т. 18. С. 345. Вначале «классики» научного коммунизма приветствовали конспиративные навыки иллюминатов и масонов, но затем, напуганные деятельностью анархистского альянса М. Бакунина против созданного ими Рабочего Интернационала, изменили отношение к тайным обществам. В опубликованных работах В. И. Ленина, а также И. В. Сталина упоминаний о масонах не содержится.

⁸⁸ См.: Munck T. The Enlightenment: A Comparative social history 1721-1794. L.: Arnold, 2000.

⁸⁹ См.: Mercier J.-M. Les francs-maçons du pays de Daudet: Beaucaire et Tarascon: destines croisés du XVIII au XX siècles. Aix-en-Provence: Édisud, 2004.

⁹⁰ См.: Hill Ch. Intellectual origins of the English revolution. Oxford: Clarendon Press, 1965; Lomas R. The invisible college: the Royal Society, freemasonry and the birth of Modern science. L.: Headline Book Publishing, 2002.

⁹¹ См.: Ranieri L. Die Loge. Macht und Geheimnis der Freimaurer. Wiesbaden: Fourier Verlag, 2003.

социальной⁹³ и гендерной⁹⁴ историй. Поскольку этот перечень можно легко продолжить⁹⁵, стала уместной давно назревшая постановка вопроса о безоговорочном включении масонской проблематики в систему координат современной истории и других гуманитарных дисциплин.

Разумеется, «изоляциялизм» масоноведения ни в коем случае не должен преувеличиваться, поскольку речь идет о чисто научных спорах и противоречиях. Не случайно, в большинстве западных стран сочинения историков масонства уже давно нашли свое место в солидных библиографических справочниках⁹⁶. О сглаживании невольного возникшего противостояния свидетельствует то, что все специалисты по масонству являются уважаемыми представителями цеха историков (философов, филологов, социологов), которые тру-

⁹² См.: *Bultot R.* Charl-Claude Devoyo (1745–1796) traducteur d' Erasme pour la loge La Concorde (Dijon) à la veille de la Révolution // *Annales historiques de la Révolution française* (AHRF). 1998. № 314; *Viaud F.* Mon itinéraire maçonnique. P.: Edimaf, 1983.

⁹³ См.: *Van Horn Melton J.* The Rise of the Public in Enlightenment Europe. Cambridge: Univ. Press, 2001.

⁹⁴ См.: *Reinalter H.* Maria Carolina von Neapel und die Freimaurerei // *Historische blickpunkte*. Innsbruck, 1988. S. 529-542; *Moreillon F.* La «Maçonnerie des Dames» entre en scène // *Historia thematique*. 2005. № 93. P. 21-25; *Del Arbol E. E.* Los origenes de la masoneria femenina en la Francia del siglo XVIII // *Revista de Historia*. 1991. № 18. P. 77-107.

⁹⁵ Он тесно переплетается с сюжетами социальной психологии, конспирологии, философии истории, лингвистики, теологии и мифологии. См.: *Roberts J. M.* The Mythology of the Secret Societies. Oxford: Fellow of Merton College; L.: Secker & Warbueg, 1972; *Van de Sande A.* La sociabilite catholique aux Pays-Bas, 1780–1789: entre mefiance et emancipation // AHRF. 1989. № 227; *Lennhoff E., Posner O., Binder D.* Internationales Freimaurer lexikon. München: Herbig, 2000; *Bieberstein J. R., von.* Der Mythos von der Weltverschwörung: Freimaurer, Juden und Jesuiten als «Menschheitsfeinde» // *Geheimgesellschaften und der Mythos der Weltverschwörung*. München etc., 1987. S. 29-62; *Тихомиров Л. А.* Религиозно-философские основы истории. М.: Айрис-пресс, Лагуна-Арт, 2004; *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. В 3 т. / Пер. с фр. М.: Критерион, 2001–2002; *Генон Р.* Символы священной науки / Пер. с фр. М.: Беловодье, 2004.

⁹⁶ См.: *Quérard J.-M.* La France littéraire, ou Dictionnaire bibliographique. In 6 t. P.: chez firmin Didot freres, Libraires, 1833; *Bibliographie internationale de l'Humaisme et de la Renaissance*. In 6 t. Genève: Libr. Droz, 1966–1973.

дились и продолжают карьеру в самых престижных исследовательских центрах, в учебных заведениях. Так, известный французский историк Гастон Мартэн (1886–1960), помимо своей массонской деятельности, являлся профессором университетов Тулузы и Бордо. Поль Шевалье (1884–1960), который прославился как автор фундаментального, ставшего поистине классическим исследования по истории французского массонства, был столичным профессором⁹⁷. Профессором университета в Дижоне (Франция) стал в свое время Даниэль Лигу. Не менее престижную должность в Политехническом институте Уолчестера (США) занял Стивен Баллок. Дипломом доктора философии и филологии Открытого университета Брюсселя обладает наш современник Люк Нефонтэн⁹⁸. Профессорская кафедра университета в Инсбруке (Австрия) по-прежнему принадлежит Гельмуту Рейнальтеру, одному из крупнейших германоязычных специалистов по истории западноевропейского массонства.

Переходя к характеристике важнейших проблем массонской историографии, следует вновь подчеркнуть, что они во все времена были привязаны к рассмотрению вопросов происхождения «вольных каменщиков», особенностей их идейной эволюции, а также масштабов массонского участия в общественно-политической жизни ведущих государств мира, особенно в переломные моменты их истории. С учетом многообразия таких сюжетов приоритетными для автора будут являться выводы, содержащиеся в исследованиях тех историков, чьи страны оказались в эпицентре массонской реформации XVIII века. В первую очередь, речь идет о работах, написанных специалистами из Великобритании, Франции, Германии, США и России.

Повышенный интерес у всех поколений историков, пишущих о массонстве, безусловно, вызывает книга «Конституций». Сразу же оговоримся, что это сочинение — скорее всего, плод коллективного творчества. Во всяком случае, Джеймс Андерсон не упомянут в

⁹⁷ См.: *Chevallier P.* Histoire de la Franc-Maçonnerie française. In 3 t. P.: Fayard, 1974–1975.

⁹⁸ *Nefontaine L.* Église et Franc-Maçonnerie. P.: Éditions du Chalet, 1990; *Idem.* La Franc-Maçonnerie. Une fraternité révélée. P: Gallimard, 1994.

первом издании как автор ни разу⁹⁹. В то же время одним из составителей мasonicкой Библии представлен Джордж Пейн (George Payne). Как свидетельствует специальное Предуведомление, исполняя поручение Великой ложи, он подготовил публикацию «Общих постановлений» (General Regulations)¹⁰⁰. Таким образом, этот гроссмейстер «новых» лондонских масонов оказался родоначальником хорошо известного всем классического устройства ложи, подразделившего братьев на Учеников, Подмастерьев и Мастеров.

Помимо «Общих постановлений», в издании 1723 года было включено небольшое «Вступление», по-видимому, написанное Джоном Теофилом Деагюлье (1683–1744), «Старые предписания вольных каменщиков» (The Old Charges), а также небольшой, но крайне интересный для всех поколений исследователей «Исторический очерк» (The History of Masonry)¹⁰¹.

Сразу же отметим, что текст первой мasonicкой летописи был далек от конкретики. По всей видимости, главной целью автора (Дж. Андерсона) стало обоснование древней, мифической истории масонства, восходящей к библейским временам. Не случайно, в качестве первого каменщика здесь упомянута легендарная персона Адама¹⁰². Помимо него, в тексте присутствуют другие библейские персонажи (Моисей, Давид, Соломон), к которым добавлены еги-

⁹⁹ Пастор Д. Андерсон — член столичной мasonicкой ложи «Старый рог» (Old Horn). Известно, что именно этому человеку Великая ложа Лондона поручила подготовить текст новых «Конституций», превратившихся в уникальный памятник масонского Возрождения (*Calvert A. F. The Grand Lodge of England... P. 34*). В связи с двухсотлетием книги было осуществлено ее репринтное издание (*The Constitutions of Freemasons 1723: Reproduced in facsimile from the original edition: with an introduction by Lionel Vibert, ... Past master of the Lodge of the author Coronati. L.: Bernard Quaritch Limited, 1923*).

¹⁰⁰ *The Constitutions of the Free-Masons... P. 58-72*. Крупный чиновник и антиквар, Дж. Пейн дважды — в 1718 и 1720 гг. — возглавлял Великую ложу. Был также известен в столице как знаток античной архитектуры. Умер в 1757 г. в Лондоне.

¹⁰¹ По объему первое издание книги «Конституций» более чем в два раза уступает последующим. Протестантский богослов Д. Т. Деагюлье стал мастером Великой ложи в 1719 г. О его участии в написании «Вступления» сообщает, например, А. Э. Уайт (*Uaim A. Э. Новая энциклопедия масонства... С. 18*).

¹⁰² *The Constitutions of the Free-Masons... P. 1*.

петские, греческие, римские и персидские имена (Сирус, Хирам, Селевк Никатор, Камбиз). В последующих изданиях книги «Конституций» мифологическая традиция была успешно продолжена. Стараниями последователей Андерсона, Пейна и Дезагюлье, в генеалогии современного масонства были включены Заратустра и Будда, Гермес и Пифагор, Иисус и Магомет, Конфуций и Лао-Цзы¹⁰³. Здесь же появились сведения, которые раскрыли реальные мотивы реформирования масонского движения в начале XVIII в. В частности, в издании 1756 года были впервые упомянуты события, приведшие к провозглашению Великой ложи Лондона, а также подробно рассказывалось о масонской деятельности знаменитого английского архитектора, сэра Кристофера Рена¹⁰⁴.

Несмотря на то, что первоначальный, имевший выход в библейские времена, вариант истории масонства был отвергнут, он помог идеологам движения представить рождение достославного братства в качестве события, связанного с древнейшим механизмом мистического накопления универсальных человеческих знаний. Позднее он проявил себя в форме масонских обрядов, инициаций и символов. Тем самым ложи оказались накрепко «привязанными» к традициям мистерий, тайных религиозных или языческих обрядов древних греков и римлян, народов Древнего Востока, к участию в которых допускались только посвященные. По мнению некоторых историков, родственными для масонских

¹⁰³ The New Book of Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity of Free and Accepted Masons, containing their History, Charges, Regulations, collected and Digested by Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, for the use of the Lodges, By *James Anderson*. L.: Caeser Ward and Richard Chandler, 1738. P. 1-139 (далее — The New Book of Constitutions); The Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity Free and Accepted Masons. Containing their History, Charges, Regulations, etc. Collected and Digested By Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, For the Use of the Lodges. By *James Anderson*, D. D. Carefully Revised, Continued and Enlarged, with many Additions, By *John Entick*. L.: Black Swan, 1756. P. 1-268 (далее — The Constitutions).

¹⁰⁴ В издании 1723 года великий архитектор упомянут дважды. В первый раз в связи с пожаром 1666 года и восстановлением собора Святого Павла; во второй — по поводу строительства здания театра Шелдона в Оксфорде (The Constitutions of Free-Masons... P. 41).

структур являются орфические, элевзинские, дионисийские, манихейские обряды, а также таинства Кибелы и культ Осириса–Изиды¹⁰⁵. Одним из сторонников теории масонского традиционализма и его тесных связей с восточными мистериями был французский эзотерик Рене Генон (1886–1951)¹⁰⁶. Аналогичной концепции придерживался и другой знаток древних инициаций и религиозных верований, румынский культуролог Мирча Элиаде (1907–1986)¹⁰⁷.

Ключевым вопросом истории масонского движения является тайна его происхождения. Совершенно очевидно, что книга «Конституций» не только не смогла раскрыть этой загадки, но и во многом запутала последующие поколения исследователей. Неудивительно, что их работа была нацелена на восстановление подлинной истории движения «вольных каменщиков». Что же касается ее краткой мифологизированной версии, изложенной Дж. Андерсоном, то она была подвергнута научной критике и сохранена в памяти поколений в качестве одной из вероятных мистификаций.

Уже в XVIII–XIX вв. появились новые гипотезы, связавшие появление масонских лож с древними мудрецами-египтянами¹⁰⁸, рыцарями-тамплиерами¹⁰⁹, каменщиками-строителями средневековой

¹⁰⁵ См.: Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии: интерпретация секретных учений, скрытых за ритуалами, аллегориями и мистериями всех стран / Пер. с англ. и предисл. В. В. Целищева. СПб.: СПИКС, 1994. С. 59; Соловьев О. Ф. Масонство. Словарь-справочник. М.: Аграф, 2001. С. 8-20; Шюре Э. Гермес. Мистерии Египта / Пер. с фр. М.: Амрита-Русь, 2004. С. 88. *Он же*. Пифагор. Дельфийские мистерии / Пер. с фр. М.: Амрита-Русь, 2004. С. 227; Курбатов В. И. Тайное общество масонов. М.: Эксмо; Ростов н/Д: Наука-Пресс, 2006. С. 7-9.

¹⁰⁶ Генон Р. Символика креста / Пер. с фр. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

¹⁰⁷ Элиаде М. Тайные общества: Обряды, инициации и посвящения / Пер. с фр. Киев: София; М.: Гелиос, 1999.

¹⁰⁸ Bedarride M. De l'Ordre maçonnique de Misraim depuis sa creation jusqu'à nos jours, de son antiquité, de ses lites et de ses progress: 2 t. P.: Imprimerie de Bernard et comp., 1845.

¹⁰⁹ Родоначальником теории рыцарского происхождения масонских структур стал шотландец Майкл Рэмси (1686–1743), огласивший ее в ряде выступлений в декабре 1736 года. См.: Discours de Ramsay // *Ligou D. La franc-maçonnerie*. Vendôme: PUF, 1977. P. 81-87.

Европы¹¹⁰, а также с мистиками-розенкрейцерами Нового времени¹¹¹. Перечень вариантов можно легко продолжить, что говорит о весьма солидном разбросе мнений и до бесконечности расширяет как хронологические, так и географические рамки затронутой темы¹¹².

Пожалуй, одной из наиболее популярных теорий, раскрывающих появление масонства, была и остается «строительная», которая отодвигает истоки движения ко времени сооружения храма царя Соломона в Иерусалиме (X в. до н. э.). Общеизвестно, что он являлся центром иудаизма, претендовавшего на роль первой мировой религии. Именно здесь находилась главная святыня евреев – Ковчег Завета¹¹³. Впрочем, столь пристальное внимание к истории древнего Израиля, практиковавшееся уже авторами книги «Конституций», легко объяснимо. Это всего лишь дань утраченной ныне традиции¹¹⁴ культурного единства Запада и Востока, которая известна со времен раннего христианства. Таким образом, храм Соломона является для масонов не столько святилищем иудеев, сколько сакральным символом универсального духовного Центра, расположенного на общей для всех народов Святой земле¹¹⁵. На якобы тесных связях со строителями храма настаивают, прежде

¹¹⁰ См., например: *Valmy M. Die Freimaurer. Arbeit am Rauhen Stein Mit Hammer, Zizkel und Winkelmas. München: Callwey, 1988. S. 19-23.* Наиболее последовательным сторонником этой версии был Роберт Гулд, считавший, что оперативно-ремесленный характер масонского движения был окончательно преодолен только в конце XVIII в. См.: *Gould R. F. The History of Freemasonry... Т. 3. P. 244.*

¹¹¹ *Ragon J. M. Orthodoxie maçonnique... P. III-IV; Rebold E. Histoire des trois Grandes Loges... P. III-VIII.* Историки, в частности, указывали на ведущую роль таких исторических персонажей, как английские розенкрейцеры Роберт Фладд (1574–1637) и Элиас Эшмол (1617–1692).

¹¹² В словаре Даниэля Лигу перечислены, по меньшей мере, четыре десятка популярных концепций, раскрывающих тайну происхождения масонства. Их авторами на протяжении XVIII–XX вв. стали более двухсот специалистов из разных стран (*Dictionnaire de la Franc-Maçonnerie... P. 873*).

¹¹³ *Курбатов В. И. Магический ключ Соломона. М.: Эксмо; Ростов н/Д: Наука-Пресс, 2006.*

¹¹⁴ Французский масон и эзотерик Рене Генон называет ее «иудеохристианской» (*Генон Р. Символы священной науки... С. 111*).

¹¹⁵ Там же. С. 103-111.

всего, сами «вольные каменщики», которые называют себя «детьми вдовы», в честь матери погибшего при его возведении сирийского мастера Хирама¹¹⁶.

Согласно другой популярной версии, современное масонство восходит к деятельности влиятельных и многочисленных строительных корпораций Древнего мира, Античности и Средневековья¹¹⁷. Таким образом, в глазах широкой общественности Орден «вольных каменщиков» чаще всего предстает в качестве древней и славнейшей организации зодчих-строителей¹¹⁸. С подобным толкованием совпадает также аллегорическое представление франкмасонов в качестве строителей новой морали, нового общества и универсальной мировой религии.

К чести последующих поколений историков масонства, они сумели критически переработать доставшееся им в наследство легендарное прошлое, придя к выводу, что упомянутые претензии не более чем красивая выдумка и дань уважения древней истории человечества, о благе которого «вольные каменщики» должны постоянно заботиться. Нет сомнений и в такой огорчительной для масонов истине, как отсутствие их предшественников среди строителей древнего храма Соломона в Иерусалиме – главного культового центра движения и, как считалось, первой масонской ложи. В последнее время круг научного осмысления проблемы окончательно сузился и хронологически сконцентрировался на эпохе позднего Средневековья и раннего Нового времени.

¹¹⁶ Уайт А. Э. Новая энциклопедия масонства... С. 275; Найт К., Ломас Р. Ключ Хирама / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2006. С. 20–21.

¹¹⁷ В качестве родоначальника этой теории И. Финдель называет некоего аббата Грандидье из Страсбурга, который впервые заявил о таком происхождении Ордена в 1778 г. (Финдель И. Г. История франк-масонства... Т. 1. С. 12).

¹¹⁸ Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie... P. 12–18. Необходимо пояснить, что термин «Орден вольных каменщиков» имеет сугубо литературное, но отнюдь не смысловое значение. Поскольку масонские структуры изначально оказались разбиты на десятки систем и обрядов, это словосочетание может быть использовано для собирательной характеристики обновленных в 1717 г. английских «иоанновских» лож (24 июня, в день провозглашения Великой ложи Лондона, отмечается христианский праздник св. Иоанна).

Отдельные специалисты связывают первые шаги франкмасонства с новой историей Англии и Шотландии, которые пережили религиозную реформацию¹¹⁹. Другие – не без оснований – полагают, что истоки возникновения современного масонства следует усматривать в интеллектуальных коллизиях эпохи Просвещения¹²⁰. Новейшие исследователи, пытаясь обнаружить подлинные источники рождения в Англии на рубеже XVII–XVIII вв. радикально обновленной масонской организации, все чаще указывают на тесную связь спекулятивного (философского, созерцательного) масонства с идеями, порожденными событиями Английской революции¹²¹.

Главным изъяном «строительной» версии рождения масонства является не вполне убедительная картина его превращения в духовно-созерцательную организацию. Детали этого процесса, не подкрепленные данными надежных источников, вызывают многочисленные вопросы. Вне всяких сомнений, никакие кризисные моменты в истории цехов и гильдий не позволяют раскрыть тайны зарождения всемирного движения, преследующего духовно-нравственные цели. Во всяком случае, крайне трудно представить пыльных каменотесов в качестве родоначальников «высокородной компании во главе с королями и принцами»¹²².

Вместе с тем, появилось обоснованное предположение об отсутствии какой бы то ни было связи между масонами-ремесленниками и масонами-философами. Одним из первых его высказал американский историк Джон Робинсон. По его мнению, масонское движение зародилось в качестве тайного антикатолического общества после разгрома Ордена тамплиеров во Франции, получив в дальнейшем широкое распространение в Шотландии,

¹¹⁹ *Stevenson D.* The first freemasons: Scotland's early lodges and their members. Aberdeen, 1988. P. 8, 182; *Short M.* Inside the Brotherhood... P. 35.

¹²⁰ См.: *Müller P.* Untersuchungen zum Problem der Freimaurerei bei Lessing, Herder und Fichte. Bern: Verlag Paul Haupt, 1965; *Houston R. A.* Social Change in the Age of Enlightenment: Edinburg, 1660–1760. Oxford: Clarendon Press, 1994; *Josten C. H.* Elias Ashmole, F. R.S. (1617–1692). Oxford: Ashmolean Museum, 2000.

¹²¹ См.: *Джейкоб М. К.* Масонство // Мир Просвещения. Исторический словарь. Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 274–285.

¹²² *Робинсон Д.* Масонство. Забытые тайны / Пер. с англ. М.: КРОН-ПРЕСС, 2000. С. 252.

Англии, а также в Ирландии. Только здесь, вне прямой досягаемости Ватикана, преследуемые еретики–тамплиеры, как объясняет историк, смогли обрести относительное спокойствие и создать новый тайный Орден с целью сопротивления католической церкви¹²³. На связи масонства с тамплиерами часто указывают некоторые западноевропейские и отечественные историки¹²⁴. Впрочем, версия о тамплиерских корнях масонства была решительно опровергнута самими «вольными каменщиками» в 1782 г. на историческом конвенте в Вильгельмсбаде (Пруссия)¹²⁵.

Безусловно, отдельной и, по необходимости, краткой характеристики заслуживает историография масонства в США, которая отличается заметным своеобразием. Ее специфика продиктована особенностями происходившей в этой стране организационной эволюции «вольных каменщиков».

Следует подчеркнуть, что масонские структуры, появившиеся здесь в середине XVIII в., в условиях Войны за независимость закономерно приобрели автономный статус. В «битве за суверенитет», направленной в основном против враждебной Англии, колониальное масонство опиралось на поддержку ритуалов Американского Обряда (American Rite), создателем которых стал Томас Смит Уэбб (1771–1819)¹²⁶. Помимо всего прочего в каждом из штатов была создана независимая Великая ложа, что исключало чрезмерную централизацию движения¹²⁷. Со временем здесь поя-

¹²³ Там же. С. 227–242.

¹²⁴ См.: *Le Forestier R.* La franc-maçonnerie templière et occultiste aux XVIII et XIX siècles. Paris, Aubier-Montaigne, Louvain: Nauwelaerts, 1970; *Бейджент М., Ли Р.* Храм и ложа. От тамплиеров до масонов. Пер. с англ. М., 2003; *Харитонович Д. С.* Масонство. М.: «Весь мир», 2001.

¹²⁵ *Hammermaier L.* La crise de la Franc-Maçonnerie Européenne et le convent de Wilhelmsbad (1782) // Dix-huitième siècle. La Franc-Maçonnerie / Revue annuelle publiée par la Société française d'Étude du XVIII siècle. № 19. P.: Prix Le Monde de la Recherche universitaire, 1987. P. 73-95. Кстати, о рыцарском происхождении масонства не писали и авторы книги «Конституций».

¹²⁶ *Уайт А. Э.* Новая энциклопедия масонства... С. 82. Американский, или Йоркский Обряд открыто демонстрирует тамплиерскую символику. См.: *Хэнкок Г., Бьювэл Р.* Власть Талисмана... С. 480.

¹²⁷ В конце XX в. в 14 727 американских ложах и отделениях числилось 3 018 549 масонов. См.: *Mary R. L.* La Franc-Maçonnerie dans le monde... P. 60.

вились уникальные масонские структуры, созданные евреями¹²⁸ и афроамериканцами¹²⁹.

Здравый сепаратизм заокеанского масонского движения преопределил приоритеты в трактовке собственной истории. В XIX в. наибольший вклад в нее внесли знаменитые масоны-реформаторы А. Маккей, Д. Митчелл¹³⁰ и А. Пайк¹³¹, а в первые десятилетия XX в. – А. Э. Уайт. Не менее активны в своих изысканиях современные исследователи США. Если появление регулярных лож на территории североамериканских колоний они объясняют влиянием Англии, Шотландии, Ирландии и Франции¹³², то сложнейшие вопросы генезиса масонского движения рассматриваются преимущественно в связи с деятельностью западноевропейских розенкрейцеров, которые в 1694 г. пересекли океан и основали в Филадельфии первую ложу Нового Света¹³³.

Не случайно с историей Америки связано возрождение Древнего и Мистического Ордена Розенкрейцеров (АМОПК). В 1909 г. гражданин США Харвей Спенсер Льюис, получивший посвящение

¹²⁸ Еврейская масонская организация, получившая название Орден Бнай Брит (Сыновья Завета), создана в США в октябре 1843 года.

¹²⁹ Членом одной из негритянских лож Нью-Йорка был знаменитый джаз-музыкант Луи Армстронг (1900-1971).

¹³⁰ В 1801 г. Джон Митчелл возглавил Высший Совет Чарльстона, который первым начал работу в рамках Древнего и Принятого Шотландского Обряда (Rite Ecossais Ancien et Accepté). См.: *Palou J.* La Franc-Maçonnerie... P. 204.

¹³¹ *Pike A.* Morals and Dogma of the ancient and accepted rite of Freemasonry. Charleston, 1871.

¹³² См.: *Roberts A. E.* Freemasonry in American History. Richmond: Macoy Publishing & Masonic Supply Co., Inc., 1985; *Harald-Jacobs J.* All in the family: Freemasonry and the British Empire in the mid-nineteenth century. Chicago: Published by university of Chicago Press, 2003; *Tolson J.* Inside the Masons // U.S. News & World Report, 5.09.2005 (v.139). P. 30–35. Существенную помощь им оказывают коллеги из Европы. См.: *Béranger J.* L'Amérique coloniale (1607–1774). Nancy: Press univ. de Nancy, 1986.

¹³³ Р. У. Вейсбергер рассматривает появление американского масонства как итог тесных связей Нового света с еврейской общиной Европы в рамках становления «атлантической истории»: *Weisberger R. W.* Freemasonry as a source of Jewish civic rights in late eighteenth-century Vienna and Philadelphia: A Study in Atlantic history. Winter: East European Quarterly, 2000.

во Франции, начал новый этап его истории. В наши дни АМОРК объединяет сотни тысяч членов. Его резиденция находится в городе Сан-Хосе (Калифорния). Здесь же расположен Розенкрейцерский Университет, музей египтологии и крупнейшая в мире библиотека оккультной литературы¹³⁴.

И все же главная тема масонской истории в США – роль «вольных каменщиков» в Войне за независимость, а также их влияние на общественную жизнь. Отмечая следы братства в политической истории своей страны, американские исследователи предельно далеки от констатации существования какого бы то ни было масонского заговора¹³⁵. Для них масонское братство – это, прежде всего, объединение джентльменского истеблишмента¹³⁶.

Как уже отмечалось, в последние десятилетия библиография масонства пополнилась работами специалистов, относящих начало реальной истории «вольных каменщиков» к XV–XVII вв.¹³⁷. Попытки столь радикального «омоложения» одной из древнейших корпораций в истории человечества подкреплены достаточно вескими аргументами. Прежде всего, дело в отсутствии понастоящему серьезных доказательств библейского, античного, либо средневекового рождения спекулятивных масонских лож. Антитезой масонской мифологии стали факты, указывающие на более близкие корни движения «вольных каменщиков», в частности, на деятельность западноевропейских интеллектуалов. Как утвержда-

¹³⁴ Рыбалка А., Синельников А. Интервью с масоном. Правда и легенды истории масонства. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 85.

¹³⁵ Morse S. Freemasonry in the American Revolution... P. 54; Bullock S. C. Revolutionary Brotherhood... P. 50; Demott B. J. Freemasonry in American culture and society. Lanham; N. Y., L.: University Press of America, 1986. Подобная лояльность в оценках не исключила всплеск антимасонских настроений и в этой стране.

¹³⁶ Tolson J. Inside the Masons... P. 35.

¹³⁷ См., например: Targhetta R. La massoneria veneta dalle origini alla chiusura della logge (1729-1785). Udine: Del Bianco, 1988; Kriewald H. Ferdinand zur Glückseligkeit. Aus der Geschichte einer Magdeburger Freimaurerloge. Magdeburg: IMPULS-Verlag, 1992; Weisberger R. W. Speculative freemasonry and the Enlightenment. A study of the craft in London, Paris, Prague, and Vienna. N. Y.: East European monographs, Boulder. Distributed by Columbia University Press, 1993; Ridley J. The Freemasons... P. 114–115 etc.

ют специалисты новой исследовательской волны, многочисленная плеяда мыслителей переходной эпохи, явно не чуждых идеям оккультизма (Я. Беме, И. Вейгель, Д. Бруно, Т. Кампанелла, И. В. Андреэ), возглавила процессы западноевропейского Возрождения и Реформации¹³⁸. Наиболее ярким представителем такого подхода оказалась Фрэнсис Амелия Йейтс (1899–1981)¹³⁹. Она и ее сторонники констатировали, что именно интеллектуальная среда породила многочисленные тайные общества, наиболее известным из которых стал Орден розенкрейцеров¹⁴⁰.

Созданный в начале XVII в. в Германии, Орден Розы и Креста являлся центром распространения весьма претенциозной идеи преобразования мира на принципах разума. Любопытно, что задуманная «магами Возрождения»¹⁴¹ глобальная мутация человечества подразумевала сближение четырех мировоззренческих доктрин – католической, исламской, иудаистской и православно-византийской. Исследователи отмечают, что зримым идейно-теоретическим результатом такого смещения стали Герметика и христианская Каббала. В начале XVIII в. организационно-теоретическое наследие розенкрейцеров, потерпевших окончательную неудачу в своих месси-

¹³⁸ Бейджент М., Ли Р. Эликсир и камень. Традиции магии и алхимии / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2004. С. 13; Элиаде М. История веры и религиозных идей... Т. 3. С. 231.

¹³⁹ См.: Йейтс Ф. А. Розенкрейцеровское просвещение / Пер. с англ. М.: Алетейа, Энигма, 1999; Она же. Джордано Бруно и герметическая традиция / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

¹⁴⁰ См.: Arnold P. Histoire de la Rose-Croix et les origines de la franc-maçonnerie: Essai. P.: Mercure de France, 1990; Королев Ю. А. Орден розенкрейцеров в прошлом и настоящем: Автореф. дисс. ...к.и.н. М., 1991; Гендель М. Мистерии розенкрейцеров. Музыкальная гамма и схема эволюции / Пер. с нем. М.: «Литан», 1999; Она же. Учение розенкрейцеров в вопросах и ответах / Пер. с англ. М.: ЛИТОМЕД, 2005; Киселев Н. П. Из истории русского розенкрейцеровства. СПб.: Изд-во имени Н. И. Новикова, 2005. Помимо интеллектуальных заговорщиков в истории нового времени проявили себя фронтеры политического, а также профессионально-ремесленного характера. См.: Monod P. K. Jacobitism and the English People 1688–1788. Cambridge: Cambridge University Press, 1989; Foner E., Garraty J. A. Fraternal societies // The Reader's Companion to American History, 12.01.1991. P. 1–5. Те и другие были социальной средой для так называемого иррегулярного масонства.

¹⁴¹ Этот термин широко использовался в сочинениях Ф. А. Йейтс.

анских замыслах, подхватили и модернизировали масоны-просветители¹⁴².

Отдельный блок литературы о масонах XVIII века связан с освещением истории Ордена иллюминатов (1776-1784)¹⁴³. Важность этого исследовательского направления определяется тем, что речь идет о первой в истории политической ветви движения «вольных каменщиков». Столь необычная ориентация была связана с деятельностью бывшего иезуита, а затем профессора Ингольштадского университета (Бавария), масона Адама Вейсгаупта (1748–1830)¹⁴⁴. В 1784 г. заговор иллюминатов был раскрыт, а тайная организация, действовавшая под видом масонской структуры, разгромлена и запрещена курфюрстом Пфальца и Баварии Карлом Теодором. Лидер заговорщиков бежал к своим покровителям в Гессен и последующие десятилетия жизни посвятил философско-нравоучительному сочинительству¹⁴⁵.

Очевидная самостоятельность политической цели А. Вейсгаупта, мечтавшего о перевоспитании и объединении людей в духе рекомендаций европейских гуманистов и французских философов-просветителей¹⁴⁶, не помешала потомкам говорить, что его органи-

¹⁴² *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie... P. 30. Появление регулярного масонства не прекратило историю розенкрейцерства. Оно превратилось в привилегированную, научно-мистическую составляющую движения современных «вольных каменщиков». См.: *Гендель М.* Учение розенкрейцеров в вопросах и ответах... С. 120.

¹⁴³ *Le Forestier R.* Les illuminés de Bavière et la Franc-Maçonnerie... P. 297-323; *Robert J. M.* The Mythology of the Secret Societies... P. 118-145; *Agethen M.* Geheimbund und Utopie. Illuminaten, Freimaurer und deutsche Spätaufklärung. München: Oldenbourg, 1987. S. 70-86; *Der illuminatenorden: (1776–1785/87); ein politischer Geheimbund der Aufklärungszeit / Helmut Reinalter* (Hrsg.). Frankfurt am Main u. a.: Lang, 1997. S. 195-205; *Орлик О. В.* Декабристы и европейское освободительное движение. М.: Мысль, 1975. С. 30-31; *Натаров М. В.* Отечественная историография об ордене иллюминатов // Историческая мысль в современную эпоху. Волгоград: Изд-во Волг.ун-та, 1997. С. 136-141.

¹⁴⁴ См.: *Weishaupt A., Knigge A., von.* Die neuesten Arbeiten des Spartacus und Philo in dem Illuminaten-Orden jetzt zum erstemal gedruckt und zur Beherzigung bey gegenwärtigen Zeitlauffen herausgegeben. München, 1794.

¹⁴⁵ См.: *Weishaupt A.* Über die Schrecken des Todes. Eine philosophische Rede. Nürnberg: E. C. Grattenauer, 1786; *Idem.* Über Wanrheit und sittliche Vollkommenheit. Bd. 2. Regensbourg: Montag-und weissisch Buchh, 1794.

¹⁴⁶ См.: [*Weishaupt A.*] Apologie der Illuminaten. Frankfurth, Leipzig: Grat-

зация является масонской, только особого, радикального направления¹⁴⁷. Именно такая характеристика иллюминизма прозвучала на советско-итальянской конференции историков в 1966 г. Любопытно, что подобную оценку озвучил и поддержал известный отечественный специалист В. М. Далин¹⁴⁸. По всей видимости, более точная характеристика деятельности «просветленных» принадлежит Р. Генону. Он утверждал, что в данном случае речь идет о действиях типичной традиционалистской структуры, функционирование которой выстроено на исполнении магических инициаций¹⁴⁹. Так или иначе, деятельность иллюминатов оставила весьма заметный след в политической и общественной жизни Европы конца XVIII – первой четверти XIX вв., что подчеркивается многими специалистами¹⁵⁰.

Столь же политизирована в историографии тема масонского участия в событиях Великой французской революции¹⁵¹. Противостояние мнений вызвано разными вариантами ответа на вопрос о том, кто сокрушил «старый порядок» и сверг Бурбонскую монархию.

tenaurische Buchh, 1786; Die Korrespondenz des Illuminatenordens. Band 1: 1776–1781. Herausgegeben von Reinhard Markner, Monika Neugelaue-Wölk und Hermann Shüttler. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2005.

¹⁴⁷ Hutin S. La Franc-Maçonnerie... P. 12.

¹⁴⁸ Проблемы советско-итальянской историографии (материалы советско-итальянской конференции историков. 12-14 октября 1964 г.). М.: Наука, 1966. С. 250-251.

¹⁴⁹ Генон Р. Символика креста... С. 428.

¹⁵⁰ Берти Д. Россия и итальянские государства. Пер. с итал. М.: Изд-во иностранной лит., 1959. С. 323-326; Он же. Демократы и социалисты в период Рисорджименто / Пер. с итал. М.: Прогресс, 1965. С. 137; Ланда С. С. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России // Пушкин и его время. Л.: Искусство, 1972. С. 67-232; Ковальская М. И. Движение карбонариев в Италии. М.: Наука, 1971. С. 75-79; Ютен С. Невидимые правители и тайные общества / Пер. с фр. М.: КРОНА-ПРЕСС, 1998. С. 137-154; Francovich C. Gli illuminati di Weishaupt e l'idea egualitaria in alcune società segrete del Risorgimento // Movimento Operatio. 1952. № 4. P. 553-597.

¹⁵¹ См. подробнее: La Franc-Maçonnerie et la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française. 1969. № 197; Чудинов А. В. Масоны и французская революция XVIII в.: дискуссия длиною в два столетия // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 45-69; Saunier E. La Franc-Maçonnerie et la Révolution française: vers une nouvelle orientation historiographique // Cahiers d'histoire. 2002. № 87. P. 121-136.

Первые версии на этот счет появились в самой Франции. Уже в 1791–1792 гг. в политическом памфлете «Завеса, приподнимаемая для любопытствующих, или тайна Революции, раскрытая при помощи франкмасонства» аббат Ж.-Ф. Лефранк обратил внимание читателей на ряд зловещих совпадений, которые позволили ему обвинить «вольных каменщиков» Франции в подготовке и осуществлении антикатолической революции. В частности, он отметил весьма солидное представительство масонов в рядах Законодательного собрания, а также в наиболее радикальных клубах, наподобие «Социального кружка» Клода Фоше и Николя Бонвилля¹⁵². Не осталась им незамеченной и предшествующая революции связь масонских лож с просветительской деятельностью Ж.-А. Кондорсе и Ж. Лаланда¹⁵³. Однако наибольшую известность «черная легенда»¹⁵⁴ о масонском заговоре в революционной Франции получила после выхода в свет сочинения другого «истинного аббата» (О. Баррюэля)¹⁵⁵. Его вывод — революция стала плодом целенаправленного заговора против церкви и монархии. Главными участниками событий были названы философы-просветители, масоны и не-

¹⁵² Чудинов А. В. Масоны и французская революция... С. 45-47. «Социальный кружок» был основан в Париже в январе 1790 года. Позднее это собрание патриотов было преобразовано во «Всемирную федерацию друзей истины», которая прекратила свое существование во времена якобинской диктатуры. На страницах периодических изданий организации — журналов “La Bouche de fer”, “La Chronique du mois” и “Bulletin des amis de la vérité” — велась пропаганда идей радикального эгалитаризма. См.: Алексеев-Попов В. С. История основания «Социального кружка» // Труды Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова. Серия истор. наук. Одесса, 1954. Вып. 4. С. 133-161. Любопытно, что сам Николя Бонвилль был настроен против франкмасонов, обвиняя их в связях с иезуитами. См.: *Vonperville N., de. Les jésuites chassés de la Maçonnerie et leur poignard brisé par les Maçons.* P.: Éditions du Prieuré, 1993 (Facs. Éditions Orient de Londres, 1788).

¹⁵³ Чудинов А. В. Масоны и французская революция... С. 47.

¹⁵⁴ Такое определение скандальным сюжетам о масонах-революционерах в середине XX в. присвоил известный французский историк Жак Годшо.

¹⁵⁵ Сам Баррюэль отмечал появление во Франции целой плеяды «фальшивых» аббатов, которые, по его словам, не имели никакого отношения к религии и преследовали исключительно корыстные цели. К их числу были отнесены Бартелеми, Бодо, Нозль и Сийес — все активные участники революции.

мецкие иллюминаты¹⁵⁶. По мнению Баррюэля, коалиция этих деструктивных сил составила общество якобинцев, которое довершило разрушение вполне жизнеспособного французского государства.

Концепция «масонского заговора» как основного «движителя» Великой революции не смогла получить аргументированного подтверждения. Однако она сохранила свое присутствие на страницах некоторых изданий, причем не только во Франции¹⁵⁷. Известный современный историк Роже Шартье объясняет устойчивость столь явного оценочного анахронизма тем, что его сторонники по-прежнему находятся под воздействием психологического пресса свершившегося факта — Великой революции — и принимают в расчет лишь то, что подводит к этому событию — Просвещение¹⁵⁸.

Вскоре на первый план быстро выдвинулись другие, документально подкрепленные версии масонского участия в революционных потрясениях. Так, Г. Мартэн, озвучивая в своей книге официальную точку зрения Великого Востока Франции, представлял «вольных каменщиков» XVIII в. как выразителей передовых мировоззренческих концепций Просвещения. Согласно его оценке, стремление масонских лож ограничить всевластие абсолютизма, наряду с попытками обеспечить соблюдение прав личности и свободу вероисповедания, безусловно, способствовало началу революции¹⁵⁹. Тем самым, масонство было совершенно справедливо

¹⁵⁶ [Баррюэль О.] Вольтерианцы или история о якобинцах, открывающая все противу христианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы. С французского последнего исправленного и вновь умноженного издания: В 12 ч. М.: В губернской типографии у А. Решетникова, 1805–1809. Ч. I. С. XXIV–XXVI.

¹⁵⁷ См.: Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне относительно этого события / Пер. с англ. М.: Рудомино, 1993. В России это мнение поддерживали и поддерживают авторы «патриотического направления»: Генц А. И. Массоны. М.: Книгоиздательство «Верность», 1906; М. А. Г. Слуги треугольника и их дела. СПб.: Издание В. М. Скворцова, 1912; Абаринов Н. Н., Бутми Г. В. Франк-масонство и государственная измена... С. 15–34; Климов Г. П. Красная Каббала: Лекции по высшей социологии. Краснодар: ООО «Пересвет», 2002.

¹⁵⁸ Шартье Р. Культурные истоки французской революции / Пер. с фр. М.: «Искусство», 2001. С. 13.

¹⁵⁹ Martin G. La Franc-maçonnerie française et la préparation de la Révolution... P. 43–44.

обрисовано в качестве одного из идейных вдохновителей Великой революции. Что же касается отстаивания «заговорщической линии» в событиях 1789 года, то такая позиция получила со стороны исследователя самый решительный отпор. Добавим, что ее последним сторонником оказался французский католический историк Густав Бор (1852–1917), чье исследование увидело свет в самом начале XX в.¹⁶⁰

Не менее активно над «проблемой 1789 года» трудились и независимые историки, для которых главной задачей было воссоздание общей картины кризиса Старого порядка во Франции. Среди них следует особо отметить усилия Огюстена Кошена (1876–1916). Талантливый и рано ушедший из жизни французский историк пришел к выводу, что Великая революция была на самом деле подготовлена пропагандистской «машинной», компонентами которой, наряду с масонскими ложами, являлись политизированные литературные и научные общества, а также кафе, салоны и клубы. Главным итогом состоявшейся «обработки» умов, по его мнению, стало появление в дореволюционной Франции людей особой породы — Homo ideologicus. Именно эта человеческая генерация, отмечал историк, по-видимому, предчувствуя явление еще более чудовищного «воспитательного» потенциала — фашизма и коммунизма, стала главным действующим фактором революционного террора. Главной же целью переворота, подготовленного Просвещением, по мнению О. Кошена, стало преобразование Франции в обширную масонскую ложу, в которой «все добрые французы будут по-настоящему братьями»¹⁶¹.

Достаточно оригинальную, хотя и не признанную концепцию масонского участия в подготовке революции высказал «правый» историк Бернар Фэй. В своей нашумевшей еще до Второй мировой войны антимасонской книге он попытался развить концепцию, поддерживающую идею существования интеллектуального заговора против Франции¹⁶². В частности, историк подчеркивал английские корни «вольных каменщиков» и связывал события 1789 года с целе-

¹⁶⁰ Bord G. La conspiration révolutionnaire de 1789... P. 427-430.

¹⁶¹ Кошен О. Малый народ и революция. Сборник статей об истоках Французской революции / Пер. с франц. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 117.

¹⁶² Fay B. La Franc-Maçonnerie et la révolution intellectuelle... P. 225-246.

направленным экспортом «Славной революции». Им было также отмечено негативное воздействие на абсолютистскую Францию со стороны революционной и масонизированной Америки¹⁶³. Кстати, о «дьявольском влиянии» английской революции пишут и некоторые другие, в том числе современные французские авторы¹⁶⁴.

В наши дни изучение масонских структур как возможных организаторов Великой революции приобрело более взвешенный и целенаправленный характер. Прежде всего, историки пытаются составить исчерпывающие представления о деятельности провинциальных лож. Двигаться в этом направлении их побуждает наличие обширных материалов в муниципальных архивах, а также желание максимально точно реконструировать ментальность и умонастроения революционной нации. В этом ряду выделяются монографии М. Агюлона, М. Тэйефера, Ж.-А. Фозэ¹⁶⁵ и А. Ф. Альбера¹⁶⁶. Разумеется, в этой связи не может остаться в стороне тема Парижа и Просвещения. Известно, что накануне Великой революции во французской столице были созданы многочисленные радикальные масонские ложи, участниками которых были философы-просветители¹⁶⁷.

В целом сюжеты интеллектуальной истории, увязанные с распространением масонства, занимают первенствующие места в творчестве новейших исследователей общественно-политической мысли во Франции. За последние годы опубликована целая серия работ, в которых подробно рассматривается многогранная деятель-

¹⁶³ Ibid. P. 104-114.

¹⁶⁴ Nouvelle histoire des idées politiques / Sous la dir. de Pascal Ory. P.: PUF, 1987. P. 40.

¹⁶⁵ Faucher J.-A. Les francs-maçons et le pouvoir: de la Révolution à nos jours. P.: Librairie Académique Perrin, 1986.

¹⁶⁶ Albert H. F. Chronique maçonnique du Haut-Dauphiné, 1775–1816. Val-des-Prés: Éditions Transhumances, 2003.

¹⁶⁷ См.: Le Bihan A. Francs-maçons et ateliers parisiens de la Grand Loge de France an XVIII siècles. 1760–1795. P.: Bibl. Nat., 1973. На рубеже веков об особенностях столичной богемно-интеллектуальной жизни писали Франсуа Рокэн и братья Гонкуры: Рокэн Ф. Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке. 1715–1789 гг. / Пер. с фр. СПб.: Типография М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1902; Goncourt E. et J. Histoire de la société française pendant la Révolution. Nouvelle édition. P.: Bibliothèque-charpentier, 1910.

ность масонов-просветителей предреволюционного периода. Авторами наиболее заметных исследований в этой области, наряду с Пьером Борепэром, являются Ран Алеви¹⁶⁸ и Шарль Порсе¹⁶⁹. Эти специалисты характеризуют масонство XVIII столетия как новую форму демократического социального общения¹⁷⁰.

Совершенно очевидно, что главной причиной Великой французской революции явились не козни масонов, а «заговор» всего общества против замшелой, неповоротливой феодально-католической монархии. В этих условиях масоны, которые были носителями универсальной, мессианской идеи всеобщего братства, так и не стали самостоятельной политической силой. В период якобинского террора (1793–1794) они были вынуждены прекратить свою деятельность. Новый подъем масонского движения во Франции пришелся на время правления Наполеона Бонапарта (1799–1815). О покровительстве великого реформатора и государственника «вольным каменщикам» написаны специальные труды¹⁷¹. Несмотря на то, что историкам так и не удалось добыть убедительных подтверждений вступления императора в масонский Орден, они показали конструктивный характер этих вполне дружественных связей. Масонские ложи, быстро получив в империи официальное признание, верой и правдой служили своему патрону, являясь надежной опорой обновленного революцией французского государства.

В целом, обзор литературы, посвященной истории масонства, свидетельствует об отсутствии устоявшихся оценок по целому ряду важнейших проблем генезиса и эволюции этого движения и убеждает в необходимости дальнейших исследований.

¹⁶⁸ Halévi R. Les loges maçonniques dans la France d'ancien régime aux origines de la sociabilité démocratique. P.: Colin, 1984.

¹⁶⁹ Porset Ch. Franc-maçonnerie, Lumières et Révolution. P.: Éditions maçonniques de France, 2001.

¹⁷⁰ «Французская версия» получила поддержку и за рубежом. См., например: Burk P. A social history of knowledge. From Gutenberg to Diderot. Cambridge: Univ. Press, 2000. P. 27.

¹⁷¹ См., например: Collaveri F. Napoléon, empereur Franc-maçon...; *Idem*. La Franc-maçonnerie des Bonaparte. P.: Payot, 1982; Lanvin L. La franc-maçonnerie au service de l'Empire // Dossiers secrets de l'Histoire. Hors série. № 4. 1999. P. 24-29.

Д. С. Коньков

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЗАЦИИ ПЕРИОДА ЧУНЬЦЮ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Представляется необходимым прежде, чем обращаться к рассмотрению основных вопросов, обосновать существование проблемы, заявленной в заглавии статьи. Действительно, является ли актуальной для современного исторического знания такая постановка задачи? На мой взгляд, ответ должен быть положительным. В условиях дискредитации марксистской формационной теории понятие феодализма становится чрезвычайно размытым. Однако, несмотря на в целом скептическое отношение к идее последовательной смены социально-экономических формаций, современная историческая наука активно использует соответствующие понятия и термины.

Таким образом, мы сталкиваемся с более широкой проблемой дефиниций, и с этой точки зрения рассмотрение феодализма как строя, присущего определенным народам и эпохам, приобретает принципиальный характер. Исследование в этом случае выходит за рамки конкретно-исторического и становится отчасти методологическим, поскольку наполняет расплывчатое абстрактное значение термина практическим содержанием. Так, это позволяет нам с уверенностью приводить в качестве примера классического феодального строя совершенно четко определенную эпоху в истории отдельной страны. Соответственно, в целом это понятие формируется заново — индуктивно.

Именно этот процесс можно наблюдать сегодня, когда происходит пересмотр основного инструментария исторической науки. С одной стороны, вводятся полностью новые концепции — как то концепция вождества — но и наряду с этим происходит определенная модернизация старых. Большинство ученых, судя по всему, не могут и не хотят совершенно отказаться от принятого в историческом материализме инструментария. Возможно, это оправдано,

поскольку именно исторический материализм представляет собой одну из наиболее разработанных и систематизированных исторических теорий. Поэтому сейчас безусловно актуально говорить о феодализме по отношению к какой-либо стране. Другое дело, каким образом следует понимать, что под этим определением подразумевает автор конкретного исследования. Если ранее, в рамках жесткой «пятичленки», этот вопрос не поднимался, то теперь он нуждается в отдельном уточнении. Тем самым ставится проблема соотнесения различных авторских позиций с тем, чтобы определиться с общими и различными чертами в их понимании исторической формации. Решение этой проблемы, в свою очередь, дает возможность формирования более или менее цельной методологии, общей для исторической науки в целом, а не для одного-двух исследователей.

В этом смысле представляет особый интерес востоковедение. Поскольку основной корпус формационной теории создавался на европейском материале, применение ее в отношении древнего Востока изначально вызывал сомнения. Это характерно в особенной степени для ранних периодов становления государств и империй Востока. Не останавливаясь сейчас на азиатском способе производства — понятие о котором, несмотря на все дискуссии, так и не стало общераспространенным — следует отметить две тенденции в советской востоковедной историографии: с одной стороны, генерализации всемирного исторического процесса и, с другой, обособления, выделения восточных обществ в особый тип исторического развития. Иногда эти позиции парадоксальным образом сочетаются в работах одного автора. И та, и другая тенденции развиваются на протяжении второй половины XX века в советской историографии, перейдя и в историографию постсоветскую. Опять же, речь здесь идет не только о конкретных особенностях исторического исследования, но и об общих методологических вопросах. Пусть истмат страдает врожденным европоцентризмом, но означает ли это, что его положения абсолютно неприменимы в отношении азиатских стран? Какие коррективы необходимы в подобном случае? Показательной в этом отношении является позиция различных советских исследователей-китаеведов в отношении формационной принадлежности периода Чуньцю. Действительно, данный период является одним из наиболее сложных в методологическом плане для ис-

следования. Являясь, по сути, переходным этапом, временем становления новой государственности, политогенеза китайской империи, период Чуньцю уникален для китайской истории. Он является осевой эпохой, поскольку в это время происходит ломка как политических, так и духовных парадигм, возникновение новых общественных институтов и учений. Значение его сложно переоценить. Поэтому методологическая оценка происходящих событий несет с собой особую ответственность для исследователя. Обращения авторов к этой эпохе показывают, что они осознавали эту ответственность.

Прежде, чем обращаться к отечественной историографии, необходимо, на мой взгляд, сказать об историографии собственно китайской. Такой подход представляется обусловленным следующим. Вторая половина XX века для историков обеих стран прошла под знаменем парадигмы исторического материализма и конкретно пятичленной формационной теории. Казалось бы, именно в Советском Союзе должны быть наиболее последовательные ее сторонники. Но советское востоковедение никогда не следовало в массе своей штампам, будучи менее контролируемой со стороны государства отраслью знания. Поэтому наиболее яркий пример преломления древней китайской истории с точки зрения теории формаций дает коммунистическая историография самого Китая. Патриархом этой историографии, насколько можно судить, весьма уважаемым среди китайских историков и сейчас, является Го Мо-жо. В его работах обосновывается формационная стадильность развития Китая и четко артикулируется соответствующая периодизация. Во многом от них отталкивались и советские историки.

Свою работу «Эпоха рабовладельческого строя» Го Мо-жо начинает с базовой аксиомы — неоспоримо, что смена способов производства в Китае происходила именно как смена первобытно-общинного, рабовладельческого и феодального строя¹. Таким образом, сразу исключается вопрос о наличии неких особых формаций или об их специфике. Другое дело — хронологические границы формаций. Действительно, достаточно сложно определить критерии смены формаций для древнего Китая. Экономические способы хозяйствования на Востоке довольно серьезно разнятся с европей-

¹ Го Мо-жо. Эпоха рабовладельческого строя. М., 1956. С. 7.

скими. Го Мо-жо соотносит в данном случае государство Чжоу и Спарту. Именно Спарта, классический для Ф. Энгельса пример рабовладения, представляется китайскому ученому ближайшей аналогией, поскольку, по его мнению, рабство возникло и в Спарте, и в Восточном Чжоу в результате покорения и закабаления местного населения внешними захватчиками. В Спарте таковыми выступали ахейцы, в Китае — племена чжоу, завоевавшие иньцев. Поэтому положение рабов в Чжоу Го Мо-жо сравнивает с положением илотов; источник рабовладения — военное господство².

Особенностью китайского рабовладельческого государства была всеобщая собственность на землю императорского дома³. Тем самым рабовладение в Китае является исключительно государственным (за исключением небольшой прослойки привилегированных домашних рабов), подобно другим древневосточным империям. Первоначально Го Мо-жо расширяет период рабовладения на все эпохи в ранней истории Китая от Ся до империи Цинь включительно. Он расценивает циньские общественные повинности как использование рабского труда, а восстание Чэнь Шэна и У Гуана 209–208 гг. до н. э. — как революцию рабов. Однако впоследствии он отказывается от этой позиции, поскольку обнаруживает, что в период Цинь основная часть сельскохозяйственных работ выполнялась наемными работниками, что автоматически зачеркивает возможность разговора о рабовладении как господствующем строе⁴. И в этом отношении ключевой эпохой в смысле смены формаций выступает Чуньцю. Именно Чуньцю и Чжаньго видятся для Го Мо-жо как основной переходный период между рабовладением и феодализмом. Главным критерием в этом переходе выступает, с его точки зрения, изменение права собственности на землю. Ослабление центральной государственной власти в период Чуньцю, распад Чжоу на соперничающие царства положили начало распаду системы государственного рабовладения в пользу частновладельческого землепользования. Свидетельством этому становится введение в царствах налога с частных полей, наиболее раннее — в

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 42-46.

Лу — в 594 г. до н. э., а наиболее позднее — в Цинь, в 350 г. до н. э. На основании этого Го Мо-жо расценивает развитие Лу как самое прогрессивное среди китайских царств того времени⁵. Однако с этим никак нельзя согласиться в свете воззрений самого же Го Мо-жо, поскольку другим критерием модернизации общественно-экономического строя для него является борьба между гунами и кланами чиновников, рассматриваемая как борьба государственно-го и частного землевладения. Победа кланов в Ци и Цзинь, падение исконных династий и в случае Цзинь — раздел царства, выступают для Го Мо-жо рубежом формаций, социальной революцией⁶. Л. С. Васильев, в целом также отмечая знаковое положение этих событий в истории Чуньцю, обращает внимание на то обстоятельство, что как раз в царстве Лу подобных политических потрясений не произошло, что в конечном итоге оказалось для него роковым⁷.

Таким образом, Го Мо-жо намечает основные проблемные точки в исследовании периода Чуньцю, выделяя его в целом в качестве рубежного, переходного в социально-экономическом смысле.

Та же предпосылка, которая позволяет Го Мо-жо говорить о рабстве в древнем Китае, приводит к несколько иным выводам отечественного исследователя Ю. В. Павленко. Для последнего факт военного господства Чжоу на покоренных территориях иньцев также представляет значительный интерес, выступая в качестве исходного для обоснования концепции социально-политического строя чжоуского Китая. В данном случае как нельзя более очевидно заметна разница в методологических подходах ученых. Если Го Мо-жо выступает с позиций теории общественно-экономических формаций, то Ю. В. Павленко больше интересуется обоснование концепции восточного деспотизма, тотального господства государства над личностью в восточных империях. Несмотря на значительные отличия в подходах, оба этих взгляда имеют немало точек пересечения. Ю. В. Павленко полагает, что жесткое противостояние институтов сакрального господства старой иньской знати и военного — новой чжоуской нуждалось в нивелировании, создании

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Там же. С. 51-52.

⁷ *Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 2. М., 2000. С. 249.*

механизма общественной гармонии, каковым и стала восточная деспотия с полным подчинением личности государственному механизму⁸. Тем самым получает косвенное подтверждение взгляд на периоды Западного и Восточного Чжоу, включая также и Цинь, как на систему государственного рабства, высказанный Го Мо-жо. Теория формаций вполне сочетается с социально-политической точкой зрения, однако те самые исторические факты, которые заставляют усомниться в своих взглядах Го Мо-жо, ставят под сомнение и однозначность трактовки Чуньцю Ю. В. Павленко. Действительно, приход к власти чиновничьих кланов, зачастую не аристократического происхождения, и отсутствие каких-либо следов иньского оппозиционного движения заставляют искать другие обоснования для определения социально-экономического и социально-политического состояния Китая в период Чуньцю.

В этом смысле чрезвычайно интересной представляется точка зрения В. А. Рубина. Переходность периода Чуньцю не вызывает у него сомнения, но вопрос о переходе рассматривается в его работах не с позиций смены формаций. Расцвет рабовладения, по мнению В. А. Рубина, приходится только на ханскую эпоху. Соответственно, во времена Чуньцю речь может идти лишь о некоей внутренней трансформации рабовладения. Сам факт рабовладения сомнению не подвергается, однако внутри самой формации В. А. Рубиным выделяются несколько последовательных этапов. Если в иньские времена рабы использовались только в качестве материала для масштабных человеческих жертвоприношений, то к периоду Хань они являются основной рабочей силой в городах. Что характерно, при этом В. А. Рубин акцентирует положение городского населения, практически оставляя за скобками аграрное хозяйство — на которое обращал в первую очередь внимание Го Мо-жо. Отсюда, по всей видимости, разница в трактовке формации. С другой стороны, В. А. Рубин отмечает, что в период Чуньцю возделывание земли в основном осуществляется свободными земледельцами — о чем говорит и Го Мо-жо. Но отечественный исследователь делает из этого иные выводы. Если для Го Мо-жо это —

⁸ Павленко Ю. В. Человек и власть на Востоке. // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993. С. 50-53.

свидетельство разложения и упадка государственного рабовладения, соответственно, близкой перспективы наступления феодализма, то В. А. Рубин расценивает этот исторический факт как показатель неразвитости самого института рабства и внутреннего рынка, способствовавшего бы вовлечению рабов в активное экономическое производство. Рабство если и существовало, то как источник сакральных жертвоприношений или, чаще всего, как домашнее рабство. С IV в. до н. э. происходит серьезное изменение характера этого института, и в этом китайский и советский исследователи согласны⁹. Однако, если для первого рост товарно-денежных отношений, ростовщичества и производительности труда в целом выступает признаком изменения общественно-экономической формации, то для второго это — показатель максимального расцвета формации уже становящейся. Соответственно, Чуньцю следует в этом контексте рассматривать не как переход от рабовладения к феодализму, а скорее как исчезновение последних следов первобытно-общинного строя на пути к формированию раннего рабовладения¹⁰.

С этой позиции по-другому видится и тезис о формировании в этот период восточной деспотии в Китае. Действительно, если допустить существование отдельных пережитков первобытно-общинного строя в эпоху Чуньцю, то следует предположить и сохранение следов первобытной демократии и народного собрания. В. А. Рубин в этом отношении последователен, и развивает это предположение в своих последующих работах. Он полагает, что в период Чуньцю государства еще не являются деспотиями, поскольку в них при решении важных вопросов большую роль играют народ и родовая знать¹¹. Основываясь на Цзо-чжуань, В. А. Рубин приходит к выводу, что для осуществления правителем определенных мероприятий, в том числе для легитимации на троне, необхо-

⁹ Рубин В. А. Рабовладение в Древнем Китае в VII–V вв. до н. э. // Рубин В. А. Личность и власть в Древнем Китае. М., 1999. С. 205–206.

¹⁰ Рубин В. А. Народное собрание в Древнем Китае в VII–V вв. до н. э. // Рубин В. А. Личность и власть в Древнем Китае. М., 1999. С. 221.

¹¹ Рубин В. А. Рабовладение в Древнем Китае в VII–V вв. до н. э. // Рубин В. А. Личность и власть в Древнем Китае. М., 1999. С. 351, сноска 89; Рубин В. А. Народное собрание в Древнем Китае в VII–V вв. до н. э. // Рубин В. А. Личность и власть в Древнем Китае. М., 1999. С. 207.

дима была санкция народного собрания. В этом качестве он рассматривает встречающиеся в источниках сведения о делегациях го-жэнь, горожан¹². Последние действительно играли определенную роль в период Чуньцю, в основном, в ситуациях кризисной слабости центрального правительства. Сам В. А. Рубин отмечает, что подобные сведения происходят из истории относительно небольших и слабых государств этого периода, что, по его мнению, свидетельствует, что рост государства тесно связан с укреплением центральной власти и ликвидацией народной демократии¹³.

Позднее, встретившись с критикой своей концепции, в основном связанной с недостаточной обоснованностью данными источников, В. А. Рубин в свою очередь критикует источники, в первую очередь Сыма Цяня, чье монументальное сочинение охватывает во всех подробностях период Чуньцю. Исследователь полагает, что позиция Сыма Цяня была предвзято имперской, отчего все упоминания о народных собраниях были им целенаправленно исключены¹⁴. Впрочем, сам В. А. Рубин здесь же отмечает отсутствие однозначных подтверждений в источниках тезису китайского ученого Ян Куаня, обнаружившего пережитки народного собрания в цзиньской традиции военных смотров (на которых производилось назначение военачальников и оглашение указов)¹⁵. Таким образом, концепция не получила достаточного обоснования, чтобы стать общепринятой, но в значительной степени повлияла на дальнейшее развитие советского востоковедения: большинство китаеведов скрыто или явно с ней полемизировали. В частности, в связи с этой концепцией В. А. Рубин актуализирует проблему мандата Неба на правление, которая вскоре становится одной из центральных в отечественном китаеведении. Он полагает, что при более пристальном рассмотрении этой доктрины выявляется ее демократический характер. С его точки зрения, доктрина, говоря о даровании Небом вану мандата на правление, основным условием при этом выдвига-

¹² Рубин В. А. Народное собрание в Древнем Китае в VII–V вв. до н. э. // Рубин В. А. Личность и власть в Древнем Китае. М., 1999. С. 209, 212.

¹³ Там же. С. 216.

¹⁴ Рубин В. А. О народном собрании в древних государствах Восточной Азии. // Рубин В. А. Личность и власть в Древнем Китае. М., 1999. С. 222.

¹⁵ Там же. С. 223–224.

ет заботу и попечение о благе народа — это выступает несомненным свидетельством демократии. Однако уже во времена В. А. Рубина существовал взгляд на эту доктрину, как на способ легитимации победы Чжоу над Инь. Исследователь не соглашается с этим, предполагая, что доктрина мандата Неба являлась результатом особенностей собственно социально-экономического развития чжоуского общества и не зависела от изменения политической ситуации¹⁶.

Проблема мандата Неба на правление во второй половине XX века подробно разрабатывается в связи с тенденцией ориентации отечественной исторической науки на вопросы культурной антропологии, которой положил начало А. Я. Гуревич. В частности, следует упомянуть работу А. С. Мартынова, впервые подробно анализирующую все аспекты этой проблемы¹⁷. Не останавливаясь здесь подробно на этой работе, поскольку, во-первых, впрямую она темы статьи не касается, и, во-вторых, рассматривается в моем диссертационном исследовании, к которому желающие могут обратиться¹⁸, все же сошлемся на другую, достаточно позднюю и обзорную работу, в которой концепция А. С. Мартынова приобретает законченный и отшлифовано лаконичный вид. Мир находится под постоянным контролем Неба. Когда оно обнаруживает человека, наделенного определенной сверхъестественной созидательной потенцией (дэ), Небо вручает ему власть. Таким образом, правитель является не только носителем верховной власти, но и в высшей степени сакрализованной фигурой, что еще дополняется культом предков. В ходе же политических столкновений периода Восточного Чжоу наступает практически полная секуляризация политической жизни, когда доктрина утрачивает свое реальное воплощение — власть вана¹⁹.

К. В. Васильев разворачивает концепцию дэ и мандата на правление в плоскость проблемы восточной деспотии. В своих за-

¹⁶ Там же. С. 225-226.

¹⁷ *Мартынов А. С.* Статус Тибета в XVII–XVIII вв. в традиционной китайской системе представлений. М., 1978. С. 14-41.

¹⁸ *Коньков Д. С.* Проблема власти в раннесредневековом обществе: историографический и методологический аспекты. Дисс. на соискание степени кандидата ист. наук. Томск, 2004. С. 73-78.

¹⁹ *Алимов И. А., Ермаков М. Е., Мартынов А. С.* Срединное государство. Введение в традиционную культуру Китая. М., 1998. С. 36-37, 42.

метках о ранней истории Китая, написанных в течение конца 1970-х – конца 1980-х гг., он отмечает, что в чжоуской монархии с самого ее образования значительную роль играли родственники вана и кланы чжухоу, местных правителей. Поскольку основной целью концепции небесного мандата на правление было сохранение с помощью сакрализации существующего порядка, вселенской гармонии Неба и Земли, то, как отмечает К. В. Васильев, ван был обязан исполнять обширнейший комплекс магических действий, предназначенных для сохранения дэ. В этой системе ритуалов родственники вана и представители кланов чжухоу играли существенную роль сакральных помощников, без которых система утратила бы стабильность²⁰. По этой причине К. В. Васильев так же, как и В. А. Рубин, не склонен типологически определять чжоуский Китай как восточную деспотию²¹. Однако, как отмечает Л. С. Васильев, между К. В. Васильевым и В. А. Рубиным велась заочная дискуссия по проблемам демократии и статуса го-жэнь в древнекитайских царствах. При этом сам Л. С. Васильев считает более обоснованной точку зрения своего однофамильца²². Это понятно и закономерно. Несмотря на корректность и лояльность К. В. Васильева по отношению к своему оппоненту (который так или иначе все же не был способен ответить, поскольку уже к этому времени скончался), его выводы однозначны и жестко категоричны. К. В. Васильев полагает представления о неких демократических традициях в слое го-жэнь иллюзиями, не имеющими никакого основания в историческом материале²³. Хотя он признает достаточную аргументированность наличия у го-жэнь элементов механизмов выборности и представительства, но, с его точки зрения, это не дает основания говорить о следах демократической общественной традиции. Соборы го-жэнь играли очень ограниченную роль — подтверждали и

²⁰ Стоит вспомнить царства Сун и Лу, чей ритуальный статус не уступал статусу вана, благодаря чему они, не будучи заметными фигурами в военно-политическом плане, все же достаточно значимы на протяжении всего периода Восточного Чжоу.

²¹ Васильев К. В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998. С. 129, 132.

²² Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 2. М., 2000. С. 23.

²³ Васильев К. В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998. С. 185-186, 188.

одобряли решения правителя, не проявляя никакой самостоятельности²⁴. Рассматривая их с точки зрения своей концепции определяющего доминирования кланов в общественно-политической жизни Чуньцю, К. В. Васильев высказывает мнение, что го-жэнь могли бы сыграть роль силы-противовеса влиянию кланов, и в этом случае обстановка была бы совершенно иной, возможно, близкой к сословному государству в Европе. Но консолидированность и корпоративизм го-жэнь не достигают соответствующего уровня, поэтому они фигурируют во всех упоминаниях в источниках в качестве орудия²⁵. Соответственно, нельзя говорить о го-жэнь как о влиятельной силе в политическом смысле. Других же обоснований признаков демократических традиций сам В. А. Рубин не находит.

В соответствии со своей общей парадигмой, К. В. Васильев полагает рубежом переход в конце периода Чуньцю власти от кланов к централизованному чиновничеству. Власть как политической, так и экономической, поскольку одновременно происходит в том же направлении и перераспределение власти на землю²⁶. С точки зрения историографии этот подход симптоматичен. Советское востоковедение уже не акцентирует формационный аспект в исследовании Китая. К. В. Васильев нигде определенно не доказывает, в отличие от предшественников, принадлежность периода Чуньцю к какой-либо формации. Для него определяющим признаком общественного строя, что явно видно из контекста, является пожалование правителем части собственных властных полномочий на определенной территории своим сподвижникам, которые впоследствии становились родоначальниками кланов²⁷. Таким образом, кланы и их отношения с центральным правителем определяли всю специфику Чжоу, как Западного, так и Восточного. В случае последнего кланы переживают как свой расцвет (период Чуньцю, когда они выступают в качестве единственной реальной политической и экономической силы), так и упадок (когда к моменту наступления эпохи Чжаньго им на смену приходит административное чиновничество, склонное к большей централизации). Таким обра-

²⁴ Там же. С. 183-184.

²⁵ Там же. С. 190.

²⁶ Там же. С. 204.

²⁷ Там же. С. 196.

зом, намечается, на мой взгляд, переход от социально-экономической детерминации типологии общественного строя к преимущественно политической.

Этот переход ярче всего обозначается во взглядах Л. С. Васильева, разрабатывающего концепцию власти-собственности именно как вариант совмещения традиционного советского социально-экономического детерминизма и актуализации в востоковедении политической проблематики. В силу традиции глава общины является верховным распорядителем всего общественного достояния, то есть фактически его собственником, в том числе и собственником земли. Это и является властью-собственностью: собственностью не в силу экономических характеристик, а в силу традиционной обоснованности. В частности, правитель также может делегировать свою власть-собственность своим соратникам. Отсюда Л. С. Васильев выводит неизбежность сакрализации верховной власти (проявляющейся, в частности, в институте мандата на правление). Такая огромная значимость верховной власти естественным образом формирует восточную деспотию. Альтернатив в этом отношении не могло существовать, почему Л. С. Васильев и поддерживает К. В. Васильева в полемике с В. А. Рубиным. Традиция в силу исключительной консервативности и косности не допускала появления принципиально новых общественно-политических формирований, в том числе, естественно, демократических институтов²⁸.

Однако Л. С. Васильев представляет процесс формирования восточной деспотии в Китае не столь прямолинейным и однозначным, как это предполагается другими исследователями. Углубляясь в изучение конкретной истории периода Восточного Чжоу, он делает достаточно интересные выводы. Эпоха Чуньцю представляется ему типологически относящейся к феодализму, причем не просто близкой по форме, но и сущностно копирующей феодализм классический, западноевропейский. Естественно, тем самым тезис о восточной деспотии подвергается коррекции. Более того, Л. С. Васильев особо подчеркивает уникальность Чуньцю среди других

²⁸ *Васильев Л. С.* Традиционный Восток и марксистский социализм. // Феномен восточного деспотизма. М., 1993.

исторических периодов в его качестве схожести с европейским средневековьем²⁹. Возникает вопрос, какими критериями руководствуется исследователь, утверждая столь категорично эту типологическую близость? Л. С. Васильев называет среди ведущих признаков феодального общества вассалитет, инвестиру, интриги и заговоры, феодальные войны аристократии, децентрализацию власти. Исходя из последнего, он сам говорит о невозможности существования феодализма на Востоке, где доминирует в качестве ведущего политического режима деспотия³⁰. Потому для Л. С. Васильева и видится уникальным феноменом эпоха Чуньцю, во время которой присутствовали все эти качества, присущие, по его мнению, феодализму.

Доктрина мандата Неба, рассматриваемая Л. С. Васильевым в качестве инструмента упрочения власти Чжоу над завоеванными иньцами, видится им столь удачной, что именно благодаря этой доктрине, по мнению исследователя, династия Чжоу продолжала существовать даже в условиях полной деградации. Однако в то же время Чжоу оказалось неспособно создать централизованное государство. Причины этого в уровне общественного и политического развития племен как чжоуских, так и иньских, очевидно, не готовых к формированию классической империи. Единственным вариантом для Чжоу, вынужденным, по мнению Л. С. Васильева, являлась система уделов, основанная на принципах власти-собственности, вассалитете и инвестиру со стороны верховного правителя³¹. В период Чуньцю ведущей тенденцией становится ослабление политической роли вана, сопровождающееся борьбой между уделами и внутри них. Однако этот процесс тормозился и отчасти нивелировался сохранением огромного сакрального авторитета вана как сына Неба³². Несмотря на отсутствие у вана реальных рычагов влияния, вассалитет чжухоу по отношению к нему неукоснительно соблюдался на всем протяжении существования Восточного Чжоу. Войны между уделами, практически не прекращавшиеся в период Чуньцю, шли только за гегемонию среди про-

²⁹ Васильев Л. С. Древний Китай. С. 7, 12, 291.

³⁰ Там же. С. 8, 10.

³¹ Там же. С. 219.

³² Там же. С. 269, 274.

чих чжухоу, не затрагивая верховную власть. Более того, Л. С. Васильев, отмечая войны как естественную норму для эпохи Чуньцю, говорит об этом как сущностной характеристике для всех форм феодализма. Однако он подчеркивает в то же время, что сами по себе политическая децентрализация и военное соперничество не порождают с необходимостью феодализм. Феодализм появляется, с его точки зрения, там, где внешне- и внутривнутриполитическая борьба становятся квинтэссенцией бытия³³. Еще одна параллель, обнаруживаемая Л. С. Васильевым в китайском феодализме по сравнению с европейским — роль аристократии в общественной жизни. Подобно европейскому рыцарству, китайская аристократия в период Чуньцю идентифицируется через ритуализированную войну, участие в которой является главной движущей силой существования аристократии как таковой. Соответственно, и сами войны не преследуют каких-либо прагматических целей, но направлены на повышение статуса и престижа победителя, что, с точки зрения Л. С. Васильева, подчеркивает их феодальный характер³⁴. Однако такая система просуществовала, с точки зрения Л. С. Васильева, очень недолго, оказавшись характерной только для периода Чуньцю. Эпоха Чжаньго обозначила тенденцию дефеодализации. Процесс этот прослеживается следующим образом: высшая аристократия истребляет самое себя в войнах и заменяется не выдвигающейся на высшие посты мелкой аристократией, как то происходило в Европе, но чиновниками-ши, происходившими из простолюдинов. В среде чиновников процветает клановость, в силу чего их влияние растет и вскоре становится определяющим. Рубежом выступает раздел царства Цзинь между тремя такими кланами, когда власть реальная и юридическая объединяются в одних руках. Это означает крушение традиционной китайской политической системы Чжоу и, соответственно, конец китайского феодализма³⁵. В период Чжаньго преобладают уже централизаторские тенденции. Таким образом, Л. С. Васильев предлагает третий вариант трактовки периода Чуньцю — как феодальной формации.

³³ Там же. С. 297, 219-220.

³⁴ Там же. С. 331-338.

³⁵ Там же. С. 306-307, 320, 324, 555, 573.

Итак, подытоживая, можно сформулировать следующие позиции исследователей на проблему определения типологической принадлежности периода Чуньцю в истории Китая.

1. Чуньцю как время существования пережитков родо-племенного строя и военной демократии.
2. Чуньцю как эпоха государственного рабовладения, постепенно вытесняемого частновладельческими отношениями.
3. Чуньцю как период классических, подобных Европе — и в силу этого уникальных для Востока — феодальных отношений, определяющих специфику общественно-политического строя.

Почему так принципиально типологическое определение периода Чуньцю в контексте китайской истории? Очевидно, что, относя этот период к какой-либо разновидности общественно-экономического или общественно-политического строя, исследователь соответствующим образом структурирует и всю историю Китая в целом, тем более, что, как отмечалось, значение эпохи Чуньцю как ключевой для истории Китая неоспоримо. Встраивая ее в рамки типологической характеристики, исследователь автоматически приписывает ей определенные существенные признаки, сопровождающие эту характеристику. Исходя из них, формируется представление об эволюции общественных институтов древнего Китая. Поэтому к вопросу типологического определения следует подходить достаточно осторожно. Исходя из этого, попытаемся оценить достоинства и недостатки обозначенных точек зрения.

Какую из этих позиций следует считать наиболее адекватной современному состоянию исторической науки? Первый вариант практически единогласно признан ныне небезынтересным как точка зрения, но не достаточно подтвержденным историческими источниками. Второй и третий же при внимательном рассмотрении не противоречат друг другу, как ни парадоксально это на первый взгляд. Дело в том, что в этом случае речь идет о разных сферах общественного бытия. Государственное рабовладение может сочетаться с феодализмом, если первое расценивать только как социально-экономический фактор производства, а второй — как специфическую политическую систему соподчинения властных структур. Как представляется, именно с этих позиций оценивается период Чуньцю в обоих случаях. Результатом является то, что эти

концепции описывают эпоху Чуньцю с различных точек зрения, поэтому друг другу не противоречат, по крайней мере, прямо. Однако возникает другая проблема, семантического характера. Термин «феодализм» подразумевает по своему происхождению и общепринятому в современной науке смысловому значению все же в первую очередь социально-экономическую характеристику способа общественного производства. Очевидно, что Л. С. Васильев использует его в совершенно ином ключе. Тем самым он переназначает семантические смыслы понятия «феодализм», выводя на первый план те из них, которые ранее считались второстепенными и производными, а именно — особенности социально-политической структуры общества, с его точки зрения, совпадающие в отношении периодов Чуньцю в Китае и средневековой Франции в Европе. Даже при беглом взгляде заметно, что это переназначение проходит красной нитью через все исследование, потому что, употребляя термин «феодализм» (что происходит достаточно часто), Л. С. Васильев вынужден каждый раз оговаривать тот специфический контекст, в котором он его употребляет. Возникает вопрос, насколько это оправданно в рамках исследования? Может быть, имея целью социально-политическую типологизацию периода Чуньцю, следовало использовать более адекватный термин и соответствующую ему концепцию? В конце концов, если этой возможности не имелось, создать собственную, обозначенную особой терминологией, как это делает Л. С. Васильев в случае концепции «власти-собственности»?

Какие существующие точки зрения представляются полезными для определения социально-политических отношений в период Чуньцю? Из упомянутых в этой статье вспомним концепции восточной деспотии и мандата Неба. Несмотря на то, что Л. С. Васильев не отрицает первую из них, он, фактически, доказывает в своем исследовании, что именно в период Чуньцю Китай находился очень далеко от подобного состояния. Следовательно, принимая его точку зрения, в этом отношении никем не оспариваемую, эту концепцию можно отбросить.

Теперь рассмотрим то, как можно расценивать в контексте социально-политических отношений теорию мандата Неба на правление. Сама по себе она является свидетельством сакрализации

правителя. Сакрализация такого рода выступает существенной частью концепции вождества, выдвинутой и обоснованной Л. С. Васильевым на примере того же Китая³⁶. Представляется не совсем понятным, почему при исследовании эпохи Чуньцю Л. С. Васильев предпочитает экстраполировать на нее европейский феодализм, не рассматривая при этом возможность типологического определения этого периода в рамках вождества. Какие для этого есть основания?

Во-первых, сама концепция вождества, в отличие от феодальной, является социально-политической. Это делает ее более адекватной описываемой Л. С. Васильевым ситуации. Во-вторых, тот же Л. С. Васильев рассматривает Западное Чжоу в своих ранних работах именно с этой точки зрения. Он от нее не отказывался и не пересматривал свою позицию. Признаки феодализма, которые он перечисляет в отношении периода Чуньцю, никак не противоречат тенденциям развития вождества, которые Л. С. Васильев обнаруживает в своих исследованиях 1980-х гг. Более того, они укладываются в русло позднейшей трактовки этой концепции, включающей в себя такие типологические определения как «сложное вождество» или «сегментное государство»³⁷. Эти понятия характеризуют политическое объединение как совокупность полусамостоятельных локальных вождеств, тяготеющих к единому сакральному центру власти. Не углубляясь в подробности, представляется, что использование этой концепции в условиях современной исторической науки является продуктивным, особенно в отношении таких предгосударственных образований, как Китай эпохи Чуньцю.

³⁶ *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. С. 30-37.

³⁷ *Коньков Д. С.* Проблема власти в раннесредневековом обществе: историографический и методологический аспекты. Дисс. на соискание степени кандидата ист. наук. Томск, 2004. С. 78-89.

В. В. ВЫСОКОВА, М. А. СОСНОВСКИЙ

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Развитие научного знания на протяжении XX в. демонстрировало нарастающую взаимосвязь естественных и гуманитарных наук. Это привело к тому, что в начале XXI в. гуманитарное знание оказалось в ситуации пост-постмодернизма¹. При этом постмодернизм следует понимать как ситуацию, связанную с критикой старой и становлением новой научной парадигмы. В ситуации постмодернизма сохранились социокультурные задачи научного исторического знания, но они претерпели качественные изменения под воздействием кризиса метарасказа². В исторических представлениях, свойственных постмодернизму «господствует незнание и нежелание знать, куда движется человеческое общество»³, так как с точки зрения современного наблюдателя оно вовсе неспособно никуда «двигаться». Данная ситуация в отдельных случаях приводит к констатации «конца истории»⁴, то есть конца такой метаистории, которая может быть описана в понятиях науки Нового времени. Постоянно раздаются реплики, что история не имеет права называться наукой, не признается ее эпистемологическое равенство с точными научными дисциплинами, такими как математика, физика, химия. Однако еще в середине XX в. английский философ Б. Рассел доказал субъективный характер естественнонаучного знания⁵.

Из вышесказанного видно, что историческая наука оказалась в ситуации «исторической революции»⁶, являющейся по существу

¹ *Зверева Г. И.* Историческое знание в контексте культуры конца XX века: проблема преодоления власти модернистской парадигмы // Гуманитарные науки и новые информационные технологии. М., 1994. Вып. 2. С. 127-142.

² *Репина Л. П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной интеллектуальной истории // Одиссей. М., 1996. С. 25.

³ *Померанц Г.* Авангардизм, модернизм, постмодернизм // Опыты: Литературно-художественный, научно-образовательный журнал. М., 2000. № 3. С. 113.

⁴ *Фукуяма Ф.* Конец истории // Вопросы философии. М., 1990. № 3. С. 134-148.

⁵ *Рассел Б.* Человеческое познание, его сфера и границы. Киев, 2001. С. 7.

⁶ *Барг М. А.* Человек — общество — история // Новая и новейшая история. М., 1989. № 2. С. 45.

революцией методологической. Ее истоки коренятся в несоответствии классической методологии истории современному пониманию мира. Как следствие, историки стали отходить от традиционной формы нарративного изложения. Они начали развивать субспециальности и субдисциплины, которые можно обозначить как историческая статистика, историческая демография, историческая социология, историческая антропология, историческая психология и др. Доминантой историографической революции стала антициентризация истории. Это выразилось в становлении «новой исторической науки», которая, по мнению известного британского историка П. Берка, является «намеренной реакцией против традиционной "ранкеанской" парадигмы».

Одним из основных факторов складывания «новой исторической науки», да и всей общегуманитарной парадигмы, является междисциплинарный синтез. Он позволяет по-новому взглянуть на изучаемые объекты и предметы исследования, тем самым расширяя научный потенциал. Тенденция к синтезу показывает, что в настоящее время сложилась реальная возможность формирования единого поля научного знания. Ведь в наше время становится все более ясным тот факт, что изучение любого проявления человеческой деятельности есть комплексное исследование, основанное на опыте всего научного знания. В этом и заключается характерная черта исторической науки, прошедшей «ревизию» постмодернизма.

Не менее серьезные изменения произошли в методологии естественных наук. Если гуманитарная методология оказалась в ситуации пост-постмодернизма, то современное естественнонаучное знание характеризуется как постнеклассическое. С эпохи И. Ньютона и становления классической механики ученые считали, что все происходящее в мире определяется неизменными законами. В XX в. это представление было оспорено теорией относительности А. Эйнштейна. Уже в неклассическом научном знании характерным является признание важности личностного фактора исследователя и существования консервативной матрицы человеческого сознания, накладывающей существенный отпечаток на мировосприятие человека. «Чисто логическое мышление само по себе не может дать никаких знаний о мире фактов; все познание реального мира исходит

из опыта и завершается им. Полученные чисто логическим путем положения ничего не говорят о действительности»⁷.

Эти идеи получили развитие в 60-е гг. прошлого века в термодинамике, лазерной оптике, квантовой механике. Ключевым моментом отныне признавались нелинейность времени и новое отношение к понятию «хаос», которому принадлежит основная роль в осмыслении специфики неравновесных систем и придается созидательное значение. Помимо этого важно отметить, что постнеклассическая наука, в отличие от классической науки и религии научилась не отталкивать, а втягивать в себя концептуальные различия⁸.

Все вышесказанное позволяет провести параллели между положением в истории и естественных науках в последней трети XX в. Новые парадигмы, «открытые» для восприятия и заимствования нетрадиционных методов позволили иначе взглянуть на ряд важнейших проблем. Применение синергетической концепции в толковании развития общества и его структурных элементов привело к формированию современной теории универсального эволюционизма или универсальной истории. В естественных и гуманитарных науках ключевым моментом при построении теорий является аксиоматический метод. До XX в. он, однако, не был четко оформлен в стройную научную систему и не изучался отдельно, имплицитно присутствуя во всех научных построениях со времен Евклида. В настоящее время существует научное направление — аксиоматика, позволяющее глубже проникнуть в суть теорий и осознать их пригодность.

Современная постнеклассическая наука ориентирована не столько на выявление устойчивых структур, конституирующих бытие и мышление (в этом суть стратегии классического философствования), сколько на попытку осмысленного схватывания *ситуаций становления*⁹. Формируются синергетические коммуникативные и когнитивные стратегии научного познания. Демаркационную линию

⁷ Эйнштейн А. О методе теоретической физики // Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1965.

⁸ Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М., 2004. С. 246.

⁹ Киященко Л. П., Тищенко П. Д., Свирский Я. И. Когнитивно-коммуникативные горизонты синергетики // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М., 2004. С. 9-16, 10.

между классическими и неклассическими точными науками помогает провести представление о необратимости, в рамках которого постулируется принципиальное различие между прошлым, настоящим и будущим¹⁰. Происходит выделение постнеклассической рациональности. Становится необходимым осуществлять рефлексию над ценностными основаниями научной деятельности, выраженными в научном этосе, осмысливать ценностно-целевые ориентации субъекта научной деятельности в их соотношении с социальными целями и предпочтениями¹¹. Постнеклассическая наука базируется на идеях социокультурной обусловленности науки и субъекта научной деятельности. Физик будущего придется учитывать свои эмоции и чувства, ибо сам физик принадлежит к познаваемому им миру, миру как единому целому. Очевидно, что неклассическая и постнеклассическая наука значительно расширили культурный горизонт человека XX века¹².

Таким образом, встает вопрос о формировании новой общенаучной картины мира на базе универсального эволюционизма или универсальной истории. Одним из аргументов в пользу новой концепции считается то, что «историки должны быть готовы рассматривать прошлое во многих различных масштабах вплоть до масштабов времени самой Вселенной — отрезка 10–20 миллиардов лет»¹³. В формирование модели универсальной истории внесли свою лепту многие естественнонаучные исследования, но определяющее значение имели теории нестационарной Вселенной и самоорганизации, геобиохимической эволюции и эволюции биосферы, антропосоциогенеза и развития цивилизации, синергетика¹⁴.

Согласно новейшим эволюционным моделям история нашей «мини-Вселенной» начинается с инфляции вакуума и образования микро- и мегамиров неживой материи, самоорганизации химиче-

¹⁰ Няпинен Л. Программа И. Пригожина перестройки традиционной физики // Синергетическая парадигма. С. 24–51, 24.

¹¹ Степин В. С. Синергетика и системный анализ // Синергетическая парадигма. С. 58–77, 74.

¹² Там же. С. 95.

¹³ Кристиан Д. К обоснованию Большой (Универсальной) истории // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 137.

¹⁴ Федорович И. В. Концепции современного естествознания с позиций универсальной истории // Философские науки. 2005. № 5. С. 84.

ских систем и гиперциклов, и завершается возникновением одно-клеточных и многоклеточных форм жизни; при этом возрастает разнообразие и сложность биосферы, появляется психическая форма отражения мира, начинается антропосоциогенез и социально-историческая стадия эволюции. В рамках универсальной истории появляется возможность преодолеть такой недостаток исторической науки, как примитивное собирание фактов. Сегодня история является дисциплиной, аккумулирующей большое количество информации, но обладающей лишь фрагментарным, узким видением своего исследовательского поля, опасные последствия которого усиливает субъективизм исследователя. Одно из достоинств универсальной истории состоит в том, что она побуждает историков знакомиться с моделями, техниками, навыками мышления и способами верификации, принятыми в других дисциплинах¹⁵.

В настоящее время универсальная история представляет собой научное направление, в рамках которого работают ученые самых разных специальностей во многих университетах мира. Курсы универсальной истории с 1989 г. читаются одним из основателей этой теории Д. Кристианом для студентов университета Маккуори в Сиднее. Ф. Спир (Институт междисциплинарного образования, Амстердам), автор книг по голландской и латиноамериканской культурам, и Й. Гаудсблом организовали междисциплинарный курс универсальной истории в Амстердамском университете. Для определения темы подобных занятий эти исследователи обычно используют термин «Большая история» (Ф. Спир и Д. Кристиан). В отечественной науке термин «универсальная история» предложен А. П. Назаретяном, его синонимами являются «глобальный эволюционизм» (В. В. Налимов), «универсальный эволюционизм» (Н. Н. Моисеев), и космический эволюционизм (Л. Н. Гиндилис). В России универсальная история представлена в курсе «Концепции современного естествознания» Сыктывкарского университета¹⁶. В МГУ А. П. Назаретяном читается спецкурс «Универсальная история», разработанный с привлечением целой группы исследователей различных специальностей, в том числе из-за рубежа.

¹⁵ Кристиан Д. К обоснованию Большой (Универсальной) истории... С. 143.

¹⁶ Федорович И. В. Концепции современного естествознания... С. 83.

По мнению Д. Кристиана, универсальная история позволяет выявлять закономерности в масштабе трех уровней — человечества, планеты и вселенной. В некотором смысле история всех трех уровней — своего рода fuga, двумя главными темами которой являются энтропия (ведущая к нарушению баланса, отрицанию сложных существ и своего рода «утомлению» Вселенной) и созидательные факторы, формирующие и поддерживающие, несмотря на напор энтропии, сложные состояния равновесия. Эти хрупкие равновесные системы включают галактики, звезды, планету Земля, биосферу, живые существа и людей, разного рода социальные структуры. Все это — сущности, которые достигают временного, но не всегда непрочного равновесия, проходят через периодические кризисы, вновь достигают равновесия, но в конечном итоге уступают воздействию еще более мощных факторов, выражаемых принципом «энтропии»¹⁷. Человеческая история в таком ракурсе — это повествование об одной из таких равновесных систем, существующей на протяжении около миллиона лет. А история последних нескольких тысяч лет — это «переход данной системы от долгого периода равновесия к периоду турбулентности и нестабильности»¹⁸.

Изучая развитие социальной среды, Д. Кристиан пришел к выводу, что одним из основных аспектов эволюции общества является эволюция коллективного знания. Коллективное знание, с этой точки зрения — средоточие человеческой истории¹⁹. При этом встает вопрос, что задает масштаб коллективного знания — идея, личность, общество? Оказывается, что коллективное знание объединяет все три уровня, так как представляет информационные потоки, наблюдаемые в виде «движения» идей в обществе. Рассматривая развитие коллективного знания в истории, Кристиан выдвигает ряд гипотез.

- Гипотеза 1. С позиции коллективного знания продолжительность перемен должна быть ускорена, потому что коллективное знание — самоускоряющееся (по сравнению с темпом эволюции) увеличение информационных потоков.

¹⁷ Кристиан Д. К обоснованию Большой (Универсальной) истории... С. 145.

¹⁸ Там же. С. 146.

¹⁹ Christian D. Bridging the two Cultures: History, Big History, and Science // Философские науки. 2005. № 11. С. 121.

- Гипотеза 2. Каждый механизм адаптации людей в экологической нише обеспечивает прирост информации, что высоко значимо при изучении человеческой истории.
- Гипотеза 3. Коллективное знание должно развиваться быстрее с увеличением плотности населения, разнообразия образов жизни, умножения числа уровней связи.
- Гипотеза 4. Человеческая история, что подчас недооценивается – коллективный процесс, а человек – глубоко общественное существо.

Изучение Большой истории показывает, что в действительности история может стать доменом изучения и фундаментальной базой правил эволюции, которые она формулирует гораздо точнее, чем многие традиционные дисциплины²⁰.

Оригинальную концепцию развивает Ф. Спир, который предлагает при создании структурирующей схемы Большой истории пользоваться термином «режим». В его работах этот термин эквивалентен понятию «равновесные системы» Д. Кристиана²¹. При интерпретации социологического материала «режим» понимается социальный порядок, которому в большей или меньшей мере подчиняется обширная группа взаимозависимых людей. «Режимы охватывают сравнительно устойчивые паттерны того, что, по мнению людей, должны делать они сами и другие, равно как и паттерны того, от чего, по мнению людей, следует воздерживаться». Й. Гаудсблом предложил использовать общий термин «социальный режим» для обозначения всех правил и регуляций, которые в большей или меньшей степени соблюдают люди в общении между собой. Аналогично термин «экологический режим» должен был бы означать более или менее регулируемое поведение людей по отношению к остальной природе. Кроме того, Ф. Спир вводит термин «индивидуальный режим» для обозначения всех форм контроля людей над самими собой.

Спир выделяет как структурирующий принцип человеческой истории три основные трансформации экологического режима. Первая великая трансформация экологического режима — «одо-

²⁰ Там же. С. 125.

²¹ Спир Ф. Структура Большой истории. От Большого взрыва до современности // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 154.

машинивание» огня. Но хотя значимость сообществ собирателей и охотников, ведущих оседлый образ жизни, по-видимому, недооценивается, режим «собиратель-охотник» никогда не обладал даже отдаленными признаками развитой социальной иерархии, столь характерной для обществ, основанных на земледелии. Режим «собиратель-охотник» просто накладывал больше ограничений на социальный режим, чем любой последующий экологический режим.

Вторая великая трансформация экологического режима – переход к режиму земледелия. Земледельческий образ жизни создал значительно большую, чем прежде, степень свободы для дифференциации и развития социального режима. Если отряды собирателей-охотников никогда не выходили в своем развитии за пределы племенной стадии, то переход к земледельческому режиму со временем привел к возникновению первых в истории человечества государственных сообществ. Образование государства, возможно, имело предпосылки внутри земледельческого режима, но не было автоматическим следствием его наступления.

Третья великая трансформация экологического режима — переход к индустриальному режиму. Индустриальную трансформацию можно рассматривать как интенсификацию режима землепользования. Соединение все более изощренной информационной техники и методов обработки информации можно интерпретировать как вторую индустриальную революцию — современное подобие второй сельскохозяйственной революции (изобретение тракторного плуга). Индустриализация на основе использования энергии ископаемого топлива привела к резким трансформациям социального режима в мировом масштабе. В свою очередь это вызвало массивные изменения в развитии планетарного экологического режима²².

Фундаментальный принцип поведения сложных систем — это периодическое чередование стадий эволюции и инволюции, развертывания и свертывания, взрыва и активности, схождения к центру и расхождения, дезинтеграции, хотя бы частичного распада²³. Именно благодаря пластичности хозяйственного поведения охотников-собирателей у них отсутствовали стабильные социальные

²² Спир Ф. Структура Большой истории... С. 161–163.

²³ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 75.

образования. Доземледельческая община — форма неустойчивого, колебательного режима существования.

Переход к производящему (аграрному) хозяйству сопровождался формированием нового колебательного контура. Он задавался циклами концентрации / деконцентрации частной собственности. Концентрация частной собственности приводила к социальной маргинализации критической массы населения и провоцировала всплеск его протестного движения. При его победе управляющие структуры обновлялись, в них вливалась свежая кровь, а большинство населения через деконцентрацию земельной собственности возвращало себе утраченную способность к самообеспечению²⁴. За счет протестного движения обеспечивалась не просто циркуляция элит, а обновление трудового и интеллектуального потенциала социума.

Обеспечить устойчивое существование индустриального хозяйства на его высшем уровне развития — значит сформировать принципиально новый колебательный контур. В его рамках должна быть реализована функциональная деятельность системы, поддерживающая ее жизнеспособность. Слишком высокий уровень внутреннего разнообразия системы несовместим с ее устойчивостью, именно он подрывает ее изнутри. Причем речь идет о повышении культурного, духовного однообразия, что будет способствовать как увеличению взаимопонимания, так и росту унификации, стандартизации. Данные общественные изменения, наравне со все возрастающей ролью техники, будут ознаменовать переход общества на новый постсоциальный этап.

Одну из наиболее содержательных концепций универсальной истории предлагает Е. Чейсон. Острова упорядоченной сложности — т.е. открытые системы (галактики, звезды, планеты) и формы жизни — все сильнее выделяются своей сбалансированностью на фоне беспорядка, повсеместно увеличивающегося в окружающей эти системы среде²⁵. Развитие и статика этих систем могут быть представлены математическими моделями. Чейсон считает,

²⁴ *Ефимчук И. В.* Социальная организация — прошлое без будущего? (Наивные вопросы дилетанта) // *Общественные науки и современность.* 2005. № 3. С. 148.

²⁵ *Chaisson E.* Cosmic Evolution: Synthesizing Evolution, Energy, and Ethics // *Философские науки.* 2005. № 11. С. 94.

что мотор эволюций — космические энергетические потоки, и аргументирует при помощи материала господствующей теории о происхождении Вселенной — теории Большого Взрыва. Первоначально Вселенная находилась в фазе Радиационной эры, не существовало атомов, имелось одно излучение. Затем Вселенная охлаждалась, заряды частично переходили в нейтральные атомы, образуя простейшие структуры, плотная материя начинала преобладать. Центральная черта неравновесных систем — излучаемые и принимаемые потоки «свободной энергии» — основного строителя структур. Усвоение этих потоков обеспечивает рост системы. Таким образом, эволюция оказывается парадоксальным образом основана на втором законе термодинамики²⁶.

По-своему к изучению универсального эволюционизма подходит А. Д. Панов, сотрудник Научно-исследовательского института ядерной физики МГУ. По мнению этого исследователя планетарная история, включая историю биосферы и цивилизации, представляет собой последовательность эпох и разделяющих их фазовых переходов — революций. Последовательность революций характеризуется явлением «ускорения исторического времени» и образует сходящуюся последовательность точек, обладающую свойством масштабной инвариантности²⁷. Планетарные революции являются ответом планетарной системы на эволюционные кризисы различного рода. В момент революции решающим фактором во многих случаях является так называемое избыточное внутреннее разнообразие системы, то есть такие формы организации планетарной системы, которые на данном этапе развития не играют системообразующей роли и не дают явных эволюционных преимуществ²⁸.

Первой планетарной революцией, по классификации Панова, является возникновение жизни на Земле около 4 млрд. лет назад. Длительность исторических эпох (промежутков времени между революциями) последовательно сокращается. Оказывается, что такие промежутки дают последовательность точек, обладающую

²⁶ Там же. С. 96.

²⁷ Панов А. Д. Сингулярная точка истории // *Общественные науки и современность*. 2005. №1. С. 122.

²⁸ Там же. С. 123.

свойством, близким к масштабной инвариантности или автомодельности. В данном случае это означает, что разные участки последовательности могут быть получены друг из друга простым масштабным преобразованием²⁹. Этот результат устойчив относительно имеющейся неопределенности в датировке событий. Предел последовательности (в котором темп исторического времени достигает формальной бесконечности) приходится на 2000–2030 гг.³⁰.

Математические методы в своих исследованиях применяет С. Д. Хайтун — сотрудник Института истории естествознания и техники РАН. Он рассматривает развитие человечества с позиции теории фрактальности и интенсификации процессов метаболизма. «Перестроив на рациональной основе производство пищи, энергии, промышленных материалов, управляя всеми видами промыслов, создавая новые формы микроорганизмов, растений и животных, вводя в культуру новые виды растений и животных и осуществляя ряд других мероприятий, человек повышает в 2–3 раза продуктивность биосферы»³¹. По мнению ученого, именно фрактальность эволюции порождает феномен революции, то есть резкого изменения в развитии каких-либо явлений природы и социума. Глобализация, как считает Хайтун, это закономерный результат развития социума по общему вектору универсальной истории³².

Основной тренд эволюции Вселенной, с позиции данной теории, — возрастание единицы энергии на единицу массы. С ходом развития происходит увеличение нормальных энергетических потоков и их постепенная концентрация. Эволюция жизни связана с большей концентрацией энергии на единицу массы, чем эволюция косной материи. Такая же тенденция наблюдается в развитии общества при переходе от социума охотников-собирателей к индустриальному обществу. Таким образом, вторая великая трансформация в истории Вселенной — это переход от доминирования материи к доминированию жизни³³. Можно выделить следующую

²⁹ Там же. С. 128.

³⁰ Там же. С. 131, 133.

³¹ Константинов А. В. Основы эволюционной теории. Минск, 1979. С. 346.

³² Хайтун С. Д. Социум и законы эволюции // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 126.

³³ Chaison E. Cosmic evolution... С. 101.

последовательность эволюции вселенной: энергия — Большой взрыв — звезды — планеты — жизнь. Автор указывает на сложный характер эволюции: за достаточное время эволюционирует сама эволюция. Этика, по мнению Чейсона, сейчас занимает центральное место в теории универсальной эволюции, и ее развитие должно означать переход к следующей великой эпохе.

С точки зрения Э. Янча, развивающего идею «самоорганизующейся Вселенной», эволюционирующая система всегда открыта, результат этой открытости — самопревращение эволюции в «метаэволюцию», т.е. эволюцию эволюционных механизмов и принципов³⁴. При этом на первый план выдвигаются такие понятия как самоопределение, самоорганизация и самообновление; признается систематическая взаимосвязанность природной динамики в пространстве и времени; логический акцент переносится с пространственных структур на процессы; выделяется роль флуктуаций, которые упраздняют закон больших чисел и дают шанс индивиду с его созидательным творческим воображением; усиливается внимание к открытости, творческому характеру эволюции, в которой ни отдельные структуры, возникающие и погибающие, ни конечный результат не predetermined.

Естественные науки готовы принять эти принципы как общие законы природы. Если эти принципы применить к людям и их системам жизни, то они предстанут перед нами как основы глубоко естественного образа жизни. При этом полное равновесие выступает как эквивалент стагнации и смерти. Динамика таких глобально устойчивых, но никогда не приходящих в состояние покоя структур получила название «автопоэзис» (самопроизводство или самообновление)³⁵. В своей книге «Самоорганизующаяся Вселенная» Янч показывает, что с развитием социума наряду с медленной генетической и более оперативной метаболической коммуникацией возникает новый тип коммуникации. Речь идет о высоко оперативной нейронной коммуникации центральной нервной системы и особенно головного мозга. Исследуемый промежуток сокращается от поколений до минут, до секунд и долей секунды. Так становится воз-

³⁴ Янч Э. Самоорганизующаяся Вселенная // *Общественные науки и современность*. 1999. № 1. 143–158. Особенно см. С. 148.

³⁵ Там же. С. 150.

возможным символическое выражение, сначала в форме самопредставления организма, а затем в форме символической реконструкции внешней реальности, ее активного воплощения. Интеллектуальные понятия, идеи и представления становятся самостоятельными автопоэтическими образами³⁶. Автор указывает, что в самоорганизации человеческого мира играют роль как социобиологические, так и социокультурные процессы. Особое значение приобретает селективное и синхронизированное восстановление с помощью диссипативных процессов (т. е. с помощью жизненных процессов, соответствующих семантическому или смысловому контексту), законсервированной (генетической) информации.

Одним из важных результатов эволюции следует считать усиливающуюся автопоэтическую жизнь в настоящем посредством включения в него опыта прошлого и ожиданий будущего. Вселенная все более концентрируется в индивиде, а индивид во все большей мере несет ответственность за Вселенную, в которой живет. В частности, человек предстает как многоуровневая реальность, в которой эволюционная цепочка автопоэтических уровней существования возникает в иерархическом порядке. Каждый уровень сохраняет определенную автономию и живет своей собственной жизнью, поддерживая горизонтальные отношения со своим специфическим окружением. Органеллы внутри наших клеток, потомки древних прокариот, занимаются своим делом — обменом энергией — в высшей степени автономно и поддерживают свои горизонтальные отношения в рамках всемирной системы Гея. Существует много уровней самоорганизующихся систем клеточных популяций, например нейронные системы, генерирующие ритм моторной деятельности и обеспечивающие перцепцию и апперцепцию окружающей среды³⁷. Человек живет на большем числе уровней, нежели формы жизни, появившиеся до него. Этика есть ни что иное, как код поведения, находящийся в гармонии с эволюцией, а мораль воплощает в себе жизненный опыт такой гармонизации³⁸.

* * *

³⁶ Там же. С. 154.

³⁷ Там же. С. 155.

³⁸ Там же. С. 156.

Такими перед нами предстают современное естественнонаучное знание и возникшая с его помощью универсальная история. Опираясь на изложенные концепции исследователей данного направления, а также на основы постнеклассического мировоззрения, можно сделать следующие выводы.

Современная наука, несмотря на присущий ей релятивизм, до сих пор опирается на аксиоматический метод, без которого невозможно построить ни одну научную теорию. Существование таких не всегда отрефлектированных способов познания, как аксиоматический метод, делает невозможным полностью объективное видение окружающего мира, заставляет ставить вопрос о границах правдоподобия концепций и роли научного диалога. Ведь здесь мы подходим к теореме К.Геделя о неполноте формальных систем, одним из следствий которой является невозможность описать систему на ее же языке. Ученому необходимо знать, что он сам своей деятельностью определяет процесс познания и его будущие результаты благодаря неизменно высокой роли интуиции и воображения, а также субъективности творческого акта.

Становление и необратимость, а также хаос являются основными понятиями современного постнеклассического знания. Релятивация научного знания переводит акцент с проблематики меры объективности восприятия и познания окружающего мира – на исследование самого процесса понимания и восприятия. Данных всегда не хватает, а все имеющиеся во Вселенной данные никогда не объять. Новая общенаучная картина мира должна, прежде всего, олицетворять собой образец наметившегося междисциплинарного синтеза. Новый образ мир будет изначально открытым, нестабильным и неустойчивым.

С этой позиции физика предстает эпистемологически не более научной, чем философия или религия, так как аналогично им основана на принципах эмпиризма. Все человеческое знание, таким образом, неточно, недостоверно и частично. Это говорит лишь об ограниченности способности человека, как одного из множества живых организмов, к познанию действительности. Подводится черта под многовековым осмыслением человека как венца природы, которому под силу познать устройство мира либо через божественное откровение, либо через открытие универсальных законов.

Смысл зависит от того, кто его формирует. В. В. Рево углубляет понятие человека, который предстает теперь не просто как индивид с развитой психикой, но и как носитель информации, функционирующей сразу на нескольких уровнях. В человеке отображены все виды психологической и физиологической памяти, которые были созданы природой³⁹.

В контексте универсальной истории возникает возможность футурологического взгляда на современный мир из перспективы завершившейся человеческой истории, что предоставляет возможности для более широкого обоснования целей и идеалов человеческой жизни в форме идей постгуманизма (или неогуманизма, трансгуманизма). Приравнивая человека современного типа к прочим млекопитающим, мы можем по-новому взглянуть на его место в мире и накопленную человечеством информацию. Внешняя память социальна, а представление человеком мира образно. Мировоззрение и научное знание имеют поэтому весьма опосредованное отношение к окружающим материальным объектам, хотя и основаны на сенсуальных данных. Сознание есть динамический процесс, и это говорит о невозможности отображения человеческого мышления через «суперкомпьютер».

Человек не столько воспринимает окружающий мир, сколько конструирует его. «Я» человека как собой сущности не существует — оно всегда находится в становлении, его попросту нет вне действия. Из-за многоуровневой и динамичной внутренней структуры сознание человека можно признать более сложным, чем общество, в котором он живет.

Субъективность заложена уже в самой структуре человеческого мозга. Каждый отдельно взятый мозг усваивает информацию по-своему. Необходимо изучать сам предмет субъективности, дабы уметь отделять заведомо ложное от того, что можно было бы принять за «истину». Развитие проблематики когнитивных карт также приводит к необходимости изучать не только мир, но и самого человека, который этот мир конструирует. В философии науки все яснее осознается необходимость ввода субъективной модели в математическое знание, относительность любого знания определяется осознанием активной роли человека в исследованиях.

³⁹ Рево В. В. Человек от кристалла к сознанию. М., 2002. С. 24.

Закон техно-гуманитарного баланса необходимо рассматривать как предпосылку к складыванию нового типа мировоззрения, который может помочь избежать техногенной катастрофы. Универсальная история позволяет по-новому взглянуть на человека и общество, так как утверждает, что общество развивается через кризисы и неустойчивость, без которой, в частности, не может прожить и сам человек. Прогресс при этом объявляется не целью, а средством существования системы.

Синергетика, претендующая сегодня на роль общей теории общества⁴⁰, позволяет устранять предрассудки, накопившиеся в современном знании. В этом контексте лучше осознается роль случайности на микроуровне, значение явления необратимости. Хаос рассматривается как поле возможностей, созидательное начало. Становление предстает как основная категория существующего мира, который находится в постоянной динамике. Бытие и хаос неразрывны в функционировании саморазвивающихся систем, примером которых является социум.

Концепция универсальной истории является весьма актуальной и закономерно складывающейся в условиях наметившегося синтеза гуманитарного и естественнонаучного знания. Наряду с этим происходит глобализация научного знания. Именно в рамках универсальной истории можно представить и рассмотреть весь имеющийся материал по истории человечества в его совокупности. От ученого в данном случае требуется научиться вовремя менять исследовательскую «оптику». Помимо всего прочего, развитие универсальной истории несет в себе также практическую пользу, так как она позволяет создавать модели (когнитивных схемы) возможных манипуляций социальной реальностью, планировать некоторые долгосрочные и среднесрочные тенденции в развитии человечества. Историк, занимающийся универсальной историей, неизбежно знакомится с методами других научных дисциплин.

Рассмотрение постнеклассической ситуации в естественных науках позволяет современному историку преодолеть релятивистский комплекс постмодернизма, который ставит под вопрос существование объективного исторического знания и тем самым приво-

⁴⁰ *Хвостова К. В.* Постмодернизм, синергетика и современная историческая наука // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 28.

дит к игнорированию истории как науки. Даже самая, казалось бы, объективная составляющая научного знания — знание законов природы и материального мира — оказывается под сомнением. Важно понять, что современное отношение к действительности, связанное с недоверием к научному знанию, не должно приводить к агностицизму, так как оно лишь отражает качественно новый подход к пониманию действительности, Бытия.

Универсальная история могла бы стать той теоретической платформой, которая объединит в себе все существующие исторические концепции. Действительно, предметное поле нового направления невероятно широко. В условиях междисциплинарного синтеза найдется место макро- и микроистории, постмодернизма и модернизма, постструктурализма и структурализма и т. д. Данная теория позволяет преодолеть барьер между гуманитарными и естественными науками. Появляется возможность избежать чрезмерной специализации научного знания, при которой ускользает объективное видение реального мира. Создание новой научной платформы позволяет надеяться в будущем и на развитие нового мировоззрения. Духовный кризис, охвативший нашу цивилизацию необходимо предотвратить. Полезной для этого может стать идея, содержащаяся в гипотезе техно-гуманитарного баланса: наряду с техническим прогрессом должны развиваться механизмы сдерживания агрессии. В противном случае человечество ожидает цивилизационный кризис, аккумулирующий разрушительное воздействие оружия массового поражения и экологической катастрофы.

Европейская цивилизация, начиная с Нового времени, мыслит крайностями: или наука — или религия; или позитивная наука — или философская метафизика. Философия, отвечая на вызовы времени, должна выработать новое содержание таких исходных для будущей цивилизации категорий, как прогресс, свобода, рациональность, гуманизм. Образовалось новое направление философии — трансгуманизм. В рамках этого направления обсуждается роль человека в новом мире, влияние новых технологий на человеческую сущность, общество, природу⁴¹.

⁴¹ Чернышев Ю. Н. Реалии и прогнозы трансгуманизма: на полпути к искусственному интеллекту // Синергетическая парадигма... С. 208–218, 208.

Человечество имеет сегодня реальную возможность перехода цивилизации на качественно новый уровень сознания и организации социума. Переход на новый уровень сложности развития системы «человек — Земля» означает исключительно глубокие перемены, как в обществе, так и в самом человеке. Решающим фактором представляется намерение человека, его внутренний выбор. Именно от того, в каком направлении человек будет использовать колоссальные технологические возможности, которыми он сегодня располагает, будет зависеть дальнейший ход эволюции. Необходимо пересмотреть отношения внутри общества, реализуя переход от господства принципа конкуренции к господству принципа кооперации. Человечество имеет сегодня реальную возможность заняться формированием экологического сознания, пересмотреть хищнический подход к использованию природных ресурсов.

Этот переход уже просматривается в различных проявлениях. Современные разработки в сфере компьютерных технологий позволяют ученым не только автоматически управлять космическими спутниками в Солнечной системе, но и моделировать самые сложные природные процессы, вплоть до выяснения функций генома человека. Развитие системы коммуникаций позволило кардинально облегчить доступ к накопленным человечеством информационным ресурсам (сетевые библиотеки, фонды организаций, авторские сайты); резко увеличить круг общения человека (невзирая на расстояние и время); создать условия, позволяющие людям работать в команде в реальном времени независимо от физического местонахождения каждого члена команды или сообщества. Наконец, бурное развитие альтернативных средств массовой информации в сети содействует расширению многообразия взглядов на действительность. Если еще совсем недавно сама возможность увидеть то, что одновременно видит другой человек в другой точке планеты, представлялась лишь плодом воображения фантастов, то теперь это стало вполне обычным делом. Не говоря уже о возможности технической обработки образа действительности и даже его представления в преобразованном виде, причем в реальном времени. В приведенных примерах можно отметить не только процесс расширения объема и доступности информации, принадлежащей к сфере

социальной памяти, но также и диверсификации возможностей восприятия мира и представлений о нем. Наблюдается тенденция к интеграции индивидуальностей на более высоком уровне целого, переход от «я» к «мы», при сохранении внутреннего многообразия.

Из-за растущего недоверия к способностям и стремлениям «верхушки» улучшить условия жизни большинства произошел перелом в глобальной системе ценностных ориентиров. Налицо осознание научными и общественными кругами (как развитых, так и развивающихся стран) острой нехватки качественно новых подходов к социально-политической и экономической организации общества, которые оказались бы способны не только обеспечить его выживание, но еще и привести к всеобщему улучшению уровня жизни человечества с устранением угроз войн, голода, нищеты и преждевременной смерти. К этому уже готовы наука и техника, которые, по разным оценкам, в состоянии обеспечить нормальный уровень жизни 15–20 млрд землян. Проявление знаков новой духовности в обществах разных культур и конфессий связано с ориентацией на настоящее, продуманное, человеческое, священное в самом широком смысле этого слова. Люди начинают активно выступать не только против войн и физического насилия, но и религиозного, расового, экономического, сексуального, психологического и морального гнета, выдвигая на первое место ценность человека и его будущего. Эти явления приобретают планетарный масштаб⁴².

Роль исторического знания как никогда актуализируется в этой ситуации. История превращается в «место памяти», которое определяется новыми этическими основаниями. Постнеклассическое знание способно обеспечить становление нового представления о человеке и новую этику его существования. Новое мировоззрение оказывается совокупным капиталом культурных ценностей всего предшествующего развития человечества, является в некотором смысле «хорошо забытым старым». В этом новом видении планетарного развития искусство, эстетика и этика играют ключевую роль. «Вечный фашизм» осознается и активно изживается че-

⁴² *Новотный У.* Психосоциологические аспекты эволюционного перехода человеческой цивилизации в контексте Универсальной истории // [Электрон. ресурс. <http://noogen.newmail.ru/psychosoc.htm>. (22. 10. 2006)]

ловеком⁴³. Рефлексия своего существования на различных «уровнях» бытия — биологическом, персональном, локальном, национальном — определяет уникальность, индивидуальность и целостность человека. Он учится «частности человеческого существования». В нем уже присутствует весь мир и вся его история. Он должен лишь их «услышать» и «увидеть». Его «взгляд» на мир меняется. Ориентация на проживание собственной «частной» жизни определяет ответственность современного человека. Такие эстетические ориентиры делают вкусы человека тверже, четче его нравственный выбор⁴⁴. И до тех пор, пока приятие новой этики существования не получит подавляющее распространение, «прошлое» будет настигать человека.

Новая этика и мораль могут быть важной основой укрепления интеграционных процессов в современном мире. Расовые, классовые, национальные предрассудки давно устарели и не выдерживают критики. Человечеству необходимо осознать себя единым целым, чтобы научиться предотвращать конфликты, почвой для которых служат личные интересы отдельных политических элит и лиц. Как показал XX век, идейный вакуум, возникший после «смерти Бога», не могут восполнить ни религия, ни философия. В данном контексте развитие нового универсального мировоззрения видится по-настоящему актуальной и востребованной задачей. Основываясь на вышесказанном, нам представляется полезным и целесообразным знакомство с универсальной историей в вузах и школах. Ведь универсальная история предлагает принципиально новые подходы к решению таких вопросов как «что есть человек», «что он знает», «как формируется его жизненная стратегия».

⁴³ Эко У. Вечный фашизм // Пять эссе на темы этики. СПб., 2003.

⁴⁴ Бродский И. Нобелевская лекция // Форма времени: стихотворения, эссе, пьесы. Т. 2. Минск, 1992.

ОБРАЗ ДРУГОГО

И. А. ЖЕНИН

«РУССКАЯ ТЕМА» В КОНСЕРВАТИВНОЙ ПЕРИОДИКЕ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «ДИ ТАТ»

История взаимоотношений России и Германии имеет глубокие корни и обладает давней традицией. В последнее время как отечественные, так и зарубежные, прежде всего, немецкие исследователи, обратились к теме взаимного восприятия народов двух стран¹. Ведь преодоление негативного образа и достижение конструктивного диалога возможно лишь при обоюдном желании сторон понять и признать друг за другом уникальность и неповторимость культурно-национальных традиций и опыта.

Социально-политические изменения, произошедшие в Германии в 1919 г., повлияли на представления о России. Сверхполитизированное немецкое общество оказалось перед выбором между либеральными ценностями Запада (демократия, либерализм, парламентаризм) и коммунистическим / большевистским экспериментом на Востоке, где было провозглашено первое государство рабо-

¹ Это нашло свое воплощение в глобальном проекте, основанном Львом Копелевым: Россия и Германия глазами друг друга: *Russen und Russland aus deutscher Sicht. 9.-17. Jahrhundert. Reihe A. Bd. 1. München, 1985; Russen und Russland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung. Reihe A. Bd. 2. München, 1987; Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: von der Jahrhundertwende bis zur Reichgründung (1800–1871). Reihe A. Bd. 3. München, 1991; Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. Reihe A. Bd. 4. München, 2000.* В частности, преференции получили темы и сюжеты, связанные с изучением культурных и ментальных представлений немцев о русских и русских о немцах; как и почему в различные исторические периоды, в разных культурных и социальных слоях преобладала та или иная картина, тот или иной образ в представлениях о России в Германии или о Германии в России. См. также: Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ «другого» в культуре. М., 1994; *Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских XIX в. М., 2001.*

чих и крестьян. Особенно остро эта дилемма проявилась в интеллектуальной среде. Именно тогда «первая немецкая республика», провозглашенная в результате Ноябрьской революции и конституируемая на основе модели «западных демократий», была противопоставлена такому идеократическому течению как «консервативная революция», о необходимости которой писали О. Шпенглер, Э. Юнгер, А. Мёллер ван ден Брук, К. Шмит, Г. Церер.

Одним из ведущих периодических изданий «консервативной революции» являлся журнал «Ди Тат» („Die Tat“)², который являлся частным изданием, независимым от какой-либо политической партии. На его страницах были полифонически представлены размышления о прошлом, настоящем и будущем Германии. Наряду с «магистральными» германскими темами, особой привилегированностью пользовалась тема России.

Журнал «Ди Тат» являлся ежемесячным периодическим изданием и выходил с 1909 по 1939 гг. Он был основан Эрнстом Хорнеффером как журнал немецкого союза монахов и издавался в Лейпциге в издательстве «Тат» (Tat Verlag). Вскоре издание было передано в издательский дом Ойгена Дидерихса в Йене. В 1912 г. главным редактором журнала стал О. Дидерихс, занимавший эту должность до октября 1929 г. Именно под его руководством произошло превращение «Ди Тат» в одно из ведущих изданий «консервативной революции».

С октября 1929 года главным редактором журнала являлся Ганс Церер, до этого занимавший должность редактора отдела политики газеты «Фоссише Цайтунг» („Vossische Zeitung“). В период с 1929 по 1933 гг. журнал являлся интеллектуальным центром «консервативной революции», вокруг которого сложился неформальный политический клуб, известный в немецкой историографии как «Таткрайс» („Tatkreis“), т. е. круг журнала «Ди Тат». В связи с изменившейся внутривнутриполитической ситуацией в Германии осенью 1933 года Г. Церер покинул пост главного редактора³.

² *Fritzsche K.* Politische Romantik und Gegenrevolution. Fluchtwege in der Krise der bürgerlichen Gesellschaft: Das Beispiel des Tatkeises. München, 1976.

³ Среди причин его ухода можно выделить следующие: прежде всего, это расхождения с НСДАП в понимании термина «национал-социализм». Для Церера принципиальным было не «расовое происхождение», а принадлеж-

После ухода Церера журнал возглавил Г. Вирзинг. В апреле 1939 г. издание было переименовано в «XX век» („Das XX. Jahrhundert“) и продолжало выходить под этим названием вплоть до своего закрытия в 1944 г.

Источники не позволяют установить точные тиражи большей части веймарской периодики, в связи с этим приходится ограничиваться приблизительными оценочными данными⁴. О. Дидерихс не публиковал данных о тиражах своего журнала. Лишь однажды, а именно в 1920 г., был указан тираж в количестве 3,5 тыс. экземпляров⁵, в 1932 г. в анонимной статье речь шла о 20 тыс.⁶. В целом, можно говорить, что тираж «Ди Тат» в 20-е гг. составлял примерно 3-4 тыс.⁷ экземпляров.

Публикации на русскую тему были представлены мозаично и не выделялись в специальную рубрику. Это могли быть и отдельные статьи, касающиеся той или иной проблемы, и зарисовки о путешествиях в Россию, и, наконец, заметки в обзоре актуальных событий.

Столь глубокий, неподдельный интерес к России следует искать не только в завораживающем вихре социальных потрясений и, прежде всего, Октябрьской революции, следствием которой стало создание СССР и осуществление беспрецедентного в мировой истории социального эксперимента, но и в «особенных» отношениях России и Германии. «Деликатность» этих отношений проявилась со всей претенциозностью именно в межвоенный период. Россия из недавнего «врага» превратилась в «друга/союзника», как для официальных властей⁸, так и для части антиреспубликанской кон-

ность к «германскому духу», которая выражалась в любви и преданности к нации и отечеству. Это был скорее «национальный социализм». Во-вторых, супруга Церера была еврейского происхождения, и это не могло не отразиться на восприятии НСДАП и ее политики. (*Demant E. Von Schleichter zu Springer. Hans Zehrer als politischer Publizist. Mainz, 1971. S. 112-113.*)

⁴ Буск И. А. Пресса Веймарской Германии. Иваново, 1995. С. 27.

⁵ *Diederichs E. An die TAT-Leser // TAT. XII. 1920. N. 7.* Обращение к читателям было опубликовано на обложке журнала.

⁶ *Der Weg der TAT // TAT. XXIV. 1932. N. 6. S. 517-519.*

⁷ *Fritzsche K. Op. cit. S. 47.*

⁸ В этой связи следует упомянуть Рапалльский договор, подписанный между Советской Россией и республикой Германия в 1922 г. Кроме того, общеизвестным фактом является группа в руководстве Рейхсвера, выступавшая

сервативно-националистической оппозиции, во многом представленной теоретиками «консервативной революции».

Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению о сути понятия «консервативная революция». Неоднозначность, возникшая в ходе поиска определения, отражает внутреннюю сложность и противоречивость самого движения. Единственно, в чем солидарны германисты, использующие дефиницию «консервативная революция», так это в том, что она связана с теми националистическими и антидемократическими движениями, которые не подпадают под определение национал-социализма⁹.

Одним из проявлений кризисного сознания является апелляция к прошлому. Непризнание и неприятие настоящего идеализируют прошлое, находя в нем утраченную реальность. Представители «консервативной революции», признавая, что демократический порядок для Германии «неестественен», стремились найти и утвердить теоретическую модель, связывающую воедино отдаленное прошлое с будущим страны. Шел интенсивный поиск, направленный на создание оптимальных традиционно-немецких социально-политических институтов. К. Зонтхаймер обозначил идейный поиск «консервативной революции» как «ностальгию по прошлому и попытку перенесения исторических образцов в будущее политическое устройство общества»¹⁰. Прошлое мифологизируется, и эти процессы находят свое выражение в необходимости возвращения в идеализированный «Золотой век». В основе данной конструкции лежит идея утопического принципа «воссоздания» идеального государственного механизма с сильной, волевой личностью во главе; с вождем нации, который страдает и радуется вместе со своим народом. Исходя из заданных параметров «идеального прошлого», впрочем, никогда не существовавшего, искомая модель, созданная

за германо-советское сотрудничество. Ее вдохновителем был генерал Х. фон Сект, главнокомандующий рейхсвера. Единомышленниками Секта в этом вопросе были военный министр О. Геслер и начальник оперативного, а фактически Генерального штаба О. Хассе.

⁹ Аленов С. Г. «Консервативная революция» в Германии 1920-х — начала 1930-х годов. Проблемы интерпретации // Полис. 2003. № 4. С. 94-107.

¹⁰ Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1978. S. 54.

«консервативной революцией», может быть определена как цезаристское, авторитарное государство.

Среди идеологических маркеров «консервативной революции» выделяются следующие: отказ от идейного наследия Второго рейха; идеализация прошлого Германии и романтизация настоящего; доктрина «органического (прусского, немецкого, народного или национального) социализма»; имперский миф; идеал «органической народной общности» как антипода атомизированного буржуазного общества; а также попытки противопоставить дезинтегрирующему влиянию западной цивилизации немецкую культурную традицию¹¹.

Итак, попытаемся на примере журнала «Ди Тат» проиллюстрировать идеологические предпочтения «консервативной революции» в контексте рефлексии России, используя «зеркальную» функцию оппозиции «свой — чужой».

Отметим, что размышления о России и русских имели скорее историософский характер, то есть основное внимание уделялось изучению и анализу иррациональных моментов и структур. Одной из центральных тем, чрезвычайно интересовавших немецких авторов, была «загадочность русской души», рассуждения о которой можно найти в каждой статье, где упоминается Россия.

Отличительной чертой русских, по мнению авторов журнала, являлся крестьянский характер, крестьянская душа. Во внимание принимался факт позднего зарождения капитализма в России, что связывалось с «резким неприятием русскими фабричного производства, страха перед машинами и угрозой потерять связь с землей». Собственно, рабочий воспринимался как «городской крестьянин, который, восприняв городское влияние и поработав на заводе, развил в себе чувство собственного достоинства, позволившее ему начать политическую деятельность, при этом так и оставшись крестьянином <...> Истинный русский — это мужик»¹². Такие комментарии и определения, на наш взгляд, обладают скорее положительным характером, так как в системе идеологических координат «консервативной революции» возрождению утраченной

¹¹ Аленов С. Г. Указ. соч. См. также: Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1933. Grundriß ihrer Weltanschauungen. Stuttgart, 1950.

¹² Eckardt H. v. Die Idee des proletarischen Russland // TAT. XIV. 1922. Н. 6. S. 408.

«живой связи» между человеком и природой (почвой) придавалось приоритетное значение.

В «крестьянской душе», в детском, «незамутненном» мирозерцании русских было найдено то, о чем писали романтики. Духовное наследие немецкого романтизма чрезвычайно важно для понимания идей «консервативной революции». Мистическое отношение к жизни и человеку на новом этапе актуализировали многие философские концепции эпохи романтизма: прежде всего, это особое отношение к мифу и апелляция к «божественному», к уникальному чувственному переживанию, свободному от предрассудков и не обремененному общественными правилами восприятию мира, его со-переживанию. Ведь неслучайно время немецкого романтизма отмечено возникновением интереса к душе ребенка. Навивная поэтизация жизни, прочитанная в глазах детей, принималась за настоящее пророчество мистического чувства. «Дети стоят среди нас, как великие пророки», — говорит Тик. Новалис признает превосходство ребенка в самых высоких предметах, его «поступки носят на себе отпечаток чудесного мира, еще не стертый потоком земным». «Где дети, там и Золотой век»¹³.

Итак, одним из лозунгов «консервативной революции» было требование возвращения к земле, призыв к бегству из городов, победу в которых одержал безликий космополитичный дух. Город, урбанистическая цивилизация ведет к вырождению нации как носителя культуры, обычаев и традиций. Опасность заключалась в превращении Германии в заурядную страну, страну «без корней», без традиций, без культуры. Модель либеральной демократии, ведет к потере национального духа. Именно поэтому, говоря о России, авторы подчеркивали наличие у русских «крестьянской души», а значит и привязанности и любви к земле; все это способствует сохранению народного / национального духа, исконных обычаев и традиций.

Так, например, начавшаяся в СССР коллективизация понималась как «уступка рационалистической, машинной цивилизации Запада, как стремление перенести «фабрику» в деревню, а вместе с ней и классовую борьбу»¹⁴. Важно отметить, что, ликвидируя кула-

¹³ Цит. по: *Жирмунский В. Г.* Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996. С. 64.

¹⁴ *Werdenfels J.* Exit homo sapiens? // ТАТ. XXI. 1930. Н. 11. S. 804.

ков и лишая крестьян земель, большевики становились «европейцами», т. е. людьми, утратившими представление об истинном предназначении человека как «божественного создания» и естественное чувство природы (Naturgefühl). По мнению публицистов «Ди Тат» западноевропейский рационализм был убийственным не только для русского крестьянина, но для человечества вообще: «тот, кого мы считаем крестьянином, и кого всеми силами стремимся сохранить, не имеет места в большевизме»¹⁵.

В частности, отмечалось, что коллективизация стоила СССР огромных экономических потерь и несметного числа человеческих жертв среди сельского населения¹⁶. Разделение крестьян на «деревенскую бедноту» („Dorfarmut“) и «кулачество» („Kulakentum“), ликвидация кулачества как класса означали «перенос классовой борьбы в деревню»¹⁷. В соединении с фабричным производством хлеба, все эти действия приравнивались к разрушению крестьянского мировоззрения, его сакрального отношения к земле.

В целом, русская народность (das Russische Volkstum) воспринималась как «необъяснимость» (Rätselhaftigkeit), она подобна сфинксу, она так же загадочна, как сфинкс. В этом сфинксе заключено «высочайшее благородство и ничтожество <...> он обладает самыми высокими и благородными человеческими целями и одновременно демонстрирует человеческую низость»¹⁸.

Показательные судебные процессы конца 20-х – начала 30-х гг. рассматривались и понимались исключительно в контексте размышлений о «русской душе». Они были своего рода иллюстрацией, демонстрирующей противоречивость и загадочность русских. По мнению Ф. Фрида, профессора и журналиста, происходившее свидетельствовало о «склонности русской души к самотерзанию (Selbsterfleischung) и самоистязанию»¹⁹. Фрид совершенно не интересовался юридическим оформлением процесса и его политическими последствиями, свое внимание он полностью сфокусировал на ментальных особенностях русского народа, воплощением которых явилась сама возможность проведения суда.

¹⁵ Kubanskaja. Stalins verbogene Generallinie // TAT. XXII. 1930. Н. 3. S. 235.

¹⁶ Ibid. S. 234-238.

¹⁷ Wirsing G. Die grüne Internatonale // TAT. XXII. 1930. Н. 3. S. 227.

¹⁸ Busse-Wilson E. Freideutsche Jugend 1920 // TAT. XII. 1921. Н. 10. S. 737.

¹⁹ Fried F. Kapital und Masse // TAT. XXII. 1931. Н. 10. S. 776.

Это воспринималось не иначе как национальное своеобразие «русской души», «русского характера», в котором могут сочетаться такие противоречивые явления — как безграничная доброта и отзывчивость, так и безумная жестокость и насилие.

Таким образом, отношение к России и ее образ, представленный на страницах журнала «Ди Тат» обладали мистическим и религиозным характером.

Многие авторы «Ди Тат»²⁰ восхищались политическими преобразованиями в России, они прямо писали о том, что «революция в России должна послужить примером для Германии. <...> Большевицкая партия была единственной из российских партий, которая поняла народные чаяния. Большевицкая власть — это власть народа»²¹.

Октябрьская революция и большевизм — это воплощение национальных особенностей русских. Революция произошла тогда, когда «неимущий пролетариат увидел в марксизме идею социального освобождения»²². Важно подчеркнуть, что пролетариат рассматривался как неимущая (*besitzlos*) группа населения. Более того, Ф. Фрид считал, что марксистская теория неприменима к западному обществу и человеку — в данном случае Германию он относил к Западу — «только русские смогли последовательно ее [теорию. — И. Ж.] продолжить, довести до логического конца и реализовать»²³. В основе данного тезиса лежит ясное убеждение в том, что у русских отсутствует какое бы то ни было имущество (*Besitzlosigkeit*), русские не обладают собственностью. В результате все это порождает психологические предпосылки для осуществления радикальных преобразований, т. е. революции, исходя из логики «терять все равно нечего».

Революция воспринималась как начало истории русского народа, но не в смысле марксистской исторической детерминации, а как осуществление идеи спасения (*Erlösungsidee*)²⁴. Исторический

²⁰ *Feldner J.* Lenin, Trozky, Bolschewiki // TAT. IX. 1918. H. 11. S. 955-957; *Eltzbacher P.* Die Rettung durch Bolschewismus // TAT. XI. 1919. H. 3. S. 171-175.

²¹ *Feldner J.* Lenin, Trozky, Bolschewiki... S. 955.

²² *Ibid.* S. 542.

²³ *Fried F.* Kapital und Masse... S. 776.

²⁴ *Jardon R.* Die Henker // TAT. XIX. 1928. H. 10. S. 737-744.

путь России до революции сравнивался со «страданием» и «хождением по мукам». Революция понималась в качестве наивысшего пункта этого развития, после которого или в результате которого произойдет рождение нового человека, воскрешение исконной русской общности, мировой революции, новой эры. В «большевистской революции» было замечено начало мировой религиозно-консервативной революции. Благодаря уникальному соединению элементов марксизма с религиозностью русского народа, его «молодостью» и силой именно Россия инициирует обновление Европы.

Схожие историософские конструкции можно найти в идейном наследии евразийцев, а также в сочинениях Н. А. Бердяева, Д. С. Мережковского, С. Л. Франка и других эмигрантов-интеллектуалов²⁵.

В этой связи необходимо отметить, что в период Веймарской республики переводится и издается большое количество текстов русских авторов. Можно говорить об экспансии русской культуры в Германии, причем инициатором в этом вопросе выступает немецкая сторона. Желание познакомиться ближе с Россией приводит к небывалому резонансу в немецкой интеллектуальной среде тех лет. В 20-е гг. «знакомство» носит не только политический, но и культурный, иногда даже ментальный характер. В ситуации тяжелого экономического кризиса в Германии массовыми тиражами печатаются книги и брошюры русских писателей. Так, например, в издательстве, принадлежащем О. Дидерихсу, отдельной брошюрой издается «Великий инквизитор»²⁶, примечательно, что издательская серия носит название «Листовки к немецкой молодежи» (*Flugblätter an die deutsche Jugend*); другое издательство организует серию «Рус-

²⁵ Волкогонова О. Д. Образ России в философии русского зарубежья. М., 1998. Следует заметить, что сочинения русских философов были достаточно быстро переведены на немецкий язык. См.: *Berdjajew N. Das neue Mittelalter*. Darmstadt, 1927; *Bulgakow S. Die Tragödie der Philosophie*. Darmstadt, 1927; *Frank S. Die russische Weltanschauung*. Charlottenburg, 1926; *Trubeckoj N. Europa und Menschheit*. München, 1922. Помимо этого, Мережковский и Франк писали для «Ди Тат»: *Mereschkovski D. Wladimir Solowjeff* // ТАТ. XI. 1919. Н. 2. S. 902-909; *Frank S. Tolstoi und Bolschewismus* // ТАТ. XX. 1928. Н. 10. S. 470-473.

²⁶ *Dostoewskij F. M. Der Großinquisitor*. Jena: Diederichs, 1919. (Schriftenreihe: *Flugblätter an die deutsche Jugend*).

ский человек»²⁷ (*Der russische Mensch*). Помимо этого, в 1920 г. выходит немецкий перевод «России и Европы» Данилевского²⁸.

Идеи, высказанные славянофилами, а затем талантливо, в художественной форме обработанные Достоевским, были чрезвычайно востребованы. В консервативных кругах Веймарской республики Достоевский был признан не только русским, но и всечеловеческим пророком. Его неоднократно цитировали, в его текстах искали разгадку к русской душе, пытались найти средства для противопоставления Западу. Все это было свойственно представителям «консервативной революции». На наш взгляд, такое обращение к творческому / идейному наследию Достоевского неслучайно. На примере Достоевского можно увидеть, насколько были востребованы антизападные призывы в немецком обществе тех лет. Отрицание европейского рационализма, англосаксонского индивидуализма, либерализма было свойственно «консервативной революции». Обоснование, теоретический фундамент или просто подтверждение своей уверенности в смертельной опасности этих идей было почерпнуто у Достоевского. Помимо критических высказываний в адрес Запада и романской культуры, творчество Достоевского было использовано как доказательство необходимости возвращения к корням и христианским началам. Закрывая глаза на антигерманские высказывания Достоевского, немецкие интеллектуалы обращали злобу и раздражение в сторону своих соседей как на Западе (Франция, Великобритания), так и на Востоке (Польша). Россия при этом оставалась вне реваншистского фокуса.

Идея «общности» (*Gemeinschaft*)²⁹ или «народной общности» (*Volksgemeinschaft*) обладали первостепенным значением в интеллектуальных конструкциях «консервативной революции». Для «униженных и оскорбленных», какими были немцы после Первой мировой войны, «отечество» и «нация» стали не просто громкими патриотическими словами, а символами выживания. В целях сохранения страны от «чуждой германскому духу цивилизации» бы-

²⁷ *Idem*. *Weißer Nächte*. München: Orchis-Verlag, 1923; *Idem*. *Petersburger Chronik*. München: Orchis-Verlag, 1923. (Schriftenreihe: *Der russische Mensch*).

²⁸ *Danilewsky N.* *Russland und Europa*. Stuttgart und Berlin, 1920.

²⁹ *Wilhelm R.* *Ost und West* // TAT. XVII. 1925. H. 6. S. 413; *Kloß H.* *Das Reich* // TAT. XIX. 1927. H. 3. S. 166.

ло необходимо сплотиться в единой общности, в едином коллективе. Помимо этого, одной из характерных черт духовного мира Веймарской республики является небывалый интерес к народной идеологии (Volkstumideologie). К. Зонтхаймер обозначил это течение как «бурный поток идеи народа»³⁰. В частности, и здесь можно проследить рецепцию романтизма, базирующегося на отрицании «западной» системы ценностей, под которыми понимались, прежде всего, либерализм, демократия и цивилизация как антитезис культуры. Россия в этом контексте противопоставлялась «западному» жизненному укладу. Как уже было сказано, огромное влияние на представителей консервативной революции оказали идеи славянофилов. В славянофильском ключе рассматривалось русское самопонимание, были представлены мессианские задачи русского народа, глубоко верующая человечность противопоставлялась западной неверующей рационалистической цивилизации. Интересно, что в основе подобных рассуждений лежит немецкая романтическая традиция и идеалистическая философия, попавшая из Германии в Россию, а затем из России в Европу.

Эрик Мюллер, историк литературы, культуролог и писатель, в своем анализе русской истории рассматривает коллективизм как определяющую категорию истории и народного характера русских. Благодаря большевизму, Россия избавилась от чуждых, индивидуалистических реформ, которые ей навязывались со времен Петра I.

История России — это история притеснения и подавления русского крестьянского коллектива (Kollektivum), который находил свое естественное выражение в “мире”³¹. Присущий русскому народу коллективистский дух (Kollektivgeist) и марксистская идея коллектива нашли свое воплощение в Ленине, который возглавил революцию, с тем чтобы «освободить русскую общину от господства иностранного засилья»³². Благодаря большевикам «Москва действительно превратилась в Третий Рим для всех угнетенных и униженных народов <...> где нашли свое воплощение такие исконно

³⁰ *Sontheimer K.* Op. cit. S. 224.

³¹ *Müller E.* Die entfesselte Gemeinschaft. Beitrag zu einer neuen Betrachtung Rußlands // TAT. XIX. 1928. H. 10. S. 727-737; *Idem.* Tolstoj und Leskow // TAT. XX. 1928. H. 6. S. 436-445.

³² *Idem.* Die entfesselte Gemeinschaft... S. 334.

русские идеалы, как православие (коммунистическо-христианская догма), самодержавие (советы) и народность (коллективность)³³. Заметим, что почти то же самое мы можем найти у Бердяева, который, в частности, отмечал: «Русский народ не осуществил своей мессианской идеи о Москве как о Третьем Риме <...> и вот произошло изумительное в судьбе русского народа событие. Вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство, и оно тоже основано на ортодоксальной вере»³⁴.

Идея народной общности (Volksgemeinschaft) обладала структурообразующим характером в мировоззрении и политических пристрастиях «консервативной революции». Сплоченность русского коллектива, исторически сложившийся обычай общины восхищали авторов. Именно в коллективе возможно сохранение нации, ведь, по сути, нация — это одна семья, один коллектив. Соответственно, делался вывод о способности русских к сохранению исконного народного духа. Несмотря на продолжавшуюся со времен Петра I европеизацию России, русские, прежде всего крестьяне, мужики сумели сохранить свою подлинность и первозданность, остаться в рамках «традиционной», национальной культуры. Собственно большевистская революция доказала необоснованность намерений европеизации России. В этом контексте революция рассматривалась как радикальный протест народа против того, что было создано Петром I. Она стала реакцией населения на попытку привить ему чуждые европейские обычаи и иную культуру. Неприятие и непонимание было обращено против чужих «нерусских» элементов, то есть против высшего общества, дворянства, которое на момент революции окончательно утратило связь со своим народом. Высшее сословие чувствовало себя европейцами, а значит, было «нерусским» в традиционном понимании, потерявшим связь с духом нации, народной душой, со своим народом; следовательно, революция — это не только смена общественно-политического строя, это крах «европейской» идеи в России.

³³ Ibid. S. 736.

³⁴ Бердяев Н. А. *Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма*. М., 1997. С. 375.

«Консервативная революция» должна была освободить Германию от «европейских, либеральных идей». В связи с этим, большевистская революция воодушевляла и вселяла надежду на осуществление истинной революции. Не подобной той, что произошла в ноябре 1918 года, в результате которой Германия не имеет своей собственной национально-государственной формы, а всенародной германской революции, которая провозгласит в качестве основ нового рейха германский дух и победу германской культуры над западной цивилизацией. Революции, которая станет абсолютным триумфом германской нации, революции, где будет царить идея товарищества и народного братства.

Начиная с 20-х гг. и вплоть до 1933 г., то и дело на страницах журнала возникают идеи германо-славянского синтеза. Признание революционности эпохи и желание скорейшей смены республиканского строя в Германии приводят к процессам, которые можно охарактеризовать как «утопический мессианизм». В частности, это проявилось в желании распространения революции из России через Германию и далее по всему миру. Предлагалось «преодолеть осмотрительно-трусливые элементы и ворваться в стихию мировой революции, спасая, таким образом, и себя, и весь остальной мир от умершей романской культуры и бездушного, материально озабоченного англо-американского рационалистического капитализма»³⁵.

Подобные призывы имели своей целью объединение большевистской Германии с большевистской Россией для создания в будущем нового государства. Основу этой государственной конструкции определяют следующие положения: новый тип пролетарского, коллективистского человека, синтез восточного и западного духовного склада и характера, а также идеал общинного существования, как русского традиционного общества, так и древнегерманских племен. Германии отводилась задача возглавить мировую революцию и придать ей не разрушительный, а созидательный характер³⁶.

³⁵ *Eltzbacher P.* Die Rettung durch Bolschewismus... S. 173.

³⁶ *Buchwald R.* Werkbundidee und Volkskultur // TAT. XVII. 1925. H. 4. S. 264-282; *Schultz-Henke H.* Streik, Sozialisierung und Rätssystem // TAT. XI. 1920. H. 10. S. 741-747; *Bittel K.* Die Konsumfrage im Rätssystem // TAT. XII. 1920. H. 6. S. 460-463; *Strau u. Torney L.* Heroische Revolution // TAT. XI. 1919. H. 2. S. 81-100.

Лулу фон Штраус и Торней, постоянный автор «Ди Тат», поэтесса и супруга главного редактора О. Дидерихса, писала о революции как об «идее, целью которой является обретение человечности, социальной и духовной свободы и истинной религиозности»³⁷. Как и Мюллер, она нашла истоки революции в коллективистском духе русского народа, история которого состоит в постоянном стремлении к самореализации: «истинный русский — это крестьянин, который до революции являлся лишь безмолвным объектом власти, он совершил революцию, сделав ее воззванием ко всему человечеству»³⁸. Следовательно, большевистская революция должна рассматриваться не иначе как «предвестник мировой революции». Стране, в которой «произошло соединение элементов марксизма, катастрофического социального положения, молодости русского народа и глубокого религиозного чувства»³⁹, суждено стать «истинным источником антиматериалистического обновления и подготовить наступление мировой революции»⁴⁰.

Россия подарила человечеству революцию, но задачи по ее распространению и управлению отводились Германии, так как «германский дух (*der deutsche Geist*) в отличие от славянского, который ни на что кроме хаоса и террора не способен, несет в себе созидание»⁴¹. Германия должна перенести революцию из России в Европу и далее по всему миру с целью «создания свободного, равного, и, прежде всего, братского и религиозного социализма, который включал бы в себя христианское идейное содержание»⁴².

Мысль о глубоко религиозной природе русской революции позже будет повторяться не только немецкими публицистами, но и почти всеми представителями русской философской мысли, высланными из России в 1922 г.

Интересную и совершенно неожиданную трактовку получает идея мировой революции: «Молодость и желание чего-то нового, в сочетании с консервативным национализмом, берущем свое начало

³⁷ *Strauß u Torney L. v. Heroische Revolution. S. 85.*

³⁸ *Ibidem.*

³⁹ *Ibid. S. 90.*

⁴⁰ *Ibid. S. 99.*

⁴¹ *Ibidem.*

⁴² *Ibid. S. 97.*

от Данилевского и обретшем себя в идее панславизма, вместе с биологическим преимуществом русских и есть мессианизм России»⁴³. Иными словами, мировая революция, пропагандируемая большевиками, связывается с русским мессианизмом. Таким образом, «консервативный национализм» нашел свое воплощение в большевизме. Более того, десять лет спустя Н. А. Бердяев в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма» напишет: «Произошло то, чего Маркс и западные марксисты не могли предвидеть, произошло как бы отождествление двух мессианизмов, мессианизма русского народа и мессианизма пролетариата. Русский рабоче-крестьянский народ есть пролетариат, и весь мировой пролетариат, от французов до китайцев, делается русским народом, единственным народом в мире»⁴⁴. Таким образом, «мировая революция» и «пролетарский интернационализм» трансформируются после победы большевиков в русский мессианизм, обладающий исключительно национальным характером. Функциональность данной конструкции (консолидации общества вокруг идеи, например, русско-пролетарской «мировой революции») была чрезвычайно важна для теоретических построений «консервативной революции», в частности, для построения и сохранения национальной идентичности Германии через признание «консервативной революции» в качестве немецкой идеи, т. е. возрождение Германии как пробуждение германского духа.

Трактовки русского мессианизма — это желание немцев понять самих себя. Мессианизм нашел свое воплощение в большевизме (желание мировой революции), а большевизм и избыточная революционность масс объяснялась «молодостью» русского народа. Юная, полная жизненных сил нация перестала терпеть над собой насилие полустлелый и не способной больше к дионисийским играм романской культуры. Бунт молодости и страстное желание деятельности, созидания нового приветствовались немецкими консерваторами. Но в то же время необходимо уточнить, что возглавить этот бунт должны германцы, так как германские народы не только молоды, но и опытные и культурные, в отличие от русских. Германский дух и русская молодость и наивность спасут Европу от

⁴³ *Busse-Wilson E. Zur National-Psychologie des Bolschewismus // ТАТ. XVIII. 1926. Н. 3. S. 182.*

⁴⁴ *Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 371-372.*

трупных ядов умершей романской культуры. Таким образом, большевистская, а значит, русская идея мировой революции трансформировалась в идею победы германской культуры во всем мире. Более того, немецкие интеллектуалы считали, что чрезмерное увлечение большевизмом, прежде всего образованной верхушкой партии, не сможет устоять под натиском народной стихии и начнет принимать все более отчетливые народные, национальные формы.

Безусловно, в журнале присутствовала и критика большевизма, базирующаяся на защите собственных национальных интересов Германии. Как уже говорилось выше, в журнале не существовало единой точки зрения о России, о большевизме. Журнал не был партийным изданием, он являлся скорее своего рода трибуной единомышленников, веривших в спасение Германии и германского духа через национальное возрождение, через обновление, через «консервативную революцию». Критикуя или восхищаясь большевизмом, Советской Россией, авторы исходили из любви к Германии, это и был тот фундамент, который принимался и разделялся всеми и не обсуждался.

В данном контексте присутствует глубокая убежденность в особой роли, которая отводилась Германии, как стране находящейся между Западом и Востоком и способной воспринимать и синтезировать культурные и ментальные импульсы обоих направлений. Мессианские идеи, которые были свойственны Германии, приобретают здесь совершенно новый образ. Германии отводится роль спасительницы Европы, «потому что только Германия способна это осуществить в силу своего уникального географического положения и духовного превосходства»⁴⁵.

Несмотря на критику, в большевистской революции видели подлинную революцию, т.е. радикальное обновление, в то время как немецкая революция так не рассматривалась. Интересно, что с самых первых статей о России никто не ставит под сомнение революционный характер прихода к власти большевиков. В немецких текстах ни разу не употребляется термин «переворот», это всегда «большевистская революция» или «Октябрьская революция».

В силу своего культурно-религиозного направления особое внимание журнал уделяет вопросам искусства и культуры. Особен-

⁴⁵ J. Gedanken zur Zeit /Aus einem Brief aus Finnland // TAT. XII. 1920. H. 1. S. 80.

но эта тенденция прослеживается в то время, когда пост главного редактора занимал Ойген Дидерихс. Особой популярностью пользовались статьи эзотерического/мистического содержания (буддизм, антропософия и др.), статьи о германской культуре, а также всего мира, особое внимание уделялось культуре молодого советского государства. В журнале можно найти статьи, посвященные литературе, театру, графическому искусству, архитектуре и т. д. Анализируя искусство Советской России, немецкие авторы стремились найти в нем подтверждение непохожести, самобытности русской/советской культуры. Восхищаясь смелостью экспериментов и способностью творить для масс, что было особенно важно для немецкого искусства в те годы, они пытались понять смысл произошедших перемен и разгадать его через искусство и культуру Советской России.

Именно поэтому Советская Россия, которая заявляла о себе на мировой художественной сцене все громче и громче, стала одной из любимейших тем для обсуждения. Большевицкая революция окончательно констатировала смерть предыдущей эпохи, ее морали и культуры. России было необходимо обрести себя вновь, найти единственно правильную форму существования в наступающей новой эре. Искусство же должно было выразить эту форму художественными средствами: «Политическое воодушевление новой России порождает искусство, которое с помощью механизированных и технических средств эпохи провозглашает победу коллективного человека над личностью»⁴⁶.

Таким образом, культура рассматривалась с позиции прислужницы политики. Она должна адекватно и «правильно», доступными средствами выразить политическую борьбу, стать «народной педагогикой» (*Volkspädagogik*). Искусство понималось как средство для воспитания у народа нового политического сознания. Если исходить из такого понимания требований и задач, предъявляемых к искусству, вероятно, самым ярким и наглядным примером является архитектура, «обладающая столь необходимой масштабностью и наглядностью»⁴⁷. Восхищение советской архитектурой, на наш взгляд, не случайно. Именно в ней можно увидеть художественное оформление идей, провозглашенных консервативной революцией.

⁴⁶ *Göpel K.* Studentisches Schrifttum der Gegenwart // TAT. XIX. 1928. Н. 12. S. 949.

⁴⁷ *Grabowsky A.* Remarque und Russland // TAT. XXI. 1929. Н. 4. S. 269.

Прежде всего, это иррационализм и глубокий мистицизм. Русский конструктивизм сумел синтезировать то, что так страстно желали видеть в Германии, а именно соединение функциональности с религиозно-мистическим настроением. Мавзолей Ленина является классическим примером такого единения: «...от этой обнаженной башни, с ее доходящей до экстаза сверхпростотой, исходит глубокий мистический зов, едва ли не готической страсти <...> Странно, может быть, истинно функциональное (*das Sachliche*) и есть единственно возможное мистическое на земле?»⁴⁸. С одной стороны, перед нами действительное воплощение конструктивистского требования, согласно которому форма продиктована функцией; с другой, здание Мавзолея обладает абсолютно сакральным характером — в нем лежит мумия вождя.

Наряду с архитектурой, особым средством трансляции нового мировоззрения считался театр, который должен был познакомить массы с духом и идеей новой революционной политики. Пролетарский театр воплотил в себе «исконные элементы русского народа, придав им новую, современную форму, рожденную революцией»⁴⁹. Новый революционный театр обратился к народу, к массам, тем самым взяв на себя просветительно-педагогическую задачу.

Таким образом, театр становился поистине народным, как в прямом (участие масс в инсценировке), так и в переносном смысле (театр как орудие пропаганды, театр для народа). «Соединив в театре элементы древних мистерий, на сцене ставят страсти по революции (*die Passion der Revolution*) в их историческом развитии, начиная от Парижской коммуны и заканчивая Октябрем 1917 года»⁵⁰. Тем самым подчеркивалась неизбежная победа революции во всем мире, вера в большевизм как в «новое религиозное учение», а также шло создание «культы коллективного человека, его победы над индивидуализмом отдельного человека»⁵¹.

Соответственно пониманию советской культуры как «религиозной», большевистская революция наделялась сакральными чертами, а большевизм представлялся в качестве «новой религии».

⁴⁸ *Wegner A. T. Fünf Finger über Dir (I) // TAT. XX. 1928. H. 3. S. 173.*

⁴⁹ *Grabowsky A. Das Land der Widersprüche: Sowjetrußland in Übergang // TAT. XXI. 1929. H. 5. S. 348.*

⁵⁰ *Wegner A. T. Fünf Finger über Dir (I)... S. 180.*

⁵¹ *Ibid. S. 176.*

Почти все аспекты деятельности советского правительства рассматривались в контексте феномена большевизма — его теоретического базиса, с одной стороны, и практического применения, с другой. Помимо этого, как уже отмечалось выше, чрезвычайно важным для правоконсервативных публицистов были идеи романтического и идеалистического миропонимания и мироощущения. Наблюдение за проведением небывалого до сих пор социального эксперимента с абсолютно новой идеологией, несущей в себе дух революционных преобразований, анализировалось и изучалось правоконсервативными кругами Веймарской республики.

Основным вопросом 20-х гг. был вопрос о противостоянии Советской России и империалистического, капиталистического Запада, прежде всего Англии и Франции. Способна ли Россия устоять под натиском интервенции, гражданской войны и экономической блокады со стороны ведущих западных держав? Непреодолимые разногласия большевистской России и капиталистического мира казались борьбой не столько двух экономических систем, сколько двух мировоззрений, двух *духов* (Geister). Революционной России отводилась роль катализатора, способного вызвать реакцию великого перелома мировой истории.

Внешнеполитическая деятельность Советской России, заключающаяся в «распространении идей равенства и солидарности с колониальными странами Африки и со странами, угнетенными западным империализмом», получила на страницах «Ди Тат» благоприятные отзывы и воспринималась положительно. Колониальному вопросу в общественных кругах Германии отводилась совершенно особая роль, как правило, реваншистского характера. Ведь согласно Версальскому договору, Германия лишилась всех своих колоний, в то время как державы-победительницы продолжали обладать колониальными владениями. Таким образом, правые публицисты усмотрели в освободительном движении подрыв политической и экономической систем стран Антанты и одобрительно высказывались по поводу поддержки советским правительством национально-освободительных и рабочих движений⁵².

⁵² *Kirsche P.* Die psychologische Erweiterung des Marxismus // TAT. XIX. 1928. Н. 11. S. 851; *Jardon R.* Gegen koloniale Unterdrückung und Imperialismus // TAT. XX. 1928. Н. 7. S. 537.

В европейском внешнеполитическом контексте, Россия рассматривалась как «огромная сила, способная разрешить все накопившиеся за долгие годы экономические, политические и социальные затруднения», от нее зависела «судьба мирового порядка», наконец, от нее ждали «либо гарантий сохранения стабильности, либо полного уничтожения существующего послевоенного порядка»⁵³.

В конце 20-х гг., с наступлением мирового экономического кризиса, с ростом политической нестабильности, ситуация в Германии резко обострилась. Идеи поворота на Восток, союза с Советской Россией против «ига Антанты» и всей западной цивилизации получали на страницах «Ди Тат» (и вообще среди сторонников «консервативной революции») все более и более активную поддержку. Помимо внутривнутриполитических причин, в основе этой переориентации лежит смена главного редактора. В 1929 г., в связи со смертью Ойгена Дидерихса, журнал возглавил Ганс Церер. Церер создал идейно-монолитный коллектив редакции и авторов, который был известен в интеллектуальных кругах Германии как «Таткрайс» / «Круг действия» („Tatkreis“)⁵⁴. «Таткрайс» был представлен такими публицистами, как специалист по восточной Европе Г. Вирзинг, профессор, социолог и культуролог Э. В. Эшман, историк Ф. В. фон Ёрцин и др.

В условиях начавшегося в 1929 г. мирового экономического кризиса публицисты «Ди Тат» были уверены, что век капитализма завершается. Фаза стагнации перешла в разрушивший мировой рынок кризис, принципы либерализма и свободной торговли доказали свою полную несостоятельность. Англия и Франция еще выживали за счет своих колоний, а США — за счет Латинской Америки, но Германия колониями не обладала, и поэтому она способна защитить свой суверенитет только в борьбе против международной капиталистической системы. Во внешней политике это должно выражаться в создании конфедерации стран Центральной и Восточной Европы, противостоящей Западу⁵⁵.

⁵³ Gurian W. Vom neuen Werden in Russland // TAT. XIV. 1922. H. 6. S. 467.

⁵⁴ Этот термин так и войдет в немецкую историографию: Fritzsche K. Op. cit.; Sontheimer K. Op. cit.

⁵⁵ Wirsing G. Richtung Ost-Südost! // TAT. XXII. 1930. H. 8. S. 628-645; Idem. Die Siegfriedstellung der deutschen Außenpolitik // TAT. XXIV. 1931. H. 1.

“Zwischeneuropa“ («промежуточная Европа») стала интеллектуальной конструкцией, сквозь призму которой создавался образ Советской России в период «Таткрайс».

Базисом для проведения немецкой внешней политики и основой для межгосударственных отношений с восточноевропейскими странами должно было стать тесное германо-советское сотрудничество «с целью создания независимого от Запада экономического и политического пространства»⁵⁶. С немецкой стороны это означало бы переориентацию на Восток и закрепление там своих позиций, для СССР — помощь в проведении индустриализации. Таким образом, предлагалась форма взаимовыгодного сотрудничества двух стран, в основе которого лежало резкое отрицание «западного капитализма». Принципиальным оставался тезис о Востоке, обладающем «врожденным антикапиталистическим характером»⁵⁷. Такой вывод делался с момента отказа Советской России от новой экономической политики (НЭП). С прекращением НЭПа и началом проведения массовой коллективизации и форсированной индустриализации, Советская Россия «доказала свое неприятие и отрицание западной (рыночной) экономической системы»⁵⁸.

Помимо экономического аспекта интеграции, значение имела и идеологическая составляющая. Социализм признавался единственно правильной и современной формой государственного устройства. В то же время отмечалось, что социализм обладает национальным характером, подчеркивалось, что «немецкий социализм» отличен от русского. В немецком варианте модель государственного устройства будущего должна выглядеть как «национальный социализм».

Сознательно или бессознательно в текстах на «русскую тему» актуализировались проблемы Германии. Россия становилась примером либо позитивным, в том случае, если модель применима к Германии, либо негативным, если решение вопроса отрицательно скажется в Германии. Образ России, представленный на страницах журнала, обладает неоднозначным характером, единогласие вызывали лишь отдельные эпизоды и сюжеты российской действительности.

S. 14-31; *Zehrer H.* Achtung! Junge Front! Draußenbleiben! // TAT. XXI. 1929. H. 2. S. 25-40; *Idem.* Die Situation der Innenpolitik // *Ibid.* S. 110-119; *Idem.* Recht oder Links? // TAT. XXIII. 1931. H. 7. S. 505-559.

⁵⁶ *Eschmann E. W.* Rußland. Nation und Wirtschaft // TAT. XIII. 1931. H. 9. S. 707.

⁵⁷ *Zehrer H.* Rechts oder Links... S. 543.

⁵⁸ *Fried F.* Wende der Wirtschaft // TAT. XXII. 1931. H. 11. S. 868.

Г. Н. КАНИНСКАЯ

ПЯТЬ ОБРАЗОВ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ В РОССИИ

(К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ДРУГОГО)

Взаимоотношения с Францией всегда считались краеугольным камнем внешней политики России. Более того, они зачастую были союзническими, несмотря на то, что создавался союз между государствами с различным политическим устройством. Интерес к выбранной теме обуславливается в первую очередь тем, что в начале XXI века проблема взаимовосприятия культур, находящаяся на стыке истории, культурологии, социальной психологии, изучается все более активно. В рамках этого проблемного поля лежит динамика представлений в культуре разных стран о Западе и его видных политических деятелях на разных этапах мировой истории.

Сложная и динамичная картина развития международных отношений во многом зависит от действующих в ней личностей. Каждый участник международных отношений интерпретирует образы руководителей других стран по-своему, в зависимости от глобального контекста и тенденций к самоизоляции, борьбы противоположных идентичностей — евроатлантической, евразийской или какой-либо другой. Иными словами, внешнеполитические концепции создаются на основе социально-психологических образов, существующих в сознании их авторов, что, в свою очередь, оказывает серьезное влияние на принятие программы конкретных действий в области внешней политики.

В более широком смысле обозначенная проблема относится к «теории образа других в международных отношениях», сюжета, который, по мнению авторитетного историка Р. Франка, «позволяет увидеть связь между образами народов и процессом принятия решений в области внешней политики»¹. Помимо того, образ других в международных отношениях создается через призму внут-

¹ *Frank R. History of International Relations and Images // The Images of the History of International Relations... P. 597.*

ренной политики конкретной страны. Каждый участник международных отношений интерпретирует образы других по-своему. В общем виде международные образы могут быть представлены в виде простой формулы: «мы — вы — они». Однако за ней можно увидеть множество других, более конкретных, образов, таких, например, как образы «союзника», «врага» и т. д., интерпретация которых оказывает серьезное влияние на принятие решений и действия на международной арене отдельных ее акторов.

Исследовательский интерес к изображению в советской, а затем и постсоветской историографии генерала де Голля позволяет проследить, как по-разному подавалась на страницах отечественной научной литературы политика одного и того же политического лидера Франции, отстаивающего по сути одни и те же принципы как на международной арене, так и у себя в стране. В представлениях образа де Голля прослеживаются самые разные дихотомии: от «французского патриота, сражающегося за свободу своей Родины» — до «олицетворения фашистской диктатуры»; от «сторонника международной разрядки» — до «поджигателя войны»; от «выдающегося государственного деятеля и великой личности» — до «выразителя интересов французской реакции». За полвека с 1950-х годов до наших дней де Голлю посвящено в общей сложности около ста книг и статей. В этом потоке публикаций отечественных историков о де Голле выделяются пять этапов, каждому из которых соответствовал разный образ «самого знаменитого из всех французов». Рассмотрим их по порядку.

Первый этап относится к периоду Второй мировой войны, когда СССР и Франция стали союзниками. В это время информация о генерале де Голле доходила до советских граждан через прессу. Первое упоминание о нем появилось в связи с военным поражением Франции от гитлеровских войск в июне 1940 г. 6 июня в двух центральных газетах — «Правде» и «Известиях» — имя де Голля появляется в связи с перечислением членов французского правительства, в котором он был помощником государственного секретаря в министерстве обороны. Затем, вскоре после того, как де Голль отправился в Лондон с целью создания там очага сопротивления гитлеровским оккупантам и 18 июня 1940 г. выступил с соответственным призывом по английскому радио, обе газеты по-

местили об этом небольшие заметки, ссылаясь на информацию американской и английской пресс-служб². Еще через несколько дней там же появилась информация о том, что де Голль признан как глава «всех свободных французов» английским правительством, и что правительство Виши заочно приговорило его к смертной казни³. В момент, когда советские журналисты давали первые сведения о де Голле, СССР еще не вступил в войну и, как известно, имел дружественные договоры с фашистской Германией, поэтому их сообщения были краткими и не содержали никаких оценок происходящих событий.

После того, как СССР вступил в войну и были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и «Свободной Францией» (так называлась организация Сопротивления де Голля, созданная в Лондоне. — Г. К.), тональность газет по отношению к де Голлю резко изменилась. Генерала стали представлять исключительно позитивно. 28 сентября 1941 г. газеты сообщали о признании «главы всех свободных французов» советским правительством и одновременно поместили письмо де Голля, в котором тот подтверждал, что будет сражаться на стороне СССР и его союзников до полной победы над общим врагом. 9 октября в «Правде» появилась первая биография де Голля, написанная известным писателем И. Эренбургом. Особенно широко освещала советская пресса визит генерала де Голля в Москву в 1944 г., завершившийся подписанием договора о союзе и взаимопомощи между СССР и Францией. Вполне понятно, что в 1940-е гг. еще не могло появиться крупных исторических исследований, посвященных де Голлю. Хотя в 1943 г. первую попытку проанализировать всю имеющуюся информацию о генерале предпринял журналист Л. Волынский, опубликовав небольшую брошюру под названием «Подъем Франции». В ней большая часть была посвящена именно де Голлю и его соратникам по Сопротивлению, а сам генерал назывался «союзником СССР», борющимся «на стороне объединенных наций» под девизом «Родина и честь»⁴.

² Правда. 21 июня 1940 г.; Известия, 24 июня 1940 г.

³ Правда. 24 июня 1940 г.; Известия 27 июня 1940 г.

⁴ Волынский Л. Подъем Франции. М., 1943. С. 9.

Таким образом, союзник СССР — первый образ де Голля, созданный в Советском Союзе во время Второй мировой войны.

Второй образ де Голля появился в годы холодной войны, в условиях сложившейся в мире биполярной системы международных отношений, сопровождавшейся жесткой конфронтацией между Востоком и Западом и сверхдержавами — СССР и США. Одним из проявлений холодной войны была борьба идеологий и активная антикоммунистическая пропаганда на Западе. Так как Франция прочно заняла место в Западном блоке, то на страну в целом и на ее ведущих некоммунистических лидеров с самого начала холодной войны обрушилась резкая критика со стороны советского правительства. Не избежал ее и де Голль, который к тому же в первые послевоенные годы поддался антикоммунистической пропаганде, царившей во Франции. Хотя формально с 1946 г. де Голль не участвовал в правительствах, а с 1953 г. отдалился от партийной деятельности, он все же оставался заметной политической фигурой. И если к его мнению во Франции не прислушивались, то во всяком случае позиция генерала по тем или иным вопросам всегда была известна. Причем не только во Франции, но и в мире, в том числе и в СССР. Отныне советское руководство причислило де Голля к враждебному лагерю «поджигателей войны», идейными лидерами которого считались США и Великобритания. В формирование негативного образа де Голля в первую очередь включилась «Правда». В одном из номеров газета утверждала, что де Голль создавал свою партию Объединение французского народа (РПФ) на деньги США и Англии, и что вообще он «получает помощь от реакционеров со всего мира, в том числе и от Ватикана»⁵. Некоторые публикации выглядят сегодня совсем абсурдными. Например, о том, что генерал в своих политических интересах «организовывал покушения и поджигал урожай в стране»⁶.

В это время под влиянием официальной советской идеологии стала складываться историография о де Голле. Ему было посвящено четыре книги и несколько статей. Авторы книг — А. Манусевич, Н. Н. Годунов, А. Г. Джеджула⁷. Следуя политическим уста-

⁵ Правда. 25 ноября 1947 г.

⁶ Правда. 26 мая 1947 г.

⁷ Манусевич А. Борьба за демократию во Франции. М., 1947; Годунов Н. Н. Борьба французского народа против гитлеровских оккупантов и их

новкам тех лет и находясь под влиянием оценок, исходивших от Французской компартии (ФКП), советские историки писали, что в первые послевоенные годы, когда во Франции формировался режим Четвертой республики (1946–1958 гг.), голлисты хотели создать «персональный культ» генерала и «установить во Франции антидемократический режим личной власти»⁸. Авторы начали отрицать положительную роль де Голля в Сопротивлении и в период Освобождения. Н. Н. Годунов в своей книге, одна из глав которой носила красноречивое название «Преступления де Голля и его американо-английских патронов против французского народа», «разоблачал» генерала в том, что до войны он якобы находился на службе гитлеровской разведки, а потом якобы «предал» своих первых хозяев в угоду англо-американским империалистам. Кроме того, говоря о произведениях де Голля довоенного времени, Н. Н. Годунов усмотрел в них претензию генерала на установление фашистской диктатуры во Франции. Другой автор — А. Манусевич — анализируя выступление де Голля в 1946 г. в Байе, где генерал сформулировал свое политическое кредо: величие Франции, сильная государственная власть и ассоциация труда и капитала — охарактеризовал его как авторитарное, и уход де Голля из правительства в 1946 г. объяснял тем, что французский народ отверг его авторитарные претензии. Более того, в выделенный период в работах впервые появилось определение де Голля как фашиста и его партии РПФ как фашистской.

Примеры можно продолжать, однако уже вышеприведенных цитирований достаточно для того, чтобы представить, каков был второй образ де Голля в СССР. Он изображался как ярый антикоммунист, классовый враг, авторитарная и даже фашиствующая политическая фигура.

Между тем следует подчеркнуть, что идеологические установки, распространяемые в СССР в официальных источниках, отнюдь не всегда соответствовали реалиям, во-первых, и им не всегда следовало на практике советское руководство, во-вторых. Архивные документы, которые стали доступны исследователям в постсовет-

сообщников. М., 1953; *Джеджула А. Г.* Деголлизм — орудие англо-американского империализма. М., 1951.

⁸ *Годунов Н. Н.* Указ. соч. С. 78.

ское время, служат тому наглядным доказательством. Сошлемся, например, на служебные дневниковые записи советника советского посольства в Париже С. А. Виноградова.

В момент, когда решалась судьба военной интеграции стран Западной Европы в рамках договора о европейском оборонительном сообществе (ЕОС), и вместе с ней затрагивался вопрос о перевооружении ФРГ, С. А. Виноградов встречался с де Голлем 9 декабря 1954 г., выслушал его мнение по этой волнующей советское руководство проблеме, о чем информировал МИД СССР, который, в свою очередь, довел полученные сведения до правительства⁹. Пересказывая позицию де Голля в отношении ЕОС, С. А. Виноградов записал: «Я могу Вам объяснить, — говорил де Голль, — почему я выступал против ЕОС. Я считаю, что ЕОС наносит ущерб национальной независимости Франции. В свое время я заключил со Сталиным франко-советский договор. Это я сделал для того, чтобы, с одной стороны, восстановить независимость Франции, и с другой — чтобы предусмотреть совместное решение германской проблемы, которая в соответствии с этим договором, не должна была решаться без Франции»¹⁰. Однако, как показывает сообщение о беседе, дальше С. А. Виноградову приходилось выслушивать не совсем лицеприятные замечания по поводу политики своей страны. В частности, в дневниковой записи посла сначала цитируются упреки от де Голля за несоблюдение СССР верности этому договору. «Однако, — сетовал де Голль, — Советский Союз, вопреки этому договору, вел переговоры по германскому вопросу с США и Англией, не консультируясь с Францией»¹¹. Потом де Голль сделал несколько типичных в той обстановке «горячей холодной войны» обвинений в адрес советского правительства по поводу его политики «за железным занавесом». С. А. Виноградов сообщал об этом так: «Затем де Голль бросил упрек в отношении роли СССР в событиях в Польше, Румынии и особенно в Чехословакии, указав, что все это создает видимость угрозы со стороны

⁹ Дневниковые записи С. А. Виноградова хранятся в Архиве внешней политики МИД РФ в фонде 136, описи 44, деле №9, папке 259. Далее — АВПРФ.

¹⁰ АВПРФ, Фонд 136, опись 44, дело № 9, папка 259, л. 218.

¹¹ Там же.

Советского Союза как во внешнем, так и во внутреннем плане. Он подчеркнул при этом, что не хочет этим сказать, что Советский Союз действительно угрожал кому-либо, однако указанные действия Советского Союза создали такую обстановку в Европе, которой воспользовались американцы»¹².

Де Голль не скрывал перед С. А. Виноградовым своего неприятия внешней политики США. И узнать это для советской стороны было важно, так как раскрывал де Голль свои мысли до того, как стал президентом Пятой республики и начал пытаться играть роль третьей силы в отношениях между Западом и Востоком. В дневниковых записях С. А. Виноградова приводятся такие слова де Голля по адресу американцев: «они явились в Европу, в частности, во Францию, для того, чтобы подчинить себе Европу. Над независимостью Франции снова нависла угроза, и в этот период, — продолжал де Голль, — я создал движение РПФ, выступающее за сохранение независимости Франции»¹³. Специфическое отношение к интеграции в Европе со всей полнотой проявится в бытность его президентом, когда он сформулирует свой известный тезис: «Европа от Атлантики до Урала» и «Европа Отечество» вместо более популярного во Франции и складывавшегося в середине 1950-х гг. среди шести западноевропейских стран девиза — «Европейское Отечество». В беседе от 9 декабря 1954 г., пока еще не всему миру, а советскому дипломату С. А. Виноградову де Голль по сути обозначил все эти принципы, хотя и несколько иными словами. Из посольства СССР в Париже в московский МИД поступила следующая информация: «де Голль... заявил, что, по его мнению, Парижские соглашения (договор о создании ЗЕС, который означал вступление ФРГ в НАТО и повлек за собой расторжение франко-советского договора от 1944 г. — Г. К.), кроме того, ни в коем случае не решат основной проблемы создания действительно европейского объединения с участием всех европейских стран, включая Советский Союз, который является больше европейской, чем азиатской страной... Для сохранения мира в Европе необходимо решить германскую проблему вместе с Советской Россией и создать европейскую организацию (а не мелкие европейские группы) с участи-

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 218-219.

ем всех европейских стран и обязательно с участием СССР и Германии, но без американцев»¹⁴.

Вообще, следует отметить, что высказывания де Голля об СССР, записанные С. А. Виноградовым, резко контрастировали с общим фоном оценок, которыми награждали друг друга бывшие союзники по антифашистской коалиции в условиях холодной войны. Де Голль, например, говорил С. А. Виноградову: «Советская Россия — это страна будущего... Во Франции никогда не рассматривали и не рассматривают Россию своим врагом. Врагами Франции были и остаются в первую очередь Германия, а затем Англия»¹⁵. А советский посол, со своей стороны, сделал такую приписку: «Вот почему он являлся и является сторонником сближения Франции и Советской России... и сказал, что если бы он был в правительстве, то первым делом начал бы переговоры с Советской Россией»¹⁶.

Между тем, для советского дипломата немаловажным было выяснить отношение де Голля конкретно к Парижским соглашениям, которые парламент Франции должен был начать обсуждать с 15 декабря 1954 г. СССР к этому времени уже дал понять Франции и Великобритании, что в случае ратификации этих соглашений он разорвет с ними договоры о дружбе и взаимопомощи. В Советском Союзе, очевидно, надеялись, что и на этот раз голлисты выступят единым фронтом против. Но из беседы С. А. Виноградова и де Голля явно просматривалось обратное. Посол информировал МИД: «де Голль добавил, что однако существующий сейчас режим во Франции не может предотвратить ратификацию Парижских соглашений в связи со своей слабостью и зависимостью. Кроме того, по мнению генерала, у большинства французов создается убеждение, что вооружение Германии неизбежно. Затем де Голль подчеркнул, что в настоящих условиях Франция не в состоянии противостоять американскому давлению. Вот почему, по мнению генерала, Парижские соглашения будут все же ратифицированы, но только при одном непременном условии, что правительство даст

¹⁴ Там же, л. 219-220.

¹⁵ Там же, л. 222-223.

¹⁶ Там же, л. 220.

обещание после их ратификации начать переговоры с Востоком»¹⁷. При этом из дневниковой записи С. А. Виноградова вытекало, что де Голль, как и советское руководство, не очень верил в возможность успешного диалога между Западом и Востоком после ратификации Парижских соглашений. Хотя и по другим соображениям. Это явно прослеживается по ходу пересказа беседы С. А. Виноградовым: «де Голль заявил, что, по его мнению, в случае ратификации Парижских соглашений, что весьма вероятно, ...начнутся переговоры между Западом и Востоком, но эти переговоры будут на пользу американцам, англичанам и в очень небольшой степени — французам. Сейчас говорят, заявил генерал, о переговорах Запада и Востока, однако, необходимо говорить о переговорах Франции с Россией»¹⁸.

К тому же, как следует из все того же послания, у де Голля просматривалось опасение новой изоляции Франции в Европе. Иными словами нельзя объяснить, например, заявление его о том, что Россия «внушает известное беспокойство во Франции», равно как высказанное им «в шуточной форме, но не без беспокойства» замечание о том, «не предполагает ли СССР... разговаривать прямо с Германией» после ратификации Парижских соглашений¹⁹. С. А. Виноградов сообщал также о том, что де Голль считал, что СССР «неоправданно придает слишком большое значение Парижским соглашениям», и цитировал такие слова генерала: «Это дело временное, ...в конце концов эти соглашения не будут играть той роли, которую сейчас им придают»²⁰.

Оценивая Парижские соглашения и созданный по ним ЗЕС с позиций сегодняшнего дня, можно сказать, что в известной мере де Голль был прав, так как, по сути, этот союз не играл сколько-нибудь существенной роли в мире в годы холодной войны, оставаясь своеобразным филиалом НАТО в Западной Европе, а ФРГ никогда не выходила из рамок тех ограничений, которые соглашения накладывали на нее в деле вооружения (запрет производить и иметь собственное ядерное оружие, равно как и некоторые виды

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 221.

¹⁹ Там же, л. 222.

²⁰ Там же.

современного оружия массового уничтожения). Однако в середине 1950-х гг. ситуация выглядела иначе.

Тем не менее обстановка в мире несколько изменилась. В СССР после смерти И. В. Сталина, доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС наступила первая, короткая, оттепель, в международных отношениях в связи с усилением позиций стран третьего мира начала размываться жесткая биполярная система, и некоторые французские политические лидеры претендовали на посредничество Франции в «наведении мостов» между Западом и Востоком. Самой заметной фигурой среди них был де Голль, даже несмотря на то, что по-прежнему оставался «не у дел» в Четвертой республике. Будучи осведомленным о взглядах де Голля по проблемам развития международных отношений, как это было показано выше на примере сообщений С. А. Виноградова, посылаемых в Москву из советского посольства в Париже, советское руководство не могло не попытаться смягчить свое отношение к де Голлю. В СССР начал формироваться третий образ де Голля.

В 1955 г. «Правда» подвергла резкой критике книгу Н. Н. Годунова о де Голле, назвав ее «незначительной брошюрой»²¹. В 1957 г. издали первый том «Военных мемуаров» де Голля, что означало признание его заслуг во время Второй мировой войны и в движении Сопротивления во Франции. Предисловие к мемуарам написала известный историк В. И. Антюхина-Московченко, охарактеризовав де Голля как «здорового политика, выразителя национальных интересов буржуазии, сумевшего в критический момент проявить мужество и настойчивость в борьбе за освобождение своей страны, и тем самым обеспечить себе поддержку народа»²². Отметим, что в 1952 г. в статье в журнале «Вопросы истории» та же В. И. Антюхина-Московченко называла де Голля «фашистом», «претендентом на пост диктатора», «агентом англо-американского и французского империализма»²³.

²¹ Правда. 14 декабря 1955 г.

²² Голль Ш. де. Военные мемуары. М., 1957. С. 6.

²³ Антюхина-Московченко В. И. Из истории борьбы ФКП за национальную независимость Франции в годы второй мировой войны. 1939 — 1944 // Вопросы истории, 1952, № 4. С. 23.

Итак, налицо эволюция образа де Голля. В Советском Союзе «восстановили» заслуги генерала в годы Второй мировой войны, хотя, воздавая ему должное, оперировали все же терминологией холодной войны, и де Голль назывался «буржуазным патриотом», «буржуазным реалистом», «буржуазным реформатором» и т. д. В 1959 г. МИД СССР опубликовал первый том документов о советско-французских отношениях в годы Второй мировой войны, и в предисловии было сказано, что в эти годы де Голль «сумел правильно оценить ситуацию в мире и жизненную важность установления дружественных отношений между «Свободной Францией» и Советским Союзом»²⁴.

Однако процесс «реабилитации» де Голля в конце 1950-х гг. был несколько приостановлен после прихода его к власти в 1958 г. и создания Пятой республики во Франции, президентом которой он был избран. Французские коммунисты резко выступили против прихода к власти де Голля. В СССР в это время переиздали книгу генерального секретаря ФКП М. Тореза «Сын народа» и перевели на русский язык книгу коммуниста А. Клода «Голлизм и крупный капитал», в которых содержались негативные оценки де Голля. Естественно, что советское руководство считалось с мнением своих французских товарищей, поэтому официальная печать опять запестрела негативными оценками по адресу де Голля. Создание Пятой республики преподносилось как «заговор реакции против демократии», установление «диктатуры крупного монополистического французского капитала», снова проводились параллели с фашизмом. «Правда», например, писала: «Новое правительство — воплощение сил самой черной реакции и ультраколониализма крупного капитала, ...а де Голль, окруженный подчиняющимися ему министрами, представляет тем большую опасность для республиканских институтов, что он пользуется законодательной властью и сам выработывает проект конституции, чтоб ей подкрепить свою личную диктатуру»²⁵. Согласно позиции «Правды» изображен де Голль и в монографии Н. Н. Молчанова «Четвертая республика». Точка зрения автора: «Вся деятельность генерала де Голля с

²⁴ Советско-французские отношения в годы Второй мировой войны. М., 1959. Т. 1. С. 118.

²⁵ Правда. 10 июня 1958 г.

18 июня 1940 г. преследовала одну цель — установление его личной диктатуры во Франции»²⁶.

Однако, инспирируя обличительные статьи о де Голле в открытой печати, советское руководство начало строить свои отношения с Пятой республикой, явно руководствуясь информацией, полученной по дипломатическим каналам. В 1960 г. Н. С. Хрущев посетил Францию с официальным визитом, во время которого состоялась его личная встреча с де Голлем. Пребывая во Франции, Н. С. Хрущев публично заявил, что «генерал де Голль послужил примером большого мужества в годы поражения Франции и оккупации ее гитлеровскими захватчиками»²⁷.

Само по себе это высказывание может показаться банальным и не столь уж важным, однако, произнесенное главой государства, оно приобретало особую значимость и несколько «развязывало руки» историкам. Исследования не замедлили появиться. В 1960 г. два автора — И. А. Колосков и Л. Н. Цирюльников — опубликовали первое в советской историографии исследование, основанное на подпольной прессе и мемуарах участников Сопротивления, в том числе де Голля и других голлистов²⁸. Симпатизируя, безусловно, французским коммунистам, авторы тем не менее признавали, что голлизм представлял собой патриотическое движение, хотя и оговаривались, что «в силу своей классовой ограниченности являлся буржуазным антигитлеровским движением»²⁹.

В середине 1960-х гг. руководство СССР еще больше откорректировало свое отношение к де Голлю и проводимой им политике в годы Пятой республики. Это было связано с двумя важными событиями мировой политики: визитом де Голля в СССР в 1966 г. и выходом Франции из военной организации НАТО. Так, 20 июня 1966 г., во время ужина, организованного Президиумом Верховного Совета СССР в честь президента Франции де Голля, тогдашний председатель Президиума Н. В. Подгорный в своей речи произнес:

²⁶ Молчанов Н. Н. Четвертая республика. М., 1963. С. 537.

²⁷ Правда. 10 сентября 1960 г.

²⁸ Колосков И. А., Цирюльников Л. Н. Народ Франции в борьбе против фашизма. М., 1960.

²⁹ Там же. С. 211.

«В СССР искренне полагают, что сильная и процветающая Франция вместе с Советским Союзом и другими европейскими странами активно способствует усилению безопасности в Европе и играет достойную роль в совместных усилиях в борьбе за мир»³⁰. Несколько дней спустя глава советского правительства А. Н. Косыгин, выступая по поводу выхода Франции из НАТО, заявил: «Интересы Советского Союза и Франции совпадают, особенно по проблемам Европы, народы которой должны сами решать проблемы собственной безопасности. Стремление Франции, выступающей против иностранного вмешательства во внутреннюю политику других стран, за сближение стран Восточной и Западной Европы и обеспечение европейской и международной безопасности, всегда будут находить понимание и поддержку со стороны Советского Союза»³¹.

Советские дипломаты в то время напрямую подчеркивали связь внешней политики Франции с личностью де Голля. Например, 29 июня 1966 г. С. Никольский и И. Максимычев — соответственно первый и третий секретари посольства СССР в Париже, отвечая на вопрос корреспондента газеты «Ле Монд» Р. Барийона о том, почему де Голля так тепло встречали в СССР и не связано ли это только лишь с решением президента Франции покинуть НАТО, утверждали: «Де Голль давно известен в Советском Союзе как один из главных руководителей антигитлеровской коалиции, а также как крупный политический и государственный деятель Франции, реалистичная политика которого способствует мирному сосуществованию, укреплению мира, а также сотрудничеству между Францией и Советским Союзом, равно как и между Францией и другими социалистическими странами»³².

Изменение представлений о де Голле в СССР наглядно проявилось в том, что переизбрание его президентом республики в 1965 г. горячо приветствовалось и широко рекламировалось в средствах массовой информации. И. Эренбург в журнале «Новое время» по этому поводу писал: «Последние выборы продемонстриро-

³⁰ Цит. по: Советско-французские отношения. 1965–1976. Документы и материалы. М., 1977. С. 16.

³¹ Там же. С. 21.

³² АВПРФ, Фонд 0136, опись 50, дело 104, папка 8, лист 74.

вали, что большинство французских граждан проголосовали за разрядку и сближение между народами Европы»³³.

Накануне визита де Голля в СССР, в январе 1966 г., начальник первого Европейского департамента в МИД А. Г. Ковалев предлагал прояснить позицию советского руководства французским коммунистам следующим образом: «необходимо на страницах советской прессы проинформировать товарищей об основных направлениях нашей внешней политики в свете внешней политики Франции. Следовало бы показать друзьям, что, имея в виду предстоящий визит де Голля в Советский Союз и учитывая динамику советско-французских отношений, мы предполагаем особо заострить внимание на позитивных аспектах внешней политики Франции, реалистическом подходе де Голля ко многим важнейшим проблемам международной жизни и его искреннем намерении развивать отношения с социалистическими странами»³⁴. И советские СМИ не замедлили откликнуться. В «Правде» в таком духе писал известный журналист Ю. Жуков, эхом ему вторил журнал «Новое время»³⁵. Последний поместил текст послания де Голля президенту США Л. Джонсону и меморандума, разосланного всем странам-членам НАТО 9-10 марта 1966 г., расценив их как защиту Францией своего национального суверенитета³⁶.

Естественно, что высоко оценивая внешнеполитический курс де Голля, советские руководители прекрасно отдавали себе отчет в том, что его демарши отнюдь не означают отказа Франции от атлантической солидарности и антикоммунистических убеждений. Это подтверждает, в частности, записка главы разведывательной службы ГРУ П. Ивашутина, отправленная в июле 1969 г. в ЦК КПСС. Анализируя франко-американские противоречия, П. Ивашутин утверждал: «Нужно иметь в виду, что в случае серьезных осложнений международной жизни и ухудшения положения в Ев-

³³ Новое время. 1966. № 11. С. 7.

³⁴ АВПРФ, Фонд 0136, опись 50, дело 104, папка 9, лист 1.

³⁵ Правда. 13 марта, 17 марта, 6 мая, 17 июня 1966 г.; Новое время. №№ 6, 17, 50.

³⁶ Новое время, 1966. № 12.

ропе в решающий момент они не помешают Франции оказаться на стороне США и НАТО»³⁷.

Тем не менее, явный крен в сторону Франции и реверансы по отношению к ее президенту не могли не повлиять на историков. В 1967 г. была издана монография Ю. И. Рубинского «За колоннами Бурбонского дворца», в которой автор существенно переработал прежние оценки. В этой книге впервые в советской историографии встречается взвешенный анализ структуры организаций Сопротивления и признание, что «важную политическую роль в годы войны играло движение «Свободная Франция», созданное генералом де Голлем»³⁸. Кроме того, Ю. И. Рубинский характеризует режим Пятой республики уже не как диктаторский, а как президентский. Иными словами, несомненными приобретениями на данном этапе развития историографии можно считать, во-первых, отказ от извращения фактов с пропагандистскими целями и переход к подлинно научному анализу, хотя и с классовых позиций; а во-вторых, ошутимое смягчение оценок, их нейтральную тональность и выраженное стремление к объективизации мнений, чему немало способствовала разрядка в международных отношениях, наступившая в середине 1960-х гг. Если в третьем образе де Голля еще трудно отыскать де Голля — человека и превалирует де Голль — политик, то все же следует отметить, что предстает в нем политик незаурядный, сильная личность, отстаивающая национальные интересы страны с иным социальным строем.

Уход из жизни генерала де Голля 9 ноября 1970 г. явился рубежом, обозначившим становление четвертого образа де Голля в советской историографии. Этот образ будет доминировать на протяжении всей последующей истории СССР. Период 1970–1980-х гг. характеризуется изменением «исторического видения» де Голля в Советском Союзе. Направление, как всегда, было задано официальными оценками. Опубликованные в «Правде» и «Известиях» некрологи гласили: «Мы воздаем должное выдающемуся государственному деятелю генералу де Голлю, его прозорливости и умению подчинить внешнеполитические действия реальным потреб-

³⁷ Российский центр хранения документов по новейшей истории (РЦХДНИ). Коллекция документов.

³⁸ Рубинский Ю. И. За колоннами Бурбонского дворца. М., 1967. С. 33.

ностям международных отношений»; «Советские люди всегда будут помнить о большом вкладе Шарля де Голля в дело победы над фашизмом и развития отношений дружбы и сотрудничества между СССР и Францией». В соболезнующей телеграмме на имя жены де Голля Ивонны генерал был назван «человеком, чья жизнь и деятельность были посвящены делу служения национальным интересам Франции, делу мира между народами»³⁹. То есть, официальные определения подчеркивали прежде всего два момента в карьере генерала — борьбу с фашизмом во Второй мировой войне и прогрессивную внешнюю политику Франции при де Голле.

Следуя официальной линии, в 1970-е гг. значительно изменил свои прежние оценки Н. Н. Молчанов, написавший в политическом очерке «Памяти де Голля»: «Как бы там ни было, в области внешней политики в капиталистическом мире, пожалуй, нелегко найти такого деятеля, который сделал бы столько положительного и ценного, что и на самом деле не может потускнеть, и не только в глазах французов... Ушел из мира человек, отличавшийся политическим мужеством... великий сын Франции»⁴⁰. В начале 1970-х гг. появились первые биографии де Голля, написанные Н. Н. Молчановым и В. И. Антюхиной-Московченко⁴¹. Отдавая дань марксистской методологии, авторы не обходились без упоминаний о «монополистической буржуазии», замечая, однако, что «де Голль не являлся послушным орудием в их руках», и что «восхищение вызвали личные качества этого человека, его характер, мужество, твердость, культура, так же как и его истинный дух независимости, любовь ко всему великому, вера в себя и в свое дело»⁴².

Биографии В. И. Антюхиной-Московченко и Н. Н. Молчанова положили начало широкому потоку «голлистских» публикаций в 1970–80-е гг., существенно разнообразивших тематику исследования голлизма в СССР. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь,

³⁹ Известия. 9 ноября 1970 г.; Правда. 11 ноября 1970 г.

⁴⁰ Литературная газета. 1970. № 47.

⁴¹ Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М., 1972, переизд.: 1980; 1988; Антюхина-Московченко В. И. Шарль де Голль (1890 — 1970) // Новая и новейшая история. 1971, №№ 3–6.

⁴² Антюхина-Московченко В. И. Шарль де Голль... С. 111; Молчанов Н. Н. Генерал де Голль... С. 499.

что в это время вышло тринадцать монографий и свыше двадцати пяти статей, было защищено пять докторских и десять кандидатских диссертаций, посвященных де Голлю и голлизму. В результате к концу 1980-х гг. в советской историографии сложилась общепринятая концепция голлизма, а образ де Голля приобрел устойчивые черты. Исчезли работы-памфлеты и обличительная тематика. Был создан образ генерала де Голля, как дальновидного и энергичного политика правого направления, стремившегося в годы Второй мировой войны к освобождению Франции и победе над фашизмом. По мнению историков, объективно выражая интересы крупной буржуазии, он понимал чаяния и других слоев французского народа. Подчеркивалось бескорыстие де Голля, отсутствие в его поступках личной выгоды, вера в исключительное историческое предназначение Франции, пламенный патриотизм, неординарные политические способности и создание им нового политического движения — голлизма. Исследователь Г. Н. Новиков справедливо писал, что «многое из голлизма как бы абсорбировано французской политической системой, действующими в ней партиями разных и даже противоположных классовых направлений, и в этом смысле часть деголлевского наследия стала чем-то вроде национального достояния»⁴³. Между тем в 1970–1980-е гг. за рамками «исторического поля» еще оставался де Голль как человек со своими слабостями и страстями.

Такой образ де Голля — пятый — начали создавать российские историки в постсоветское время. Перестройка всей общественной жизни, политика гласности и пересмотра официальных догм, волна интереса к прошлому СССР и России, освобождаемому от идеологических схем — все это, безусловно, стало катализатором позитивных изменений в исторической науке. Именно поэтому постсоветское время отмечено взрывом публикаций не только мемуарно-документального, но и исследовательского характера. Не менее знаменательные процессы происходили во внешней политике страны. Появление на международной арене М. С. Горбачева, политического лидера новой для России эпохи, ознаменовалось окончанием холодной войны, прекращением искусственной изоля-

⁴³ Новиков Г. Н. Голлизм после де Голля. Идеям и социально-политическая эволюция. 1969–1981. М., 1984. С. 6.

ции СССР от мирового исторического процесса, предоставлением возможности выбора путей развития странам Восточной Европы. В таком контексте новое звучание для нашей страны получила деголлевская идея «Европы от Атлантики до Урала». Прослеживалось и определенное сходство голлистской внешнеполитической доктрины с внешней политикой России.

Исследователи возвратились к классической проблеме «Личности и Истории», пытаясь понять пределы и возможности воздействия Личности на Историю, когда и почему эта личность берет верх, а в каких случаях терпит поражение, пытаясь противостоять объективному процессу. В этой связи историки вновь обратились к жизненному пути Шарля де Голля — человека, блистательно усмирившего политические бури, но проигрывавшего в периоды затишья. Возрождение интереса к де Голлю добавил его столетний юбилей, широко отмечавшийся не только во Франции, но и в других странах, в том числе и в СССР. Газета «За рубежом» писала по этому поводу: «В историческом сознании французского народа величественная фигура генерала, ставшего президентом Республики, заняла место сразу же после Карла Великого, отодвинув на второй план Наполеона Бонапарта»⁴⁴. К юбилею де Голля был выпущен специальный номер «Французского ежегодника», в одной из статей впервые говорилось о том, что бытовавший ранее в СССР «классовый подход в его тогдашнем, резко зауженном варианте, мешал рельефно видеть в де Голле прежде всего человека, затем деятеля крупного масштаба, лишенного классового фанатизма»⁴⁵.

Примером очередного витка в представлениях о де Голле может послужить новая монография уже неоднократно упоминаемой В. И. Антюхиной-Московченко, опубликованная в 1990 г.⁴⁶ Хотя в основном эта работа посвящена внешнеполитическому аспекту деятельности генерала, в нее вплетены повествования о его жизни, прослеживается путь становления личности Шарля де Голля, обращается особое внимание к нему как к человеку, а не символу-легенде. «Непривычного» де Голля, окруженного его соратниками-

⁴⁴ За рубежом. 1990. № 30.

⁴⁵ Французский ежегодник. 1988. М., 1990. С. 6.

⁴⁶ Антюхина-Московченко В. И. Шарль де Голль и Советский Союз. М., 1990.

голлистами, среди взаимосвязей и противоречий представляет российскому читателю в своих многочисленных работах М. Ц. Арзаканян. образу героя придают очарование такие, например, замечания: «Де Голль, личность глубоко эмоциональная, с богатым внутренним миром, с упорством стремившаяся к осуществлению своих честолюбивых замыслов, с увлечением погружался в решение карточных задач. Удачный исход пасьянса поднимал настроение, придавал уверенность в реальной жизненной удаче, вселял надежду. А верить в свою звезду де Голль не переставал никогда. Наверное, именно поэтому он и добился всего, чего хотел и о чем мечтал»⁴⁷.

Необычна статья Ю. И. Рубинского, исследователя, много писавшего о де Голле в условиях советской цензуры и получившего возможность в постсоветской России написать работу нового типа, посвятив ее осмыслению деголлевского наследия и созданию целостного образа генерала, каким он видится ему по прошествии двадцати лет со времени ухода де Голля. Перед нами предстает не просто политик, а гениальная личность, которой неотъемлемо присуще то, о чем сам де Голль заботился всю жизнь — величие. Отмечая, что генерал сочетал достоинства и недостатки человека мысли и человека действия, Ю. И. Рубинский пишет: «Он обладал редким даром различать далеко за линией горизонта отпущенной ему долгой жизни коренные перемены, заблаговременное приспособление к которым давалось ему самому гораздо дороже, чем тем, кто совершал их позднее, под давлением неодолимых внешних обстоятельств»⁴⁸.

Начиная с 90-х гг. прошлого века и вплоть до настоящего времени российские исследователи продолжают снабжать образ де Голля дополнительными штрихами в зависимости от сюжета, о котором пишут. Например, В. П. Смирнов представил де Голля как «основателя крупного идейного течения и общественно-политического движения, оказавших большое влияние на всю военную и послевоенную историю Франции»; Н. Н. Наумова показа-

⁴⁷ Арзаканян М. Ц. Де Голль и голлисты на пути к власти. М., 1990. С. 102.

⁴⁸ Рубинский Ю. И. Шарль де Голль. Мысль и действие // Известия. 3 июля 1991 г.

ла, как деятельность де Голля во главе РПФ «способствовала эволюции взглядов де Голля на взаимоотношение и роль партий в обществе»⁴⁹. Усилилась кооперация российских историков со своими французскими коллегами. В нашей стране и во Франции уже прошло немало совместных коллоквиумов, посвященных де Голлю, материалы которых непременно публикуются⁵⁰.

Перечень авторов, приложивших перо к созданию пятого образа де Голля в начале XXI века, весьма солиден. Не вдаваясь в подробности перечисления имен и фамилий, отметим, что для всех характерна глобальная постановка проблем, в результате которой возобладали позитивная и даже несколько восторженная оценка генерала Шарля де Голля как личности и как политика. Однако следует признать, что до сих пор в нашей стране отсутствует новая биография де Голля, в которой он был бы изображен в соответствии с созданным о нем в России пятым образом.

Подводя итоги и обобщая вышесказанное, подчеркнем, что создание каждого из образов де Голля базировалось на трех составляющих. Во-первых, отношение к нему напрямую зависело от контекста мировой политики и поведения России на международной арене, поэтому зачастую это отношение было двойственным, несущим в себе как позитивные, так и негативные характеристики. Вторым элементом системы представлений, которую Р. Франк называет *imaginaire social*⁵¹, является четко выраженная проекция образа «на себя», то есть, в данном случае, на российскую действительность и внутреннюю политику страны с присущими ей идеологическими установками на каждом из пяти выделенных этапов. При этом следует напомнить, что зачастую образ, создаваемый официальной пропагандой, не всегда совпадал с тем, который имело правительство на деле. Наконец, третий элемент связал воедино в оценке де Голля прошлое, настоящее и будущее.

⁴⁹ Смирнов В. П. Генерал де Голль в годы Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 54; Наумова Н. Н. Голлизм в оппозиции. М., 1991. С. 185.

⁵⁰ Назовем здесь лишь материалы последнего коллоквиума, прошедшего в декабре 2004 г. в Париже: De Gaulle et la Russie. P., 2006.

⁵¹ Frank R. Op. cit. P. 597.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ПОЛИТИКА

Н. В. РОСТИСЛАВЛЕВА

«ДАЛЬМАН ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ ЛИБЕРАЛОМ»

ГРАНИЦЫ КОМПРОМИССОВ В РЕШЕНИИ «НЕМЕЦКОГО ВОПРОСА» (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Стремление избежать насилия и деструктивных способов решения любых проблем — важнейшая характеристика либеральных идей и практики. Пожалуй, сейчас в период возрастающей в российском обществе критики либеральных приоритетов именно компромиссный потенциал этого феномена остается востребованным. Опыт компромиссов можно обнаружить в истории либерального движения многих государств. В Германии, которая, как и Россия, долгое время была вовлечена в деструктивную практику, существует немало примеров компромиссного поведения политиков.

Один из самых репрезентативных ракурсов данной ситуации — отношение либералов к решению «немецкого вопроса» — достижению единства Германии в XIX в. Фридрих Кристоф Дальман (1785–1860) и Карл Теодор Велькер (1790–1869) принадлежали к первому поколению германских либералов. В политической судьбе обоих политиков больше различий, нежели сходства. Дальман олицетворял северогерманский вариант развития либерализма, который отличала умеренность и ориентация на английский конституционализм. Он родился в тогда еще шведском Висмаре, учился в датском Копенгагене, а затем в прусском Галле, диссертацию защитил в саксонском Виттенберге; как политик, теоретик либерализма, историк плодотворно работал в Киле, Геттингене и Бонне. Велькер родился в Оберофляйдене (тогда этот город входил в ландграфство Гессен-Дармштадт), получил университетское образование в г. Гисене (сейчас это земля Гессен, а в то время государство Гессен-Дармштадт, находившее на юго-западе Германского союза) и Гейдельберге (герцогство Баден). В Гисене он приступил к преподаванию, но реально академическую и политическую карьеру

еру начал в Кильском университете¹. Как политик и профессор юриспруденции Велькер реализовал себя на немецком Юго-Западе: он стал профессором Фрайбургского университета (герцогство Баден) и депутатом ландтага этого государства, одним из лидеров либерального движения Бадена. Его деятельность на немецком Севере была, на первый взгляд, лишь эпизодом в его карьере.

Оба либерала страстно желали скорейшего решения «немецкого вопроса». На заре своей карьеры в Кильском университете Дальман ежегодно организовывал своеобразный коллоквиум “*Historia patria*”. В одном из писем он писал: «Сегодня восьмой раз я выступаю с приветственным словом по поводу доклада об отечественной истории, и никогда я этого не делал без того, чтобы не обратить внимания на трудности нашего отечества. К отечественной истории можно приближаться только с почтением и добрыми намерениями, так как название «отечество» содержит в себе что-то природно-убедительное, наше чувство понимает его, тогда как наш ум его формулирует. Но естественному восхищению, которое должна вызывать отечественная история в каждой благородной душе, — и мы хотим это признать — в нашем случае мешает только то, что наша отечественная история нуждается в единстве. Она охватывает разнообразные страны, вне находится Шлезвиг-Гольштейн, ...с недавних пор Саксен-Лауенбург². Дальман с нескрываемым сожалением говорил, что Шлезвиг-Гольштейн — это датская территория, и что ему невозможно понять жителя герцогств, который бы назвал себя датчанином, поскольку герцогства — не отечество для датчан, а часть «нашего немецкого отечества». В этих лекциях по Новой истории отчетливо проявились политические приоритеты ученого. Историк не боялся открыто обсуждать вопрос об устройстве герцогств.

Момент нахождения Дальмана в Киле совпал с началом похода Наполеона Россию. К этому времени Бонапарт поставил на колени большинство германских государств. Дальман очень тяжело

¹ Город Киль был расположен на территории Шлезвиг-Гольштейна, которая находилась в унии с Данией. Гольштейн входил в состав Германского союза, а Шлезвиг нет.

² Цит по: *Springer A. Friedrich Christoph Dahlmann. 2 Bde. Leipzig, 1870. Bd. 1. S. 74.*

переживал униженное положение Германии и, как все образованные голштинцы, в начале 1813 г. испытывал большие симпатии к немецким и русским войскам, к возникшему недавно легиону ганзейских городов, но как подданный датской короны Дальман обязан был видеть в немецких войсках врага. Такое двусмысленное положение продолжалось до подписания Кильского мира в январе 1814 г., и тогда историк открыто смог порадоваться свержению наполеоновского режима и выразить благодарность освободителям и спасителям.

Вопросы патриотизма и политического воспитания Дальман затрагивал и в своих выступлениях. Победу под Лейпцигом в октябре 1813 г. в Киле не могли отметить открыто, и чтобы доказать, что случилось это не из-за недостатка патриотических чувств, в городе решили с блеском отпраздновать победу под Ватерлоо. Организатором праздника стал Кильский университет, а его главным оратором — молодой и мало тогда еще мало кому известный Фридрих Дальман. 7 июля 1815 г. он выступил с докладом «Речь о Ватерлоо». Со всей страстью оратор обличал Наполеона и с воодушевлением хвалил отечественных героев, ими, в его представлении, были, прежде всего, «немецкие спартанцы, пруссаки, которые шли вперед, зная, что многие из них не вернутся назад, но были готовы пожертвовать собой ради победы»³, а подлинным героем битвы, героем немцев он назвал полководца Блюхера.

Уже в этом докладе Дальман ясно дал понять, что великие события современности связаны с деятельностью крупной личности, и что энергия и величие времени всегда воплощаются в героях. Но историк не отрицал и влияния промысла божьего. Он так писал о Блюхере: «Им управлял высший перст, он дал нам его (Блюхера. — *Н. Р.*) и подарил нам победу»⁴. Решения Венского конгресса вызвали у Дальмана некоторую досаду: на конгрессе решалась не только судьба постнаполеоновской Европы, но и судьба немцев. Прусские министры К. Гарденберг и В. Гумбольдт представили конгрессу свой вариант достижения немецкого единства, но решение об объединении Германии принято не было, и кильский историк, не изменяя оптимистическому тону всей речи, видел лучший плод новой

³ Waterloo-Rede // *Springer A.* Op. cit. Bd. 1 S. 463-472.

⁴ Ibid. S. 466.

победы в возможности «немецким племенам» объединиться в главном, «во всеобщем утверждении свободы, народности и права». Он подчеркивал, что потребность в существовании правовых институтов является болевой точкой Германии, но у немцев есть хороший потенциал: сохранившиеся государственные чины (Staende), а также прекрасные университеты, которые как, например, Кильский университет, способны позаботиться о просвещении народа и сохранить святой огонь любви к отечеству⁵. Безусловно, во многом такой пафос был вызван надеждой на решение шлезвиг-гольштейнского вопроса, но Дальман был первым, кто связывал это с возрождением немецких традиционных правовых институтов.

Именно тогда Дальман начал высказывать свои предложения о решении Шлезвиг-Гольштейнского вопроса. Еще в марте 1814 г. он предлагал своеобразные шаги продвижения к обретению немецкого единства — объединение Гамбурга, Любека, Гольштейна, Лауенбурга, Мекленбурга и непрусской Померании, что привело бы, по мнению Дальмана, к слиянию университетов Ростока, Киля, Грайфсвальда в рамках объединенного нижнесаксонского университета и к активному проникновению скандинавской науки в немецкие земли. Историк ратовал за данный вариант, поскольку полагал, что таким образом в Германии произошло бы укоренение свободного политического образования граждан, и они стали бы принимать участие в управлении государством⁶. Призывая к такому единению, Дальман показал себя сторонником культурной идеи Севера, которую он во многом отождествлял с политической культурой Англии.

Кильский университет стал местом, где Дальман и Велькер вместе с коллегами Фальком и Твестеном стали единомышленниками. В кругу не обремененных семьями друзей Дальман проводил очень много времени: устраивались совместные обеды, вечеринки, где обсуждались насущные политические вопросы и, конечно, вопрос о конституции для Шлезвиг-Гольштейна. Летом 1815 г. они

⁵ Ibid. S. 471-472.

⁶ См. об этом подробнее: *Dahlmann F. C. Ueber die letzten Schicksale der deutschen Untertanen Daenemarks und ihre Hoffnungen von der Zukunft* (Maerz 1814) // *Zeitschrift der Gesellschaft fuer Schleswig-Holsteinische Geschichte*. 1887. N 17; см. также: *Heimpel H. Zwei Historiker. Friedrich Christoph Dahlmann. Jacob Burckhardt*. Goettingen, 1962. S. 13.

начали издавать журнал «Кильские страницы» (Kieler Blaetter). Хотя среди сотрудников издания значились многие известные профессора университета, реально руководство и вся текущая работа исполнялись Дальманом, Велькером, Фальком и Твестеном.

Журналу сопутствовал небывалый успех: он обрел многочисленных читателей в герцогствах, оказывал там глубокое воздействие на формирование общественного мнения. В двух первых номерах журнала было опубликовано сочинение Дальмана «Слово о конституции», которое косвенно можно рассматривать и в контексте прояснения стартовых позиций Велькера в отношении путей достижения немецкого единства, поскольку тот принимал участие в работе над изданием. В этом сочинении Дальман сконцентрировался, прежде всего, на анализе политических систем европейского региона (европейскую часть Российской империи он в эту территорию не включал. — *Н. Р.*). Автор не отрицал особенностей отдельных европейских государств, но полагал, что Европа Нового времени имеет много схожего, и она способна на создание идентичных конституций. Идеалом политического устройства на страницах этого, как, впрочем, и многих других сочинений ученого, была объявлена Англия: «...все, кто признает ценность различных ветвей власти, едины в том, что в Англии основы конституционного устройства как раз те, к которым стремятся все новоевропейские государства»⁷. В сфере государства и политики, по его мнению, «нет ничего важнее того, что ведет отечество к конституции»⁸. Дальман стал дальше развивать уже высказанную им мысль об уважении традиций. Он призывал внимательнее относиться к существующим еще со времен Средних веков государственным чинам, полагая также, что это важная основа государства⁹. Мы видим, что Дальман воспринял импульсы, связанные с разгромом Наполеона, и неоднократно в самом начале постнаполеоновской эпохи в разных ракурсах размышлял о путях решения «немецкого вопроса», но все его предложения отличались умеренностью и дышали уважением к традициям.

⁷ *Dahlmann F. C. Ein Wort ueber Verfassung // Dahlmann F. C. Kleine Schriften und Reden. Stuttgart, 1886. S. 18.*

⁸ *Ibid. S. 13.*

⁹ *Ibid. S. 15.*

Велькер еще в 1814 г. в Гисене перед открытием Венского конгресса опубликовал работу «Свобода Германии. Речь к князьям и народу перед открытием Венского конгресса по поводу немецкой проблемы»¹⁰. Этот егоopus иногда оценивают как документ ранне-либерального национализма¹¹, но, скорее всего, его следует рассматривать как ответ на ситуацию завершившейся войны с Наполеоном. С 1814 г. Велькер стал преподавать в Кильском университете. В Киле он, как отмечалось, сдружился с Дальманом, но, несмотря на дружбу и сотрудничество с ним, не воспринял принципы умеренности.

Весной 1819 г. Велькер переехал в Бонн. Но там, после принятия Карлсбадских постановлений, вводивших в Германском союзе полицейский режим, его стали преследовать, ему угрожало отстранение от службы. Тогда он, не раздумывая, принял приглашение университета Фрайбурга, куда и переехал 24 июля 1822 г. После преследований у него сформировался довольно негативный образ Пруссии, что вызывало одобрение и поддержку во Фрайбурге. Первоначально его профессиональная деятельность в этом университете также проходила не без проблем — возникло соперничество между ним, Роттеком и Дутлингером. Но вскоре сложились очень дружеские отношения, которые нашли отражение в их совместной политической и публицистической деятельности.

В 1831 г. Велькер внес в ландтаг герцогства Баден предложение «Об усовершенствовании органического развития Германского союза». Он предлагал его преобразование на основе созыва всегерманского представительства. Этот шаг воспринимался как «первый парламентский рывок в решении немецкого вопроса»¹². Когда в герцогстве Баден в 1831 г. был принят закон о свободе печати, и три месяца 1832 года там выходили свободные от цензуры периодические издания, то резко, до критической массы усилился пресс Венской системы. Тогда уже Велькер и Роттек заявляли, что во-

¹⁰ *Welcker K. Th.* Deutschlands Freiheit. Eine Rede an die Fuersten und das Volk vor Eroeffnung der Wiener Versammlung von einem Deutschen. Gies-sen, 1814.

¹¹ *Schoettle R.* Politische Freiheit fuer die deutsche Nation. Carl Theodor Welckers politische Theorie. Baden-Baden, 1985. S. 74-75.

¹² Цит. по: *Ibid.* S. 20.

просы печати, как и вопросы торговли, не являются прерогативой Союзного сейма, поскольку налицо противоречие со статьями Союзного акта. Они скорее принимали желаемое за действительное и, по сути, выводили Баден из-под юрисдикции Союзного сейма, заявляя, что Пруссия и Австрия — европейские государства, которые не имеют права угнетать немецкое герцогство Баден, а их борьбу с Баденом, Нассау, Гессеном они рассматривали как выступление против всей конституционной Европы¹³. Именно тогда Велькер вместе с Роттеком предложил объединиться германским государствам, обладающим конституцией¹⁴. Мы видим, что ценности свободы заслонили для Велькера все остальные, прежде всего национальные, приоритеты. После принятия в 1832 г. решений Союзного сейма о запрещении бесцензурной прессы Велькер лишился права преподавания и оказался под следствием.

Вполне очевидно, что ранние национальные проекты Велькера и Дальмана не тождественны. Последний уже в самом начале своей карьеры проявлял умеренность, а Велькер более был склонен к радикальным предложениям, шел во имя свободы на разрыв с традицией и видел будущее Германии только в лице немецких объединенных конституционных государств.

По мере достижения одного из кульминационных моментов в решении «немецкого вопроса», который связан с революцией 1848–1849 гг., каждый из них продемонстрировал свою меру компромиссности. Компромисс не был реализован, но шансы для него были.

Революционный поток, пришедший на территорию Германского союза с Запада, настоятельно поставил перед немцами главную цель — обретение единства, стремление к которому в локальных пространствах Германского союза имело свои особенности.

Дальман встретил революцию в Бонне, в университете которого он преподавал, будучи ординарным профессором. В рамках университетского сообщества Бонна Дальман предпринял первые политические действия, стремясь отстаивать идеалы конституционной

¹³ См. об этом подробнее: *Ростиславлева Н. В.* Политическая пресса в немецком герцогстве Баден в 20-30-е годы XIX века // *Европейский альманах. История, традиции, культура.* М., 2003. С. 93-104.

¹⁴ См. об этом подробнее: *Ростиславлева Н. В.* Зарождение либерализма в Германии. Карл фон Роттек. М., 1999.

монархии. В своих лекциях он пытался предупредить формирование у студентов республиканских настроений, поэтому с энтузиазмом восхвалял идеалы конституционной монархии, призывал осуществить все, что соответствовало ее принципам и ни сделать ни шагу в сторону¹⁵. К его советам прислушивались многие германские принцы, среди которых были баденский и саксонский наследники. По мнению профессора, политика Пруссии являлась самой оптимальной в этих условиях. По поручению боннского университетского сообщества Дальман подготовил специальный адрес, где указывалось на опасности, которые могут возникнуть вследствие свержения монархии. В его представлении, именно монархия была гарантией немецкой свободы, а прусский король, пойдя навстречу своему народу, являл собой пример такого политического поведения. Дальман утверждал: «Пруссия призвана для того, чтобы возглавить Германию. Миг настал. Отсутствие в Пруссии, в отличие от некоторых других немецких государств, конституционных свобод делало эту цель недостижимой. Но созыв соединенного ландтага заполнил эту лакуну. Теперь она способна предотвратить распад Германии на две враждебные части и примирить свободу и справедливость»¹⁶. Однако политические настроения граждан Рейнской области заставили Дальмана признать, что вряд ли его действия здесь обречены на успех. В Кельне и его окрестностях население находилось под сильным влиянием ультрамонтанов и католических юристов или склонялось к демократическому выбору. Поэтому, когда после событий 18 марта в Берлине, там также возникло «мартовское министерство»¹⁷, и министр культов граф Шверин пригласил его в Берлин, Дальман отправился в столицу Пруссии незамедлительно. Заинтересованность прусского правительства в сотрудничестве с Дальманом была довольно прагматической: ему был необходим авторитетный, обладающий популярностью в либеральных кругах человек, который мог бы отстаивать интересы Пруссии в ходе преобразования союзных структур.

¹⁵ *Springer A.* Op. cit. Bd. 2. S. 206-206.

¹⁶ Цит. по: *Ibid.* S. 208.

¹⁷ Так в то время называли министерства, где присутствовали либерально настроенные министры.

28 марта Дальман был направлен во Франкфурт-на-Майне, где заседал Союзный сейм (Бундестаг). Но, будучи дальновидным политиком, Дальман отказался стать прусским посланником в еще не исчезнувшем Бундестаге¹⁸. Союзный сейм попытался сохранить себя и объявил 3 марта 1848 г. о введении свободы печати и создании 10 марта комитета 17-ти, призванного преобразовать союзное устройство согласно истинно национальным принципам. Дальман, наряду с Ф. Д. Бассерманом, И. Г. Дройзеном, М. фон Гагерном, Г. Г. Гервинусом вошел в состав этого комитета. Подготовленный комитетом проект единого немецкого государства стремился учесть федеративно-династические традиции Германии¹⁹.

К. Велькер с самого начала революции также активно включился в решение «немецкого вопроса». Он был участником конгресса в Гейдельберге (5 марта 1848 г.), который разрабатывал конкретные варианты перехода к осуществлению принципов национального представительства. Выступая на этом форуме, он призывал обратиться с петицией к Союзному сейму, который и должен был проделать всю подготовительную работу по созыву общегерманского парламента. Его предложение участники конгресса не поддержали, и специально для подготовки выборов в национальное представительство организовали комиссию семи, членом которой стал также и Велькер²⁰.

Как связать его позицию с представленными выше характеристиками? Ведь в данном контексте он выглядит как политик, повравший с неприятием Союзного сейма, санкционировавшего Карлсбадские и Венские решения, из-за которых Велькер довольно сильно пострадал²¹. С одной стороны, видимо, Союзный сейм был для Велькера своеобразным «благом» в сравнении с проявившимся под влиянием революционных событий во Франции немецким республиканизмом. С другой стороны, зная о пропрусских настроениях части либерального лагеря благодаря Сейму, где руководящую

¹⁸ *Springer A.* Op. cit. Bd. 2. S. 217.

¹⁹ См. *Freyer U.* Das Vorparlament zu Frankfurt a. M. im Jahre 1848. Greifswald, 1913. S. 20; *Langewiesche D.* Liberalismus in Deutschland. Frankfurt am Main, 1988. S. 39.

²⁰ *Freyer U.* Op. cit. S. 20-22.

²¹ *Die FDP/DVP in Baden-Wuerttemberg und ihre Geschichte / Hrsg. von P. Rothmund.* Stuttgart, 1979. S. 47.

роль играла Австрия, он стремился «не потерять» ее в процессе создания общенемецких представительных органов. Но главное в том, что в этих коллизиях произошло расширение сферы возможного для Велькера компромисса, что проявилось в желании опереться на традиции и превратить революцию в последовательное движение за реформы.

Оба политика стали депутатами Предпарламента (Vorparlament). Он заседал во Франкфурте в здании церкви Святого Павла с 31 марта по 3 апреля 1848 г. Президентом стал Миттермайер, а Дальман — одним из вице-президентов²². На заседаниях Предпарламента шли жаркие дебаты между либералами, сторонниками конституционной монархии, и демократами, желавшими воплотить республиканский идеал в едином немецком государстве. Дальман и либералы стремились к скорейшей «легализации» революции, их девиз — «не революционное движение, а порядок и единство». Они представили свое видение основ созыва национального собрания: выступали за признание собравшимися депутатами конституционно-монархического принципа устройства будущего единого государства, сохранение династий государств Германского союза, четко определяли компетенцию федерального центра и в целом желали легализации нового посредством сохранения правовых традиций. Как отмечалось: «Германия любит свои династии, так как они являются носителями цивилизации и культуры»²³.

Большие споры вызвал вопрос о непрерывности заседаний Предпарламента вплоть до начала работы национального представительства. Либералы в отличие от демократов были против этого. Конструктивное предложение внес как раз Велькер, указавший на необходимость создания связанного с Союзным сеймом непрерывно действующего комитета, призванного во имя интересов нации обеспечить созыв легитимного немецкого парламента²⁴. Именно это предложение Велькера Г. фон Гагерн поставил на голосование, и за него было подано 368 голосов, а против — всего 148.

²² См.: Freyer U. Op. cit ; Langewiesche D. Liberalismus in Deutschland. Frankfurt am Main, 1988.

²³ Verhandlungen des Deutschen Parlaments. Т. 1. Frankfurt am Main, 1848 S. 72.

²⁴ Ibid. S. 64-65, 75.

18 мая 1848 г. во Франкфурте-на-Майне в церкви Святого Павла начались заседания первого в истории Германии национального представительства. Дальман и Велькер наряду со многими другими немецкими либералами стали членами Франкфуртского парламента, который в литературе также часто называют Национальным собранием. Дальман уже при получении депутатского мандата написал: «Я знаю себя очень хорошо, чтобы понимать, что я до конца буду служить Шлезвиг-Гольштейнскому вопросу, которому посвятил всю молодость»²⁵. Действительно, вся работа Франкфуртского парламента была сфокусирована на достижении единства Германии, это стало приоритетом и в парламентской деятельности Дальмана. Принцип национального государства подвергся проверке при попытке решить Шлезвиг-Гольштейнский вопрос. Как уже отмечалось, герцогство Шлезвиг не было членом Германского союза, и Дания стремилась усилить в нем свое влияние. Весной 1848 года там было сформировано чисто датское правительство. В ответ герцогство отделилось от Дании и сформировало временное правительство, заявившее о присоединении к Германии. В Данию были введены войска Пруссии, Ганновера и других германских государств, которые очень скоро уже были близки к победе. Но Великобритания и Россия при посредничестве Швеции заставили прусского короля Фридриха Вильгельма IV 26 августа 1848 г. заключить перемирие в Мальме. Это был компромисс, в основе которого лежало, прежде всего, решение Пруссии. Но Дальман в данном случае проявил бескомпромиссность и стал самым решительным противником признания этого перемирия. Он попал в довольно сложную ситуацию: являясь во Франкфуртском парламенте представителем Пруссии, он, по сути, оспаривал ее решения. Более того, в такой ситуации он при поддержке демократов одобрил роспуск либерального правительства и стал, правда, на очень короткое время, главой нового правительства. Тем временем в Национальном собрании формировалось мнение, что перемирие — «это не приговор Германии», и оно стало реальностью. Но в этот же вечер реальностью стало и восстание во Франкфурте: его лозунг — «спасать честь Германии и братьев из Шлез-

²⁵ Цит. по: *Springer A. Op. cit. Bd. 2. S. 268.*

виг-Гольштейна»²⁶. Дальман не скрывал своего разочарования, но полагал, что у Германии еще есть шанс обрести единство — это утверждение Имперской конституции.

И Дальман, и Велькер принимали участие в разработке Имперской конституции, но проявили при этом диаметрально противоположные взгляды. Велькер стал лидером великогерманской партии, выступавшей за включение Австрии в единую Германию и за поочередное лидерство в германском мире прусского короля и австрийского императора. Главный аргумент Велькера в пользу включения Австрии в единое немецкое государство был таким: нельзя нарушать права австрийских немцев, желающих быть вместе со своими соотечественниками. Одновременно он полагал, что исключение католической Австрии из будущего единого немецкого государства может привести к конфессиональному конфликту и даже гражданской войне. Он поддержал Австрию в надежде, что она будет противовесом всевластию Пруссии, и такое равновесие способствовало бы, по его мнению, утверждению в едином немецком государстве свободы²⁷.

Дальман выступал за принципы малогерманского единства, где Австрии уже не было места. Так, в марте 1848 г. в одном из писем Георгу Гервинусу он утверждал, что будущее единое государство должно быть империей, «правда, на основе всех конституционных свобод, которые в Пруссии еще отсутствуют. Австрия же не может более стоять во главе немецких дел»²⁸. Дальман и его соратники воспринимали империю как желание, как представление, как сумму полномочий, которая определяется немецкими территориями. Он был также убежден в необходимости наследственной и постоянной центральной власти, которая должна быть вверена дому Гогенцоллернов, и полагал, что ее следует наделить многими правами, и тогда новая империя действительно станет приближаться к

²⁶ См.: Блос В. Указ. соч. С. 298-299; *Spinger A.* Op. cit. S. 299.

²⁷ См.: Ростиславлева Н. В. Либералы немецкого герцогства Баден о национальном вопросе в 1848-1849 гг. // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4). М., 2001. С. 132-141.

²⁸ Briefwechsel zwischen Jakob und Wilhelm Grimm Dahlmann und Gervinus / Hrsg. von Eduard Appel. 2 Bde. Berlin, 1886. Bd. 2. S. 318.

единому государству²⁹. В процессе обсуждения проекта Имперской конституции в одном из писем Дальман писал, что только такая власть прогнозируема, и это единственный выбор, который не покоится на фикции³⁰. Подобные высказывания сразу заставляют видеть в нем, в отличие от Велькера, противника теорий общественного договора и естественного права. И это действительно так, ведь еще в работе «Политика» он отстаивал мысль об «архипервоначальности государства», а естественное состояние допускал только в качестве вспомогательного средства, которое дает возможность рассматривать возникновение государственных структур как акт человеческого творения³¹.

С момента начала революции пропрусские позиции Дальмана усилились: он восхвалял Пруссию, поскольку только она, по его мнению, могла выразить чаяния всех немцев. К Пруссии, как уже отмечалось, Дальман всегда относился с пиететом. В прусском университете Бонна он получил место профессора после увольнения из Геттингенского университета (королевство Ганновер) вследствие своего участия в бунте «геттингенской семерки» в 1837 г.³². В январе 1849 г. на страницах «Немецкой газеты»³³ Дальман писал: «Что ожидают немцы от главы империи?». Единственный ответ не заставит себя долго ждать. Он звучит коротко и лаконично: «Защищать законы, которые приняло народное представительство во Франкфурте, и это будет власть, величие которой достойно немецкого народа. Такой ответ обращает наши взоры на Пруссию, не

²⁹ См.: *Springer A.* Op. cit. Bd. 2. S. 303.

³⁰ Ibid. S. 246.

³¹ *Dahlmann.* Die Politik, auf den Grund und Maass der gegebenen Zustaende zurueckgefuehrt. Goettingen, 1835. S. 52-53.

³² Отмена конституции стала одним из первых актов по восшествию на ганноверский престол в 1837 г. Эрнста Августа. В столице королевства и центре культурной жизни Ганновера Геттингене против действий нового короля выступили семь профессоров, которые являлись в буквальном смысле слова цветом местного университета: Дальман, лингвисты Якоб и Вильгельм Гриммы, историк Г. Г. Гервинус, юрист В. Э. Альбрехт, богослов и ориенталист Г. Эвальд и физик В. Вебер. Руководителем акции протеста и автором манифеста был Дальман.

³³ Газета *Deutsche Zeitung* была основана Ф. Д. Бассерманом и пропагандировала конституционные идеи и принципы малогерманского единства.

следует не принимать во внимание ее мудрость»³⁴. Пытаясь смягчить ситуацию, связанную со слабой укорененностью в Пруссии принципов свободы, Дальман подчеркивал ее гибкость, восприимчивость к переменам и творческий потенциал. Он писал: «...как в свое время Бранденбург создал Пруссию, так теперь Пруссия, но в больших масштабах и более осознанно, совершит это со всей Германией»³⁵. Пропрусская позиция Дальмана также связана со стремлением не дать никаких шансов усилиться радикально-демократическим направлениям³⁶ и, конечно, с укорененностью в этом королевстве протестантизма. Когда комитет 17-ти, работавший под руководством Бассермана, а позже Суарона, представил свой проект Имперской конституции, то он вызвал резкое неприятие демократов из-за проимперского характера.

Дальман вместе с Мюльфельдом из Вены и Робертом фон Мо-лем был выбран для подготовки раздела «Основные права немецкого народа», и они в этой работе стремились руководствоваться по преимуществу практическими вопросами: о состоянии главных форм собственности, свободе ремесла, гражданском и государственном праве, об отношении церкви и государства; и полагали, что все эти права должны вступить в силу только после формирования единого правительства Германии, так как преждевременная их реализация могла привести к жертвам. Довольно большие споры вызвала статья о свободе торговли и таможенных пошлинах. Дальман предлагал такой перечень прав, который бы всегда обеспечивал личную свободу в рамках государства. Всего на основе этого материала было вычленено 48 параграфов³⁷. Но июньские события во Франции привели к резкой демократизации представлений о правах человека, а Дальман, Бассерман, Гагерн, Моль настаивали на сохранении принципа государственной пользы (*Staatsraeson*) и не допускали никаких компромиссов с демократически настроенными

³⁴ См.: *Dahlmann F. K. Zur Beherrigung // Deutsche Zeitung. Frankfurt a. M., 1. Januar, 1849.*

³⁵ *Ibidem.*

³⁶ См.: *Springer A. Op. cit. Bd. 2. S. 302-303.*

³⁷ Об этом Дальман писал позже в неопубликованных лекциях по истории Германии: *Nachlass von F. C. Dahlmann // Staatsbibliothek zu Berlin - Preussischer Kulturbesitz. Handschriftenabteilung. № 319-322.*

депутатами. Автор «Политической истории Германии» М. Салевски полагает, что отрицательное отношение Франкфуртского парламента к коалиционно-политическим компромиссам стало в итоге одной из причин его крушения, но с другой стороны, его состав отражал экономические и социальные структуры Германии середины XIX в. и «поэтому вовсе не был экзотическим «парламентом профессоров»³⁸.

Дальман не только не проявлял какой-либо готовности к подобным компромиссам, продолжая считать, что «это плохо — стирать разницу между бедностью и богатством, поскольку она существует и будет существовать до тех пор, пока сохраняется государство», но в своих выступлениях производил впечатление сторонника поверхностного либерализма. Так, он был противником отделения церкви и университета от государства и полагал, что ни наука, ни вера, ни потребности народа от этого не выиграют. «В страстном желании полностью отделить церковь от государства я распознаю планы завуалированного властолюбия, равно как и противоположность истинной любви к свободе, мало государственной мудрости и вообще совсем немного просвещенного религиозного рвения. Ведь если мы дадим государству, что ему нужно, и удовлетворим потребности церкви, то этим вовсе не увеличим власть высших церковных прелатов, однако свободное церковное сообщество будет благословлять наши решения»³⁹.

Дальман внес свои предложения в структуру законодательной власти. Он выступал против требования демократов об учреждении однопалатного парламента и поддерживал идею двухпалатного представительства, состоящего из палаты народов (Volkshause) и палаты государств (Staatenhause), полагая, что последняя должна формироваться по типу Сената Конгресса США. Необходимость существования двухпалатного парламента Дальман обосновал еще в 1835 г. в своем трактате «Политика». В отличие от Роттека и Велькера, которые с недоверием относились к правительству, он не доверял парламентам. Именно из-за недоверия к народному и партийному духу Дальман считал необходимым существование двух-

³⁸ См.: *Salewski M.* Deutschland. Eine politische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. 2 Bde. Muenchen, 1993. Bd. 2. S. 51-52.

³⁹ Цит по: *Springer A.* Op. cit. Bd. 2. S. 301.

палатного представительства. Народ состоит из различных слоев, «но как однородная масса он проявляет себя только в лице люмпенизированной черни», каждый слой требует собственной палаты, но из практических соображений существование более двух нецелесообразно. Однопалатное представительство, по мнению Дальмана, быстрее адаптируется к изменениям, но в хорошем государственном устройстве сохранение традиций важнее, чем легкость быстрых перемен⁴⁰. Именно ознакомившись с дальмановской «Политикой», Велькер был потрясен его склонностью к консерватизму и в раздражении написал: «Дальман вообще перестал быть либералом»⁴¹.

Самое большое воодушевление при обсуждении проекта Имперской конституции Дальман проявил, отстаивая принцип абсолютного вето монарха, подчеркивая, что оно обладает скорее идеальной природой, чем практической, но является неотъемлемой чертой каждого настоящего монархического правления. Он апеллировал к устройству Англии и подчеркивал, что со времен царствования королевы Анны принцип вето не применялся, но как вариант спасения в случае крайней государственной необходимости оно должно существовать. Однако Дальман предостерегал от отождествления абсолютного вето с абсолютистскими режимами Австрии и Пруссии⁴², что в свою очередь никогда не мешало ему самому связывать будущее Германии с Пруссией.

13 марта 1849 г. Велькер вдруг неожиданно для всех стал инициатором провозглашения малогерманского варианта Имперской конституции. Он выступил с так называемым спешным докладом, где третьим пунктом было заявлено о необходимости учреждения наследственной императорской власти и передачи ее прусскому королю. В этом же докладе он обосновал столь резкое изменение своих позиций⁴³.

Итак, оба политика выступили за вручение имперской короны прусскому королю Фридриху Вильгельму IV, и для обоих такое

⁴⁰ См.: *Dahlmann*. Die Politik... S. 122.

⁴¹ Цит по: *Sell F.* Die Tragoedie des Deutschen Liberalismus. Baden-Baden, 1981. S. 128.

⁴² См.: *Springer A.* Op. cit. S. 315.

⁴³ Stenographischer Bericht ueber die Verhandlungen der deutschen consti-tuirunden Nationalversammlung. Frankfurt/M., 1849. Bd. 8. S. 5666-5668.

решение стало компромиссом. Для Велькера это был явный компромисс, на который тот пошел, понимая, что в данной ситуации достижение скорейшего единства возможно только таким способом. Но, как писал участник тех событий Карл Биндинг, сам Велькер этого якобы не хотел⁴⁴. Революционность Австрии к тому времени фактически сошла на нет, ее парламент переехал в Кремзир (моравский Кромержж), а 7 марта был распущен. 11 марта эта весть дошла до Франкфурта. Реальностью стало и возможное вторжение России⁴⁵. Было понятно, что она поддержит Австрию как гаранта Венской системы в Европе и поможет ей решить венгерский вопрос силой. Велькер вынужден был окончательно отказаться от присущей либерализму немецкого Юго-Запада умозрительности и перейти на позиции учета существующих реалий.

Для Дальмана — это латентный компромисс. Он, будучи довольно умеренным либералом и страстно желая объединения немеццев, позволил себе не принимать во внимание уровень укорененности принципов свободы и равенства в Пруссии и абстрагировался от характера политической культуры прусского общества, полагая, что главное — это скорейшее достижение единства. Но так однозначно оценивать его позицию нельзя. Ведь Пруссия столько для него сделала и стала своеобразным примером, подтверждавшим его представления о путях продвижения к конституционализму. В 1847 г. был создан прусский объединенный ландтаг, который, по сути, объединил провинциальные государственные чины Пруссии, Дальман был воодушевлен этим, так как выстраивание принципов конституционализма происходило с опорой на традиции. Но политик пережил сильнейшее разочарование, когда прусский король отказался принять имперскую корону. Высокий заряд компромиссности раннего либерализма все-таки имел предел: компромиссы с государствами, еще не преодолевшими абсолютистские тенденции, были не приемлемы, так как они разрушали главную составляющую

⁴⁴ Binding K. Der Versuch der Reichsgründung durch die Paulskirche in den Jahren 1848 und 1849. Leipzig, 1892. S. 57.

⁴⁵ См.: Россия и революция 1848–1849 гг. в Германии. Вводная статья, перевод, подготовка текста и комментарии Н. В. Ростиславлевой // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4). С. 254–262.

щую либерализма — принцип свободы. Поэтому подобные компромиссы и закончились для этих политиков внутренним разладом.

В решении «немецкого вопроса» Франкфуртский парламент постигла неудача. Анализ ее причин не является нашей задачей, но необходимо отметить, что само Национальное собрание очень непоследовательно обращалось с национальным принципом. Так, в случае с Шлезвигом оно настаивало на признании права самоопределения проживающих там немцев, но не желало признавать это право за жителями Познани и Богемии⁴⁶. Не случайно Д. Лангевитше не видел в революции 1848–1849 гг. ««весну народов», так как предначертанный в предмартовский период демократический интернационализм, освобождающий народы от Старого порядка, оказался на деле иллюзией»⁴⁷. Непоследовательным, как уже отмечалось, в этой ситуации был и Ф. Дальман, когда при решении Шлезвиг-Гольштейнского вопроса опирался на поддержку демократов. Вся палитра компромиссов раннего либерализма ярче всего представлена именно в ходе борьбы за единство Германии.

Для обоих политиков роспуск Франкфуртского парламента стал началом заката их политической карьеры. Они не разочаровались в либеральных принципах, но не видели в германском мире 1850–60-х гг. приемлемой почвы для компромиссов. Хотя битва в ходе решения «немецкого вопроса» была выиграна Пруссией, не в последнюю очередь и потому, что в Пруссии в 1849 г. уже была принята конституция — так называемая Прусская хартия, но конституционализм после призыва в сентябре 1862 г. к власти Бисмарка превратился в так называемый псевдоконституционализм, что и привело к созданию новой национал-либеральной партии, поставившей во главу угла национальные приоритеты отчасти в ущерб принципам свободы. Все это сказалось и на характере созданной Германской империи, которая не стала в полном смысле слова современным национальным государством⁴⁸.

⁴⁶ См.: *Siemann W.* Die deutsche Revolution von 1848/1849. Einheit der Nation und Zwietracht der Nationalitaeten // *Dann O.* (Hrsg.) Die deutsche Nation. Geschichte, Probleme, Perspektiven. Greifswald, 1994. S. 24-34.

⁴⁷ Цит. по: *Ibid.* S. 31.

⁴⁸ См.: *Dann O.* Nation und Nationalismus in Deutschland. 1770–1990. Muenchen, 1993. S. 149-164.

ИЗ ИСТОРИИ РОССИИ XVII–XX ВЕКОВ

О. В. СОСНОВЦЕВА

РАССУЖДЕНИЯ О РЕЛИГИИ В СРЕДЕ РУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

(Б. И. КУРАКИН, А. А. МАТВЕЕВ)

Период с начала XVI века стал для Европы временем переходным от традиционного общества к обществу модернизационного типа. Россия, «крайний восток Европы», встала на путь модернизационного развития на рубеже XVII и XVIII вв. Наметившаяся при первых Романовых тенденция отхода от устоев традиционного общества, в правление Петра I превратилась в доминанту государственной политики.

Процесс перехода был многоступенчатым и очень многогранным. Он включал не только изменение организации производства, переход к более интенсивному способу хозяйствования, но и изменение политического устройства общества, а также всех сторон его духовной жизни. А это, в свою очередь, предполагало изменение «программы», по которой жило общество, изменение отношения человека к жизни.

Поскольку в России модернизация была инициирована «сверху», усилиями государственной власти, ею форсировалась, направлялась и координировалась, поскольку переход на рельсы модернизационного развития произошел позднее, когда уже имелись определенные «наработки», позволявшие использовать чужой опыт, русский вариант этого процесса на первый взгляд выглядел «повторением пройденного», простым заимствованием.

Внутренняя политика Петра I была направлена на укрепление центральной власти, завершение формирования той формы правления, за которой закрепилось наименование «абсолютизм». Другой важной составляющей начала модернизационного пути является секуляризация общественного сознания. В России оба эти процес-

са, утверждение абсолютизма и обмирщение духовной жизни, совпали по времени и были тесно связаны с реформаторской деятельностью верховной власти. Теоретические построения были заимствованы Петром из Западной Европы и адаптированы к России с учетом национальной специфики.

Идеология абсолютизма поставила во главу угла *национальное единство* под видом всеобщего благосостояния в противовес частным привилегиям и интересам¹. Мысль о том, что государь попечительствует о благе каждого подданного, превратила его в «отца Отечества». В условиях России времен Петра Великого на первый план был поставлен именно патернализм.

Практические мероприятия, — создание регулярной армии и постоянной системы налогообложения, формирование подконтрольного монарху чиновничьего аппарата и, наконец, подчинение церкви светской власти сопровождалось корректировкой ценностных ориентиров, обновлением менталитета общества. Нас интересует совершенно конкретный вопрос: как подвижки в духовной жизни общества (а духовная жизнь той поры — это, прежде всего, жизнь религиозная) проявились в среде русской аристократии. Причем, внимание сосредоточено на тех ее представителях, которые не возглавляли идейные искания, а следовали «в русле» волны духовного обновления общества. Объектами для исследования послужили труды двух представителей русской аристократии петровского времени Б. И. Куракина и А. А. Матвеева, относимых исследователями к «западникам» той поры. Но прежде чем сосредоточиться на их взглядах, необходимо очертить некоторые штрихи, свойственные идейно-религиозной жизни русского общества рассматриваемого периода.

Изменение в России политики по отношению к церковным институтам наблюдается со второй половины XVII века. В этот период тенденция к секуляризации общественного сознания вырисовывается все четче и четче. При Алексее Михайловиче светская власть делает первые успешные попытки самостоятельно проводить внутривластный курс, независимо от церковной. Попытка «мягкого» обновления духовной жизни общества столкнулась с протестом наиболее активной части традиционного общества, хотя

¹ Рейснер М. А. Общественное благо и абсолютное государство // Вестник права. № 9–10. СПб., 1902. С. 14.

большинство общества заняло позицию молчаливого выжидания². В меняющейся обстановке религия перестает восприниматься как всеобщая санкция общественной мысли, а авторитет церкви как источника неприкасаемой истины постепенно падает³. Петр I усилил тенденцию разграничения церковного и светского начал. Так, 22 декабря 1697 г. был издан указ «о написании богословия в грамотах, посылаемых в иностранные государства»⁴. Помимо всего прочего, в нем запрещалось писать «богословия» в грамотах от подданных к государю. Тем самым, устранялась зависимость внешних форм делопроизводства от Священного Писания.

Феофан Прокопович, идеолог русского абсолютизма петровского времени, вместе с Петром I составил законопроект, направленный на ограничение монашества в России⁵. Русский монарх весьма критически относился к монахам и старался заставить обитателей монастырей больше заниматься полезной деятельностью во имя «общего блага», например, уходом за больными и престарелыми⁶. Церковь, как и все общественные институты, должна по замыслам монарха подчиняться идее «общего блага».

Официальная линия государства в петровскую эпоху заключалась в наступлении на позиции церковных институтов. Об этом свидетельствует тот усиленный интерес, который проявлял царь-реформатор к общению с церковными деятелями во время своих

² «Раскол (...) это (...) сущность нового типа российской культуры, пришедшего на смену культуре Московии. Это была особая, единая, но внутри себя расчлененная надвое культура. В одном народе как бы сосуществовали два социума, различающиеся между собой не только условиями жизни, а своим бытом, ментальностью и даже таким индикатором культуры, как язык» (Пастухов В. Б. Культура и государственность в России: эволюция евроазиатской цивилизации // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1995, С. 393).

³ Кантор А. М. Некоторые вопросы общественной мысли демократических слоев посада центра России второй половины XVII в. в повествовательных источниках // Культура средних веков и нового времени. М., 1987. С. 65.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. III. № 1611.

⁵ Ничик В. М. Из истории отечественной философии конец XVII — начало XVIII вв. Киев, 1978. С. 198.

⁶ Майкова Т. Петр I и православная церковь // Наука и религия. 1972. № 7. С. 44.

заграничных поездок, в частности, в Англию в составе Великого посольства и во Францию в 1717 г. Ведь эта проблема была общей для всех государств переходного периода. Интересный вариант религиозных исканий царя Петра нашел отражение в «Мемуарах» герцога Сен-Симона⁷. В конечном счете, в 1721 г. церковные дела были поставлены под полный контроль власти светской с ликвидацией патриаршества и созданием Синода.

Несмотря на то, что в первой трети XVIII в. церковная власть формально была подчинена светской, проводить политику против священнослужителей вообще было бы весьма непродуманным шагом. Открыто ущемлять позиции служителей церкви — значит настроить крестьянство, в среде которого и так бытовала идея о «царе-Антихристе», на стихийные выступления. Поэтому Петру I приходилось проводить продуманную и осторожную политику в отношении церкви и тех, кто ее представлял.

В петровскую эпоху целенаправленно менялся даже образ Бога, что нашло отражение в законодательстве. «Бог наш (...) не мучитель есть, но отец щедрот, есть врач душ и телес наших благ (...) зол наших не требующий и всех благ наших хотящий»⁸. Согласно указу от 16 июля 1722 г. человек не должен «нарочно искать мучения и устремляться на смерть». Самоистязания фанатиков не являются ни полезными, ни богоугодными, значит, подобные практики должны прекратиться. Процитированный закон напрямую связан с идеей «общего блага», или «государственной пользы». Государство заинтересовано в полноценно работающих подданных и в приросте населения. Начиная с XVIII в. государство считалось тем богаче, чем больше был естественный прирост населения. Фанатичные членовредительства и «гари» раскольников портят работоспособных и уменьшают численность населения, что не способствует «общему благу».

В разработанном в это время Воинском уставе определены требования, предъявляемые к солдатам в делах веры. Поскольку солдаты рискуют «своим животом» каждый день, то богоотступни-

⁷ См.: Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы. Кн. 2. М., 1991, С. 351-353.

⁸ Полное собрание законов. Т. VI. № 4053.

чество (а именно, обращение к помощи магии и колдовству) в их среде должно караться с особой жестокостью. Военнослужащий должен полагаться только на милость Бога, который спасает ему жизнь в военных сражениях⁹. Офицеры и солдаты обязаны молиться три раза в день. «В 9-м часу (...) должен священник литургию отправлять при каждом полку»¹⁰. «Офицер, без важной причины при молитве» не присутствующий, должен заплатить «полтину» штрафа. Каралась не только неявка на молитву, но и присутствие на ней в нетрезвом виде. «Когда офицер при молитве пьян явится (...) арест. А рядовой (...) имеет быть в железо посажен»¹¹. Военнослужащие должны почтительно относиться к священникам, которые являются частью церковных институтов. «Всем офицерам и рядовым надлежит священников любить и почитать, и никто да не дерзает оным, как словом, так и делом, досаду чинить, и презирать и ругаться. А кто против того погрешит, преступление наказывается вдвое, если бы он погрешил против любого другого человека»¹². Военские артикулы отводили священнику в армии важную роль, и к ним соответственно предъявляются особые требования. Они должны быть совершенны в моральном плане. Любой священник в армии «должен прилежать к непорочной, трезвой и умеренной жизни»¹³. Лишь в этом случае он может требовать особого отношения к себе. Если же священник «нечестив и беззаконен, и другим жизнью своею соблазн чинит», то он будет осужден и наказан, но не светским воинским судом, а духовным. За проступок он может быть лишен «чина и достоинства».

Петр I прививал трепетное отношение к молитве в церкви не только в армии, но и вообще во всем государстве. Указ 8 декабря 1718 года «О взимании штрафа с тех, кои во время божественной литургии будут разговаривать»¹⁴ требовал от подданных «безмолвия» и «благоговения во время пения божественной литургии». За

⁹ Воинский устав // Полное собрание законов. Т. V. № 3006. Гл. I. арт. 1.

¹⁰ Воинский устав // Там же. Гл. LXIV.

¹¹ Воинский устав. Гл. II. арт. 11.

¹² Воинский устав. Гл. II. арт. 13.

¹³ Воинский устав. Гл. II. арт. 14.

¹⁴ Полное собрание законов. Т. V. № 3250.

разговоры во время церковной службы и за неподобающую позу верующие штрафовались в размере рубля с человека.

За всеми этими на первый взгляд противоречивыми действиями скрывалась четкая линия превращения религии в часть официальной *государственной идеологии*. В частности, требование строго определенного поведения в церкви и регламентация количества ежедневных молитв — не что иное, как способ добиться от подданных дисциплинированности и послушания, и более того — приблизиться к единомыслию, единой системе идейных ценностей в обществе¹⁵.

Важной составляющей в изменениях духовной жизни русского общества конца XVII – первой четверти XVIII в. становится усиление личностного начала в отношении религии. «Период души» постепенно уступает место «эпохе разума»¹⁶. Во многом конец XVII – первая четверть XVIII в. — эпоха неустоявшихся ценностных ориентиров, моральных и духовных норм. С одной стороны, в представлениях людей доминируют средневековые стереотипы, иррациональные по своей природе и опирающиеся на нормы Святого Писания. В России приблизительно до середины XVII в. единственной формой, в которую облекались мысли о мироздании и общественном устройстве, выступало *верознание*. Религиозной была вся культура допетровской России¹⁷, когда русское общество ориентировалось на нормы, унаследованные от предков, на традиции. Весь окружающий мир обладал такой характерной чертой, как статичность. Любое новшество заведомо отрицалось и воспринималось негативно, поощрялось лишь следование стереотипам, переходящим из поколения в поколение. «Птенцы гнезда Петрова» не могли избежать влияния этих установок, поскольку на них было воспитано поколение их родителей. В тоже время властью довольно последовательно насаждалось новое мировосприятие, базирующееся на рациональном познании мира. Часть изменений в духов-

¹⁵ Эта тенденция составляла, наряду со стремлением к толерантности, одно из характерных проявлений времени. Достаточно вспомнить оформившуюся на полвека позднее «гражданскую религию» Ж. Ж. Руссо.

¹⁶ Черная Л. А. Русская культура переходного периода от средневековья к новому времени. М., 1999. С. 9.

¹⁷ Плюханова М. Б. О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 184.

ный облик своих подданных внедрил непосредственно монарх. Другая часть изменений, произошедших в сознании, укоренилась стихийно под воздействием перемен в обществе, а также в результате общения с европейцами и пребывания в Европе.

Другими словами, в мировоззрении человека петровской эпохи сосуществуют средневековые стереотипы, привитые воспитанием, провиденциальные по своей природе, и рационализм. Вера в промысел Божий причудливо переплетается с верой в силу разума. Подобный культурно-политический феномен, когда старые установки разрушаются, а новые утверждаются с трудом, «методом проб и ошибок», порождает кризис мировоззрения, характерный для сознания людей всех переходных эпох. Человек находится в состоянии растерянности и поиска собственной *личной веры*. Особенно заметно представлены эти искания в сочинениях «пишущего меньшинства» населения.

Борис Иванович Куракин (1676–1727) — масштабная фигура петровской эпохи. По мнению М. А. Алпатова он был «самым замечательным из тех «птенцов гнезда Петрова», которые имели дело с Западной Европой»¹⁸. Выходец из родовитой аристократии, ведущей свое происхождение от Владимира Святого¹⁹, Б. И. Куракин сумел реализовать себя как военный и дипломат. Он участвовал в Азовских походах, командовал Семеновским полком в Полтавском сражении. Его военная карьера заканчивается Полтавой и получением патента на чин генерал-майора²⁰. Карьерному росту Куракина не помешало даже то обстоятельство, что он был женат на сестре Евдокии Лопухиной, нелюбимой супруге Петра I. Правда, брак,

¹⁸ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа: XVII – первая четверть XVIII в. М., 1976, С. 212.

¹⁹ Родословная была помещена в архив князей Куракиных села Надеждино Сердобского уезда Саратовской губернии (Родословная кн. Куракиных // Архив кн. Ф. А. Куракина. Русская старина. 1890. Т. I. С. 351). Встречаются сведения о том, что Куракины — потомки Гедиминовичей. Во всяком случае, в этом был убежден хорошо знавший Куракина герцог Сен-Симон (Сен-Симон Мемуары. С. 350). В дореволюционной историографии исследователи спорили по вопросу — есть ли связь между Рюриковичами и Гедиминовичами (Кн. Н. Н. Голицын. Род кн. Голицыных. Т. I. СПб., 1892).

²⁰ Архив кн. Ф. А. Куракина. Т. II. 1890. С. 57.

Куракина с Ксенией Лопухиной был недолгим. Она умерла от цинги в феврале 1698 г.²¹, и он женился второй раз на княгине Урусовой. Отношения с Петром портило лишь одно обстоятельство — местническая амбициозность Куракина. Так, за отказ выдать дочь замуж за менее родовитого с точки зрения Куракина сына канцлера Г. И. Головкина он был наказан монархом. Петр I лишил Бориса Ивановича служебного повышения и наград за отличие в Полтавской баталии²².

Наиболее важной частью деятельности Б. И. Куракина стало служение государству не на военном, а на дипломатическом поприще. Борису Ивановичу пересылалась вся документация о внешнеполитических делах России, ходе военных компаний, внутривнутриполитической обстановке лично Петром, либо коллегией иностранных дел. Он, по поручению монарха, изучал расстановку сил в Европе, ведал вопросами обучения русских подданных за границей, наймом иностранцев для службы в Россию, покупкой военных кораблей и многим другим²³. В сущности, Борис Иванович выполнял за границей функции заместителя канцлера. К нему писали и по его советам действовали русские представители в других странах Европы²⁴. Он представлял интересы России в Италии, Ганновере, Нидерландах, Англии, Франции. Самым большим достижением Бориса Ивановича в сфере внешней политики считается заключение в 1710 г. русско-ганноверского трактата, по которому русские войска получили право войти в Померанию в случае, если шведы нападут на союзников России в Северной войне²⁵. Нужно отдать должное дипломатическим дарованиям Куракина, поскольку Ганновер со Швецией связывали давние отношения. Куракин умел мыслить не только в масштабах отдельных стран. Он охватывал всю европейскую систему международных отношений воедино²⁶.

²¹ Автобиография Б. И. Куракина // Архив. Т. I. С. 256.

²² Там же. С. 286.

²³ Письма Петра I к Б. И. Куракину // Архив. Т. I. С. 1-32.

²⁴ История дипломатии. М., 1959. Т. I. С. 348.

²⁵ Архив. Т. II. С. 231-238.

²⁶ Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 377.

Для нашего сюжета интересно то обстоятельство, что именно Куракину было поручено ознакомиться с жизнью папского Рима для возможных более тесных контактов с католической церковью. Проведя три года в центре католицизма, он представил свой отчет монарху. Если верить Сен-Симону, этот отчет убедил Петра Алексеевича в том, что католическая религия не подходит для намеченных им целей реформирования страны²⁷.

Сохранилось достаточно много благожелательных отзывов о Куракине. Римский кардинал Павлюччи в письме к Петру I от 23 октября 1707 г. так охарактеризовал Куракина: «...его честные качества и его любезнейшие поступки учинили заслуженна почтения и склонности нашего господина и всего сего (папского. — С. О.) двора»²⁸. Это оценка для «внешнего пользования» и ориентированная на потребу сего момента. А вот мнение, отложившееся во времени и написанное «для себя»: «Он был высок, хорошо сложен, понимал высоту своего происхождения, обладал большим умом, хитростью и был весьма образован. Он достаточно хорошо говорил по-французски и на многих других языках, много путешествовал, принимал участие в войнах, а затем был посланником при разных дворах», — писал о нем достаточно близко знавший его Сен-Симон. Характеристика комплиментарная, если опустить следующее предложение: «Тем не менее, в нем еще чувствовался русский...»²⁹. Это маленькое дополнение вносит определенный нюанс в общую оценку, где «русский» звучит как «варвар», правда, приобщившийся к благам цивилизации. Однако вне зависимости от этого доведка, Куракин воспринимается как мыслящий и просвещенный человек.

Андрей Артамонович Матвеев (1666–1728) — сын боярина Артамона Сергеевича и Евдокии Григорьевны Гамильтон, происходившей из шотландского рода. Широко известно драматическое начало его жизни. Его отец был любимцем царя Алексея Михайловича и воспитателем матери Петра I, Натальи Кирилловны Нарышкиной. Артамон Сергеевич из-за распрей с Милославскими после восшествия на престол Федора Алексеевича в 1676 г. был сослан в Пустозер-

²⁷ Сен-Симон. Мемуары. С. 353.

²⁸ Архив кн. Ф. А. Куракина. Русская старина. Т. II. 1890. С. 16.

²⁹ Сен-Симон. Указ. Соч. С. 351.

ский острог, куда за ним последовал и сын³⁰. После его смерти Матвеевых возвращают в Москву, поскольку царице Наталье Кирилловне необходим здравомыслящий советник, которого она видит в своем воспитателе. В роли помощника матери Петра Артамон Сергеевич пробыл недолго. 15 мая 1682 г. в столице произошло возмущение стрельцов, недовольных провозглашением царем Петра, в обход старшего брата Ивана. Тогда на глазах своего 16-летнего сына был убит Артамон Сергеевич Матвеев. Андрея Артамоновича спасла от смерти Наталья Кирилловна и взяла его под свое покровительство³¹.

Начало политической карьеры А. А. Матвеева связано с пожалованием его в 1691 г. в двинские воеводы. Подобно Куракину Матвеев проявил себя в двух ипостасях: как ученый и дипломат. На дипломатическом поприще он появляется в 1699 г. Его отправляют чрезвычайным и полномочным послом в Голландию. В 1705 г. Андрею Артамоновичу поручили заключить торговый договор с Францией, но эта миссия закончилась для России ничем.

Матвеев невольно способствовал законодательному оформлению норм дипломатического права. В 1708 г. в Англии с ним произошел скандальный случай. За долги его арестовали, избили и подвергли словесным оскорблениям. Этот инцидент наделал много шума среди дипломатического корпуса в Лондоне. Поспешил вмешаться и Петр I, потребовавший смертной казни для лиц, оскорбивших русского посла. Английское правительство в надежде загладить казус принесло Матвееву извинения и предложило принять ему денежный подарок. Андрей Артамонович от даров отказался и сразу же покинул страну, не дождавшись отпускной королевской грамоты. Парламент Англии признал инцидент с Матвеевым преступлением по отношению к законам своей страны и международному праву. Обидчики Матвеева понесли наказание³².

Позднее он представлял интересы России во Франции, был полномочным министром при австрийском дворе. Даже получил при отъезде из Вены от императора Карла VI, с согласия Петра,

³⁰ Люблинская А., Шаркова И. А. А. Матвеев и его труд (вступительная статья) // Русский дипломат во Франции. Л., 1972. С. 4.

³¹ Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева. Вступительная статья // Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. III.

³² История дипломатии. С. 344-345.

«графское Римской империи достоинство со всею его фамилиею»³³.

Андрей Артамонович был очень начитанным и образованным для своего времени человеком. Об этом свидетельствуют, помимо переводческой деятельности и обширной личной библиотеки, многочисленные отзывы современников. Польский посол Ля-Невиль писал, что «Артамонович обширного ума, говорит по латыне, любит чтение...»³⁴. Известно, что Матвеев около шести лет занимался переводами книг. В Румянцевском музее хранятся две книги, переведенные им. Это «Скартина сокращения летописей церковных, Барония» и «Летодеяния церковныя Кесаря Барония, переведения с Польскаго языка на Славяно-Российский...»³⁵. Андрей Артамонович собрал обширную и ценную библиотеку, состоящую из 1044-х томов, в которой были книги на русском, латинском, французском, польском, немецком, голландском и греческом языках. В библиотеке Матвеева присутствовали издания по всем отраслям знаний, но в основном преобладали книги по истории и военному делу³⁶.

Как мы видим, речь идет о вполне сопоставимых фигурах, поскольку и тот, и другой — представители русской аристократии, ее просвещенной в прозападном духе части, ставшей опорой деятельности царя-реформатора. Их объединяла общность интересов из-за одинакового рода деятельности. Они были не только знакомы, но и совместно проводили в жизнь многие дипломатические поручения Петра I. По долгу службы оба побывали в одних и тех же странах, — Голландии, Англии, Франции.

Куракин и Матвеев, на первый взгляд, мыслят одними и теми же категориями, но качественные характеристики этих категорий различны. И Андрей Артамонович, и Борис Иванович понимали связь религии и общества, но для Матвеева религия — явление иррационального порядка, а Бог — высшая субстанция и сам по себе является абсолютом, как творец всего сущего, в то время как Б. И. Куракин воспринимал и оценивал роль религии с позиции рационалиста. Раскроем данные тезисы, непосредственно опираясь на текст источников.

³³ Там же. С. 4-6.

³⁴ Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева. Вступит. ст. С. III.

³⁵ Там же. С. IV.

³⁶ Люблинская А., Шаркова И. Указ. соч. С. 5.

Показательным является отношение к религии у Б. И. Куракина. Так, для Бориса Ивановича несомненен факт существования царства Божьего. Загробный мир он воспринимает как «вечное блаженство», избавляющее от тягот повседневной жизни³⁷. Постепенно в религиозных представлениях Куракина происходит смещение в сторону рационализма, что отчетливо проявляется к 1707–1710 гг. Это не означает отхода, отказа от религии, но привносит в привычные религиозные представления, основанные на Откровении, рациональное начало. Во многом религиозный пласт неотделим от нравственных представлений и ценностей, а Священное Писание по-прежнему остается руководством к действиям.

Показательно, что в 1707–1710 гг., обращаясь к вопросу о религии, Куракин сосредотачивается на выяснении ее роли в жизни общества. Столь же показательно, что при этом он основывается на наблюдениях чужого опыта, чужой (католицизма) религии. Большой интерес в этом отношении представляют его описания римских церквей (1707 г.)³⁸.

Первым важным дипломатическим поручением Бориса Ивановича стала миссия в 1707 г. ко двору римского папы Климента XI. К «папезному двору» он ехал «без всякаго характеру»³⁹, то есть без официального поручения для дипломатов других держав, присутствующих в Риме. По «инструкции, данной Куракину в Жолкве для миссии в Рим»⁴⁰, он должен был вручить папе грамоту от Петра I, в которой содержалась просьба не признавать Станислава Лещинского, шведского ставленника, польским королем⁴¹. Со своей стороны, русский царь обещал свободно пропускать через Россию римских миссионеров в Китай и Персию и разрешал «вольное отправление веры римской (...) на столице». В ответ на

³⁷ Гистория о царе Петре и ближних к нему людях // Архив. Т. I. С. 43.

³⁸ Дневник и путевые заметки Б. И. Куракина // Архив. Т. I. С. 202-206.

³⁹ Архив. Т. I. С. 276.

⁴⁰ Архив. Т. II. С. 8.

⁴¹ Совершенно очевидно: обращение к папе римскому связано с тем, что поляки в основной массе — католики, а папа — духовный лидер католического мира. Его позиция будет определяющей в вопросе назначения польского монарха. Если папа не признает Лещинского королем, то католики-поляки откажутся ему служить и присягать на верность.

предложения русского двора папа римский лишь расточал комплименты в адрес России за терпимость к католикам. Он отказался признать за Петром титул «величества», считая его рангом ниже императоров и королей. Кроме того, Климент XI тайно переписывался со шведами⁴². Миссия Куракина в Рим окончилась неудачей, прежде всего, из-за падения авторитета России после развала Северного союза. От папы не удалось добиться никаких гарантий. С признанием Лещинского он не торопился, предпочитая дожидаться, когда его признают в самой Польше.

Куракин скептически отнесся к чудесам, в частности к возможности исцеления при помощи молитв. Это подтверждается описанием римского монастыря «законников атеинов», основателем которого был некий сан (т. е. святой. — О. С.) Гайтоно. В тот монастырь, указывает Борис Иванович, по средам приводят беснующихся или «одержимых дьявольскою болезнью» для исцеления. Нечистых духов изгоняют при помощи молитв. При этом «атеины» утверждают, что кроме них подобные болезни никто не может врачевать. Для Куракина такая практика — ни что иное, как «коварственный обман», привлекающий большие массы людей, желающих посмотреть на подобное «прокураторство» (то есть хитрость).

Далее Куракин высказывает собственное отношение к этому «коварственному обману», — «токмо под рассуждением умных людей есть добрая политика для простаковства, в содержании твердому в религии и в страхе». Из этого заявления Бориса Ивановича можно сделать вывод, что он, подобно своему государю, воспринимает религию как надежный способ добиться от подданных полного повиновения. Религия есть «добрая политика», способная удерживать массы в узде и обеспечить порядок в государстве. В этом идейно-религиозном прагматизме отчетливо проступают контуры формирующегося просветительского взгляда на мир, основные положения которого уже сформулированы И. Ньютоном.

Любопытно описание Куракиным другой римской церкви «*esu Magia*», в которой «простой поп *fra Pablo* и товарищ его *fra Begrino* закону францыскане чинили себя святыми и обманывали народ, а

⁴² Аллатов М. А. Указ соч. С. 213-214.

паче всего женский полк (так в тексте. — *О. С.*). Когда приходили молиться в ту церковь, тогда брали их за алтари и чинили блуд с теми женщинами (...). И положи их те двое религиозы на них ложились рука в руку и нога на ногу (...). И то чиня им рассуждали, не за грех, за святость». Данный отрывок демонстрирует критическое отношение к нерадивым церковнослужителям, а главное, критика здесь направлена на служителей католической церкви. Не забудем, что Куракин имел поручение от царя познакомиться с тем вариантом западного христианства, центром которого был папский Рим.

Заключение русско-ганноверского трактата подтолкнуло Куракина к определенному рода размышлениям. В «Разсуждении об алиансе, учиненном с ганноверским двором»⁴³ (написано 6 августа 1710 г.) он указывает на прямую связь между политикой государства и религией, исповедуемой населением. По его мнению, Ганновер всегда тяготел к союзу со Швецией из-за того, что обе страны — протестантские. Ганноверу тяжело в политическом плане переориентироваться с протестантской Швеции, исповедующей ту же религию, на православную Россию. Подобные умозаключения о связи вероисповедания с внешнеполитическим курсом страны могли возникнуть у Куракина и раньше. Русское правительство в дипломатических целях использовало еще до Ганновера взаимообусловленность вероисповедных и внешнеполитических вопросов, правда, менее успешно.

Таким образом, для Б. И. Куракина очевидна связь между политикой и религией. С помощью религии можно манипулировать людьми внутри своего государства, то есть влиять на внутреннюю политику. Религия не может не оказывать влияние и на внешнеполитический курс. Это официальная точка зрения, которой придерживался Петр I и его ближайшие сподвижники.

Восприятие религии А. А. Матвеевым раскрывается в его сочинении, посвященном стрелецкому бунту. Сюжет был выбран автором не случайно. Для него это событие стало личной трагедией. Поэтому описание стрелецкого бунта, в определенном смысле, саморефлексия автора.

⁴³ Архив. Т. II. С. 314-315.

Объясняя причины стрелецкого бунта, А. А. Матвеев проецирует библейские сюжеты на общественное поведение. Восстание стрельцов, по его мнению, произошло из-за изначальной ненависти людей друг к другу. «От самого начала видимого света братоненавистная и неискоренная ненависть в человеческий род внедрилась»⁴⁴, то есть человек изначально ненавидит других людей. Ненависть усилилась после убийства Каином Авеля и приобрела необратимый характер, так что «ни божественные, ни естественные законы» не могут «зело пагубную язву испровергнуть»⁴⁵. В этом отношении рассуждения русского дипломата вполне согласуются с идеей о том, что «человек человеку — волк», идеей явственно присутствующей в сочинениях разных мыслителей той переходной, смутной эпохи. Достаточно вспомнить высказывания М. Лютера или Т. Гоббса.

Именно ненависть является причиной различных стихийных общественных движений (бунтов и восстаний). Из-за нее разрушаются «государства и города до самого основания»; она обходит «христианские целомудренные европейские обычаи и политические обхождения» (то есть не подчиняется ни законам, ни обычаям. — О. С.). Думается, что тут отчетливо слышны отголоски английских наблюдений и доминировавшего в то время в английском общественном сознании отношения к событиям середины XVII века, которые тогда именовались «Великий мятеж».

По Матвееву, человеческая природа изначально грешна. Сам человек потенциально слаб, поскольку для всего человечества характерна «немошь»⁴⁶. Праведное отмщение божие будет иметь место для тех, кто пренебрегает божьим именем и божескими законами, но все зависит от милости Бога⁴⁷. Вероятно, на религиозные представления А. А. Матвеева оказал большое влияние французский янсенизм. Время написания произведения о стрельцах точно не известно. Но в нем очевидно влияние протестантских настроений. Если это сочинение появилось в период пребывания в Англии или вскоре после того, то можно говорить о заинтересованности

⁴⁴ Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева. С. 2.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 22, 28.

протестантизмом; если же написание его относится к более позднему времени (пребывание во Франции), можно связать его с влиянием янсенизма, идейно-религиозного движения, существовавшего во Франции во второй половине XVII века. По своей сути, янсенизм — это континентальное отражение английского пуританизма. Спасение каждого человека зависит от милости Бога, и оно доступно лишь избранным⁴⁸. Эти идеи можно легко отыскать у Андрея Артамоновича.

А. А. Матвеев мыслит в категориях религиозных догм. Он их использует для анализа действительности. Вероятнее всего, объяснение общественных явлений при помощи евангельских сюжетов — это способ для Матвеева пережить слом традиционной системы ценностей и психологическую травму детства.

Сопоставление взглядов Матвеева и Куракина по религиозным вопросам весьма показательно. Два современника, люди одного социального слоя, одной профессии и сходной линии поведения и судьбы, но в их мировоззрении отразились две грани эпохи. Провиденциализм Матвеева вполне укладывается в русло тех настроений, которые были порождены второй христианизацией Европы, в его настроениях слышатся отголоски великих религиозных драм уходящего века. Рационализм Куракина отразил настроения, порожденные новой формирующейся идейной системой, Просвещением.

На основе анализа восприятия взглядов, высказанных Б. И. Куракиным и А. А. Матвеевым по вопросам религии, можно сделать и еще некоторые выводы: степень религиозности и рационализма в мировосприятии не всегда обусловлены сословной принадлежностью. И Куракин, и Матвеев — выходцы из среды аристократии. Несмотря на это, они по-разному воспринимают религию. Степень религиозности, по большому счету, определяется индивидуальной мотивацией и направленностью интересов отдельной личности, что доказывают нам рассуждения Матвеева и Куракина.

Кроме того, следует отметить и такой факт: степень религиозности не всегда связана со степенью образованности. Матвеева, мыслящего в категориях религиозных догм, нельзя упрекнуть в малообразованности. Пожалуй, по начитанности Куракин ему зна-

⁴⁸ История Европы. Т. IV. М., 1994. С. 368–369.

чительно уступал. Матвеева по праву считают тонким знатоком и ценителем искусства. В путевых заметках о Франции он поэтично и красочно повествует о достопримечательностях чужой страны. «В середине поставлено подобие изваянное короля Людовика Великого XIV, ныне государствующего, на лошади из меди, с небольшою частию серебра смешанное, в великую меру, в латах, самага вида сходного ему от художников хвальных французских (...) на великом мраморном подножии»⁴⁹. Сведения о внешнем виде памятника Андрей Артамонович стремится дополнить рассказами об исторических событиях, персоналиях, связанных с ним.

Для сравнения приведем пример описания мемориальной скульптуры Куракиным, — «(...) при площади той, сделан мужик вылитой, медной с книгою, на знак тому, который был человек, гораздо ученый и часто людей учил, и тому на знак то сделано»⁵⁰.

Знакомство с данным материалом дает представление о том, как конкретно протекало обмирщение общества, находящегося в состоянии перехода к новому модернизационному типу развития, когда «религия перестала быть универсальной организующей формой социального космоса. Она сделалась теперь, с одной стороны, *идеологией* в тесном смысле слова, то есть более или менее рационализированным доктринально-догматическим комплексом, в каждом случае обслуживающим особые и специфические государственные, коалиционные или сословные интересы; с другой — *неотчуждаемой личной верой*, которая лишь огрубленно и условно оформляет себя в узаконенных конфессиях»⁵¹. Знакомство с рассуждениями о религии и вере двух русских просвещенных аристократов позволяет заглянуть в души людей, переживавших этот сложный и мучительный процесс.

⁴⁹ Русский дипломат во Франции. Л., 1972. С. 50.

⁵⁰ Архив. Т I. С. 140.

⁵¹ Соловьев Э. Ю. Феномен Локка // Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас. М., 1991, С. 146.

В. В. МУСИН-ПУШКИН-БРЮС — ДИПЛОМАТ, МАСОН, МЕЦЕНАТ

Имя Василия Валентиновича Мусина-Пушкина-Брюса нередко встречается в разного рода источниках, отражающих многогранные явления политической и интеллектуальной жизни России в конце XVIII – первой половине XIX в. Но его незаурядная судьба до сих пор не была предметом исследований историков, хотя она, без сомнения, заслуживает внимания.

Граф В. В. Мусин-Пушкин-Брюс принадлежал к известному дворянскому роду Мусиных-Пушкиных. Графский титул был пожалован в 1710 г. его прадеду, боярину Ивану Алексеевичу, в награду за особые заслуги, что способствовало его назначению членом Сената. Большим влиянием в царствование Петра I и его наследников пользовался дед Василия Валентиновича Платон Иванович, которому многократно удавалось выполнять сложные дипломатические поручения. В царствование Анны Иоанновны он был президентом Коммерц-коллегии, сенатором и занимал еще целый ряд важных должностей¹.

Отец Василия Валентиновича — Валентин Платонович Мусин-Пушкин, камергер Высочайшего двора, в 1783 г. был пожалован чином генерал-адъютанта, во время шведской войны 1788–1789 гг. командовал русской армией. При Павле I был назначен

¹ Блестящая карьера П. И. Мусина-Пушкина была прервана следствием по делу А. П. Волынского — кабинет-министра императрицы Анны Иоанновны. Он принадлежал к числу особо доверенных «конфидентов» автора «Генерального проекта» преобразований государственного строя России и доказал это, мужественно заявив во время следствия, что «не донес потому, что не хотел быть доносчиком» (*Корсаков Д. А. Из жизни русских деятелей XVIII в. Казань, 1891. С. 325*). Генеральное собрание, созданное специально для суда над Волынским и его сподвижниками, приговорило Платона Ивановича к урезанию языка и ссылке в Соловецкий монастырь, где он содержался до освобождения, последовавшего за воцарением Елизаветы Петровны.

шефом кавалергардского полка и генерал-фельдмаршалом². Валентин Платонович, как свидетельствовали многие знавшие его, «отличался необыкновенной честностью, прямою и твердостью характера, большой добротой»³.

Василий Валентинович Мусин-Пушкин родился 19 ноября 1773 г. Доступные исследователям документы не содержат сведений о характере полученного им образования — скорее всего оно было домашним. В 1793 г. в чине капитан-поручика Семеновского полка он был пожалован Екатериной II камергером при Великом князе Александре Павловиче. В том же году Василий Валентинович женился на Екатерине Яковлевне Брюс, дочери генерал-аншефа графа Я. А. Брюса, который в духовном завещании (утвержденном Екатериной II) «поручил свою дочь и принадлежащее ей имение» попечению В. П. Мусина-Пушкина⁴. Мать Екатерины Яковлевны — Прасковья Александровна Брюс (сестра фельдмаршала П. А. Румянцева) перед смертью в 1786 г. поручила свою единственную дочь покровительству Екатерины II, которая называла ее «лучшим другом своей юности»⁵. Хотя императрица, по свидетельству ее статс-секретаря, не любила В. П. Мусина-Пушкина и была невысокого мнения о его деятельности⁶, она не препятствовала женитьбе его сына на Е. Я. Брюс⁷. В ноябре 1796 г., вскоре после восхождения на престол, Павел I дал Правительствующему Сенату Указ о разрешении В. В. Мусину-Пушкину при-

² Вероятно, Валентин Платонович был вознагражден за отказ на заседании Совета при императрице поддержать предложение об отстранении Великого Князя Павла от трона. См.: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. IV. СПб., 1898. С. 255.

³ *Корсаков Д. А.* Указ. соч. С. 407.

⁴ РГИА, ф. 469, д. 153, л. 2.

⁵ Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив. 1874. № 4. С. 467.

⁶ См.: *Храповицкий А. В.* Дневник с января 1782 по 17 сентября 1793 г. М., 1901.

⁷ Ранее Екатерина II предлагала жениться на Е. Я. Брюс своему фавориту А. М. Дмитриеву-Мамонову. «Женись на ней, — писала она ему, — ты из нее образуешь себе жену по вкусу и будешь одним из первых богачей России». (Записки графа Александра Ивановича Рибопьера. С. 467).

нять фамилию жены как «женатому на последней из фамилии Брюс» и «быть на основании указа 1714 года наследником Брюсовскому имению»⁸.

Указ был получен супругами во время путешествия по Европе, куда они незадолго до этого решили отправиться. Находясь в Вене, Василий Валентинович неожиданно узнал о назначении его чрезвычайным посланником и полномочным министром в Неаполе — ему был вручен новый Высочайший именной Указ от 15 января 1797 года⁹. Имеющиеся в распоряжении исследователей источники не содержат сведений о причинах и дате выбора его из числа кандидатов. Возможно, решение было принято еще Екатериной II, которая старалась содействовать продвижению по службе мужа опекаемой ею Е. А. Брюс. Важную роль при этом могли сыграть старания и ходатайства многочисленных членов двух родственных семейств. Нельзя отвергать и мысль о том, что решение Павла I было вызвано и другими причинами, в частности, недоверием ко всем приближенным сына-наследника Александра. Удаление из России знатных действительных или мнимых противников под предлогом определения на дипломатическую службу в различные европейские государства превращалось в своеобразную традицию Петербургского Двора. В том же 1797 г. послом России при короле Сардинии стал князь А. А. Чарторыйский, считавший свое назначение «опалой, имевшей вид милости»¹⁰.

Предшественник В. В. Мусина-Пушкина-Брюса граф Ф. Г. Головкин провел в Неаполе неполный год и был отозван в декабре 1795 г. Бурный темперамент и склонность к интриге заставили Головкина забыть о предписанной дипломату осторожности и вмешаться во внутренние дела Неаполитанского королевства, в судьбу осужденных якобинцев. Он «счел себя в праве»¹¹ оказать влияние на позицию неаполитанского правительства, чем вызвал крайнее недовольство не только королевы Марии-Каролины, но и Петер-

⁸ ГИАЛО, ф. 19. Петербургская консистория, оп. 6. Канцелярия 1804 г., ед. хр. 967, л. 26.

⁹ РГИА (С.-Петербург), ф. 469, оп. 4, д. 381, л. 1 об.

¹⁰ Мемуары кн. Адама Чарторыйского. М., 1912. Т. 1. С. 170.

¹¹ Головкин, Федор. Двор в царствование Павла I. Портреты и воспоминания. М., 2003. С. 102.

бургского Двора. Граф Ф. В. Ростопчин писал об этом графу С. Р. Воронцову (8/9 декабря 1795 г.): «Вследствие нескольких жалоб Неаполитанского Двора на нашего посланника и его лживые донесения, императрица приказала отозвать несчастного Головкина, и теперь кандидаты домогаются этого прелестного места»¹².

В донесениях Мусина-Пушкина-Брюса, которые он регулярно отправлял в Петербург, нашло довольно подробное и точное отражение драматическое развитие событий в Неаполитанском королевстве в конце 1798 — начале 1799 г. Еще до вступления в Неаполь французов он понимал, что королевство «потеряно» для Фердинанда IV и не пытался скрыть истинного положения дел, имея мужество писать Павлу I о полном развале неаполитанской армии и бессилии короля¹³. После провозглашения Неаполитанской республики Мусин-Пушкин-Брюс считал своей обязанностью постоянно повторять в донесениях, что успехи французов вызваны не только слабостью и неорганизованностью королевской армии. «Неаполь и шесть провинций принадлежат уже французам, прочие могут легко принадлежать им. В них нарочитая часть обывателей преклонность имеет видеть у себя учрежденным распространяемый французами образ политического бытия. Двор не имеет сил отвратить зло такое. Как во всем королевстве неаполитанском, так и в Сицилии Франция господствовать будет, ежели ко избавлению их от такого жребия не прислано будет в скором времени войско от дружественных и приближеннейших держав»¹⁴, — писал он из Палермо 25 января (5 февраля).

Мусин-Пушкин-Брюс не мог сообщить в Петербург подробных сведений о деятельности республиканского правительства, так как между Неаполем и Сицилией не было надежного сообщения, но он сумел верно передать картину общего энтузиазма, охватившего страну в первые дни после провозглашения республики: «Наполнены все провинции королевства писаниями, возбуждающими в народе мятежные мысли; все почти селения, принадлежащие дворянству, получили от господ своих приказание не признавать ни в

¹² Архив кн. Воронцова. Т. VIII. С. 118.

¹³ АВПРИ, ф. Сношения России с Неаполем, оп. 70/5, д. 272, лл. 1-1 об., 10.

¹⁴ Там же, л. 13.

каком случае королевской власти. Известно то, что сии врагов престола поступки производят великое действие; от римских границ до пределов нижней Калабрии везде почти стоят уже деревья, означающие изменническое жителей отступление от королевского величества. Обстоятельство сие снабдевает содетелей революции избытком защитников...»¹⁵. Общая тональность донесений не могла не зависеть от их адресата. В реляциях Павлу I нельзя было обойтись без традиционных эпитетов и определений¹⁶.

Неаполитанская республика перестала существовать 23 июня 1799 г., после подписания ее представителями окончательного варианта акта о капитуляции, одобренного участниками переговоров со стороны Великобритании, России, Турции и королевского правительства. 2 сентября в Гатчине был отслужен благодарственный молебен «о восстановлении короля неаполитанского и об избавлении от неприятеля его государства»¹⁷. «Исполняя волю и желание его неаполитанского величества»¹⁸, в начале сентября в Неаполь прибыл с эскадрой адмирал Ушаков. Опасное положение, в котором находилась столица королевства «по причине не утвердившегося еще в народе повиновения законам», заставило его искать средства для спасения королевской власти «от худых и наиважнейших последствий»¹⁹. В октябре-декабре 1799 г. В. В. Мусин-Пушкин-Брюс предпринял различного рода усилия, чтобы мнение российского адмирала о положении в Неаполитанском королевстве стало известно королю. Ф. Ф. Ушаков направил несколько писем, в которых обращался к Фердинанду IV с почтительным советом вернуться в Неаполь «для восстановления там общего спокойствия и

¹⁵ Там же, л. 19 об. — 20.

¹⁶ Даже А. Чарторыйский, сочувствовавший успехам Бонапарта, видевший в них зарождение надежды на восстановление Польши, не отступал от общепринятых правил. «...В своих официальных донесениях я не щадил французов, — писал он о своей дипломатической службе в Сардинии. — Это, по-видимому, удивляло Карпова, старшего секретаря посольства, старого русского бюрократа, которому, вероятно, приказали наблюдать за моими поступками». Мемуары кн. Адама Чарторыйского. Т. 1. С. 185.

¹⁷ Царствование императора Павла, 1796-1801 гг.: Выписки из поденных придворных записок // Русская старина. 1886. Т. 50. С. 352.

¹⁸ Адмирал Ушаков: Документы. М., 1956. Т. 3. С. 120.

¹⁹ Там же. С. 120, 227.

добрého порядка»²⁰. Ушаков считал, что лишь общее прощение могло быть верной гарантией мира в Неаполе²¹. Собственные впечатления, подкрепленные наблюдениями и выводами Ушакова, привели и Мусина-Пушкина-Брюса, человека далекого от симпатий к революционным идеям, к пониманию того, что только «всеобщее прощение» может дать Фердинанду IV надежду на восстановление спокойствия и порядка в Неаполе и на Сицилии. В его донесении от 13 декабря ощущается даже едва завуалированный протест против жестоких расправ с республиканцами: «Негодование сие, соединенное с отвращением, которое тамошний народ возымел к позорищу²², почти ежедневно там происходящему и составляющему достойное возмездие за изменнические дела бунтовщиков неаполитических, производит в неаполитанском народе волнения, могущие иметь со временем неприятные следствия»²³.

Независимость российского посланника, критическое направление его ума вызывали раздражение и недовольство Марии-Каролины и Фердинанда IV, что, естественно, было хорошо известно в Петербурге. Несомненным подтверждением этого является Высочайший рескрипт от 27 мая, содержащий приказ о передаче всех дел, «кои по части воинской существовать здесь могут», в ведение секретаря посольства А. Я. Италинского, занимавшего этот пост с 1783 г., а затем получившего звание поверенного в делах (январь 1796 г.). Рескрипт разрешал ему сообщать «всякие другие сведения» непосредственно императору. Так как в 1799 г. военные дела составляли основу деятельности российского посланника в Неаполе, назначение Италинского, хотя он и не принял никакого нового особого дипломатического названия²⁴, означало неодобрение действий официального посланника.

Дальнейшее развитие событий должно было усилить недовольство короля и его правительства. Поддержка посланником по-

²⁰ АВПРИ, ф. Сношения России с Неаполем, оп. 70/5, д. 243, л. 38.

²¹ ОР РПБ, ф. IV, д. 677, т. II, л. 496.

²² Слово «позорище» выбрано, вероятно, не случайно, в XVIII в. оно часто употреблялось вместо слова «зрелище», «более в значении неприятного, страшного и постыдного явления» (*Даль В.* Толковый словарь. М., 1955. Т. 3. С. 231, 232).

²³ АВПРИ, ф. Сношения России с Неаполем, оп. 70/5, д. 273, л. 53 об.

²⁴ Там же, д. 275, л. 2 об. — 3.

зиции Ф. Ф. Ушакова сыграла в этом решающую роль. То, что не было прощено Ф. Г. Головкину в 1795 г., тем более не могло быть прощено Мусину-Пушкину-Брюсу в 1799 г.

28 марта 1800 г. в Палермо был получен рескрипт об отставке Мусина-Пушкина-Брюса²⁵. В конце апреля В. В. Мусин-Пушкин уехал в Россию. Так, по существу, завершилась его дипломатическая карьера, хотя он и был оставлен в ведомстве Государственной коллегии иностранных дел (числился там на службе до определения к должности); в 1813–1822 гг. носил звание тайного советника, а в августе 1827 г. ему было пожаловано одно из самых высоких придворных званий — обер-шенк²⁶.

* * *

Начало нового века изменило и течение семейной жизни Василия Валентиновича. В 1799 г. трагически закончилась беременность его жены — рожденная ею двойня оказалась нежизнеспособной. После длительной болезни Екатерина Яковлевна уехала на теплые воды в Пизу, затем в Вену и сообщила мужу о своем нежелании возвращаться в Неаполь. Связав свою жизнь со знаменитым венецианским дворянином Гритти, она лишь однажды ненадолго приезжала в Россию и постоянно, до конца своих дней, жила за границей — в Венеции, Вене и Париже.

В 1804 г. Екатерина Яковлевна обратилась в С.-Петербургскую Консисторию с прошением о расторжении ее брака²⁷.

²⁵ Там же, д. 287, л. 57. Сообщая С. Р. Воронцову об очередном перемещении дипломатических чиновников, Ф. В. Ростопчин мимоходом замечал: «Италинский — нашим представителем у короля неаполитанского. Его прозвели в камергеры и послали на место графа Пушкина-Брюса (Палермский двор жаловался на сего последнего)». Русский архив. 1876. № 11. С. 415.

²⁶ Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 569; ГИАЛО, ф. 469, оп. 2, ед. хр. 1313, лл. 16 об. — 17.

²⁷ Основанием для положительного решения должно было стать нарушение существующих законов о недопустимости близкого родства супругов — родоначальник двух семей князь Михаил Владимирович Долгорукий (сенатор, член Верховного совета 1730 г.) был общим прадедом Екатерины Яковлевны и Василия Валентиновича. Настойчивое стремление Екатерины Яковлевны добиться развода заставило ее прибегать к сомнительным и даже ложным утверждениям, она старалась доказать, что была слишком молода и поддалась влиянию своего попечителя (в действительности она вышла замуж

Консistorия ознакомила с ним Василия Валентиновича. В ответном послании он сообщал о принятом им после мучительных размышлений решении: он простил жене все «огорчения и прискорбия», «все неправды», вымышленные ею и даже был готов простить «и самую несчастную мысль развестись с ним, но отказался дать на него согласие»²⁸.

30 декабря 1804 г. Консistorия, несмотря на протест Василия Валентиновича, приняла решение о расторжении брака и необходимости церковного покаяния супругов. Однако, вскоре неожиданно возникли затруднения: Консistorия заявила о своем «недоумении», увидев противоречие между Законами о правилах заключения браков и Именным Высочайшим Указом от 18 ноября 1796 г. о дозволении В. В. Мусину-Пушкину именоваться впредь Мусин-Пушкин-Брюс. Дело было передано в Синод, который в марте 1807 г. вынес резолюцию — «отказать»²⁹.

После окончательного разрыва с женой В. В. Мусин-Пушкин-Брюс соединил свою жизнь с актрисой Нимфодорой Семеновной Семеновой (1788–1876), сестрой знаменитой Екатерины Семеновой³⁰. В. В. Мусина-Пушкина-Брюса несомненно могли привлечь в Нимфодоре Семеновне не только красота и талант, но и другие свойства ее личности. Она, по свидетельству многих современников, неизменно была добра и благожелательна, постоянно оказывала помощь нуждающимся, воспитывала в своем доме нескольких девушек из бедных семей, была крестной матерью большого числа детей. Василий Валентинович не расставался с ней более двадцати лет, они вырастили трех дочерей — Прасковью, Екатерину и Ма-

на 19-м году жизни и могла принимать самостоятельные решения). Она даже решила сослаться на плохое здоровье мужа. — ГИАЛО, ф. 19. Петербургская консistorия, оп. 6. Канцелярия 1804, ед. хр. 967, лл. 22-23, 28-29.

²⁸ Там же, л. 26 об.

²⁹ Там же, лл. 110, 114 об.

³⁰ Участник литературного общества «Арзамас» и постоянный посетитель театральных спектаклей Ф. Ф. Вигель отмечал: «Голосок у нее был только что изрядный, зато быть милее ее в игре было трудно. Красотою обе сестры были равны, только в родах ее различествовали между собою. У старшей был греческий профиль и что-то великолепное в чертах, меньшая выполняла все условия русской красоты, белизну груди, полноту и румянец щек, живость в очах, тонкость и пристойную веселость в улыбке». *Вигель Ф. Ф. «Записки»*. М., 1928. С. 337.

рию, носивших фамилию Темиревых, произошедшую от названия большого села Темирь, находившегося в Тамбовской губернии.

В 1835 г., незадолго до кончины Василий Валентинович передал в Опекунский Совет «Завещание благоприобретенному своему имению». По этому завещанию 2592 души мужского пола, жители нескольких сел Тамбовской губернии, «с женами их и детьми и со всеми принадлежащими к оному имению землями, лесами и угодьями» должны были стать собственностью его дочерей³¹. «Прочее все движимое имение, которое останется после него «в капиталах, вещах и прочем», «без всякого изъятия» должно быть передано в собственность Н. С. Семеновой³².

* * *

В конце первого десятилетия XIX века начинается новый важный этап жизни В. В. Мусина-Пушкина-Брюса: он включился в работу возрождающихся российских масонских лож и на протяжении нескольких лет содействовал развитию этой формы «самоорганизации общества», в которую «выливалась наиболее напряженная духовная жизнь того времени»³³.

В 1805 г. «с высочайшего соизволения» возобновила работу запрещенная Екатериной II ложа Пеликана, которая получила новое название — Ложа Александра коронованного к Пеликану. Число членов новой ложи неуклонно росло, и в 1809 г. от нее отделились две ложи-сестры — Елизаветы к Добродетели и Петра к Истине. Работой этих трех лож управляла Великая Директоральная Ложа Владимира к Порядку. Ее гроссмейстером стал И. В. Бебер, посвященный в масоны еще в XVIII в.³⁴

В 1811 г. был восстановлен особый коллегиальный орган — Капитул Феникса, деятельность которого направлял Верховный Орденский Совет (Директория). С 1811 по 1813 г. под начало Ди-

³¹ В 1835 г. обе старшие дочери были замужем: Прасковья Васильевна (актриса) — за князем И. А. Гагариным, Екатерина Васильевна — за полковником Д. Н. Бологовским.

³² ГИАЛО, ф. 758. Дела Опекунского Совета, оп. 29, д. 21, л. 10.

³³ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990, С. 20.

³⁴ И. В. Бебер был инспектором Инженерного Шляхетского корпуса, преподавал математику и физику; с 1796 г. — член-корреспондент Императорской Академии Наук.

ректории вступили еще три ложи. Члены Капитула, заявившие о своем равноправии, в то же время, считали для себя обязательным следовать шведским обрядам и не прерывать связей с масонскими ложами в других странах. Однако к 1814 г. обнаружилась непрочность восстановленной масонской системы. Она стала результатом роста численности членов различных лож, постепенным изменением их социального состава. Происходило увеличение числа представителей небогатого дворянства, вернувшихся из Европы гвардейских и армейских офицеров; формировался слой буржуазии, что было вызвано развитием торговли и промышленности. Новые члены лож все более настойчиво заявляли о необходимости пересмотра правил работы российского масонского Ордена, отмены высоких рыцарских степеней предлагали изменить систему управления ложами, опираться на принцип выборности.

Крепнувшее недовольство привело к постепенному распаду сложившейся структуры. В 1814 г. заявила о своей независимости ложа Петра к истине, магистром которой был Е. Е. Эллизен³⁵. Дальнейшее развитие кризисных явлений привело к отказу Бебера от звания гротсмейстера Директоральной ложи Князя Владимира к Порядку. Его преемником стал граф П. А. Шувалов, а после его отказа В. В. Мусин-Пушкин-Брюс.

Выборы нового гротсмейстера лишь отделили на некоторое время закрытие Директоральной ложи. Василий Валентинович не согласился подчинить своей власти высокие рыцарские степени и Капитул (она сохранилась за Бебером). Под управлением нового гротсмейстера были иоанновские ложи, члены которых имели только три степени — ученика, товарища и мастера.

Возникло своеобразное двоевластие. В апреле-мае 1815 г. сторонники обновления Ордена представили на обсуждение «Конституцию», на основании которой должны были действовать отделившиеся ложи, и добились разрешения властей на создание Великой Правящей ложи Астреи («богини золотого века и законности»). Входящие в новый союз четыре ложи подписали «Основной соединительный договор». Великим мастером союза был выбран В. В. Мусин-Пушкин-Брюс, наделенный обязанностью поручителя и представителя Союза перед правительством. Переданное ему управ-

³⁵ Е. Е. Эллизен был главным врачом Обуховской больницы, участвовал в работе С. Петербургской медицинской коллегии.

ление он «как страж закона» должен был осуществлять совместно с представителями четырех объединенных лож³⁶.

Согласие Василия Валентиновича стать во главе ложи Астрея привело его к необходимости отказаться от обязанностей гроссмейстера Великой Директоральной ложи Владимира к Порядку. 11 августа 1815 г. он внес предложение о ее закрытии, и 30 августа в день Тезоименитства императора должно было состояться открытие ложи Астреи.

Решение, принятое Мусиным-Пушкиным-Брюсом, вызвало недовольство и решительное сопротивление противников идей Эллизена и его сторонников. Они ссылались на то, что разрешение на работу Директоральной ложи, полученное от Александра I, не было им отменено, и добились возобновления ее деятельности и выбора новых должностных лиц (11 ноября 1815 г.). Главой воссозданного Капитула Феникса стал генерал-майор А. А. Жеребцов, пользовавшийся большим уважением в масонской среде, однако, ему не удалось предпринять новых решительных мер, которые должны были содействовать оживлению деятельности Директоральной ложи³⁷.

Противодействие рыцарей высоких степеней не помешало дальнейшему росту числа членов Астреи, переходу в ее Союз нескольких новых лож. Все это привело Жеребцова к пониманию необходимости изменений и преобразований. 19 сентября им был издан приказ о замене старой ложи — новой, получившей название «Великой Провинциальной ложи». Предусматривались также пересмотр старого устава и подготовка проекта договора с Астреей. В ноябре 1815 г. произошло открытие новой ложи, и был подписан конкордат. Таким образом, было признано законным существование двух Великих Управляющих лож, обладавших равными правами.

Дальнейшее успешное развитие Союза Астреи вызвало к жизни несколько осуждавших его деятельность доносов, авторами которых были противники отказа от старых и утверждения новых ценностей. Один из приверженцев прежде принятой системы ценностей, поэт и переводчик, издатель журнала «Сионский вестник», А. Ф. Лабзин называл опасными ложи, утверждающие «вольно-

³⁶ Соколовская Т. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России. (1778–1822 гг.). М., 2000. С. 59, 62.

³⁷ Там же. С. 64.

мыслие». «Есть, — утверждал он, — управляющие ложами люди весьма вредные, не только неверующие, но и не скрывающие своего неверия. За что же давать развращать молодых людей, вступающих иногда туда и не с худыми намерениями». В своей записке, направленной 28 мая 1816 г. министру народного просвещения и духовных дел А. Н. Голицыну³⁸, Лабзин не называл имен распространителей вольномыслия. По его мнению, они были хорошо известны министру. В перечне вольнодумцев не мог не числиться и В. В. Мусин-Пушкин-Брюс.

Автором нескольких специальных донесений, содержащих обвинения против сторонников «ложного» масонства, был куратор, а затем попечитель Московского Университета, П. И. Голенищев-Кутузов. В литературных кругах он получил известность не только как поэт-переводчик, но и как автор доносов на Н. М. Карамзина, и в одном из протоколов собрания литературного общества «Арзамас» он назван «злокозненным историографом клеветы»³⁹.

Различные по своему характеру попытки противодействовать успехам Союза Астреи не принесли ее порицателям желаемых ими результатов. В 1815–1816 гг. происходило дальнейшее его расширение — в конце 1816 г. переговоры с его управителями начал поддержанный своими сторонниками И. В. Бебер. Союз Астреи без колебаний заявил о своей готовности принять новых братьев.

Решение Бебера вызвало противодействие членов Капитула Феникса. На чрезвычайном собрании, состоявшемся 17 марта 1817 г. присоединившиеся к Астрее были исключены не только из состава Капитула, но и из Великой Провинциальной ложи. Инициатором столь радикальных действий стал граф М. Ю. Виельгорский, знаток различных систем масонства, меценат, хозяин известного петербургского музыкального салона⁴⁰. Постепенно под его влиянием в работе Капитула Феникса стали принимать участие многие представители петербургской и московской интеллигенции. В то же время, члены Капитула умело строили свои отношения с Союзом Астреи и заяви-

³⁸ Дубровин Н. Наши мистики-сектанты. А. Ф. Лабзин и его «Сионский вестник» // Русская старина. 1894. № 12. С. 101.

³⁹ «Арзамас» и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 135.

⁴⁰ М. Ю. Виельгорский с 1812 г. служил в Министерстве Народного Просвещения, а с 1818 г. — в Министерстве Внутренних дел.

ли о готовности принять часть ее нового Уложения, но настаивали на уничтожении параграфа, гарантировавшего терпимость по отношению ко всем системам, и необходимости возвращения к единой шведской системе. В то же время, в ходе переговоров, ссылаясь на названный параграф, члены Капитула Феникса добились согласия на создание при Союзе Астреи Обрядового Капитула для ведения дел братьев, принадлежащих к высшим степеням.

Постоянно стремившийся к установлению взаимопонимания между двумя Союдами, В. В. Мусин-Пушкин-Брюс согласился возглавить новый формирующийся орган. Создание нового Капитула первоначально ускорило переход в Астрею многих членов Великой Провинциальной ложи. К концу февраля 1817 г. заявила о своем переходе в Союз Астреи ложа Соединенных Друзей, членами которой были некоторые будущие декабристы. 12 декабря 1817 г. оба Союза подписали особый Акт (из 31 пункта), определивший правила их взаимоотношений и, несомненно, способствовавший усилению влияния сторонников обновления принципов работы масонских лож. 29 декабря Мусин-Пушкин-Брюс был избран почетным членом принадлежавшей к Союзу Астреи ложи Георгия Победоносца, основанной С. И. Тургеневым в Мобеже (Франция) при главной квартире русской армии⁴¹.

К значительному изменению ситуации в российских масонских ложах привели международные события 1820 года. Развитие революционного движения в Европе не могло не сказаться на настроениях и планах многих членов Союза Астреи и содействовало успеху консерваторов. Нет точных данных о времени и причинах отставки В. В. Мусина-Пушкина-Брюса, но в 1820 г. Союз Астреи возглавил граф Ржевуский, а затем сенатор, генерал-лейтенант Е. А. Кушелев. 11 июня 1820 г. Кушелев направил находившемуся на Лейбахском конгрессе Александру I Всеподданнейший рапорт и, в качестве приложения к нему, четыре специальные Записки, в которых нашла отражение его оценка деятельности и управления масонских лож в России после возобновления их работы в 1805 г.

В первой из этих Записок он сообщал императору, что события в Европе привели его к пониманию необходимости проявлять

⁴¹ Серков А. И. Указ. соч. С. 1123.

«великую предосторожность» и постоянно помнить, что «во многих королевствах, и наипаче в королевстве Неаполитанском, равно и в прочих землях Италии, от тайных сект и обществ, особливо же от секты карбонариев, возникло вольнодумство, революции, мятежи, кровопролития, и главные начальники секты карбонариев и деятельнейшие их сообщники в первых революционных явлениях присвоили себе вскоре исключительную власть»⁴².

По мнению Кушелева, необходимо было найти средства против распространения идей европейских «воспаленных умов» и потому немедленно предпринять усилия и добиться отмены преобразований, закрытия новых лож и возвращения к старому масонству. «Неприличным и непозволительным своеволием» назвал Кушелев деятельность Эллизена и его сторонников, авторов «Конституции» или «Уложения», так как, по его оценке, эти документы «ничто иное есть, как правила совершенного безначалия». Крайне неодобрительно оценивал автор Записок и позицию, занятую Мусиным-Пушкиным-Брюсом. Высокое социальное положение и безупречная репутация гроссмейстера Союза Астреи заставили Кушелева заявить, что он не видит в его действиях «неблагодумия, или особого умысла», «единую токмо со стороны его неосторожность, большую слабость и излишнюю доверенность...». Но в то же время, он называл его действия, приведшие к закрытию Великой Директоральной ложи, «неизвинительными». Кушелев считал, что гроссмейстер ложи должен был «не допускать до малейшего своеволия, совершенно противного порядку и законам», и не осуществлять изменения без предварительного рассмотрения, одобрения и получения соответствующего повеления императора⁴³.

12 декабря 1820 г., по настоянию нового гроссмейстера, состоялось торжественное собрание в честь празднования дня рождения Александра I. Е. А. Кушелев, сообщая об этом собрании императору, так определял его цель: «Первою, священнейшею себе обязанностию поставил — напомнить всем членам долг их и потребовать, чтобы они все, со мною, возобновили торжественное обязательство пред всемогущим Богом быть непоколебимо верными и

⁴² Уничтожение масонских лож в России. 1822 г. // Русская старина. 1877. Т. 18. С. 465.

⁴³ Там же. С. 472, 474.

преданными всем сердцем В. И. В-ву, яко всепресветлейшему государю нашему, отцу отечества и образу Божию на земле». Спустя четыре дня, 16 декабря, Кушелев предложил всем главам лож, входившим в Союз Астреи, «дабы они тщательно старались во 1-х) содержать всех братьев от мрачных пороков и страстей, от правил буйственных, дерзновенных и своевольных, а во 2-х) елико можно поспешнее обратиться к уставу древнего, истинного масонства...»⁴⁴.

Признание Кушелева главой Союза Астреи стало очевидным результатом ослабления позиций сторонников обновления масонства. Капитул Феникса сумел добиться принятия решения о воссоединении разделившихся ранее Союзов. 12 июня 1821 г. Астрея предписала всем ложам своего Союза «введение однородной системы для всего Ордена возвращением к принятой некогда в Великой Директориальной ложе Владимира к Порядку истинной, древней, шведской системе». Вносились важные изменения и в Уложение, принятое при создании ложи: исключались параграфы, в которых шла речь о терпимости по отношению к различным масонским системам⁴⁵.

В 1822 г. Союз Астреи дал согласие на объединение с Провинциальным Союзом и возвращение к единой системе. Это решение было оглашено 22 марта, в день торжественного празднования очередной даты вступления Александра I на престол. Сообщить об этом важном событии было поручено В. В. Мусину-Пушкину-Брюсу, который, может быть, не до конца понимая истинный смысл своего предвидения, заявил: «1822 год долженствует сделаться эпохою в истории Вольного Каменщичества»⁴⁶. Скоро стало очевидным, что Записки Е. А. Кушелева принесли свои плоды — 1 августа 1822 года император подписал Высочайший Указ о закрытии масонских лож по всей России.

Деятельное участие в работе масонских лож было необходимой и важной частью жизни В. В. Мусина-Пушкина-Брюса на протяжении многих лет. Решение Александра I об их закрытии не могло не изменить весь ее строй, но не лишило свойственной ему энергии, стремления участвовать в духовной жизни общества.

⁴⁴ Там же. С. 476-477.

⁴⁵ Соколовская Т. Указ. соч. С. 93.

⁴⁶ Там же. С. 97.

12 апреля 1822 года его кандидатура была предложена в члены Общества поощрения художников и одобрена на следующем заседании⁴⁷. Через год, в марте 1823 г. он стал одним из пяти членов Комитета этого Общества⁴⁸, заседания которого неоднократно проходили в его Санкт-Петербургской квартире⁴⁹, кроме того, он часто замещал члена-казначея графа П. И. Кутайсова⁵⁰, а в 1828 г. был выбран на эту должность⁵¹.

В. В. Мусин-Пушкин-Брюс сыграл заметную роль в развитии благотворительной деятельности Общества. По его предложению в 1826 г. состоялось необычное собрание, решившее учредить специальное пособие (пенсии) сроком на три года художнику Ф. А. Бруни для продолжения его работы над «гравированными чертежами, изображающими происшествия из русской истории»⁵². В январе 1828 г. Василий Валентинович обратился со специальным посланием к председателю Комитета П. А. Кикину, в котором заявил о своем желании «по возможности споспешествовать пользам... Общества» и пожертвовать получаемый им из казначейства пенсия по ордену Св. Иоанна Иерусалимского, составляющий семьсот пятьдесят рублей в год, который должен выплачиваться до конца жизни дарителя⁵³.

Решительное вмешательство В. В. Мусина-Пушкина-Брюса содействовало изменению судьбы художника Пантелеймона Степанова. Государственный крестьянин, принадлежавший Псково-Печерскому монастырю, Степанов, «во уважение хороших способностей его к живописи и прилежания необыкновенного», был принят под покровительство «Общества поощрения художников». Однако, через год, в 1828 г. архимандрит монастыря Венедикт потребовал его возвращения и отказался «выслать ему новый билет на проживание». В. В. Мусин-Пушкин-Брюс просил президента Академии художеств А. Н. Оленина содействовать решению конфликта, заявив, что в крайнем случае «Комитет Общества не оста-

⁴⁷ ГИАЛО, ф. 448, оп. 1, д. 7, л. 19.

⁴⁸ Там же, д. 21, лл. 10-10 об.

⁴⁹ Там же, д. 38, л. 22 об.

⁵⁰ Там же, д. 38, л. 27 об.

⁵¹ Там же, д. 65, л. 12.

⁵² Там же, д. 45, лл. 5-5 об.

⁵³ Там же, д. 68, л. 1.

вит войти со всеподданнейшим представлением к Государю Императору о решении участи» художника. Вмешательство Оленина помогло Степанову продолжить обучение в Петербурге⁵⁴.

С течением времени влияние В. В. Мусина-Пушкина-Брюса на развитие деятельности Общества становилось все значительней: вместе с Ф. Ф. Шубертом и В. И. Григоровичем он участвовал в разработке принятого 30 мая 1830 г. нового Устава Общества, который определял его основные цели: содействовать распространению изящных искусств в России; одобрять и поощрять дарования русских художников⁵⁵.

6 июля 1834 г. после смерти П. А. Кикина Василий Валентинович был избран председателем Общества и занимал этот пост до своей кончины⁵⁶.

В первое десятилетие XIX века В. В. Мусин-Пушкин-Брюс занял особое место в литературных и театральных кругах Петербурга. В письмах и мемуарах известных литераторов той эпохи сохранились (к сожалению, немногочисленные) воспоминания о знакомстве и встречах с ним и свойствах его характера.

Василий Валентинович и его друг, известный масон, князь И. А. Гагарин, были постоянными гостями «чердака» — известного литературного салона поэта-сатирика и драматурга князя А. А. Шаховского, где обсуждались проблемы театральной жизни Петербурга. Шаховской ценил Василий Валентиновича как «самого незлобивого, доброхотного и русолюбивого человека» и обсуждал с ним события политической жизни, литературы и театра⁵⁷. «Большим любителем спектаклей французского и русского театров» называл Василий Валентиновича автор записок о театральной и литературной жизни Петербурга в 1807–1819 гг. С. П. Жихарев⁵⁸.

В 1819–1820 гг., в пору своего увлечения театром, познакомился с Василием Валентиновичем А. С. Пушкин. Свидетельством этого служит выразительный текст заключительной части его письма от 26 сентября 1822 г., адресованного участнику литера-

⁵⁴ ИРЛИ. Отдел рукописей, ф. 542 (Оленина), № 262, лл. 1, 1 об., 2.

⁵⁵ Там же, д. 80, л. 4 об., д. 87.

⁵⁶ Там же, д. 68, л. 13.

⁵⁷ Письмо кн. А. А. Шаховского 1836 г. к А. И. Михайловскому-Данилевскому // Русская старина. Октябрь 1889 г.

⁵⁸ Жихарев С. П. Записки современника. М.-Л., 1955. С. 513.

турного общества «Зеленая лампа» Я. Н. Толстому: «Обнимаю наших. Что Всеволожские? что Мансуров? что Барков? что Сосницкие, что Хмельницкий, что Катенин? что Шаховской? что Ежова? что граф Пушкин?... что весь театр?»⁵⁹.

А. С. Пушкин, Н. В. Всеволожский, А. В. Всеволожский, А. В. Барков участвовали в работе «Зеленой лампы», по определению исследователей, «побочной управы», «театрального филиала одной из ранних декабристских организаций — «Союза благоденствия». Программы развития русского театра, обсуждавшиеся драматургами, переводчиками, критиками, театральными чиновниками, составляли «часть «утопии» о прекрасном будущем освобожденной России»⁶⁰. К сожалению, лишь немногие из обсуждений, происходивших на заседаниях «Зеленой лампы», нашли отражение в документах, к тому же, значительная часть их была утрачена. Поэтому невозможно установить, бывал ли на этих заседаниях В. В. Мусин-Пушкин-Брюс. Но можно с большой степенью уверенности предположить, что он имел достаточно полное представление о происходивших там дискуссиях.

Василий Валентинович неизменно занимал кресло в первом ряду театрального партера, но, несомненно, не входил в число тех его завсегдатаев, кто без всякого снисхождения подвергался со стороны А. С. Пушкина суровому осуждению, отразившемуся в его незаконченной статье «Мои замечания об русском театре» (1820). Сановные зрители, по мнению поэта, в значительной части своей служили «только почтенным украшением Большого каменного театра», но не принадлежали «ни к толпе любителей, ни к числу просвещенных или пристрастных судей». Значительная часть партера, — утверждал он, — «слишком занята судьбою Европы и отечества, слишком утомлена трудами, слишком глубокомысленна, слишком важна, слишком осторожна в изъявлении душевных движений, чтобы принимать какое-нибудь участие в достоинстве драматического искусства (к тому же, русского)»⁶¹.

⁵⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в десяти томах. Том десятый. Письма (1815–1837). М., 1966. С. 45.

⁶⁰ Королева Н. В. Декабристы и театр. Декабристы и русская культура. Л., 1976. С. 249.

⁶¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 6. М., 1936. С. 8, 9.

На протяжении целого ряда лет литературные и театральные связи В. В. Мусина-Пушкина-Брюса не прерываются, не ослабевают. Его петербургская квартира становится своеобразным салоном, завсегдатаями которого были многие известные литераторы. Справедливость такого определения подтверждает письмо А. А. Шаховского от 4 января 1830 г., адресованное М. Н. Загоскину. На «авторский обед», состоявшийся у Василия Валентиновича незадолго до отправления письма, собрались — его автор, А. С. Пушкин, И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, В. А. Жуковский. Главной темой обсуждений этого дня была публикация части романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский». Шаховской с радостью сообщал автору о «восхищении» Пушкина, об «улыбательном одобрении» Крылова и о высоких оценках других участников обсуждения⁶². Участники «авторского обеда», расставаясь, решили по-прежнему в определенный день недели собираться для дружеских бесед у Шаховского, а до переезда его на новую квартиру продолжать видеться у Жуковского и в доме Василия Валентиновича. Члены этого дружеского кружка бывали и на даче Василия Валентиновича, расположенной на Петергофской дороге, неподалеку от городской заставы. Здесь в июле 1832 г. состоялась одна из последних встреч А. С. Пушкина и П. А. Катенина⁶³.

Деятельный интерес к событиям российской интеллектуальной жизни В. В. Мусин-Пушкин-Брюс сохранил до своей кончины, состоявшейся 6 апреля 1836 г.; тело его было отпето в С.-Петербурге, в Богоявленском Никольском соборе, и 9 апреля отправлено в Москву⁶⁴ для захоронения в фамильном склепе, находящемся в Московском Симоновом монастыре⁶⁵. Он был сооружен

⁶² Литературное наследство, том пятьдесят восьмой. М., 1952. С. 93.

⁶³ Катенин П. А. Воспоминания о Пушкине. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1950. С. 154. После женитьбы А. С. Пушкина его отношения с Василием Валентиновичем приобрели новое качество. Бабушка Наталья Николаевна по отцовской линии — Надежда Платоновна (в девичестве Мусина-Пушкина) была теткой Василия Валентиновича.

⁶⁴ ГИАЛО, ф. 758, оп. 29, д. 21, л. 6.

⁶⁵ В 1875 г. Симонову монастырю, упраздненному в 1788 г. по указу Екатерины II, был возвращен прежний статус. Принятию этого решения содействовало ходатайство придворного проповедника, С.-Петербургского ми-

в южном приделе храма Тихвинской иконы Божией матери⁶⁶, стараниями матери Василия Валентиновича, графини Прасковьи Васильевны. Первым там был захоронен Валентин Платонович Мусин-Пушкин, скончавшийся в Москве в 1804 г. В приделе Св. Мученика Валентина была похоронена в 1826 г. и сама Прасковья Васильевна. Сейчас в Южном приделе действует храм Святителя Феодора Симоновского, архиепископа Ростовского, основателя Симонова монастыря⁶⁷.

Родственники В. В. Мусина-Пушкина-Брюса после его кончины способствовали пополнению казны монастыря. В 1839 г. муж средней дочери полковник Д. Н. Бологовский и его старшая дочь, княгиня П. В. Гагарина пожертвовали Обители сорок тысяч рублей, составлявшие часть их наследства, полученного по завещанию⁶⁸.

Потомки рода Мусиных-Пушкиных, живущие в России и Европе, и в наши дни поддерживают связи с общиной Патриаршего подворья Симонова монастыря.

трополита Гавриила и доклад Синодального прокурора А. И. Мусина-Пушкина. Они сумели убедить императрицу в необходимости этого шага, ознакомив ее с многовековой историей монастыря и ссылаясь на многочисленные просьбы жителей Москвы. — Русские достопримечательности. Том второй. М., 1883. С. 23.

⁶⁶ Симонов монастырь. К 625-летию основания Обители. 1379–2000. М., 2004. С. 8.

⁶⁷ Там же. С. 28.

⁶⁸ Там же. С. 8.

Т. А. САБУРОВА

МОДЕЛЬ МИРА РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ XIX СТОЛЕТИЯ

Проблема понимания прошлого и настоящего русской культуры тесно связана с проблемой понимания феномена русской интеллигенции. Употребление слова "феномен" не означает указания на уникальность русской интеллигенции, что неоднократно подчеркивалось как в самом интеллигентском дискурсе, так и во множестве исследовательских работ. Безусловно, русская интеллигенция обладала особенными чертами, поскольку можно говорить об особенностях русской культуры и русского общества, и в этом смысле она действительно уникальна, но интеллигенция как группа, социальный и культурный слой или как субкультура существовала и в других странах, о чем убедительно свидетельствуют отечественные и зарубежные исследования. В ходе дискуссии за "круглым столом" в Институте востоковедения при обсуждении вопроса, считать ли понятие интеллигенции сугубо русским явлением, в одном из выступлений с иронией было замечено, что Россия — «прародина интеллигенции не в большей мере, чем родина слонов»¹.

С другой стороны, феномен интеллигенции заключается в том, что неоднократное обращение к изучению интеллигенции и даже выделение особого исследовательского направления "интеллигентоведения" не только не приблизило к пониманию сущности этого явления, но и закрепило полемический характер самой категории интеллигенции, определения которой часто приобретали взаимоисключающий характер. Признавая историческую основу этого понятия, необходимо признать и исторические особенности обозначаемого им социокультурного явления, которые невозможно отразить в одном всеобъемлющем определении².

¹ *Главацкий М. Е.* История интеллигенции России как исследовательская проблема. Историографические этюды. Екатеринбург, 2003. С. 25.

² Необходимость конкретно-исторического подхода к определению интеллигенции утверждал после длительных дискуссий на конференциях, посвященных проблемам изучения интеллигенции, В. Л. Соскин: «По-

Интеллигенция многослойна, субкультура интеллигенции достаточно разнообразна, и множество различий, которые зависят от места жительства, социального положения, профессиональной принадлежности, политических убеждений и т. д., способны разрушить любой целостный образ интеллигенции. Возможно, этой многослойностью или фрагментированностью интеллигенции определяется отраженное в интеллигентском дискурсе стремление к целостности, внутренней непротиворечивости, закрепляющее границы этой группы, вплоть до представления о замкнутой касте, религиозном ордене. К примеру, один из авторов «Вех» видит в интеллигенции «как бы самостоятельное государство, особый мирок со своими строжайшими и крепчайшими традициями, со своим этикетом, со своими нравами, обычаями, почти со своей собственной культурой»³. Но необходимо различать особенности социальной стратификации и мифотворчество, хотя в культуре они неразрывно связаны, определяя друг друга. Сущность интеллигенции постоянно ускользает от исследователей, что даже порождает сомнения в реальности этого явления. Интеллигенция как особый *мир*, в котором воплотились характерные черты русской культуры, или интеллигенция как *миф* русской культуры? Стремясь преодолеть жесткую бинарную ограниченность при изучении интеллигенции, антитезу структурного и антропологического подходов, понимая под термином "миф" реальность особого рода — реальность самосознания, предположим, что интеллигенция является одновременно и миром, и мифом: «Миф — это бытие человека, создающего свое пространство смыслополагания. Миф — онтоло-

видимому, нет раз и навсегда данного представления об интеллигенции, каждой эпохе соответствует свое (принятое в обществе) понимание этого термина. Единственное, что остается общим, — признание неоднородности интеллигенции во все времена... Но, коль скоро это так, то не может быть единого определения интеллигенции. Отвлечись от поиска "истинной" дефиниции, переключить свое внимание на конкретно-историческую характеристику интеллигенции (по периодам, группам, в личностном плане и т. д.) — так представляется нам задача момента». *Соскин В. Л.* К новой концепции истории советской интеллигенции // *Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии.* Иваново, 1995. С. 20.

³ *Франк С. Л.* Этика нигилизма // *Вехи. Интеллигенция в России.* Сб. ст. 1909–1910. М., 1991. С. 178.

гическое свидетельство изначальной ограниченности человека в восприятии бытия как целого. Эта ограниченность имманентно присуща человеческой культуре, ее смыслополагательной сфере. В восприятии человеку всегда доступны лишь редуцированные фрагменты бытия, из которых он создает собственный, осмысленный им мир, имеющий свою причинно-следственную взаимосвязь, а из нее уже рождается "картина мира"⁴.

История русской интеллигенции — это своеобразная история саморефлексии этой социальной группы, история ее репрезентации. Долгое время об истории интеллигенции говорили ее же языком, следуя созданным ею мифам. Несомненно, что «зависимость историка от моделей, созданных персонажами его исследований, должна четко осознаваться как одна из основных когнитивных проблем исторической дисциплины»⁵. Поэтому особую значимость приобретает исследование моделей, мифологем, культурных идентичностей, позволяющих приблизиться к пониманию природы интеллигенции в тот или иной период времени. Как считает В. Г. Рыженко, «несмотря на то, что продвижение российских историков по пути поисков собственной территории пока еще затруднено сохраняющимся действием прежних стереотипов исследовательской практики, выработанной в условиях официальных мононаучных приоритетов, намечился явный сдвиг в сторону других ценностей современной историографической культуры. Главным начинает становиться восприятие интеллигенции в качестве сложного объекта, для изучения которого необходимо перейти к использованию разных моделей, включая культурологическую в понимании не философско-этическом, а культурно-феноменологическом»⁶. В то же время видится перспективным и эффективным исследование интеллигенции не только как объекта, но и как субъекта культуры и общества, подразумевающее диалог современного исследователя с прошлым.

⁴ *Каравашкин А. В., Юрганов А. Л.* Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М., 2003. С. 330-331.

⁵ *Могильнер М.* Мифология "подпольного человека": радикальный микроскоп в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999. С. 6.

⁶ *Рыженко В. Г.* Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е гг.: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург; Омск, 2003. С. 101-102.

Становление интеллектуальной истории, трансформация ее в историю культурно-интеллектуальную, "историю смыслов", определяет интерес к основным концептам, составляющим своеобразную ментальную карту общества и отдельных социальных групп, формирующим стратегии поведения, отражающим характерные черты русской культуры и общественного развития. По мнению Р. Шартье, "представление" становится основополагающим понятием современной истории, а история социальных самоидентификаций превращается тем самым в историю взаимодействия символических сил⁷. Безусловно, основополагающими категориями мышления интеллигенции, как и любой другой социальной группы, являются категории пространства и времени, формирующие базовую сетку представлений, определяющие картину мира эпохи, общества, группы, личности. Поэтому исследование интеллигенции через изучение ее модели мира предполагает анализ пространственно-временных представлений и их влияние на формирование культурной идентичности интеллигенции. Для русской интеллигенции основными концептами являются "власть" и "народ", на их основе позднее сформируется само понятие "интеллигенция", поэтому принципиально важно раскрыть их смысловое поле, отражающее ментальность русской интеллигенции XIX в. Совершенно необязательно, на наш взгляд, исходить из того, что в сконструированной модели мира интеллигенции все элементы должны находиться в гармоничном единстве. Напротив, в ней смешиваются и взаимодействуют, могут вступать в противоречие элементы самых разных представлений, связанных с разными сосуществующими типами культуры, от архаической до современной. Стремление преодолеть противоречия, создать целостное представление о мире и рождает миф. В то же время на протяжении XIX века социокультурным представлениям интеллигенции была свойственна определенная общность, своеобразное "ядро" модели мира. Выявление этого общего ядра представлений и разнородной периферии составляет одну из главных задач исследования.

⁷ Шартье Р. Мир как представление // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 77.

Эволюция социокультурных представлений интеллигенции тесно связана с изменениями в русском обществе, выделением в нем слоя интеллектуалов, который ищет свое место в системе социальных отношений, стремясь выполнить связующую роль между субъектами русского общества, обществом и властью, обеспечить как социальный, так и культурный диалог. Функция осмысления действительности, имманентно присущая интеллигенции, делает ее субъектом и объектом процесса модернизации в России. Специфика модернизационных процессов в России XIX века определила во многом специфику русской интеллигенции как социального образования, сформировавшегося как "ответ" на "вызов времени", отвечая потребности государства в квалифицированных, профессионально подготовленных кадрах, но в жестко ограниченных пределах их деятельности, связанных, прежде всего, с государственной службой. При этом процесс интеллектуализации российского общества имел объективную основу, не находясь полностью под контролем государства, но, с другой стороны, вступая в противоречие с традиционной аграрной основой русского общества, что создавало у русской интеллигенции ощущение невостребованности, невозможности реализации своего интеллектуального потенциала в рамках существовавших социальных отношений.

XIX век — время формирования культуры русской интеллигенции, время становления интеллигенции как особого социального слоя, в котором выделяется интеллектуальная элита как ядро интеллигенции. Интеллектуалы начала XIX века, усваивая культуру Просвещения в процессе европеизации русской культуры, создавали новые интерпретации Просвещения как мировоззрения русской интеллигенции, закладывали основу модели мира этого социокультурного слоя, основу социальной и культурной идентификации, которая формировалась, прежде всего, как самоидентификация. На протяжении XIX века число образованных людей в России постоянно росло, создавая социальную основу интеллигенции и одновременно постоянно размывая ее границы как социальной группы, разрушая идентичность. Представления и ценности, транслируемые интеллектуальной элитой, которая также не обладала единством, взаимодействовали с представлениями и ценностями, привносимыми из народной культуры, видоизменяя картину мира. Этот процесс можно представить как взаимодействие "цен-

тра" и "периферии" на уровне ментальности, приводящее к актуализации одних элементов и вытеснению других, постепенно меняющее всю систему представлений.

Реконструкция картины мира, как правило, основывается на изучении категорий или универсалий культуры. Понятие категорий культуры широко использовал А. Я. Гуревич при анализе культуры западноевропейского средневековья, А. Л. Юрганов — в исследовании русской средневековой культуры⁸. Необходимо отметить различия методологического характера этих исследований, так как А. Л. Юрганов стремился выделить основные категории непосредственно из текста изучаемой культуры, избежать возможной модернизации "сетки координат", а А. Я. Гуревич использовал достаточно универсальный набор категорий, который может применяться при исследовании любого типа культуры. Представляется возможным соединить оба этих подхода, выбрав категории для создания модели мира русской интеллигенции, которые, с одной стороны, являются универсальными, а с другой — отражают специфику русской культуры XIX века. Достаточно распространено выделение мировоззренческих универсалий — форм категорий культуры, которые определяют способ осмысления, понимания и переживания человеком себя и окружающего мира. Мировоззренческие универсалии составляют категории, фиксирующие наиболее общие характеристики объектов (пространство, время, движение, отношение, количество, необходимость, случайность и т. д.) и категории социального характера (человек, общество, я, другие, труд, долг, справедливость, свобода и т. д.)⁹.

При построении модели мира интеллигенции возможно выделение следующих уровней: во-первых, уровня представлений о времени и пространстве, для которого базовым понятием является понятие хронотопа (совокупность, единство представлений о времени и пространстве, своеобразная "сетка координат"). Простран-

⁸ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1999.

⁹ Герасина А. П. Реконструкция картины мира и проблемы исторического познания // Теоретико-методологические проблемы исторического познания. Материалы к Международной научной конференции: В 2 т. Минск, 2000. Т. 1. С. 56.

ство и время — определяющие параметры существования мира и основополагающие формы человеческого опыта — не только существуют объективно, но и субъективно переживаются и осознаются человеком, причем в разных обществах и разных культурах по-разному¹⁰. На этом уровне наиболее сильно проявляются черты, свойственные культуре и обществу в целом, а также элементы бессознательного. Хотя в объективной реальности и в субъективном восприятии человека пространство-время всегда связаны, образуя хронотоп как «выражение в нем неразрывности пространства и времени»¹¹, для выявления специфики их восприятия целесообразно мысленно разъединить их и в начале рассмотреть восприятие пространства, а затем времени. Характерные черты темпоральных представлений воплощаются в историческом сознании, поэтому в исследовании используется понятие исторического сознания.

Второй уровень можно определить как уровень идентификации, идентификации социальной и экзистенциальной. Социальная идентификация интеллигенции осуществляется в рамках оппозиций "интеллигенция — власть", "интеллигенция — народ". В XIX в. идет процесс формирования самосознания интеллигенции как социальной группы, причем во второй половине XIX в. развитие самосознания достигает стадии самоописания. На уровне идентификации создается мотивация деятельности интеллигенции, затем в процессе деятельности возможно изменение смыслового содержания основных группообразующих понятий. Эту связь развития самосознания и трансформации социальной группы точно выразил И. Г. Яковенко: «Парадоксальная диалектика состоит в том, что самопознание оказывается моментом самоизменения. Полнее всего уходящая культура рефлексивует себя на пороге перехода в новое качество. А самый акт самопознания выступает как форма изживания, расставания с прошлым»¹².

Усложнение картины мира или очень быстрый темп смены картины мира, вызванный процессами модернизации, вызывает у чело-

¹⁰ Вейнберг И. П. Человек в культуре Древнего Ближнего Востока. М., 1986. С. 58.

¹¹ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234-235.

¹² Яковенко И. Г. Противостояние как форма диалога // Рубежи. 1995. № 5. С. 94.

века дискомфортное состояние, попытка преодоления которого может заключаться как в адаптации новых представлений, так и в стремлении упростить картину мира, вернуться к прежнему состоянию (своеобразный синдром возврата в прошлое как реакция на дискомфорт настоящего). Актуализация тех или иных элементов модели мира может быть связана также с мощным внешним культурным или социальным воздействием, но эффективность такого воздействия обеспечивается не только более сильным культурным ресурсом внешней стороны, но и неустойчивым сочетанием различных элементов в модели мира, либо отсутствием ярко выраженного доминирующего элемента, либо пограничным состоянием элементов, их неглубоким погружением в область культурно-бессознательного.

Близкую характеристику, правда применительно к другому объекту исследования, дает Ю. М. Лотман, указывая на многослойность семиотического пространства: «Однако если говорить не об искусственных моделях, а о моделировании реального литературного (или шире — культурного) процесса, то придется признать, что ...романтизм захватывает лишь определенный участок семиосферы, в которой продолжают существовать разнообразные традиционные структуры, порой восходящие к глубокой архаике. Кроме того, ни один из этапов развития не свободен от столкновения с текстами, извне поступающими со стороны культур, прежде вообще находящихся вне горизонта данной семиосферы. Эти вторжения — иногда отдельные тексты, а иногда целые культурные пласты — оказывают разнообразные возмущающие воздействия на внутренний строй "картины мира"»¹³.

Социальная общность отнюдь не подразумевает общности мировоззренческой, поэтому одной из важнейших исследовательских задач является выяснение степени общности различных моделей мира интеллигенции, возможности взаимопроникновения элементов различных моделей мира, способов воздействия, коммуникации как средства формирования определенной модели мира. Закономерно возникает вопрос о том, возможно ли вообще существование единой универсальной модели мира интеллигенции, или можно констатировать только наличие совокупности индивидуальных моделей мира при общности другого порядка? На наш взгляд, существует единый

¹³ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 253.

универсальный центр, общий для различных моделей мира, и своеобразная периферия, представляющая спектр индивидуальных элементов моделей мира. Таким образом, соотношение между моделями мира, свойственными интеллигенции как социальной общности, выражается в классической формуле "общее — особенное — частное". Причем через эту же формулу выражается соотношение между моделями мира интеллигенции и других социальных групп. Преобладание тех или иных компонентов модели мира (общих, особенных или частных) определяет и способы социального взаимодействия и поведения. По мнению Б. Лепти, «социальные нормы, ценности, соглашения составляют разделяемые людьми коллективные представления и оформляются организационно, институционально, юридически. Они появляются как некие унаследованные от прошлого рамки, содержащие в себе и моделирующие индивидуальные и коллективные практики, — и, похоже, вся их сила заключена в их длительности. Впрочем, невозможно вообразить неприменяемые социальные нормы, экономические соглашения, которые не испытывает на прочность какой-либо обмен. И в самый момент их актуализации они подвержены риску переоценки»¹⁴.

В ходе исторического развития общества происходит актуализация индивидуальных моделей мира, когда индивидуальная модель мира претендует на роль универсальной или играет ее. В результате на основе такой актуализации возможно формирование целой субкультуры, характерным признаком которой будет высокая степень единства индивидуальных моделей мира. В рамках такой субкультуры в случае институционализации формируется новая социальная группа и вероятно превращение индивидуальной модели мира в групповую, а затем и универсальную для общества. Таким образом, указанная выше зависимость может выглядеть как "частное — особенное — общее".

В "осмнадцатом столетии" в России в результате интенсивного культурного творчества и взаимодействия с другими культурными мирами — прежде всего европейским — окончательно разрушается прежняя целостная символическая картина мира, происходит ее усложнение и фрагментация, о чем свидетельству-

¹⁴ Лепти Б. Общество как единое целое // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 163.

ют, в том числе, и рассматриваемые ниже исторические представления. Европеизация русской культуры и общества, активно проводимая государственной властью, выразилась не только в усвоении европейских обычаев, изменении культурных форм ("плана выражения"), но и в постепенном изменении содержания культуры, становлении европеизма. Культура европейского Просвещения стала фактором, во многом определившим культурное развитие России, являясь и строительным материалом для формирования национальной культуры, и тем самым «иноземным реактивом» (П. Н. Милуков), который проявил тип русской культуры.

Важнейшим достоянием, воспринятым русским обществом от столетия, названного в Европе веком Просвещения, стала просветительская парадигма картины мира. Чтение, как одна из основных культурных практик русского общества (учитывая логоцентричность русской культуры в целом), формировало "сетку" представлений русского интеллектуала. Сочинения философов европейского Просвещения влияли на способ осмысления мира, создавали духовный мир русской интеллектуальной элиты, способствовали переводу многих иностранных понятий на язык русской культуры и, наоборот, изложению явлений русской жизни языком европейского Просвещения.

Формирование новых темпоральных представлений как части картины мира русского просвещенного общества связано не только с проблемой становления его новой культурной идентичности, но и с созданием идентичности национальной, основывающейся на соответствующем знании о прошлом. Смена образов прошлого, изменение их характера и содержания составляют необходимый элемент формирования новой национальной идентичности на рубеже XVIII–XIX вв. Причем невозможно говорить о существовании единого образа национального прошлого, необходимо учитывать социокультурную детерминированность разных образов, различия между официальным образом, транслируемым властью особенно активно со второй четверти XIX в., и образами прошлого, характерными для оппозиционно настроенной части русского просвещенного общества.

Образы прошлого в историческом сознании русского общества конца XVIII – начала XIX в. строились, прежде всего, как ре-

зультат рецепции античности. Обращение к античному компоненту и включение его в историческое сознание определялось ситуацией двойного культурного диалога (античности — русской культуры, культуры европейского Просвещения — русской культуры), причем восприятие античности русской культурой можно считать результатом и прямого, и опосредованного европейской культурой диалога. Античное наследие становится важнейшим компонентом образа прошлого в целом, что связано с активным распространением элементов античной культуры в России XVIII века, влиянием античной литературы, философии, историографии, искусства и даже художественных элементов быта (интерьеры, утварь).

Актуализация античного компонента в русской культуре приводила к историзации темпоральных представлений и в то же время стирала временные границы между культурами, превращая античность во вневременной или современный элемент культуры. По мнению Е. А. Чиглинцева, «само явление взаимодействия двух культур, став доминантой их существования, снимает любые пространственные и временные границы между ними»¹⁵. Эта современность классической древности в культурном бытии России конца XVIII — начала XIX в. достигалась взаимодействием двух принципиально различных установок. С одной стороны, шла интеллектуальная работа над созданием нового образа античного прошлого, новой интерпретации античной культуры, отвечающей запросам русского общества. С другой — важную роль играло представление о непреходящей ценности античного культурного наследия, в силу общности человеческой природы уничтожающей дистанцию между эпохами.

Особенностью образа античного прошлого в историческом сознании декабристов, что характерно и для большей части образованного русского общества, была его идеализация, создание некой модели, отражавшей специфику восприятия античности, усвоение отдельных актуальных элементов, соответствующих идеальным представлениям о прошлом и настоящем. Как отмечал М. Л. Гаспаров, «они строили только самих себя, а из античности выхватывали только то, что им в каждый данный момент лучше годилось для этой

¹⁵ Чиглинцев В. А. Рецепция как межкультурное взаимодействие. Античное наследие и современная культура // Межкультурный диалог в историческом контексте. Материалы научной конференции. М., 2003. С. 131.

стройки»¹⁶. Современность античного прошлого для просвещенного русского общества конца XVIII – начала XIX в., стирание темпоральных границ в восприятии античного наследия отражает только одну сторону исторического сознания, одну сторону образа античного прошлого. Другая особенность восприятия античности состоит в понимании ее как иной, далекой эпохи, отделенной от современности хронологическими веками и содержательными историческими этапами. Надо сказать, что это противоречие было заложено в просветительской модели исторического развития и усилено последующим влиянием романтизма. Представление об античности именно как о далеком прошлом формируется и в рамках теории прогресса, которая определяла античной эпохе четкое место именно в прошедшем времени. Несмотря на различные размышления о содержании и направлении прогресса, сама идея прогрессивного развития прочно утверждается в сознании интеллигенции.

Важно заметить, что Просвещение формировало представление об античном прошлом как прошлом своим, а не чужом. Система образования и круг чтения конца XVIII – начала XIX в. делали античное прошлое *своим* прошлым, греческую и римскую историю для русского человека *своей* историей. Только постепенно античная история, прочно усвоенная русским просвещенным обществом, формирующейся русской интеллигенцией, начинает восприниматься как история общечеловеческая, европейская, но не заменяющая собственное национальное прошлое. Более того, осмысление античности способствует становлению прошлого отечественного. «Осознание своего как "своего" требует предварительного знания чужого и осознания его как "чужого"»¹⁷. Это положение полностью применимо к процессу формирования образа прошлого и отражает изменение отношения к античности в русском обществе. На античном фундаменте происходило становление отечественной истории, создание текста национального прошлого. Эта "национализация" исторического сознания начинается в русском обществе в XIX в., отражая процессы европеизации русской культуры и формирования национального

¹⁶ Гаспаров М. Л. Несколько "тривиальностей" // Одиссей. Человек в истории. М., 2002. С. 343.

¹⁷ Лотман Ю. М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX вв. // Из истории русской культуры: (XVIII – начало XIX вв.). М., 1996. Т. 4. С. 14.

самосознания, переход к новому типу исторических представлений, характерных для общества Нового времени.

Различные интерпретации прошлого не снижают, а, напротив, отражают высокую значимость прошлого для русского просвещенного общества, как и для традиционного общества в целом. Прошлое определяет настоящее, прошлое воплощается в будущем. Причем будущее сознательно игнорируется, на первый план выходит связь прошлого и настоящего. Так, для Н. М. Карамзина основной является связь прошлого и настоящего («...чтобы знать настоящее, необходимо иметь сведения о прошедшем»¹⁸). Будущее не представляет для Карамзина особого интереса, предмета для размышлений, так как «всё зависит от провидения! Будущее не наше»¹⁹. Будущее можно только попытаться предсказать, оно считается уже существующим и предопределенным, причем предопределенным именно прошлым. Отношение к будущему как повторению прошлого можно увидеть и в середине XIX в., эти темпоральные представления оказываются очень устойчивыми. Баратынский напишет в 1840 г.: «На что вы, дни! Юдольный мир явленья / Свои не изменит! / Все ведомы, и только повторенья / Грядущее сулит»²⁰. Воплощение и чтение текста прошлого и есть в данном случае история: «Что есть история? Память прошедшего, идея настоящего, предсказание будущего»²¹.

К середине XIX в. на историческое сознание русской интеллигенции серьезное влияние оказали европейские революции, немецкая классическая философия, достижения исторической науки (русской и зарубежной), формирующаяся система исторического образования. «В это же время история превращается в важный социокультурный фактор и ее знание становится обязательной характеристикой любого образованного человека»²². Два основных образа национального прошлого, граница между которыми проходит

¹⁸ Карамзин Н. М. Сочинения: В 2 т. / Сост., коммент. Г. П. Макогоненко. Л., 1984. Т. 2. С. 189.

¹⁹ Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма / Вступ. ст., коммент. А. С. Смирнова. М., 1982. С. 222.

²⁰ Баратынский Е. Стихотворения. Новосибирск, 1979. С. 148.

²¹ Вестник Европы. 1802. № 8. С. 357.

²² Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 605.

на рубеже XVII–XVIII вв. (Россия до и после Петра Великого), характеризуют темпоральные представления русской интеллигенции, составляют расколотое ядро семиосферы. Прошлое, трактуемое как национальное самобытное и национальное европейское, по-прежнему определяет восприятие времени русской интеллигенцией. Показательно, что в темпоральных представлениях русской интеллигенции эти два образа национального прошлого фактически противопоставляются и взаимоисключаются, отражая стремление к цельному, единому прошлому. При этом на первый план в общественном сознании выходит категория должного, через которую осмысливается связь времен. Настоящее должно соответствовать прошлому (или прошлое должно соответствовать настоящему). Такая ярко выраженная аксиологическая окраска прошлого, его значение для настоящего вызвали особую остроту и непримиримость споров о прошлом русской интеллигенции в середине XIX в. Представители различных идейных течений искали и находили в историческом прошлом подтверждение своих теоретических построений, анализа настоящего и предвидения будущего.

Со второй половины XIX века начинает меняться и восприятие течения, хода времени, время уже не "идет", а "бежит" и "летит". (Показательно сохранение представлений о времени в конкретных категориях пространства.) Увеличение скорости времени связано как с общим темпом развития страны, переменами в социальной и технической сфере, так и с темпоральной ориентацией на будущее. Культура, направленная в будущее, стремится быстрее придти к нему, подгоняет время. Это ощущение быстрого времени особенно ярко выражается в культуре начала XX века: «Время порывисто дует в лицо. / Годы несутся огромными птицами»²³. С другой стороны, само восприятие времени сохраняет архаические черты, ибо время воспринимается не столько как абстрактная, сколько как предметно-образная категория, о чем свидетельствует употребление соответствующих глагольных форм.

Ускорение времени, разрыв между прошлым, настоящим и будущим, потеря "связи времен" создает ощущение "безвременья", вызванное утратой ощущения настоящего. Эту новую темпораль-

²³ Волошин М. Когда время останавливается // Волошин М. Стихотворения. М., 1989. С. 37.

ную ситуацию тонко почувствовал и передал А. Блок: «Нет больше домашнего очага. Необычайно липкий паук поселился на месте святом и безмятежном, которое было символом Золотого века... и самое время остановилось. Радость остыла, потухли очаги. Времени больше нет»²⁴. Игнорирование настоящего времени привело к "остановке времени" в темпоральных представлениях интеллигенции конца XIX – начала XX в., к апокалиптическим настроениям. Пренебрежение настоящим, о котором предупреждал А. И. Герцен, приводит не только к его утрате, но и к ощущению утраты времени в целом, конца истории. По мнению Ю. М. Лотмана, характерная черта взрывных моментов в бинарных системах — «их переживание себя как уникального, ни с чем не сравнимого момента во всей истории человечества. Отмененным объявляется не какой-либо конкретный пласт исторического развития, а само существование истории»²⁵. К началу XX века для темпоральных представлений характерна амбивалентность, ощущение быстроты времени соединяется с чувством его утраты, остановки: «Быть заключенным в темнице мгновенья, / Мчаться в потоке струящихся дней. / В прошлом разогнаны древние звенья, / В будущем смутные лики теней»²⁶. В этих строках М. Волошина отразилось и разрушение прежнего образа прошлого, отсутствие его целостности, и отсутствие образа настоящего, и неопределенность образа будущего.

Таким образом, темпоральные представления русской интеллигенции XIX в. можно выразить в следующей модели: космологическое восприятие времени начала XIX века постепенно сменяется историческим восприятием времени к середине XIX столетия, но во второй его половине начинается новая актуализация космологического восприятия времени в общественном сознании, которое и утверждается в начале XX в. От космологизма начала XIX века русская интеллигенция приходит к космологизму начала XX века. Темпоральная ориентация на прошлое сменяется ориентацией на будущее. Настоящее как ценность не смогло закрепиться в темпоральных представлениях в середине XIX века. Ценность прошлого

²⁴ Блок А. Безвременье // Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 70.

²⁵ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 142.

²⁶ Волошин М. Когда время останавливается // Волошин М. Стихотворения. М., 1989. С. 38.

сменилась ценностью будущего. От осознания, осмысления различия и связи времен, которое началось в XIX в., от чувства времени, ощущения его движения, русская интеллигенция пришла в начале XX в. к осознанию "разрыва времен", чувству безвременья, ощущению остановившегося времени. Незавершенность процесса формирования исторического сознания русской интеллигенции, исторической культуры русского общества, отсутствие устойчивых образов прошлого, так же как и связи прошлого, настоящего, будущего, — все это стало серьезным фактором радикализации общественного сознания и, следовательно, социальных потрясений в России. В свою очередь социальные потрясения усиливали ощущение темпорального разрыва, формировали фактически новую темпоральность.

Пространственные представления отражаются в создании своеобразной культурной географии, разделении пространства на свое и чужое, внутреннее и внешнее, имеющее ярко выраженную аксиологическую окраску. Особый интерес представляет не только само разделение пространства, его маркировка, но и восприятие границы между различными частями пространства (или мирами), степень ее проницаемости, существование различных мифологем пути, воплощений культурных героев или трикстеров, которые способны реализовывать функцию перехода из одного пространства в другое.

Необходимо отметить и характерную для различных субкультур ориентацию на определенную часть пространства. Ценностная ориентация вызывает и соответствующую направленность деятельности, реализацию культурной программы в общественных отношениях. По мнению Ю. М. Лотмана, «отношение к западному миру было одним из основных вопросов русской культуры на всем протяжении послепетровской эпохи. Можно сказать, что чужая цивилизация выступает для русской культуры как своеобразное зеркало и точка отсчета, и основной смысл интереса к "чужому" в России традиционно является методом самопознания»²⁷. Для интеллигенции как квинтэссенции русской культуры естественно постоянное обращение к Западу как зеркалу и точке отсчета, средству самоидентификации.

²⁷ Лотман Ю. М. Современность между Востоком и Западом // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 748.

Пространственные представления выражались не только в разделении мира на Запад — Восток, но и в разделении на Европу и Азию. Внешнее пространство для русской интеллигенции XIX века могло ограничиваться Европой как соответствующим ценностным ориентиром, но необходимо учитывать существование множества смыслов этого понятия, не только географических, но и культурных, политических, социальных. Это разнообразие смыслов, подчас взаимоисключающих, их противостояние и взаимопроникновение, историческая динамика во многом отражают всю эволюцию пространственных представлений русской интеллигенции. Европоцентризм в представлениях формирующейся русской интеллигенции был обусловлен не только процессом европеизации России, но и утверждением просветительской модели мира, в которой европейское рассматривалось как норма, отношение европейского мира к неевропейскому осмыслялось в рамках оппозиции "цивилизация — варварство". Соответственно, при включении в модели мира России в европейское культурное пространство она будет наделяться положительными характеристиками, в противном случае просветительский европоцентризм задает отрицательную характеристику отечественного пространства. В рамках просветительской модели мира для осознания ценности, положительных качеств своего российского пространства необходимо было сначала включить Россию в число европейских стран, т. е. включить Россию в цивилизацию в противоположность варварскому миру. Важно заметить, что такая бинарная оппозиция "цивилизация — варварство" не допускала существования промежуточных или качественно иных форм культуры. Это, в свою очередь, создавало сильную мотивацию войти в цивилизованный мир, соединиться с ним для преодоления дискомфортного состояния.

Соответственно, утверждение европоцентризма на уровне модели мира, включение отечественного пространства в европейское пространство, российской культуры в цивилизацию, что произошло в сознании русской интеллектуальной элиты достаточно быстро, могло при определенных условиях перерасти или превратиться в своеобразный "русоцентризм". Такой "русоцентризм" мог быть вариантом синтеза европейского и национального начал в модели мира, когда Россия в такой модели перемещается с периферии ев-

ропейского пространства в центр, а соответственно центр становится периферией. Новый образ центра может в этом случае приобретать мессианские черты. Такое перемещение на уровне пространственных представлений может быть отражением серьезных социальных перемен, крупных исторических событий, когда "мир переворачивается", или результатом достаточно длительного процесса накопления идей, осмысления культурного пространства. Важным фактором также выступает и проводимая властью культурная политика, направленная на формирование определенной картины мира, которая может не совпадать с результатами осмысления пространства или переменами в нем, но обладать большой силой воздействия и активно формировать необходимые для власти пространственные представления общества.

Двойное сознание русской интеллигенции связано с двойным самосознанием русской культуры, определенным не только культурной двойственностью России в результате процесса европеизации, но и пограничностью русской культуры в целом, и отражает это двойное самосознание. Пограничность русской культуры — это воплощение не только своеобразного геополитического положения страны, но и осмысление себя как пограничной территории. По выражению Б. А. Успенского, Россия — это Запад на Востоке и Восток на Западе. «Отсюда мы постоянно наблюдаем в России либо тяготение к западной культуре, либо, напротив, осознание своего особого пути, т. е. стремление отмежеваться, сохраниться. Так или иначе — в обоих случаях — Запад, западная культура, выступает как постоянный культурный ориентир: это то, с чем все время приходится считаться»²⁸.

Просветительский образ Запада как земли, освещаемой светом Разума, который начал изменяться в России в начале XIX века, при сохранении просветительской парадигмы в сознании интеллигенции оказался чрезвычайно устойчивым. Критерий просвещения в сочетании с теорией прогресса определял положительную аксиологическую окраску европейского пространства. Земля Разума могла видоизменяться в землю прогресса, цивилизации, науки. Эта же

²⁸ Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Россия/Russia. Вып. 2 (10): Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М., 1999. С. 9.

парадигма могла вызывать негативное восприятие Запада, соединяясь с религиозным содержанием русской культуры, воспроизводя на новом уровне тезис противостояния и мессианской роли России. В отношении России к Западной Европе все время прослеживается амбивалентное чувство любви-ненависти, определяемое постоянным контактом с европейской культурой. Поэтому в сфере пространственных представлений особенно важно формирование срединного поля в движении от полюса взаимопроникновения к полюсу взаимоотталкивания. С одной стороны, пограничное положение русской культуры создает необходимые условия для формирования таких срединных представлений, а с другой — эта пограничность определяет стремление либо слиться с иной культурой, либо обособиться, преодолеть ощущение внутренней разорванности, раскола, вернуться к целостности традиционной культуры, первоначальному синкретичному восприятию.

Эволюция пространственных представлений интеллигенции во второй половине XIX в. происходила в направлении расширения картины мира, включения в нее новых культурных пространств. Сохраняя основную пространственную оппозицию "Россия — Европа" ("Россия — Запад"), интеллигенция дополняет ее пространством Востока, Азии, которое выступает своеобразным противовесом пространству европейскому, западному и начинает занимать все большее место в модели мира интеллигенции. Осмысление российского пространства к началу XX века происходит через соотнесение России не только с Европой, но и с Азией. В то же время сохраняется европоцентризм русской интеллигенции, полученный в эпоху Просвещения, утвердившийся в модели мира этой социальной группы вместе с ее образованием и, следовательно, имеющий не случайный, устойчивый характер. Можно предположить, что европоцентризм в сознании интеллигенции переместился с идеологического уровня на уровень ментальный, опустился в "нижние" слои сознания, превратившись в почти бессознательную установку восприятия пространства²⁹.

²⁹ Особенности европоцентризма русской интеллигенции отметил и С. М. Усманов: «Вообще в европоцентризме русской интеллигенции было нечто хлестаковское. С меньшим аппетитом, чем гоголевский герой живописал суп, который "прямо на пароходе приехал из Парижа", она поглощала

Несмотря на подробное изучение стран Западной Европы, Америки в географическом, политическом, экономическом и культурном отношении, постоянные публикации в ведущих отечественных журналах соответствующих обзоров, статистических исследований, эссе, путевых заметок и т. д., мифологизированный образ Запада продолжает сохраняться в общественном сознании. Причем знакомство с европейской общественной мыслью, для которой характерна критическая направленность, выявление недостатков в общественном развитии Европы усилили негативные тенденции в восприятии Запада. Естественная для западноевропейской культурной традиции интеллектуальная критика с целью изменения социальной реальности в России стала для части интеллигенции основой отрицания Европы, европейской культуры, изоляционистских настроений. И чем ужаснее выглядит Западная Европа, дряхлая и гнилая, тем радужнее представляется будущее России, претендующей соответственно на мессианскую роль в истории. В 1870–1890-е гг. славянофильские идеи получают продолжение и новое воплощение, оживляясь концепцией славянского всеединства. Немаловажную роль в этом сыграет Ф. М. Достоевский и его «Дневник писателя». Н. Я. Данилевский, в противоположность стремлению русского просвещенного общества XVIII — начала XIX в. войти в число европейских обществ, принципиально отрицает европейское начало в России, демонстрируя тем самым очередную смысловую инверсию: «Принадлежит ли в этом смысле Россия к Европе? К сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью — нет, не принадлежит. Она не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки непосредственно из почвы ею же разрушенного древнего мира, не питалась и теми корнями, которые почерпали пищу из глубины германского духа»³⁰. В то же время другой русский писатель И. С. Тургенев в романе «Дым» достаточно резко

все новейшие "веяния" из Европы — от очередных Миллей, Боклей и Спенсеров до самых последних средств от перхоти и парижских мод, тщательно перерисованных в популярных журналах. Когда "европеизм" доходил до такой степени, то все прочее подчас просто ускользало от внимания...». *Усманов С. М. Безысходные мечтания. Русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX – начале XX вв.* Иваново, 1998. С. 177.

³⁰ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 59.

высказывается против славянофильских идей, заявляя о необходимости для России пройти путь европейской цивилизации.

По мнению Л. Н. Пажитнова, «на протяжении всего XIX в. "Запад" в России никак не мог конституироваться в нечто цельное, последовательное и внутри себя непротиворечивое. Ненависть к самодержавию, полицейщине, крепостничеству и его пережиткам, требование конституции, демократических свобод — все это действительно шло от стремления вывести Россию на цивилизованный, "западный" путь развития. И одновременно — упование на русскую общину как на зародыш будущего социализма, обоготворение народа»³¹. Но цельность характерна скорее для мифологических представлений, а противоречивость и сложность образа Запада может свидетельствовать о процессе разрушения прежних мифологем и одновременно о сохранении мифологем национальных.

Полемика вокруг реформ актуализировала интерес к европейскому опыту, к различным сторонам жизни европейских стран. В журналах этого времени печатается большое количество материалов, связанных с европейской политической, экономической, культурной жизнью, помещаются корреспонденции из Германии, Франции, Италии, Англии и других стран. В целом в пространственных представлениях русской интеллигенции второй половины XIX века по отношению к Западу существует стремление и к взаимопроникновению, и к взаимоотталкиванию. Продолжает формироваться и срединное поле пространственных представлений, отрицающее крайности взаимоотношений России и Европы, сохраняющее традиции русского европеизма. Но в любом случае оппозиция "Россия — Запад" сохраняет свое значение как основа формирования пространственных представлений³².

³¹ Пажитнов Л. Н. "Запад" и "Восток" в исканиях русской мысли второй половины XIX в. // Русская художественная культура второй половины XIX в. Диалог с эпохой. М., 1996. С. 147.

³² По мнению А. В. Гордона, эта антитеза вряд ли исчерпает себя в обозримом будущем, так как воплощает противоречие всеобщего и национально-го сознания. «Воспроизводя архаические архетипы, она сама стала архетипом современного культурного сознания. Культурные заимствования обостряли и будут обострять проблему самобытности». Гордон А.В. Выступление на "круглом столе" «Русская культура в сравнительно-историческом освещении» // Одиссей. 2001. М., 2001. С. 30.

Представления о пространстве составляют часть модели мира, и, несмотря на изменение мышления в XIX в., пространство сохраняет значительную символическую окраску, связано с большим количеством метафор. Интеллигенция, создавая свою собственную символическую географическую карту, наполняя пространство традиционными и новыми культурными смыслами, участвует в процессе как демифологизации, так и мифологизации пространства.

Категория власти является одной из основных системообразующих категорий в модели мира русской интеллигенции. Исследование этой категории включает изучение представлений о власти, соотношение между этими представлениями в модели мира социальной группы, а также влияние представлений о власти на механизм принятия решений и выработку определенного стиля поведения. При этом учитывается существование в культуре целого набора бинарных оппозиций, которые на самом общем уровне сводятся к оппозициям "должное — сущее", "сакральное — мирское", "свое — чужое", "абстрактное — конкретное"³³.

Значение категории власти связано с процессом самоидентификации интеллигенции, формированием самосознания этой социальной группы, которая, дистанцируясь от власти, определяет свое место и задачи в обществе. Категория власти выступает в качестве элемента "триады", необходимого интеллигенции для самоопределения, так как понятие "мы" складывается только при наличии в сознании понятия "они". Так, образ власти и образ интеллигенции находятся в диалектическом единстве, без образа власти нет образа интеллигенции. Заметим, что другим элементом "триады" является "народ", и самоидентификация интеллигенции происходит в рамках оппозиции "власть — народ", в движении от одного полюса к другому, в освоении пространства между этими полюсами оппозиции.

Значение отношения интеллигенции к власти и народу подчеркнул и Б. А. Успенский: «Отношение к власти и к народу определяет, так сказать, координаты семантического пространства, положительные и отрицательные полюсы: интеллигенция противопоставляет себя власти, и она служит народу (которому

³³ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998. С. 160.

она, тем самым, фактически также себя противопоставляет). При этом и понятие власти (в частности представление о монархе), и понятие народа с течением времени могут менять свое содержание, на разных исторических этапах они могут приобретать совершенно различный смысл — и это, естественно, отражается на поведении интеллигенции; тем не менее сама противопоставленность, сама структура отношений — сохраняется»³⁴.

А. И. Герцен, долгое время влиявший на общественное мнение в России, со свойственной русской культуре дуальностью, резким разведением культурных полюсов, так определил взаимоотношения интеллигенции и власти: «В России все те, кто читают, ненавидят власть; все те, кто любят ее, не читают вовсе...»³⁵. Возможно, русская литература, играя роль общественной трибуны, приобретая сакральный статус (логоцентризм — характерная черта традиционной культуры), еще больше укрепляла центр семиосферы интеллигенции, диктовала оппозиционность как неотъемлемое качество интеллигента. Это создавало своеобразный замкнутый круг в отношениях интеллигенции и власти, не давало возможности развиваться диалогу между ними, сохраняя традиционные элементы в модели мира, приобретающие манихейские формы. Результатом же манихейских представлений могло стать уничтожение либо власти, либо интеллигенции, понимаемое как уничтожение злого начала в обществе. «Можно, думается, утверждать, что своевременное включение идеалистической и жертвенной интеллигенции в работу государственного аппарата могло бы изменить путь России», — писал Ф. Степун, далее воспроизводя традиционный момент интеллигентского дискурса, возлагая вину за несостоявшееся сотрудничество интеллигенции и власти на царское правительство, которое загнало интеллигенцию в подполье³⁶. Мы можем наблюдать ситуацию, характерную для традиционного общества: власть не

³⁴ Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Россия / Russia. Нов. сер. под ред. Н. Г. Охотина. Вып. 2 (10): Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М., 1999. С. 10.

³⁵ Герцен А. И. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. VII. М., 1956. С. 220.

³⁶ Степун Ф. Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции // Соч. М., 2000. С. 621.

считает необходимым и возможным изменение своего положения в обществе, своих функций, полномочий, а интеллигенция относится к власти как к институту внешнему, чужому, закрытому. Результатом таких представлений, составляющих традиционные элементы модели мира, становится отсутствие диалога, невозможность создания и развития конструктивных отношений.

Представления о власти в модели мира интеллигенции обуславливают позитивный или негативный характер социального дистанцирования, монолог или диалог как способ взаимодействия с властью. В целом характер социального дистанцирования интеллигенции от власти рождает "веер" возможных стратегий поведения этой социальной группы, объясняя "оппозиционность" интеллигенции на уровне модели мира.

Самодержавие является центром представлений о власти, который формирует политико-правовые представления. Ключевое значение самодержавия подчеркивается его сакральным характером («священный палладиум России»), оно выступает гарантом сохранения и процветания России, что закрепляется в историческом сознании русского общества. В «Вестнике Европы» в 1821 г. публикуется достаточно типичная статья, в которой развивается мысль, что лучшее правление — это неограниченная монархия, и самодержавию Россия обязана своим величием и благосостоянием, превосходством над другими странами³⁷. Таким образом, представления о власти, отражающие традиционные элементы модели мира интеллигенции, пересекаются с историческими представлениями космологического типа.

С другой стороны, приверженность самодержавию объясняется идеологией Просвещения, утверждающей необходимость для представительной формы правления соответствующего уровня образованности и нравственности общества. Еще В. Н. Татищев считал самодержавие естественной формой правления в тех странах, где народ учением и разумом не просвещен. Опыт французской революции заставил русское просвещенное общество еще раз задуматься о возможности народного представительства, даже в европейских странах. П. А. Вяземский писал: «И ты будешь гово-

³⁷ О коренных постановлениях России как причине ее непоколебимого благоденствия // Вестник Европы. 1821. Ч. 115. № 1–2.

речь, что представительное правление есть венец человеческих соображений! Да, в обществе благоразумном, нравственном, образованном, согласен; но в доме сумасшедших, какова Франция, это просто математическая невозможность и гибель. Франция погибнет от своего пустословия»³⁸. Необходимо заметить, что само противопоставление "истинного государя" и "тирана" также является характерным для просветительской идеологии.

Наиболее эффективным и возможным вариантом критики власти при условии неприкосновенности самодержавной формы правления и собственно царя представляется раздвоение образа власти, отделение царя от бюрократического аппарата. В таком расколоте образе власти сакральность распространяется только на институт царской власти, бюрократический аппарат воплощает другой полюс оппозиции — профанное. Тогда совершенно естественной выглядит критика действий бюрократического аппарата, тем более что царская власть воспринимается как "своя", а власть бюрократии воспринимается как "чужая". Н. М. Карамзин, например, противопоставлял бюрократии патриархальное управление в России, бюрократическому деспотизму — отеческую власть царя. Для Ю. М. Лотмана «утопизм этого представления очевиден». Однако, как считает исследователь, «оно сыграло в истории русской общественной мысли слишком серьезную роль, чтобы можно было ограничиться такой оценкой»³⁹. Наиболее близкими продолжателями Карамзина Ю. М. Лотман называет Гоголя и Толстого.

Это неприятие бюрократии, осмысление ее в категориях конкретного, эмоционального также препятствует становлению эффективной критики власти, необходимой в процессе модернизации. Кроме того, бюрократия является важным звеном в процессе модернизации, основой для организации эффективного управления, неизбежным элементом "большого общества". Следовательно, неприятие бюрократии отражает сохранение на уровне модели мира ценностей локального общества, бессознательное стремление к архаизации. Характерны попытки царской власти в первой половине XIX в. "обойти" бюрократический аппарат, непосредственно решая все вопросы государственного управления, или ограничиться пе-

³⁸ П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 8 февраля 1843 г., Петербург // Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 4. С. 214.

³⁹ Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997. С. 594.

ременной чиновников, не меняя системы управления. Налицо попытки экстраполяции средств управления локального мира на большое общество. Архаичная основа представлений о бюрократии обуславливает неэффективную, псевдомодернизаторскую программу деятельности. С другой стороны, формирование утилитарного отношения к институтам государственной власти, не являющимся сакральными, открывает возможность для дальнейшего критического их осмысления, включения интеллигенции в работу государственного аппарата.

Особо необходимо отметить отсутствие в модели мира русской интеллигенции четкого, структурированного представления о государстве, что является закономерным следствием и существования расколотого образа власти в целом, и результатом соединения традиционных и утилитарных элементов в модели мира. Традиционное сознание не оперирует такими абстрактными категориями, как государство, но русская интеллигенция усваивает эту категорию из европейских философских и политических учений, создавая собственную интерпретацию понятия "государство". Особенность этой интерпретации заключается в попытке перевода абстрактного понятия на язык конкретных образов, в наполнении этого понятия сильным эмоциональным содержанием. Таким образом, сугубо рациональное европейское понятие государства в модели мира русской интеллигенции становится понятием эмоциональным.

Мифологизированность образа государства как некой высшей силы выражается в представлениях о мощи и особой роли государства в России. Исторически сложившаяся огромная роль государства в России и исторические представления об этой роли усиливают и укрепляют традиционное восприятие власти в общественном сознании. Из письма Каткова к Чичерину: «Правду говаривал покойный Грановский, что изучение русской истории портит самые лучшие умы. Действительно, привыкнув следить в русской истории за единственным в ней жизненным интересом, собиранием государства, невольно отвыкаешь брать в расчет все прочее, невольно пристращаешься к диктатуре и, при всем уважении к истории, теряешь в нее веру»⁴⁰.

⁴⁰ Русское общество 40–50-х гг. XIX в. Ч. 2. Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1991. С. 194.

Образ сильного государства имел основу в неразвитости индивидуального сознания русского общества, в преобладании в русской культуре понятия "мы" над понятием "я", коллективного над индивидуальным в модели мира. Неразвитость индивидуального самосознания в начале XIX века, подтверждаемая мемуарными текстами, исторически сложившаяся тесная связь личности и государства приводили к тому, что человек не мыслил себя обособленно, его индивидуальность, так или иначе, проявлялась в заданных государством и обществом рамках. Такая интракультурная индивидуальность личности, т. е. существующая внутри определенной субкультуры, как правило, проявлялась и в отношении к власти. Показательно, что современные исследователи российской ментальности пришли к выводу о своеобразии «я-концепции», заключающемся в исходном отношении "я" — общество, "я" — социум, а не "я" — "другой". В западноевропейском сознании такая прямая связь общественных и личностных представлений отсутствует вследствие наличия опосредованных институциональных связей между личностью и обществом. К. А. Абульханова считает сложившуюся ситуацию результатом тоталитаризма, "растворявшего личность в идеологических абстракциях "народ", "общество"⁴¹. Но подобную же "я-концепцию" можно увидеть и в русском обществе XIX века, где связь личности с обществом существовала через сословную организацию, институты государственной власти, и социальная, коллективная идентификация личности находилась на первом месте.

В силе государства опосредованно воплощалась сила личности, соединенной с этим государством не только политическими и экономическими условиями, но и устойчивой, формировавшейся в течение долгого времени социально-психологической связью. Существование социально-психологической связи между личностью и государством создавало чувство социальной защищенности. Исследователи российской модернизации отмечают недостаточную готовность личности к существованию вне этих связей, незрелость, невыработанность личности, ее неготовность к автономной жизни

⁴¹ Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 24.

в новых условиях⁴². Как правило, такая характеристика распространяется преимущественно на российское крестьянство, но она применима и к интеллигенции как квинтэссенции русской культуры. Не случайно, главным мотивом российской модернизации всегда было создание или сохранение сильного государства. В то же время отсутствие ясного понимания сущности, структуры государства препятствует выработке механизма диалога с ним.

В первой половине XIX века мы видим стремление либо войти во власть и использовать ее на благо отечества, либо, чаще всего, столкнувшись с невозможностью реализации своих планов в рамках действующей власти, обеспечить себе определенную степень свободы, провести границу между собой и властью, из действующего лица стать наблюдателем, сохранив незапятнанную репутацию. При сакральном восприятии власти вместо критического ее осмысления происходит смена полюсов бинарной оппозиции, власть из "своей" становится "чужой", такая эмоционально окрашенная инверсия, присущая традиционному сознанию, приводит к необходимости либо отделиться, обособиться от такой власти, либо уничтожить ее. Оба эти варианта принятия решения определяются преобладанием в модели мира именно традиционных элементов, в чем интеллигенция также сближается с народом.

В первой половине XIX в. процесс формирования интеллигенции как социальной группы только разворачивается, и противопоставление власти и интеллигенции не приобретает еще характера жесткого противостояния, превалирует стремление к воздействию на власть с целью придания ей просвещенного характера или к обособлению от власти. Характерна позиция А. И. Тургенева, который в начале XIX в. надеется на лучшую будущность и участие в управлении страной, принесение пользы своему отечеству: «Есть ли [если] планы мои, — как все те, кои я по сию пору делал в голове моей, не взлетят на воздух, то через два года с половиною я — или один из первых законодателей России или, с посохом в руках, — опять тот же скромный путешественник — и опять с тобою на время, потом с твоим братом, с Почковским и т. д., и, наконец, опять к любезным гулякам в Венгрию пить за твое здоровье токайское, — а там, нако-

⁴² Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994. С. 11.

нец, опять с Нестором зарююсь в геттингскую (sic) библиотеку»⁴³. Пройдя через государственную службу, достигнув достаточно высоких постов и признания своих заслуг, Александр Тургенев спустя годы напишет в письме к брату Сергею Тургеневу: «Я чувствую ежедневно более, что ни душе, ни уму, ни даже сердцу моему нет выгоды оставаться в России, что, жертвуя ими, — я не приношу никакой пользы так называемой службе или государству и теперь понимаю лучше Карамзина, который не хотел войти в систему управления, предвидя бесполезность свою по своему одиночеству в составе оной; что я, при теперешнем обо мне мнении правительства, и частной пользы принести не могу, а себе повредить могу навсегда»⁴⁴. Таким образом, нарастает стремление к дистанцированию интеллигенции от власти, но дистанцированию без противостояния.

Формами дистанцирования могут выступать не только отставка, ограничение пространства жизнедеятельности усадьбой или семейным кругом, но и радикальная смена пространства, эмиграция. Показательно пересечение пространственных представлений и политических, потому что часто именно отношение к власти определяло восприятие отечественного пространства как чужого, негативно окрашенного, хотя и не делало европейское пространство своим, несмотря на позитивное восприятие. Отношение к власти приводило к тому, что часть русской интеллигенции не была дома нигде, пространство, положительно или отрицательно воспринимаемое, не становилось "своим", освоенным, что вызывало ощущение отщепенства и одиночества: «Я даже и в сновидениях будущего не умею пригрезить себя на Руси. Предчувствия ли это ранней смерти, или жизни бродяжной и кочующей, или отвращение от этой смертельности, которой скована русская жизнь, но, право, как мне здесь ни скучно и ни пасмурно, но сердце не зовет домой; в гости домой, — да, но на житье — нет. <...> Неужели не взойдет при жизни моей та заря, которая одна может призвать меня на землю родную? Клянусь, солнце рабства не будет палить меня губительным своим лучом. Пускай рука Провидения зажжет другое

⁴³ А. И. Тургенев — К. Я. Булгакову. 3 июня 1805 г. // Письма А. Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 55.

⁴⁴ Тургенев А. Политическая проза. М., 1989. С. 166.

солнце на русском небосклоне, и я первый приду поклониться ему и облобызать землю, согретую свободой»⁴⁵.

Взаимное отчуждение интеллигенции и власти, неучастие интеллигенции в управленческой деятельности порождало оторванность интеллигенции от реальности, утопизм и догматизм представлений. Как правило, практическая деятельность интеллигенции в любой сфере общественной жизни неизбежно приводила к критическому осмыслению этой деятельности, пересмотру идейного багажа. Интеллигенция, ограниченная пространством идей, не имея возможности изменения реальности, начинала реальность конструировать. Это блестяще показал Р. Пайпс в своем исследовании о русской революции: «Теории и программы, вынашивавшиеся интеллигентами бессонными ночами... оценивались не сообразно реальной жизни, а по отношению к другим теориям и программам: критериями их ценности были логичность и согласованность. Реальность жизни воспринималась как искажение, как карикатура "истинной" реальности, которая, как считалось, скрывается за внешней оболочкой и ждет от революции своего высвобождения»⁴⁶.

На другом полюсе оппозиции, служащей основой для самоидентификации интеллигенции, расположено понятие "народ". Необходимо заметить, что это противопоставление власти и народа характерно, прежде всего, для представлений самой интеллигенции, ибо отражает специфику ее мировосприятия, способа моделирования социальной реальности. Это моделирование может совпадать и не совпадать с существующими социальными отношениями. Условность этого моделирования подчеркивается использованием таких концептов, как власть и народ, которые сами по себе достаточно абстрактны, условны и исторически изменчивы.

В русском общественном сознании конца XVIII – начала XIX в. понятие народа требует конкретизации, уточнения смыслов, наполняющих это понятие. Важно учитывать, что семантическая и аксиологическая нагрузка слова "народ" менялась в различном историческом контексте, составляя характерный элемент политического дискурса. С одной стороны, содержание понятия «народ» для

⁴⁵ П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 15 ноября 1819 г. // Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 353-354.

⁴⁶ Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. С. 147.

русской интеллигенции сформировалось во многом под влиянием философии Просвещения. В традиции Руссо, получившей широкое распространение в русской культуре, народ понимался как целостный организм, интегрирующий отдельные части, как единая Личность. Это приводило к тому, что воля и интересы народа оказывались выше интересов отдельного человека, общее благо выше блага индивидуального. Основой морали и для Гельвеция, Гольбаха также было общественное, а не личное благо.

Понятие народа для представителей интеллектуальной элиты первой половины XIX века отличается расплывчатостью, под народом понимаются, как правило, крепостные крестьяне, что определяет тесную связь представлений о народе и крепостном праве. Использование понятия "народ" отражает особенности социальной структуры России, сохранение традиционного сословного строя, однородности крестьянского населения, составляющего основную часть населения Российской империи. "Народ" — скорее образ, нежели понятие в русском общественном сознании начала XIX века. Целостность образа народа связана с мифологическим восприятием, рациональное мышление приводит к сегментации образа, возможности критического его осмысления.

Народ для интеллектуалов первой половины XIX века — это, прежде всего, объект, а не субъект социальных отношений. Такое восприятие народа обуславливалось сохранением крепостного права, которое юридически закрепляло "объектное" положение народа — как объекта купли-продажи, объекта извлечения доходов, контроля, наказания, просвещения и т. д. Отсутствие личных и социальных прав крестьян не давало возможности стать им субъектом общественных отношений. Поэтому главная задача интеллигенции в первой половине XIX в. видится в уничтожении рабства, которое является тормозом на пути модернизации страны, превращения России в европейское государство, включения русского народа в систему культуры и социальных отношений. Отношение к крепостному праву служит важным объединяющим началом, способствует консолидации интеллигенции. Важно и то, что критическое осмысление русской действительности приводит интеллигенцию к необходимости уничтожения крепостного права, пока «бородачи топором не разрубили этот узел», т. е. для предотвращения революционных потрясений в России. Власть эту проблему не

решает, а народ лучше и не доводить до ее решения, с точки зрения представителей дворянской интеллигенции: «Правительство не даст ни приветов, ни ответов; народ завсегда, пока не взбесится, дремлет»⁴⁷. Следовательно, дворянская интеллигенция является той силой, которая может начать освобождение крестьян. Но освобождение народа от крепостного права не мыслится без поддержки власти, дворянская интеллигенция определяет себя только как инициатора этого процесса, а реальной движущей силой его должна стать государственная власть. В идеологии французского Просвещения народ также выступает объектом действий власти, поэтому такое отношение к народу определялось не только его крепостным состоянием, но и влиянием идей Просвещения. Именно народу «должно больше всего уделять внимания правительство, именно о нем оно должно проявлять заботу...»⁴⁸. Поэтому русская интеллигенция считает своим долгом подтолкнуть власть к действиям в отношении народа, показать их необходимость. Важно отметить, что и власть в России начала XIX века видит свой долг в заботе о народе, что создает поле диалога для власти и интеллигенции, несмотря на различие конкретных мнений о настоящем и будущем народа, о возможности отмены крепостного права.

Проблема народной свободы в сознании интеллигенции оказывается тесно связанной с проблемой просвещения. Представление о народе и стратегия поведения интеллигенции по отношению к народу определяется в первой половине XIX в. просветительской парадигмой. Тезис об элите, которая цивилизует народ, стал аксиомой для подавляющего большинства интеллигенции Франции в конце XVIII в. Как отмечает М. де Серто, «в идее культуртрегерства того времени сохранилось многое от средневековья: мессианизм и энтузиазм, свойственный крестоносцам»⁴⁹. Сходные явления мы видим в России XIX века. Для интеллигенции народ является объектом, массой, вследствие низкого уровня образования и просвещения. Просвещение и свобода не существуют друг без друга в

⁴⁷ П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 6 февраля 1820 г., Варшава // Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 2. С. 15.

⁴⁸ Гольбах П. А. Избранные произведения. С. 242-243.

⁴⁹ Каплан А. Б. Французская школа "Анналов" об истории культуры // Идеи в культурологии XX в. Сб. обзоров. М., 2000. С. 69.

рамках просветительского идеала интеллигенции. "Темнота" русского народа, т. е. отсутствие света просвещения, составляет не менее важную проблему, чем отсутствие свободы. Просвещение нужно дворянству, чтобы понять необходимость освобождения крестьян, и просвещение нужно народу, чтобы суметь воспользоваться свободой без разрушительных последствий. Исторический опыт давал интеллигенции веские основания бояться русского бунта, «бессмысленного и беспощадного». Представляет интерес, что в пушкинском определении бунта присутствует слово "бессмысленный", что в очередной раз проявляет значимость мыслительной деятельности, категории "мысли" в представлениях интеллигенции.

Таким образом, представление о народе в сознании русской интеллигенции формируется под влиянием существования крепостного права и просветительских идей. Как следствие этого, появляется понятие истинной свободы, свободы гражданской, которая не достигается только уничтожением крепостного права, а вырабатывается в течение долгого времени. Народ, как и человека, нельзя сделать свободным, подарив ему эту свободу, это будет "свобода от", но не "свобода для", которая зависит от внутреннего состояния человека, народа. Для интеллигенции категория свободы является важным элементом дискурса, предметом осмысления, отражая формирование либеральных представлений в российском обществе. Важно, что русская интеллигенция в этот период понимает все трудности либерализации российского традиционного общества. Н. М. Карамзин, возмущенный пьянством и развратом своих крепостных, отдает их в рекруты, сомневаясь, что все зло происходит только от отсутствия свободы: «Не знаю, дойдут ли люди до истинной гражданской свободы; но знаю, что путь дальний, и дорога весьма не гладкая»⁵⁰. В конце 1820-х гг. А. В. Никитенко выразит в своем дневнике мысль о соотношении просвещения и свободы, утверждая, что невозможна свобода без просвещения, но и пагубно просвещение без свободы, т. е. процесс просвещения русского народа представляется параллельным процессу либерализации: «Самим ли гражданам предстоит сбросить с себя оковы или получить свободу из рук правительства? От первого избави боже! Но оно неизбежно, если правительство будет только просвещать народ, не ослабляя

⁵⁰ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 278.

уз его, по мере пробуждения в нем самосознания. Надо, следовательно, чтобы меры просвещения шли об руку с новым гражданским уложением»⁵¹. Постепенно к требованию образованности как основы достижения свободы добавляется в представлениях интеллигенции требование экономической самостоятельности, собственности, капитала. Либерализация политическая оказывается тесно связанной с развитием просвещения и экономики. На формирование подобных представлений оказывает влияние процесс либерализации в странах Западной Европы, предоставляя соответствующие исторические примеры. Прагматизм исторических представлений интеллигенции обуславливает значимость европейского исторического опыта для России. «Где образованность и капиталы в силе, там можно дать полную свободу, ибо все придет в равновесие; там, где, как у нас, образованность в младенчестве, а в капиталах недостаток, там свободы быть не может, ибо владычество внешнее слишком опасно», — писал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу⁵².

Необходимо заметить, что ощущение оторванности от народа, существование культурной пропасти между интеллигенцией и народом не вызывает у интеллигенции в первой половине XIX в. тягостного чувства, дискомфорта состояния. Европеизированная интеллигенция не видит необходимости слияния с народом, общения к исконно народному духу, преодоления разрыва. Это объясняется не только идеалами просвещения, которые определяют задачу подъема образовательного уровня народа, его изменения в культурном отношении, а не обучения у народа, но и традиционными сословными представлениями интеллигенции, формировавшейся в этот период на базе дворянского сословия, которое стремится сохранить свое особое положение.

На 1830-е гг. приходится начало поворота русской интеллигенции к народу, который завершится во второй половине XIX в. стремлением части интеллигенции к слиянию с народом. Показательно, что обращение интеллигенции к народу произошло под значительным влиянием власти, но не только в смысле распространения теории официальной народности. После восстания декабристов и наказания восставших, придавшего им ореол жертвенности,

⁵¹ Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. Т. 1. С. 44.

⁵² Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. IV. С. 219.

нарастающее дистанцирование интеллигенции от власти принимает ярко выраженный негативный характер, переходя в отчуждение, смещаясь к полюсу взаимоотталкивания. Отчуждение от власти и создание ею же образа народа как носителя высших духовных начал способствует стремлению интеллигенции сблизиться с народом. Хотя при ближайшем рассмотрении представители интеллигенции часто не находят в народе ни особой нравственности, ни религиозности, ничего, кроме невежества и сохранения архаичных черт быта. Из дневника А. В. Никитенко: «Я входил в избы здешних крестьян: что за нечистота и бедность! <...> Лица взрослых безжизненны и тупы, хотя уверяют, будто они под этою маскою скрывают и ум и хитрость. Эти люди, по-видимому, терпят крайнюю нужду и угнетение... Глубочайшее невежество и суеверие гнездятся в этих душных логовищах. Религиозные понятия здесь самые первобытные. Крестьяне и крестьянки, отправляясь в церковь, говорят, что они "идут молиться богам и божкам"»⁵³. Так образ народа раздваивается, одна сторона воплощает особый народный дух, призванный спасти Россию, а другая сторона заключается в неграмотности и бедности народа. Этим обусловлены два типа отношения интеллигенции к народу — учиться у народа и учить народ, соответствующих дуализму чувства и разума в сознании интеллигенции. Часть русских интеллектуалов достаточно скептически отнеслась к идее опоры на народный дух и особые качества русского народа. Например, М. А. Дмитриев, описывая повседневную жизнь крестьянства, отмечает как основные черты дикость и безнравственность, суеверие и косность: «Такова эта здравая среда народа, в которой Аксаковы с братиею видят коренную силу России, которая должна послужить к нашему перерождению и к освежению элементов, испорченных влиянием гнилого запада! — По моему мнению, мало надежды на эту дикую силу!»⁵⁴.

Идея народа, которая в первой половине XIX в. находилась на периферии семиосферы интеллигенции, во второй половине XIX в. перемещается в центр, оказывая серьезное влияние на остальные элементы семиосферы, "окрашивая" их соответствующим смыслом. Находясь в центре семиосферы интеллигенции, представление

⁵³ Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. Т. 1. С. 210

⁵⁴ Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 493.

о народе активно транслируется, распространяясь из центра на периферию, формируя умонастроение русского общества, становясь обязательным элементом интеллигентского дискурса: «Имя народа на всех устах; оно служит непрременнейшим неизбежным украшением каждой печатной статьи, каждого частного разговора. Какая трогательная забота о нуждах народа, о его благосостоянии материальном и нравственном!»⁵⁵. Не случайно служение народу рассматривается во второй половине XIX в. как группообразующий признак интеллигенции, выступая критерием причисления к интеллигенции. Служение народу входит в область должного для русской интеллигенции в этот период как способ снятия противоречия между должным и сущим на деятельностном уровне. Помещение народа в область должного в сознании интеллигенции приводит к трудностям критического осмысления состояния народа, созданию его идеализированного образа. Вера в народ принимает форму своеобразной религии русской интеллигенции, приводя к жертвенности как способу партисипации к народу.

Важно заметить, что народ по-прежнему остается объектом в представлениях интеллигенции, но из объекта освобождения и просвещения он превращается во второй половине XIX в. и в объект поклонения, пропаганды, вдохновения. Отмена крепостного права не сделала народ для интеллигенции субъектом исторического процесса, он по-прежнему остается объектом, требующим приложения сил интеллигенции. По замечанию Ю. М. Лотмана, «и литература под пером Толстого и Достоевского, и политическая борьба, воплотившаяся в народнических движениях, объявляют своим идеалом народ. Народное счастье — цель революционной практики, но при этом народ — это не тот, кто действует, а тот, ради кого действуют»⁵⁶.

На протяжении XIX – начала XX в. русская интеллигенция неизменно идентифицировала себя в рамках оппозиции "власть — народ". Нараставшее отчуждение от власти приводило к стремлению соединиться с народом либо для того, чтобы учить народ, либо для того, чтобы учиться у него. Русская интеллигенция стремилась спасти народ или спастись сама, преодолев социокультурную дистан-

⁵⁵ *Н. Литературные мечтания и действительность. По поводу литературных мнений о народе // Вестник Европы. 1881. Т. VI. С. 300.*

⁵⁶ *Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 61.*

цию. Сохранение мифологизированных представлений о государственной власти определяло стремление воздействовать на народ опосредованно, сохраняя социальную дистанцию как объективное условие существования интеллигенции. Взаимодействие мифологических конструкций и социальной реальности определяло эволюцию представлений о народе в сознании интеллигенции, тесно связанную с эволюцией представлений о власти. Представление о народе не было единым и целостным, скорее противоречивым, амбивалентным, таким же, как русская интеллигенция XIX столетия.

В начале XIX века интеллигенция выделяет себя, осознает особой группой, прежде всего, по признаку мыслительной деятельности, используя, хотя и редко, само слово "интеллигенция" в прямом европейском его смысле как кальку с немецкого философского словаря (сознание, деятельность рассудка, мыслительная сила), добавляя и определенные нравственные характеристики.

Кроме того, в семиосфере формирующейся интеллигенции в начале XIX века закладывается идея общественного служения, равнодушия к общественным недостаткам, положению других социальных слоев, идея ответственности за происходящее в стране: «Ты знаешь, кажется, что я не очень зол в отношении к своим личным неприятелям; но общественные злодеяния, которые можно назвать язвою государственною, трогают меня до глубины души»⁵⁷. В центре семиосферы интеллигенции находится идея общественной пользы и блага, а на периферии — представление о личном благе, т. е. ценность коллективного преобладает над ценностью индивидуального, что показывает традиционную сущность ядра семиосферы интеллигенции. Таким образом, в очередной раз проявляется двойственность русской интеллигенции, внутренняя противоречивость модели мира этой социальной группы, так как, усвоив европейские утилитарно-либеральные идеи, интеллигенция, тесно связанная с процессом европеизации России, имела традиционную систему ценностей, отражающую основные компоненты традиционной русской культуры. Этим объясняется соединение в самом определении интеллигенции двух ключевых понятий — "разума" как доминанты европейской культуры Нового времени и "духовности" как доминан-

⁵⁷ Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву. 9.08.1811 г. // Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 153.

ты русской средневековой культуры. Дуализм модели мира интеллигенции, ее дуальная социокультурная основа определили и понятийный дуализм, отраженный в русской общественной мысли.

"Мысль" в первой трети XIX в. в представлениях интеллигенции оказывается тесно связанной с "чувством", отражая тем самым не только влияние романтизма и сентиментализма на русскую культуру, но и присутствие сильного эмоционального компонента в общественном сознании. Мысль может подтверждать зарождение чувства, а чувство "освящать" мысль. Происходит соединение разума, духа и души как центральных категорий человеческой жизни, культуры и интеллигенции. Это соединение мы находим и в культуре Древней Руси, когда не разум определяет поведение человека и его стремление к истине, а его душа, что связано с нравственным содержанием понятия истины, совпадающего с понятием правды: «В древнерусских текстах нигде мы не найдем противопоставления души уму, поскольку душа и есть ум ("умная душа"), а духовность и душевность разграничивают интеллектуальную и духовную ипостаси разума»⁵⁸. Для просветительства XVIII в. были также характерны два художественных метода — "интеллектуальный" и "сентиментальный", которые уравнивали друг друга. В соединении мысли и чувства как двух важнейших категорий для русской интеллигенции прослеживается и влияние Вольтера, что подтверждает сохранение просветительской парадигмы в сознании интеллигенции XIX века. «Мы знаем достоверно, что существуем, чувствуем, мыслим», — писал Вольтер. А также: «...Я могу мыслить только с человеческой точки зрения...»⁵⁹. Французские просветители, выступая против метафизики XVII века, пытались согласовать разум и чувство, что отразилось и в гносеологии просветителей⁶⁰.

⁵⁸ Колесов В. В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. Труды методологического семинара "Человек". Межвузов. сб. Л., 1991. С. 122.

⁵⁹ Вольтер. Бог и люди. М., 1961. Т. 2. С. 144, 147.

⁶⁰ По мнению В. Ф. Пустарнакова, для французского Просвещения характерен, в конечном счете, примат ценностного над познавательным, различные акценты то на чувственное, то на рациональное. Примерами служат высказывания Гельвеция, Мабли, Гольбаха. «Просветительский рационализм пронизан чувствами, страстями, интересами деятелей, стремящихся к коренным преобразованиям всех сфер жизни общества». Пустарнаков В. Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М., 2002. С. 82.

В письме А. И. Тургенева к брату Н. И. Тургеневу мы видим сравнение сильной мысли с сильной любовью, которая наполняет всего человека: «У кого была главная, сильная мысль, порожденная сердцем, то есть любовью к человечеству, тот не может быть несчастлив и в неудаче»⁶¹. Уже в первой четверти XIX века представители русской интеллигенции начинают осознавать необходимость преодоления эмоциональной логики мышления, необходимость деятельности, определяемой не только чувством, но и мыслью, учитывая общественно-исторический опыт, результаты осмысления действительности. Особую роль в этом сыграл рационализм эпохи Просвещения, представление об утверждении царства разума на земле. Характеризуя М. Орлова, А. И. Тургенев выделяет именно соотношение чувства и мысли, эмоциональность и рациональность: «Я отдаю справедливость его чувству, которое изливается из прекрасной души, везде ищет оно пользы отечества, везде мечтает о возможном благе его. Я бы держал его близ государя, но держал бы на привязи, ибо в нем нет ничего обдуманного, а опыт доказывал уже нам, какой успех от незрелых планов, от желания обратить в действие все, что сверкнет в голове, не озаренной светильником государственных познаний и наблюдений»⁶². Чувство выступает как побудительный мотив деятельности, но основой деятельности должна стать мысль. Это отражает процесс становления русской интеллигенции как социальной группы, осознания важности процесса интеллектуализации общества. В процессе интеллектуализации особое значение придается интеллектуализации власти, определяемое представлениями о роли государственной власти в России. Но требование ума, мысли сочетается с требованием души, нравственности: «Дельных людей на большой сцене у нас не много. Министры стары и дряхлы, кроме Финансов и Морского. Больше лиц, нежели голов; а душ еще менее»⁶³. В отличие от европейского общества Нового времени русская интеллигенция не совершает переход от чувства к мысли, а соединяет эти понятия, рассматривая их не столько как противоположные, сколько как дополняющие друг друга. Попытка синтеза чувства и мысли в созна-

⁶¹ Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 11.

⁶² А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 10 сентября 1819 г., Санкт-Петербург // Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 307.

⁶³ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 405.

нии интеллигенции связана и с попыткой синтеза справедливости и истины, воплощенной в категории правды.

Ценность мысли, и мысли критической, подчеркивается во второй половине XIX в., возможно, это является попыткой противостоять некритическому, тотальному заимствованию в сфере идей, характерному для русской культуры. Это обратная сторона в развитии русской культуры и интеллигенции, обладающих особой восприимчивостью и переимчивостью культурных новаций, длительное время накапливающих инновационные культурные элементы на периферии своей семиосферы. Появляется необходимость выработки своеобразного интеллектуального или культурного "иммунитета". С другой стороны, формирование интеллигенции как социальной группы, оформление ее как определенной системы ставят задачу укрепления ядра семиосферы, отбора и пересмотра элементов модели мира.

Преодоление стереотипов, важность критического осмысления отмечается и Ф. М. Достоевским, который писал об авторах журнала «Русская мысль» (название журнала также весьма символично для интеллигенции): «... жаль, что вы мало думаете, господа, а живете готовыми мыслями. А у нас не только готовыми мыслями, но и готовыми страданиями живут...»⁶⁴. В этой фразе проявляется все тот же дуализм модели мира интеллигенции, соединяющей интеллектуальное и нравственное начало, понимание правды как справедливости. Эта нравственная окраска любого действия, мысли, слова, т. е. логоса, присуща и древнерусской культуре, для которой нравственные категории приоритетны в противовес логике.

* * *

Изучать русскую интеллигенцию через ее представления о мире и о себе значит приближаться к пониманию сущности этого явления, чрезвычайно сложно определяемого и вызывающего бесконечные споры. Предлагаемая исследовательская стратегия изучения интеллигенции "изнутри" не может и не стремится дать окончательные ответы о природе русской интеллигенции, что вряд ли вообще возможно, но открывает новые стороны этого феномена,

⁶⁴ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1984. Т. 27. С. 541.

а следовательно, и феномена русской культуры, поскольку интеллигенция является одним из создателей и трансляторов русской культурной традиции.

Социокультурные представления русской интеллигенции XIX века оказываются чрезвычайно многообразными, сложными, часто противоречивыми. Но различия в отношении к власти, народу, в политических убеждениях и культурных пристрастиях тем не менее не заслоняют общие черты, свойственные ядру мировоззрения интеллигенции, ее модели мира, составляющие основу групповой идентификации и самоидентификации русской интеллигенции.

Модель мира русской интеллигенции XIX века формировалась в процессе интенсивного усвоения западноевропейской культуры (прежде всего культуры французского и немецкого Просвещения), соединяясь с элементами отечественной культуры, в том числе культуры народной. Осваивая или присваивая, т. е. делая своей европейскую культуру, русские интеллектуалы создавали качественно новые ее интерпретации, осмысляя собственное место в российском обществе и в Европе. Важнейшая черта этого процесса трансляции и интерпретации заключалась в том, что рационалистическая европейская культура воспринималась в рамках мифологического сознания, характерного для русского общества. Именно поэтому европейские философские учения часто приобретали в России религиозный характер, воспринимаясь целостно и непротиворечиво как откровение истины, служа воплощением Правды. Традиционная основа русского общества и русской культуры входила в противоречие с модернизированным интеллектуальным пространством Европы и адаптировала новые внедряемые элементы, наполняя их мифологическим содержанием. Поэтому модель мира русской интеллигенции отличалась амбивалентностью (в той же мере, что и сама эта группа), сочетая рациональность и мифологичность, либеральность и традиционность. Рациональное содержание представлений могло скрываться под мифологической оболочкой, и, наоборот, мифы облекались в ярко выраженную рациональную, строго научную форму.

Интеллигенция — чужая для народа вследствие усвоения ею европейской культуры, трансляции европейских культурных ценностей, но интеллигенция — чужая и потому, что является носите-

лем мифологических представлений, сталкивающихся с мифологическими представлениями народа. Имея в основе своих представлений миф, они говорят на разных культурных языках, что препятствует формированию пространства диалога между ними⁶⁵.

Русская интеллигенция, действуя в пространстве разных культурных языков, осуществляя культурную трансляцию и коммуникацию между русской и европейской культурой, элитарной и народной культурой, обществом и властью, постоянно осмысляет и собственную роль в этом процессе. "Lost in translation" — это выражение можно применить к русской интеллигенции XIX в., не случайно идея поиска пути станет для нее ключевой, причем пути не столько для себя, сколько для всей России. Пытаясь транслировать европейскую культуру в культуру русского традиционного общества, выступить посредником между культурными мирами, социальными группами и институтами, интеллигенция создает свой собственный культурный мир/миф, границы которого она постоянно укрепляет, стремясь преодолеть дискомфортное состояние невостребованности, что выражается в создании мифологии собственно интеллигенции. Мифы русской интеллигенции становятся мифами русской культуры в целом, а модель мира русской интеллигенции XIX века обнаруживает удивительное сходство с моделью мира русского крестьянства⁶⁶. Но особенность русской интеллигенции заключается и в том, что мифы, ею создаваемые, она же постоянно стремится разрушить, процесс мифологизации сталкивается с процессом интеллектуализации, напряженной интеллектуальной рефлексией, способствующей развитию самосознания интеллигенции и развитию русской культуры.

⁶⁵ К. Гинзбург в своем исследовании картины мира XVI века отмечал поразительные аналогии между фундаментальными особенностями крестьянской культуры и некоторыми передовыми тенденциями высокой культуры, «несмотря на глубочайшее различие их языков». *Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / Пер. с итал. М. Л. Андреева, М. Н. Архангельской. М., 2000. С. 232.

⁶⁶ «...Оказывается, — замечает Ю. Пивоваров, что русские рефлексии и русские инстинкты одноприродны, сущностно идентичны. Вот вам (нам) и трагический разрыв между народом и интеллигенцией, о котором мы кудахчем уже около двух столетий!». *Пивоваров Ю.* Полная гибель всерьез... С. 188.

В. А. ВЕРЕМЕНКО

«СЕМЕЙНЫЕ НЕСОГЛАСИЯ» И РАЗДЕЛЬНОЕ ЖИТЕЛЬСТВО СУПРУГОВ

ПРОБЛЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Отечественные юристы второй половины XIX – начала XX в. неоднократно отмечали главную особенность современного им российского семейного законодательства — это нравственный, а не юридический характер правил, которыми должна была регулироваться супружеская жизнь. В результате, как справедливо писал А. Боровиковский, закон, «с патриархальной простотой описывая те супружеские отношения, какие сами собою существуют в счастливых семьях, ...оставил судьбу почти безо всяких руководственных указаний на случай семейных распрей»¹. Однако не счастливые, а именно проблемные семьи в наибольшей степени нуждались в помощи при урегулировании отношений. Недаром светские и духовные власти разных уровней вынуждены были обращаться к вопросу о том, какие органы должны заниматься разрешением «семейных несогласий» и какие санкции для этого следует применять.

О своем полном бессилии в деле формального разбора внутрисемейных конфликтов Св. Синод заявил еще в 1841 г. В течение второй половины 30-х гг. XIX в. епархиальные начальства столкнулись с наплывом «во множестве» поступающих к ним прошений, как напрямую от обиженных жен, так и через посредство местных Управ Благочиния, с требованием к духовной власти призвать к порядку «распоясавшихся» мужей. Однако быстро выяснилось, что церковь не в состоянии достигнуть никакого результата, так как практически никто из просительниц не возбуждал дело о разводе, речь шла лишь о том, чтобы заставить мужа прекратить жестокое обращение или растрату средств, отказаться от любовницы, «вер-

¹ *Боровиковский А.* Отчет судьи. Т. 2. СПб., 1892. С. 215.

нуться в семью» и т. д. В соответствии с полученными от Св. Синода инструкциями духовные наставники должны были «изъяснить рассорившимся супругам всю греховность несогласия их и виновного мерами духовного убеждения склонить к раскаянию, а в случаях безуспешности убеждений передать дальнейшее разбирательство Гражданскому Начальству». В итоге, проведя несколько душеспасительных бесед с обвиняемым супругом (если, конечно, его удавалось уговорить на них явиться), священник отправлял документы в местную полицию или даже губернатору (в зависимости от социального статуса виновного) и считал свою миссию исчерпанной. Светские же чиновники, ссылаясь на то, что нормы Свода Законов воспрещают полиции входить в частные ссоры и несогласия между супругами, исключая уголовные случаи (ст. 288, том XIV), снова препровождали материалы дела местному епископу². После этого вопрос мог еще неоднократно переходить из рук в руки то одной, то другой власти. Так, например, дело жены чиновника Е. Е. Буртаевой, имевшее целью «усмирение» ее мужа В. Буртаева, поэтапно рассматривалось начальством мужа, С.-Петербургской Управой благочиния, С.-Петербургской Духовной Консисторией, снова Управой благочиния, С.-Петербургским военным генерал-губернатором, а в итоге оно опять было препровождено в С.-Петербургскую Консистирию³.

В этой связи Св. Синод обратился в Министерство юстиции и Второе отделение Собственной е.и.в. Канцелярии с предложением более четко определить в законе те вопросы урегулирования семейных отношений, которые подлежат ведению духовной и светской властей. При этом иерархи заранее оговорили, какие мероприятия, по их мнению, допустимо возлагать на плечи церкви, а чем должны заниматься полиция и суд. «Церковь, освящая брак, может расторгнуть оный посредством своих судилищ, в случае нарушения святости брака прелюбодеянием, может согрешение против чистоты и согласия супружеского, при надежде исправления, очистить и уврачевать покаянием и епитимьей, может супругов несогласных, или оскорбивших один другого увещанием прими-

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1261. Оп. 1. Д. 88. Г. 1841. Л. 1–4.

³ Там же. Л. 11 об.–17.

рять и привести к согласию, свойственному супругам». Но что же делать священнику, если увещание не подействует? По мнению членов Св. Синода в этом случае необходима «власть исполнительная», принадлежащая гражданскому начальству, тем более, что «все эти поступки суть нарушение общего порядка». Однако и главноуправляющий Вторым отделением Д. Н. Блудов, и министр юстиции В. Н. Панин выступили категорически против включения в закон норм, дающих светской власти возможность вмешиваться во внутреннюю жизнь семьи даже с целью разрешения «семейных несогласий», и посчитали «невозможным входить в какие-либо распоряжения по предмету настоящего отношения»⁴.

Таким образом, в середине XIX в. отсутствовала какая-либо единая и общеизвестная практика в деле рассмотрения внутрисемейных конфликтов. Мало этого, закон, запрещающий «буйство и нарушение чужого спокойствия под страхом наказания», совершенно не относился «до внутренней, домашней жизни супругов»⁵. Так что полиция имела законную возможность вторгнуться во внутрисемейные распри либо тогда, когда скандал досаждал посторонним лицам, либо когда осуществляемое насилие могло быть подведено под общеуголовные статьи о нанесении увечий, ран и других повреждений здоровью⁶.

Недовольные друг другом супруги апеллировали к родственникам, друзьям, знакомым, начальству, священнику, администрации, полиции и т. д. Несмотря на прямое запрещение в законе раздельного жительства супругов и оформления его какими-либо «разлучными актами»⁷, указанные посредники часто не только по-

⁴ Там же. Л. 7, 42–44.

⁵ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, с разъяснениями Сената по 1913 г. включительно. Екатеринбург, 1914. Ст. 38. С. 106–110.

⁶ Речь идет о статьях 1477–1492 «Уложения о наказании», предусматривавших за нанесение ран и увечий различные санкции: от лишения всех прав состояния и ссылки на 4–6 лет на каторжную работу в Сибирь до 2–4 месячного тюремного заключения. Размер наказания различался в зависимости от тяжести полученных ран и от того, в каком положении друг к другу находились участники правонарушения (были ли они родственниками, находились ли в отношении опекуна и опекаемого и т. д.). См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1885. Ст. 1477–1492.

⁷ Запрещение супругам раздельного жительства оговаривалось в ст. 103

могали в их подписании, но и скрепляли документ своей подписью⁸. Единственным же органом, который среди прочего официально занимался ограждением жен от преследований со стороны мужей, было III отделение Собственной е.и.в. канцелярии. Его функции большей частью выражались в предоставлении женщинам отдельного вида на жительство⁹. Лишь иногда, по специальному решению начальника данного отделения устанавливался не только сам факт раздельного жительства, но определялись и другие связанные с ним вопросы (материальные условия «разной жизни», вопрос о детях и др.)¹⁰.

В июне 1860 г. Главный начальник III Отделения князь В. А. Долгоруков попытался передать разрешение «семейных несогласий» местной гражданской власти, придав, таким образом, осу-

Законов Гражданских и дополнительно дублировалось в ст. 46: «Самовольное расторжение брака без суда, по одному взаимному согласию супругов, ни в коем случае не допускается. Равномерно не допускаются и никакие между супругами обязательства или иные акты, заключающие в себе условие жить им в разлучении, или же какие-либо другие, клонящиеся к разрыву супружеского союза. Места и лица гражданского ведомства не должны утверждать или свидетельствовать акты сего рода. Священно- и церковнослужителям также воспрещается, под опасением суда и лишения их сана, писать, под каким бы то ни было видом и кому бы то ни было, разводные письма». Св. Зак. Т. X. Ч. 1. Законы гражданские. СПб., 1857, 1876 и послед. издания. Ст. 46, 103.

⁸ См. подробнее: *Веремко В. А.* Дворянская семья и проблема содержания одним супругом другого в России во второй половине XIX – начале XX веков // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории.* М.: ИВИ РАН, 2006. № 11. С. 114-140.

⁹ Так как одной из главных обязанностей супругов считалось совместное жительство, то замужняя женщина могла получить отдельное удостоверение личности лишь с разрешения супруга. До середины 1890-х годов данное правило не содержалось в паспортных правилах, но выводилось юристами из требования гражданского закона. С 1894 года согласие мужа, как обязательное условие предоставления жене паспорта, было внесено в «Положения о видах на жительство». См. Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ). Собрание 3-е. Т. XIV. 1894. СПб., 1898. № 10709.; Св. Зак.. Устав о паспортах. Т. XIV СПб., 1903.

¹⁰ О деятельности Третьего отделения по наделению замужних женщин видами на жительство см.: *Веремко В. А.* «Лицо с видом на жительство» (гендерный аспект паспортной системы России конца XIX – начала XX вв.) // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории.* М.: ИВИ РАН, 2004. № 7. С. 201-242.

ществлению этих мероприятий большее единство и доступность. С этой целью на имя Д. Н. Блудова была передана записка «О недостаточном ограждении законами жен от жестокого с ними обращения мужей». В этой записке предлагалось установить, что по жалобе жены на жестокое обращение мужа должен производиться розыск, и в том случае, если жалоба подтвердится, то, «по передаче дела к следствию, предоставляется следователю вместе с полицейским стряпчим составить акт о необходимости выдать жене отдельный от мужа вид на жительство впредь до окончания дела судебным порядком».

В ответном отзыве от 25 июня 1860 г. Д. Н. Блудов сообщил, что «хотя и было бы желательно изыскать средства для защиты супругов, страдающих от дурного поведения или дурного нрава тех, с коими неудачные выбор или особые обстоятельства соединили их узам, но было бы несвоевременно введение каких-либо по сему предмету мер отдельным и гласным распоряжением Правительства». Далее он проинформировал, что при «предложенном общем пересмотре гражданских законов, ...по сношении с духовным ведомством» планируется подготовка «особого постановления о разлучении супругов»¹¹.

После получения фактического отказа от Д. Н. Блудова руководство III Отделения попыталось урегулировать, по крайней мере, собственную деятельность по организации запрещенного законом раздельного жительства супругов, придав ей большую определенность, а возможно, и гласность. В том же 1860 г. им был составлен проект «Наставления для рассмотрения просьб об освобождении супругов от обязанности к совместной жизни». Документ признавал «полезным впредь до пересмотра и исправления всех узаконений о правах и обязанностях, от супружества возникающих, позволить женам проживать отдельно от мужей, по особым достойным уважения причинам». По плану авторов проекта, замужние женщины, желающие жить отдельно от мужей, должны были подать прошение на имя императора. К изучению обстоятельств каждого дела предполагалось приступать лишь по получении «предварительного Высочайшего соизволения». Само следствие рекомендо-

¹¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 15. Л. 91 об. – 92.

валось вести так тщательно, чтобы сформировалось «безошибочное убеждение в уважительности причин, по коим может быть дано разрешение на разлучение супругов от совместной жизни». К таким причинам сотрудники III отделения отнесли:

- а) развратное поведение мужа, или когда он содержит наложницу в одном доме с женою, причем эта причина обозначалась как главная;
- б) жестокое обращение мужа с женой;
- в) оскорбление мужем чести жены и посягательство на ее свободу;
- г) неизлечимая, «прилипчивая» болезнь мужа;
- д) насильственное со стороны мужа понуждение жены к совершению преступления;
- е) взаимное отвращение супругов.

Запрещалось разлучение супругов по взаимному соглашению и в случае обоюдного нарушения супружеской верности. Вынесению решения должно было предшествовать «увещание их к примирению, чрез духовные и гражданские власти, или при посредстве частных лиц, известных своим влиянием на враждующих супругов». Разлученной жене не полагалось никакого содержания от мужа, за исключением тех случаев, «когда по болезни, увечью или иным уважительным причинам, она не может трудами своими доставать средства к существованию». При принятии решения определялась судьба детей, «принимая в соображение личные качества и состояния родителей, равно как и причины, доводящие их до разлучения». При этом тех из несовершеннолетних, кто не достиг семилетнего возраста, рекомендовалось оставлять при матери, но на иждивении отца, «если мать не имеет к тому средств»¹².

Проект был тщательно изучен чинами II Отделения, которые высказали различные мнения. Итог дискуссии подвел статс-секретарь барон М. А. Корф. В своем письме князю В. А. Долгорукову от 27 февраля 1862 г. он сообщил, что «почти все члены II Отделения согласились только в потребности избавления супругов от тяжкого, иногда невыносимого и даже опасного для жизни положения при обязательном сожитии в случаях таких нарушений,

¹² Там же. Д. 21. Л. 38–39 об.

которые закон не признает достаточными для расторжения брака». В то же время предлагаемые меры «сколько они не желательны, не могут быть приняты ни без оглашения их в общее сведение (иначе они не достигли бы своей цели), ни одним порядком административным, потому что основывались бы в таком случае на одном лишь случайном произволе; что, следовательно, меры сего рода могут заключаться только в допущении по делам о раздорах между супругами судебных исков и приговоров о разлучении бессрочном или временном». Введение же таких правил «заключало бы в себе прямую отмену существующих законов». К тому же, раз «брачные дела принадлежат ведомству церковных властей, то ко всякому новому постановлению сего рода можно приступить не иначе, как по соглашению с этими властями»¹³. В результате система разрешения дел о семейных несогласиях не подверглась никакому существенному изменению.

С введением новых судебных уставов в период правления Александра II супруги сразу же попытались использовать открывшиеся новые возможности для разрешения своих семейных конфликтов. В результате уже в середине 1860-х гг. до Правительствующего Сената дошло дело офицерской семьи Соймоновых. В ходе его изучения был возбужден вопрос о том, «подлежат ли личные оскорбления, наносимые одним из супругов другому, судебному преследованию». Так как разрешение данной дилеммы носило принципиальный характер и должно было либо открыть, либо закрыть двери суда широкому потоку дел о «семейных несогласиях», Министерство юстиции перед обнародованием позиции Сената обратилось во II Отделение за разъяснениями. Позиция дававшего ответ кн. С. Н. Урусова оказалась неожиданной как для Министерства юстиции, так и для членов Сената. Заявив, что «подобные иски должны быть вообще допускаемы», Урусов аргументировал свое мнение тем, что закон не предоставляет ни одному из супругов исправительных мер над другим. Сам же факт наличия обязанности жены повиноваться мужу совершенно не означает отсутствие у нее права жаловаться на супруга, «но и при таковых даже взглядах, ни в коем случае нельзя было бы отрицать право мужа жаловаться на жену»¹⁴.

¹³ Там же. Д. 15. Л. 92–93.

¹⁴ Там же. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 20. Г. 1865. Л. 1–4 об.

Несмотря на подобное заключение Сенат, рассматривая в 1869 г. похожий случай, все же принял определение, отрицающее возможность судебного преследования за личные оскорбления между супругами, сделав их, таким образом, ненаказуемыми. Ставшее предметом сенатского исследования дело возникло по иску жены коллежского асессора О. Соколовской, подавшей жалобу на мужа в Орловский мировой суд. Судья признал чиновника виновным в «нарушении общественной тишины, оскорблении жены словами и действием в публичном месте и произнесении угроз», и приговорил его к аресту на 3 месяца. Мировой съезд утвердил приговор мирового судьи. Соколовский обжаловал в Сенате мнение низших инстанций об отсутствии в законе утверждения о ненаказуемости супружеских обид, в том числе происходивших вне дома. Сенат построил свое рассуждение на том, что в «домашнем быту, среди ежечасного столкновения между супружескими правами и обязанностями, трудно избежать всяких ссор и вспышек», а потому законодательство не может допускать судебных исков супругов об обиде друг против друга. В данном же случае исследованию был подвергнут не домашний конфликт, а уголовный проступок, связанный с беспорядками на улице. А потому приговор не подлежал пересмотру¹⁵.

Это сенатское решение было воспринято большей частью низших судебных инстанций как образец для подражания. Правда, и в последующий период определенная возможность судебного преследования семейного насилия, даже если оно не сопровождалось «нарушением общественной тишины» или нанесением ран и увечий, все же существовала. Умелые адвокаты квалифицировали его как самоуправство, используя ст. 142 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Это обвинение грозило виновному арестом на срок не свыше трех месяцев¹⁶.

Супруги подвергались наказанию и по более суровым статьям. Так, в 1877 г. за нанесение телесных повреждений одним из них

¹⁵ Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. СПб., 1869. Первое полугодие. № 551.

¹⁶ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями... Ст. 142. См., напр.: Решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1871 год. СПб., 1871. II полугодие. № 1709.

другому, в шести судебных округах было осуждено 50 мужей и одна жена¹⁷. Главным же было то, что если степень тяжести преступления не предполагала ссылки в Сибирь, то данный проступок не являлся поводом к разводу. А это теоретически означало, что по отбытии наказания виновный супруг должен был вернуться назад в семью, сохранив в целостности все свои «семейственные права».

В 1870–1880-е гг. идея о необходимости создания единой, действующей для всего населения страны нормы разрешения дел о семейных несогласиях стала очевидной не только для заинтересованных сторон и юристов, но и для основной массы русской бюрократии. Это подтвердила «Комиссия для разработки проекта законоположения об упразднении Комиссии Прошений»¹⁸, которая с «высочайшего одобрения» поручила Министерству юстиции подготовить законопроект «об условиях разрешения одному из супругов отдельного жительства» и внести его «по возможности безотлагательно на рассмотрение Государственного Совета, не ожидая составления предпринятого уже нового гражданского уложения».

«Сжатые сроки» на подготовку законопроекта, о которых говорилось в представлении Министерству юстиции, на деле обернулись двенадцатью годами. Характерно, что Комиссия по составлению нового гражданского уложения, которая среди прочего готовила и «Проект правил о разрешении раздельного жительства супругов», не стала в данном вопросе изобретать ничего принципиально нового. Она использовала, во-первых, иностранный опыт, благо в конце XIX в. раздельное жительство супругов существовало во многих европейских странах, действуя где параллельно с разводом (например, в Австрии, Англии, Бельгии, Голландии, Германии, Франции и др.) или в качестве его замены для стран с

¹⁷ *Арсеньев К. К.* Разлучение супругов как необходимый институт брачного права. СПб., 1884. С. 24.

¹⁸ После упразднения Третьего отделения дела о «семейных несогласиях» ненадолго перешли в ведение Департамента полиции МВД, а с осени 1881 г. стали исследоваться Комиссией прошений и докладываться императору Статс-секретарем у принятия прошений. См.: *Веремько В. А.* Дворянские семьи второй половины XIX – начала XX веков в поисках «монаршей милости» (по материалам Канцелярии е.и.в. по принятию прошений) // *Вестник молодых ученых.* 2004. № 3. (Серия: исторические науки). 2004. № 2. С. 32–41.

преимущественно католическим населением (Испания, Португалия)¹⁹. Во-вторых, использовался и местный, прежде всего, административный опыт, выработанный первоначально III Отделением, а позднее — с 1881 г. — Комиссией-Канцелярией прошений, которая переняла функции по исследованию семейных несогласий от упраздненного отделения Канцелярии. К тому же в России устанавливаемое официально-судебное раздельное жительство существовало в Финляндии для местного населения²⁰. Применяло такую практику, исходя из «Положения о союзе брачном 1836 года» и католическое духовенство. Причем, разлучало оно своих прихожан не только в Польше, но и повсеместно в России²¹. Предлагая зимой 1897–1898 годов законопроект на рассмотрение Государственного Совета и заинтересованным ведомствам, Министерство юстиции особо желало подчеркнуть как востребованность учреждения института раздельного жительства для жителей страны, так и определенную традицию его применения не только за рубежом, но и в самой империи. Недаром к тексту документа, состоящего всего из 25-ти пунктов и умещавшегося на трех печатных страницах, была приложена объяснительная записка, более чем в 20 раз превышавшая объем самих правил²².

Согласно проекту, разрешение вопроса о допустимости раздельного жительства супругов передавалось в компетенцию окружного суда по месту постоянного проживания ответчика. Причем данное дело должно было исследоваться при закрытых дверях.

¹⁹ См. подробнее: Право. 1903. № 6.

²⁰ В главе местных законов под названием «О ссоре и несогласии между мужем и женой, и об отлучении их от стола и ложа», рассмотрение семейных несогласий судом. Этот орган должен был определить степень виновности каждой из сторон в возникшем конфликте и наложить на разжигателя семейной вражды штраф. Первоначально в 25 талеров, а затем в два раза больше. В том случае, при котором и вторичный судебный привод не завершился исправлением виновного, суду предоставлялось право приговорить супругов к разлучению. Гражданские и имущественные последствия официально установленной раздельной жизни четко прописывались в законе, предоставляя все преимущества невинной стороне. См.: *Мальшев К.* Общее уложение и дополнительные к нему узаконения Финляндии. СПб., 1891. С. 37-38.

²¹ Положение о союзе брачном 1836 года. Пг., 1916. Ст. 62–67.

²² РГИА. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 15. Л. 83–118.

Причинами, дававшими суду право утвердить прошение истца, признавались следующие: жестокое обращение с самим просителем или с детьми, нанесение ему тяжких оскорблений; сифилитическая болезнь другого супруга; развратный или позорный образ его жизни; привычное пьянство; безрассудное и разорительное для семьи мотовство; «злонамеренное оставление» просителя другим супругом, «если оно продолжалось не менее года и если обращенное просителем к оставившему его супругу требование о восстановлении совместной жизни было им отклонено или оставлено в течение месяца без ответа». Особо оговаривалось право жены на отдельное жительство от мужа, «когда он не имеет оседлости, отказывает просительнице и детям в необходимом содержании или, при недостаточности доставляемых им средств, препятствует жене снискивать средства к жизни самостоятельным трудом». В то же время 5-й пункт правил строго устанавливал, что «раздельное жительство супругов не может быть разрешено на основании одного лишь их о том соглашения». Суду предоставлялось право либо устанавливать раздельное жительство на срок от 1 до 3 лет (с правом последующего продления), либо сразу же вводить его на «неопределенное время». Ходатайство о прекращении определенного судом раздельного жительства можно было подавать в связи с «уничтожением повода», по которому оно было разрешено. Само собой право на раздельное проживание утрачивало силу «вследствие восстановления, по взаимному согласию супругов, совместной их жизни».

Несмотря на раздельное проживание, жена сохраняла за собой право на содержание от мужа. Правда, в случае признания ее виновной стороной, она могла требовать от мужа содержание, лишь находясь в нужде и не имея возможности «самостоятельным трудом добывать себе средства к жизни, и при том лишь в размере, необходимом для удовлетворения насущных потребностей (насущное содержание)». Место пребывания детей подлежало взаимному соглашению супругов, а в случае отсутствия такового проект предлагал делить их по половому признаку, оставляя мальчиков с отцом, а девочек с матерью. В то же время текст правил предполагал возможность для невиновного супруга, по согласию суда, оставить у себя всех детей. Родительская власть единолично передавалась тому из супругов, у которого дети были оставлены. Содержание

детей возлагалось преимущественно на отца. Статья 10 устанавливала: «Отец обязан давать средства на содержание и тех детей, которые будут находиться при матери. Мать обязана участвовать в содержании находящихся при ней детей, соответственно своим имущественным средствам. В содержании детей, оставленных у отца, мать участвует лишь в том случае, когда отец не имеет собственных достаточных средств»²³.

Как видим, за 37 лет, которые разделяют составление двух проектов о раздельном жительстве — подготовленного III Отделением и Комиссией, созданной для подготовки нового гражданского уложения, многое изменилось. Разработчики позднейшего законопроекта, предполагая внести изменения в существовавшее гражданское право, имели возможность передать дела о «семейных несогласиях» в компетенцию суда, не привлекая к ним в обязательном порядке главу государства. Значительно расширился список поводов, дававших право на раздельное жительство (в него было включено даже «злонамеренное оставление»), в то же время более широкая формулировка о «прилипчивой и отвратительной болезни мужа» была заменена упоминанием о сифилисе как единственной болезни, дававшей возможность ходатайствовать о раздельном проживании. Характерно, что оба документа выступали категорически против участия суда в оформлении супругами условий разной жизни по взаимному согласию. Новый проект сохранял за женой право на содержание от мужа и после утверждения отдельного проживания. Значительно более тщательно, чем в наставлении 1860 года, создатели проекта правил разрабатывали вопрос о детях. Это, несомненно, отражало огромный опыт судебной власти по исследованию данных аспектов семейной жизни, накопленный ею за предшествовавшие несколько десятков лет.

Государственный совет мог приступить к рассмотрению законопроекта только после предоставления отзывов заинтересованных ведомств. В министерства внутренних дел, военное, морское, Канцелярию прошений и обер-прокурору Св. Синода были направлены соответствующие отношения. Все руководители ведомств, кроме

²³ Проект правил о разрешении раздельного жительства супругов, разработанный комиссией по составлению проекта гражданского уложения // Гессен И. В. Раздельное жительство супругов. СПб, 1912. С. 41-45.

К. П. Победоносцева, поспешили оперативно прислать ответы, носившие в целом одобрительный характер. Наиболее кратко выразилось Министерство внутренних дел, ограничившись лишь заявлением, что с его стороны «по существу законопроекта о разрешении раздельного жительства супругов возражений ...не имеется». Военное и морское министерства высказали составителям отдельные замечания, не затрагивавшие, впрочем, принципиальных положений документа. Дававший ответ за военного министра начальник Главного управления генерал-лейтенант Маслов, уточнив некоторые положения документа, обратил внимание на необходимость обязать суд при рассмотрении дел о раздельном жительстве супруга-военнослужащего выдавать копию решения военному начальству, «дабы предоставить последнему возможность принять относительно военнослужащих неодобрительной нравственности и поведения, соответственных в интересах службы и ведомства мер». Руководителей же морского ведомства взволновала устанавливаемая правилами возможность раздельного жительства по причине «злонамеренного отсутствия» одного из супругов и обязанность мужа содержать жену даже в случае ее вины. Однако необходимость срочного принятия соответствующего закона была признана во всех трех отзывах²⁴.

От Канцелярии прошений в Государственный совет поступило два отзыва, так как за время, пока законопроект ждал решения своей судьбы, в этом учреждении успело смениться руководство. Первый ответ был предоставлен в январе 1899 г. Д. С. Сипягиным. Главным недостатком рассматриваемых правил главноуправляющий Канцелярией считал распространение на семейные дела обычного порядка судопроизводства по гражданским делам в окружных судах. Ведь для крестьянок и мещанок, которые составляли в данное время²⁵ наибольшее число просительниц, «окружные суды

²⁴ РГИА. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 15. Л. 119–122.

²⁵ Первоначально большинство просительниц, обращавшихся в Комиссию (Канцелярию) прошений за отдельным видом на жительство, принадлежало к непривилегированным сословиям (ок. 80%). Ситуация решительно изменилась в начале XX в. Неоднократно повторяемое Сенатом с 1888 г. мнение о допустимости предоставления местными властями крестьянским женам отдельного паспорта без согласия мужа нашло повсеместное применение

...будут и мало доступны, и далеки от места событий и жительства сторон». Это неудобство Д. С. Сипягин предлагал разрешить путем возложения ведения дел о семейных несогласиях на уездных членов окружного суда (в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках) и на мировых судей (в прочих местностях). Судами второй, апелляционной инстанции при такой подсудности дел о раздельном жительстве он предлагал сделать окружные суды для первой группы местностей и мировые съезды для прочих территорий. В само же содержание правил исследования дел Д. С. Сипягин считал необходимым внести несколько принципиальных изменений. Прежде всего, обращая внимание на то, что Канцелярия всегда стремилась разрешить несогласия между супругами миром, приведя их к соглашению, глава ведомства выступил за предоставление суду права устанавливать раздельное жительство на «основании обоюдного и добровольного» согласия сторон. Далее, соглашаясь с рекомендациями подробно изучавшего текст законопроекта пятого делопроизводства Канцелярии, занимавшегося рассмотрением дел о семейных несогласиях, Сипягин предложил внести уточнения практически во все статьи документа. Например, в статье 1 вместо указания на сифилис как повод для «разной жизни» предлагалось использовать более широкое выражение — «сифилитическая и всякая другая болезнь или физический недостаток, вызывающие доходящее до болезненности отвращение» и т. д. Особое недоумение у главноуправляющего Канцелярией прошений вызвало предложение авторов нового закона о разделе детей по половому признаку. Обратив внимание на то, что этот совершенно «случайный, не имеющий никакого отношения к существу дела, принцип» очень часто бывает не реализуем на практике (если в семье один ребенок, или все дети принадлежат к одному полу), он подчеркнул, что вопрос о детях «может быть решен только двумя способами: 1) добровольным соглашением супругов, или же если такового не последует, 2) имеющим обяза-

только с 1902 г., когда последовал адресованный губернаторам циркуляр МВД, предлагавший земским начальникам «руководствоваться в точности основаниями», установленными Сенатом. С изданием данного постановления первенство по численности ходатайств перешло к дворянкам. РГИА. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 17. Л. 18 об.

тельную силу постановлением суда, основанным на рассмотрении дела по существу»²⁶.

В 1902 г. с новым отзывом от имени Канцелярии прошений выступил ее очередной главноуправляющий барон А. А. Будберг. В целом, соглашаясь с основными идеями своего предшественника, Будберг предложил внести в текст документа еще большие изменения. Указав на то, что основная масса дел по семейным несогласиям, доходящих до рассмотрения Канцелярии, представляла собой просьбы о выдаче отдельного вида на жительство жене без согласия мужа, новый главноуправляющий сделал неожиданное предложение — вместо того, чтобы сохранять за этими делами вид следственного разбирательства, правда, теперь не в Канцелярии, а в суде, необходимо просто упростить процедуру выдачи паспортов замужним женщинам. По его мнению, следовало бы внести изменения в «Положения о видах на жительство», предоставив полиции «при наличии факта раздельного жительства» беспрепятственно снабжать просительницу «срочным не свыше одного года видом». Другое дело, когда речь шла бы не просто о предоставлении замужней женщине возможности свободно находить работу или переезжать из одной части страны в другую. В таких случаях, когда необходимость официального установления раздельного жительства диктовалась бы сложностью разрешения имущественных споров или была связана с выяснением вопроса о детях, тогда, конечно, без судебного вмешательства обойтись было бы невозможно. Далее А. А. Будберг, хотя и соглашался с Д. С. Сипягиным по вопросу о нежелательности возлагать эти иски на окружной суд, но все же отвергал его концепцию «суда одинакового для всех». Для доказательства своей позиции Будберг задался риторическим вопросом: «...можно ли рассчитывать, что уездный член окружного суда, ...будет в состоянии одинаково сознательно и справедливо относиться к семейному спору в крестьянской среде, в семье местного купца, местного священника, потомственного дворянина и в семействах лиц, служащих на государственной службе...?» Свой отрицательный ответ он мотивировал тем, что «наиболее компетентным правильно разрешить семейный спор является лишь тот, кто близко

²⁶ РГИА. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 15. Л.10–20, 45 об.–54 об.

знаком с условиями жизни, взглядами, традициями ... и предрассудками той среды, к которой принадлежат спорящие...». Исходя из данной посылки, Будберг первоначально (в марте 1902 г.) предложил Государственному совету передать дела о семейных несогласиях в разные инстанции в зависимости от того, к какому сословию или званию принадлежит муж. Для крестьян главным судьей должен был стать земский начальник. Для дворян и городских сословий судьи должны были избираться путем дворянских и городских выборов из числа лиц, пользующихся особым доверием и уважением среди местного сословия. Для лиц, находящихся на государственной гражданской и на военной службе, судьями должны были стать ближайшие начальники спорящего супруга. Однако в августе того же года он несколько изменил свою позицию, предложив возродить Советный суд, ныне учреждаемый «при окружных судах в составе лиц судебного персонала, с привлечением в состав суда одного или нескольких представителей того сословия, к которому принадлежит муж, а также по желанию тяжущихся, по одному или нескольким лиц, состоящих с ними в родстве или пользующихся их доверием и при согласии таких лиц принять на себя такую обязанность»²⁷.

Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев сначала использовал тактику затягивания, никак не реагируя на периодические напоминания о необходимости дать отзыв на законопроект о раздельном жительстве супругов как со стороны Министерства юстиции, так и от Госсовета²⁸. Лишь в 1903 г. он, наконец, направил необходимый документ в соответствующие инстанции. В своем отзыве К. П. Победоносцев выступил категорически против введения проектируемого института, приведя в обоснование своей точки зрения разнообразные, нередко противоречивые доводы. Он указал на несвойственность норм официально оформленного раздельного жительства православной культуре и морали. Обеспокоился, чтобы принятие закона не послужило само по себе основанием к увеличению количества разлучений супругов. С другой же стороны, обер-прокурор высказал опасения, что этот закон может остаться «мертворожденной буквой», а ведь «мертворожденный закон только дис-

²⁷ Там же. Д. 21. Л. 109–112; Там же. Д. 15. Л. 124–127 об.

²⁸ Там же. Д. 19. Л. 2.

кредитует законодателя». В качестве альтернативы принятию специального законопроекта К. П. Победоносцев порекомендовал внести изменения в паспортные правила, несколько облегчив условия получения видов на жительство для замужних женщин²⁹.

Доводы обер-прокурора возымели свое действие, тем более что А. А. Будберг, выступавший от имени учреждения, обладавшего наибольшим опытом в деле разрешения семейных несогласий, также указал на то, что основную часть семейных споров вполне можно урегулировать простой отменой нескольких статей «Положения о видах на жительство». В ходе обсуждения в 1903 г. в Государственном Совете законопроекта о раздельном жительстве чаша весов склонилась в сторону данного решения проблемы. «Признавая нежелательным вводить в русское законодательство новый для него институт раздельного жительства», Соединенные департаменты Государственного совета вместе с тем заявили, что «цель, для достижения коей предполагается ввести этот самостоятельный институт, могла бы в значительной мере быть достигнута более простым средством, а именно устранением существующих для замужних женщин паспортных стеснений»³⁰. Однако до 1910 г. какого-либо законодательного решения этого вопроса не произошло.

В ожидании рассмотрения законопроекта о раздельном жительстве Канцелярия прошений была вынуждена позаботиться о придании своей деятельности по рассмотрению семейных несогласий определенной законности. Главная задача состояла в том, чтобы выделить те вопросы, которые можно решить общегражданским порядком (споры о содержании мужем жены, о детях), по остальным же принять такие правила, которые способствовали бы наделянию Канцелярии возможно большей защитой на случай возбуждения одной из вовлеченных в административное дело сторон судебного преследования. С этой целью в 1895, 1899 и 1901 гг. главноуправляющие Канцелярией запросили у Николая II соответ-

²⁹ Гессен И. В. Раздельное жительство супругов. С. 24–26.

³⁰ Гессен И. В. Раздельное жительство супругов. Закон 12 марта 1914 года о некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям. СПб., 1914. С. 154.

ствующие инструкции. Первые два документа, подготовленные по поручению Д. С. Сипягина, были краткими и предназначались исключительно для урегулирования возможных споров с судебными органами³¹. Третья же инструкция должна была стать официально оформленными правилами урегулирования семейных несогласий, с учетом как многолетнего опыта учреждений, занимавшихся разрешением данной проблемы, так и последней судебной практики. Недаром текст ее трижды переписывался, пока окончательный документ полностью не удовлетворил А. А. Будберга.

В инструкции четко прописывались три варианта обращений, которые давали право Канцелярии начать административное дело:

- «1) ходатайства *одного из супругов* о предоставлении ему права отдельного жительства, а также просьбы о разрешении таких споров, возникших между супругами на почве их личных отношений и родительских прав, которые не подлежат рассмотрению в общем законном порядке;
- 2) ходатайства *жен* об определении дальнейшей судьбы находящихся на их попечении несовершеннолетних детей, когда этот вопрос находится в неразрывной связи с ходатайством просительниц о предоставлении им права отдельного от мужа жительства;
- 3) совместные ходатайства *обоих супругов* об утверждении Верховной Властью таких состоявшихся между ними соглашений по вопросу об отношениях их друг к другу или к их несовершеннолетним детям, которые по закону представляются недействительными». Прочие семейные дела, которые можно было бы разрешить в суде, принимались к рассмотрению главноуправляющим лишь «в целях оказания супругам содействия к восстановлению ими нарушенного согласия». При этом последняя группа вопросов должна была по возможности разрешаться без привлечения императора, обращения к которому допускались только «в силу исключительных обстоятельств дела».

Главноуправляющему вменялось в обязанность постараться мирно разрешать семейные споры, путем приведения сторон к соглашению, и лишь в случае безуспешности этих действий он должен приступить «к рассмотрению дела по существу». Рядовые случаи должны были доводиться до сведения царя «в виде общих

³¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 21. Л. 15 об., Л. 17 об.–18.

кратких списков», с указанием предпринятых мер. О редких, «заслуживающих особого внимания» делах, предполагалось информировать монарха подробно. Причем в экстренных случаях главноуправляющему разрешалось осуществлять все необходимые меры до доклада императору, ставя его в известность о произошедшем на ближайшем всеподданнейшем докладе. Большая часть документа (ст. 7–16) представляла собой формальное закрепление существовавшей в Канцелярии практики рассмотрения дел о наделении замужних женщин отдельным видом на жительство³².

Так как законопроект о раздельном жительстве был отклонен, именно это секретное административное правило оставалось единственным руководством в деле разрешения семейных несогласий на последующие 13 лет.

В мае 1910 г. группой депутатов (73 человека) в Государственную думу был внесен законопроект «О раздельном жительстве супругов», состоящий всего из трех пунктов: «1. В изъятие из правил ст. 103, т. X ч. 1, гражданским судам предоставляется допускать, по требованию одного из супругов, раздельное их жительство, на срок и бессрочно, если совместная жизнь, по причинам имеющим быть точно указанными в законе, стала невозможной. 2. Разрешая отдельное жительство, суд определяет по правилам, установленным законом, взаимные личные и имущественные отношения между супругами и отношения между ними и прижитыми в браке детьми. 3. Выдача отдельных видов на жительство замужним женщинам не требует согласия мужей»³³.

Данное законодательное предположение ускорило деятельность правительства в этом вопросе. В 1912 г. на рассмотрение Государственной думы был уже представлен проект Министерства юстиции «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям». Еще в ходе обсуждения этого документа 9 апреля 1912 г. указом Первого Общего собрания Пр. Сената действие особых правил выдачи видов на жительство, касающихся крестьянок, было распространено на всех

³² Там же. Л. 102–103 об.

³³ О раздельном жительстве супругов. (Законодательное предположение 73 членов Г. д.) // Гессен И. В. Раздельное жительство супругов. С. 53.

замужних женщин без различия сословия. В результате, на практике получение отдельного паспорта самостоятельно живущей семейной женщиной стало доступно за два года до принятия соответствующего законодательного решения³⁴.

Текст высочайше утвержденного 12 марта 1914 г. закона включал в себя несколько принципиально новых положений.

Главным отличием закона от документа, подготовленного в 1897 г. Редакционной комиссией по составлению гражданского уложения, стало отношение к установлению института раздельного жительства. Закон 12 марта 1914 г. не возлагал на суд обязанности «входить в обсуждение всякого фактически возникшего отдельного проживания супругов, с целью — путем формального исследования виновности одного из них — установить для последних новое правовое положение», а лишь предоставил отдельно живущим супругам «право обращаться к судебной власти для разрешения возникших между ними при таком отдельном их проживании пререканий по вопросу о праве жены на содержание и о положении детей». Таким образом, вступившие в силу изменения предполагали сохранение возможности для одного из супругов возбудить в суде иск о «восстановлении совместной жизни» на основании 103-й ст. Законов Гражданских, несмотря на продемонстрированную опытом практическую неосуществимость его исполнения³⁵. Вместе

³⁴ Несмотря на указанное решение Сената, в Канцелярию прошений и в 1912–1914 гг. поступали ходатайства замужних женщин о предоставлении им отдельных видов без согласия мужа. В 1912 г. их было 1275, в 1913 — 985 и даже в 1914 — 181. Это говорит как о слабой информированности значительной части заинтересованных в приобретении документа женщин, так и о возможном несоблюдении рекомендаций Сената местными властями. Подсчитано автором по ведомостям и реестрам по делам о семейных несогласиях. См.: РГИА. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 40.

³⁵ Уже в конце XIX в. большинство судебных органов отказывались удовлетворять иски мужей о принуждении жен к совместной жизни. Главным доводом при принятии таких решений выступала их практическая неосуществимость. Известный российский правовед А. Л. Боровиковский отмечал, что для «водворения» и «удержания» жены «нужны насильственные над личностью ее действия», но на это «гражданский суд и его исполнительные органы не уполномочены законом». Если же насилие для реализации постановления не применяется, то оно может быть легко нарушено, что влечет к оскорблению суда и снижению уважения к закону. Боровиковский А. Отчет судьи. Т. 2. СПб., 1892. С. 219–223.

с тем, в Свод Законов вводилась дополнительная статья 103¹, утверждавшая, что «требование супруга о восстановлении совместной жизни может быть отклонено другим супругом, если совместная жизнь представляется для него невыносимой». Причинами, дававшими суду право на установление невыносимости для одного из супругов совместной жизни, признавались: жестокое с ним или с его детьми обращение другого супруга, нанесение тяжких оскорблений и «вообще явное нарушения другим супругом основанных на браке обязанностей», «злоупотребление принадлежащими ему в силу брака правами», бесчестное или порочное его поведение, а так же, если один из них «одержим тяжкою душевною болезнью, либо такою прилипчивою или отвратительною болезнью, которая представляет опасность для жизни либо здоровья другого супруга или их потомства». Сверх того, совместная жизнь могла быть признана невыносимой для жены, «если она одержима такою болезнью, при которой продолжение супружеского сожития представляется опасным для ее жизни или здоровья»³⁶.

Как видим, в новых правилах не нашло своего отражения лишь одно из условий официально признанной раздельной жизни из проекта 1897 года. Речь идет о «злонамеренном оставлении». Однако возможно было подвести под это явление пункт о «явном нарушении другим супругом основанных на браке обязанностей».

С изданием закона 12 марта 1914 г. находила, наконец, правовое оформление уже давно сформировавшаяся в суде практика разрешения вопроса о содержании мужем отдельно живущей жены. Вводимая в свод Гражданских законов ст. 106¹ утверждала: «Уклонение супругов от совместного жительства в тех случаях, когда совместная супружеская жизнь представляется невыносимой для жены по вине, или вследствие болезни мужа, либо для мужа вследствие болезни жены (ст. 103¹), не освобождает мужа от обязанности доставлять жене пропитание и содержание (ст. 106), если она в том нуждается. Но муж освобождается от обязанности содержать жену, если совместная их жизнь оказалась для него невыносимой по вине жены»³⁷. Проблема содержания «разноживущей» по собственной

³⁶ Гессен И. В. Раздельное жительство супругов. Закон 12 марта 1914 года... С. 47-55.

³⁷ Там же. С. 79.

вине жены была решена, таким образом, путем отказа от идеи «на-сущного содержания», включенной как в правила 1897 года, так и в активно обсуждаемый в тот период проект нового Гражданского уложения³⁸.

Вопрос о родительской власти живущих раздельно супругов также впервые законодательно разрешался лишь с принятием нового закона. При этом предлагаемые способы урегулирования проблемы во многом повторяли идеи правил о раздельном жительстве супругов. Также приоритет отдавался взаимному соглашению супругов о детях. Только в том случае, если такого соглашения не достигалось, то определение решения о том, у кого из родителей должны оставаться несовершеннолетние дети, передавалось суду. При этом невиновному супругу предоставлялось право не только требовать оставления у него всех детей, но и по решению суда ограничить или вообще прекратить свидания с ними виновного супруга. Вместе с тем, закон 12 марта 1914 г., вверяя суду широкие полномочия по ограничению родительской власти одного из супругов ради блага детей, не предоставил судебной власти права оставлять детей не у родителей, а у третьих лиц³⁹.

Так сильно волновавшая руководство Канцелярии прошений проблема подсудности «семейных несогласий» разрешалась в новом законе достаточно компромиссно. Дополнительное отделение «О производстве дел о восстановлении совместного жительства супругов, о содержании мужем отдельно от него живущей жены, а равно о взаимных правах и обязанностях родителей в отношении детей в случае уклонения родителей от совместного жительства», включенное в состав третьей книги «Устава гражданского судопроизводства» по закону 12 марта 1914 г., предоставляло возможность возбуждать данные дела как в мировом суде (по вопросам: о разрешении или запрещении свидания одного из супругов с детьми, находящимися у другого, и о содержании жены и детей в «пределах подсудности по цене иска»), так и в окружном (во всех остальных случаях). Министерский проект, подобно правилам

³⁸ Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. СПб., 1905. Ст. 235–237.

³⁹ Гессен И. В. Раздельное жительство супругов. Закон 12 марта 1914 года ...С. 92-96.

1897 года, предполагал возложить рассмотрение семейных споров исключительно на окружной суд, как «действующий по наиболее совершенным правилам гражданского судопроизводства и обладающий большою судебной и житейской опытностью». Государственная дума не согласилась с этой точкой зрения и, намереваясь приблизить суд к населению, установила, что дела, «возникшие из уклонения супругов от совместного жительство», подсудны «по принадлежности» мировому судье или окружному суду. Государственный совет в целом согласился с мнением нижней палаты, но посчитал нужным оговорить в законе конкретные вопросы семейных конфликтов, передаваемые в ведение мировых установлений⁴⁰.

IV Отдел закона гласил:

- «1. Замужние женщины, независимо от возраста их, имеют право получать отдельные виды на жительство, не испрашивая на то согласия своих мужей.
2. Замужним женщинам, проживающим отдельно от своих мужей, отдельные виды на жительство могут быть выдаваемы не только установлениями, указанными в статьях 41 и 45 Устава о паспортах (т. е. ведающими выдачей документов представительницам тех или иных социальных групп. — *В. В.*), но и от полиции, в местах временного их пребывания, притом без предъявления общего вида»⁴¹.

Сама формулировка данного постановления, и в особенности комментарии к ней демонстрировали значительное расширение паспортных прав замужних женщин, даже в сравнении с уже утвердившейся практикой получения «удостоверений самоличности и прав на отлучку» крестьянками. Констатировалось, что «при подаче заявления о выдаче им отдельного вида на жительство замужние женщины, независимо от возраста их, не обязаны указывать, для какой цели им нужен отдельный вид на жительство», так как с изданием закона 12 марта 1914 г. на них «распространено общее правило ст. 8 Устава о паспортах, согласно коему каждому лицу выдается в силу самого закона особый вид на жительство»⁴². То есть женщина более не нуждалась в демонстрации многочисленных уважительных при-

⁴⁰ Там же. С. 110-137.

⁴¹ Там же. С. 153, 164.

⁴² Там же. С. 163.

чин — от жестокого обращения до отсутствия содержания — для объяснения своего желания обладать удостоверением личности. При этом действие закона распространялось на всех состоящих в браке, независимо от возраста. Таким образом, отдельный паспорт могли получить и несовершеннолетние женщины, при условии раздельного жительства с мужем, что уравнивало эту часть женского населения в правах с мужчинами. Тем не менее, высказанное при обсуждении закона мнение о том, что поскольку замужняя женщина занимает в «паспортном отношении... независимое от своего мужа положение», то следовало бы установить такие «правила, что внесение ее в паспорт мужа может последовать не иначе, как с ее согласия», было отвергнуто ввиду возможного при «практическом его применении, совершенно излишнего стеснения»⁴³. В результате жен продолжали обязательно вписывать в паспорта их мужей, предоставив им одновременно право получить собственный, даже не предъявляя паспорт мужа (и, следовательно, не выписываясь из него).

Итак, практически все идеи законопроекта о раздельном жительстве супругов нашли свое отражение в законе, название которого скромно говорило лишь о «некоторых изменениях» существовавших узаконений. В то же время сам юридический институт раздельного жительства установлен не был. Такое решение вопроса вполне устраивало руководство Русской православной церкви. В своем письме в Совет министров обер-прокурор Св. Синода П. А. Извольский писал: «Святейший Синод не встречает ныне со своей стороны препятствий к осуществлению предположений Министерства юстиции о раздельном жительстве супругов, изложенных в последней их редакции, оставляя за духовной властью Православной Церкви право пастырского воздействия на раздельно-живущих супругов и вразумления их к прекращению разножительства и к возобновлению совместного сожития»⁴⁴.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. постепенно менялись взгляды как общества, так и представителей власти на личные права и обязанности супругов. С одной стороны, закон стремился официально закрепить ту юридическую практику, кото-

⁴³ Там же. С. 163-164.

⁴⁴ Стенографический отчет Государственного совета. Сессия VII. Засед. XXII. С. 1127.

рая сложилась, но не была до конца прописана. С другой стороны, широкие личные права мужа в качестве главы семьи в значительной степени подтачивались как самостоятельностью имуществ супругов, так и определенной возможностью для жены оградить свои интересы: либо через полицию и суд, либо путем обращения в близкое к императору административное учреждение (Третье Отделение или Комиссию-Канцелярию прошений). Итогом серии попыток правительства увязать между собой нормы закона и морали, опыт реальной жизни и экономические проблемы стало прописанное, но замаскированное в законе 12 марта 1914 года представление о разности личных прав и обязанностей супругов в зависимости от того, живут ли они вместе или раздельно. В совместной семье муж все также признавался ее главой, единоличным обладателем общего для всех ее членов вида на жительство, определявшим право жены на труд и учебу, обладавшим «решительным» голосом при определении судьбы детей. В раздельной — фигура главы семьи даже официально пропадала, дети проживали с тем из супругов, кто добился этого через специальное соглашение или решение суда, жена обладала собственным паспортом, сама принимала решение о поступлении на службу, и при этом еще могла претендовать на содержание от «виновного в разножитии» мужа. Несомненно, что произошедшее изменение законодательства отражало, прежде всего, реальную эволюцию именно дворянской семьи. Закон, корректирующий нормирование личных прав замужних женщин, готовился интеллигентами-дворянами «под себя». Последнее можно связать с тем, что состоящие в браке крестьянки и мещанки и к моменту его внесения в Государственную думу уже имели значительные паспортные преимущества перед представительницами привилегированных сословий. Да и вообще отношения между супругами в крестьянской среде строились большей частью на принципах обычного права, а не гражданского законодательства. К тому же разработчики нового закона, как и юристы-практики, ежедневно разрешавшие семейные споры в стенах мировых установлений или окружных судов, были в большинстве своем дворянами, реализующими в ходе своей профессиональной деятельности представления о жизни, свойственные именно их сословной группе.

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

КОММЕНТАРИЙ И ФРАГМЕНТ

Каждый человек, так или иначе, пытается упорядочить поток фрагментарных впечатлений от внешнего мира, комментирует их, пересказывает на свой лад. Комментирует сам для себя или для других. Для историка или филолога этот процесс становится профессиональным навыком комментирования объекта исследования: от высказывания до явления или эпохи (т. е. текста в широком смысле). Считается, что комментарий — это и важная сфера научной работы, при том, что сам феномен комментирования и его теория обсуждается отечественными учеными достаточно редко¹. И, коль скоро в развитии истории и филологии как дисциплин наблюдается то кризис жанра, то новый революционный поворот, логично предположить, что это отражается и на характере комментирования, что меняется и сам комментарий.

Кто и как должен комментировать тексты, связанные с историей или рецепцией античности? На этот вопрос всю жизнь искал

¹ Исключение составляет симпозиум «Культура комментария: история и современность», организаторами которого стали в апреле 2006 г. Государственный университет — Высшая школа экономики (Институт гуманитарных историко-теоретических исследований) и Российский государственный гуманитарный университет (Русская антропологическая школа), а также круглый стол лотмановских чтений 2003 года, материалы которого были опубликованы в 2004 г. (№ 66) в «Новом литературном обозрении» («Комментарий: блеск и нищета жанра в современную эпоху»). В большинстве докладов, как на первом, так и на втором форуме обсуждались интересные казусы комментаторства, а не проблема определения комментария, однако прозвучал и ряд принципиально важных вопросов. (Электр. вариант: Журнальный зал magazines.guss.ru). Интересный пример подхода к комментированию представляет собой книга Н. В. Брагинской «Влажное слово», посвященная риторике комментирования. См также рецензию: *Ксенофонов А.* Комментарий о комментариях (Рец. на кн.: Брагинская Н. В. Влажное слово: Византийский ритор об эротическом романе. М., 2003) // НЛЮ. 2005. 76

ответы М. Л. Гаспаров. Думается, уместным будет обратиться к проблеме научного комментария, который играл особую роль в творчестве М. Л. Гаспарова в годовщину памяти ученого. На мой взгляд, Гаспаров своим творчеством объединял несколько различных практик комментирования, причем традиция комментария общего характера представляется утерянной именно с уходом М. Л. Гаспарова.

Но необходимо определить, что же такое комментарий в самом общем смысле. Кажется, что слово «комментарий» интуитивно понятно любому, однако специалисты не могут договориться об определении, даже прибегая вместо позитивных дефиниций к апофатическому методу. Различный вид имеет комментарий переводчика и автора синтезирующих исследований. Кроме того, историки и филологи, как правило, даже чисто практически действуют различным образом, когда обращаются к комментированию.

Роль комментария (и, естественно, комментатора) может пониматься, на мой взгляд, настолько широко, что в рамках построения комментария придется решать общие проблемы соотношения дискурсов и применения методов познания.

Комментарий, как и исследование, может иметь захватывающий характер при соответствующем изложении. Естественно, обвинение в недостаточно научной манере комментирования всегда можно пустить в ход. Но что требуется от научного комментирования? Сухость и строгость? Да, при условии, что отсутствие стилистических изысков считают синонимом «научности» и академичности. Но обвинение в недостатке академизма звучит странно в период, когда критерии научности в гуманитарных дисциплинах размыты и подвергнуты сомнению, а нарративность считается определяющим моментом развития историографии.

Трудно не согласиться с Шартье. «Огромная заслуга “linguistic turn” (*лингвистического поворота, который связан с именем Х. Уайта*. — Н. С.) перед историей именно в том, что историки поняли: выстраивая свое повествование о прошлом, они прибегают к риторическим фигурам и нарративным структурам, которые с тем же успехом используются и в литературных, вымышленных текстах. ...надо сказать, что французская историческая мысль, предшествующая либо современная “Метаистории” Уайта, пришла к

той же констатации. “Как пишут историю” Поля Вейна или “Письмо истории” Мишеля де Серто — книги, относящие историю к разряду повествований и анализирующие ее “фикциональное” измерение². Возникновение нового нарратива заметно и в итальянской историографии под влиянием микроистории³.

Проблема взаимосвязи исторического и литературного дискурса может трактоваться как вопрос о возможности понимания истории в качестве ветви художественного нарратива, но может обсуждаться и в контексте создания и восприятия комментария. И своеобразие, и общие черты работы приверженцев различных методологий и вычлняемых на их основе дисциплин проявляются при изучении или создании средств коммуникации.

Нельзя забывать, что возникновение практики комментирования произошло в процессе решения задач коммуникации. Но, если даже профану интуитивно ясно, что функция комментария — это разъяснение трудных мест, то чем объяснить непонимание этой роли комментирования со стороны выполняющего комментарий профессионала-гуманитария? Ведь научный академический комментарий очень часто не выполняет коммуникативной функции: для воспринимающей стороны он недостаточен, неудобочитаем, слишком узок или широк.

Как удачно заметил один из участников дискуссии о природе феномена комментария, «сразу же встают три вопроса:

- почему тексты, созданные с коммуникативной целью, кому-то непонятны?
- нужно ли делать их понятными?»
- «если да, то с помощью чего и в каких аспектах?»⁴

² *Шартье Р.* Post scriptum, или Двадцать лет спустя (ответы на вопросы редакции «НЛО») // НЛО. 2004. № 66.

³ Для комментатора закономерно привлекательна “уликовая” парадигма Карло Гинзбурга — большого ученого, но и большого соблазнителя, обосновывающего историко-интерпретативную деятельность на грани строгой научности в ее традиционном понимании. Получающийся в результате такой деятельности текст имеет нарративную или квазинарративную природу. (*Зенкин С.* Комментарий и его двойник // НЛО. 2004. № 66).

⁴ *Рейтблат А. И.* Комментарий в эпоху Интернета. (Методологические аспекты) // НЛО. 2004. №66.

М. Л. Гаспаров конкретизировал ситуацию в своих выступлениях: «Старые комментарии, по привычке рассчитанные на публику с гимназическим образованием, могли предполагать, что общая картина античной мифологии и истории у читателя в голове уже есть, и нужно напоминать только отдельные имена, которые могли забыться. Современный комментатор, наоборот, вынужден иметь в виду читателя, который, наверное, что-то слышал и про Венеру, и про Сократа, и про Сириус, но ни в какую связь этот хаос звучных имен у него не складывается, так что главная задача комментария именно в том, чтобы упорядочить их в систему»⁵. При этом Гаспаров считал необходимым подвергнуть сомнению Лотмановское деление на текстуальные и концепционные пояснения, совершенно справедливо указывая также, что не всегда концепционные разъяснения выливаются в статьи и монографии, а текстуальные в комментарии⁶.

Комментатор — это также коварное определение, слово, которое звучит как будто скромнее, чем слова «интерпретатор», «мыслитель», «ученый». Как охарактеризовать эрудита-переводчика, который никак не желал называть себя приверженцем какого-либо методологического тренда, предпочитая подчеркивать собственную «старомодность»? Комментатор? «Великий комментатор?». «Принципиальный комментатор»? Странное словосочетание. Но, в конечном счете, возможное, по крайней мере для той интеллектуальной эпохи, которой принадлежало поколение М. Л. Гаспарова. Гаспаров как литературовед был близок по взглядам группе ученых того же периода; как комментатор, он, при всей широте интересов, не имел ни подражателей, ни буквальных последователей. При этом, кажется, не существовало также и оппонентов или критиков, хоть сколько-нибудь близких по духу исследовательским интенциям и самому материалу работ Гаспарова-комментатора.

Современный комментатор (хороший специалист!) видит свою роль более скромной, и это веяние времени. Например, филолог и текстолог С. Зенкин предлагает рассматривать в виде ближайшего культурного аналога, тем не менее оппонирующего феномену комментария, феномен «пристального чтения», своего рода учебного разбора частностей текста, “объяснение текста”

⁵ Гаспаров М. Л. Ю. М. Лотман и проблемы комментирования // НЛЮ. 2004. № 66. С. 73.

⁶ Там же. С. 70-72.

(*explication du texte*), по-английски — «пристальное чтение» (*close reading*)⁷. Можно согласиться с тем, что «пристальное чтение» и есть «свое иное» по отношению к комментарию. Но это не дает полного ответа на вопрос о том, насколько широкой должна быть коммуникативная практика комментария, насколько далеко (хотя бы потенциально) отстоит академический комментарий от работы студентов с преподавателем на учебном занятии. Напротив, возникают новые вызовы, требующие ответа.

Более того, поскольку и в истории, и в литературной критике и философии возник тезис о самоценности и самодостаточности фрагмента, нельзя избежать вопроса о принципиальной необходимости комментария. Достаточно вспомнить имена Барта и Бодрийяра, чтобы выстроить линию защиты фрагмента от целостного комментирования. При этом наиболее «романтические» представления о фрагменте можно найти в поздних высказываниях Бодрийяра: в его видении фрагмент противопоставлен и тотальному, и «остатку». Бодрийяр пишет: «За повышенным вниманием, которое я уделяю фрагменту, стоит вовсе не формальный или эстетический выбор, а преодоление системного»⁸. Таким образом, система представлена как нечто фиктивное, а фрагмент — как высшая реальность. Для этого суждения есть причины (раздражение по поводу популярности систем и схем), но где же доказательства? Не логичным ли будет признать, что фрагмент (как впрочем, и казус микроисторического исследования) — всего лишь отражение нашего восприятия, конструкция, созданная с другими целями, нежели «система», но по такому же шаблону. Остается, таким образом, определить, как соотносятся эти категории друг с другом.

Роже Шартье, анализируя специфику комментирования специалистом-исследователем исторического контекста, задавался вопросом: «возможно ли (внутри комментария) совместить категории, которыми мыслил человек или его историческое окружение — иногда противоречивые, разнородные, и в любом случае постоянно меняющиеся — с традиционными категориями, используемыми историей идей (Ренессанс, Гуманизм, Реформация и т. п.)»⁹.

⁷ *Зенкин С.* Комментарий и его двойник... С. 76-77.

⁸ *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С. 97.

⁹ *Шартье Р.* Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // НЛЮ. 2004. № 66.

Значимость комментирования подразумевалась и сама собой вытекала из признания особого значения контекста¹⁰. Именно таким образом объяснялась необходимость соотнесения исторического казуса с определениями и представлениями, которые присущи менталитету прошлого или современным умонастроениям. Как может осуществиться интерес (и историка, и филолога) к анализу индивидуализированных черт (неважно, характеристик человека или текста) в сопоставлении с общими определениями исторического времени, как, например, Античность, каролингский Ренессанс, эпоха Возрождения? За такие рискованные задачи, однако, даже весьма эрудированные и компетентные специалисты предпочитают не браться в исследованиях по истории и литературе, вне зависимости от представлений по поводу ценности контекста или фрагмента. Этот прием исторического сравнения характерен для дилетантов или авторов глобальных концепций и создателей парадигм знаний.

Мне кажется, будет справедливым отметить, что именно эрудит М. Л. Гаспаров вполне бесстрашно сопоставлял героя своего рассказа (Пиндар, Вергилий, Ариосто) и его время с представлениями современного читателя и слушателя (неважно, в виде предисловия к книге, примечания или лекции реализовывался комментарий). Со смелостью авторов социологизирующих очерков начала XX столетия Гаспаров говорил о созвучии античного классика восприятию и устремлениям человека века двадцать первого. В то же время в этом стремлении есть нечто от критикуемого Гаспаровым постмодернизма.

Возможно ли и как возможно говорить с читателем, добиваясь проникновения в прошедшую эпоху и живого интереса по отношению ко времени действия героев и творцов античной или ренессансной культуры, приближая их к миру современных умонастроений, но избегая модернизации восприятия? Возможен ли комментарий-синтез, а не только комментарий-анализ? С какой

¹⁰ Разумеется такой способ контекстуального видения — не единственный, и совсем не общепринятый. Любопытен печальный опыт исследователя, сотрудника интересного издания «Ab Imperio», прошедшего лотмановскую школу и пытавшегося познакомиться с современными американскими интерпретациями метода Фуко: самое нейтральное употребление термина «контекст» оказалось несовместимым с данной практикой, и незадачливый «студент» вынужден был покинуть семинар.

точки зрения можно строить описание, не фрагментируя комментарием органичного стиля эпохи?

М. Л. Гаспаров был уверен в необходимости осуществления именно системного и связного комментирования, хотя тенденция развития комментария в век информационной революции явно принимает иное направление. Но при этом Гаспаров нашел некую особую позицию комментатора. Обосновывается эта точка зрения так: «чем дальше от нас комментируемая культура, тем больше она нуждается именно в таком систематическом, “концепционном” описании». Продолжая мысль о том, что комментарий (как и перевод) — это интерпретация, Гаспаров настаивал на том, что «комментарий не должен стесняться истолковательских средств перевода — таких, например, как развернутое оглавление или краткий пересказ».

М. Л. Гаспаров настаивал на том, что направлений развития комментирования в современных условиях может быть три. Во-первых, комментарий, сосредоточенный на внетекстовом фоне, на быте и идеях освещаемой эпохи. Во-вторых — сосредоточенный на литературном фоне, на интертекстуальных переключках автора с предшественниками и современниками, причем эти переключки тоже могут быть как словесные, так и идейные. В-третьих — сосредоточенный на языковом фоне, на языке и стиле, тоже с оглядками на литературную и внелитературную традицию.

Что касается критицизма самого М. Л. Гаспарова, его объекты и направленность важны, поскольку позволяют выявить, кто из авторов оппонируемых взглядов ближе критику. Например, что означает резко негативное восприятие Гаспаровым постмодернизма? По-видимому, здесь мы встречаемся с некоторыми недоразумениями. Думается, негативная оценка Фуко, прозвучавшая у Гаспарова, отталкивалась именно от «поточного метода» использования отдельных давних идей Фуко во многих современных американских, а затем и в некоторых российских университетских центрах.

Именно этот вторичный, обесцененный материал, пришедший в Россию 1990-х годов не из первоисточника, а как *second hand*, и может теперь вызывать раздражение. Однако при первом и своевременном знакомстве отечественных гуманитариев с идеями Фуко, т. е. четверть столетия назад, такой негативной реакции не по-

следовало ни в общем и целом, ни со стороны М. Л. Гаспарова. Таким образом, возникшее позже оппонирование постмодернизму у тех же неформальных классиков советского литературоведения не столь прямолинейно и закономерно, как это может показаться на первый взгляд. И важно признать, что в советское время университетская культура так называемых “семиотических” штудий брала на себя функции мировоззренческого порядка и, без сомнения, рассчитывала подготовить вызовы и перевороты, которые не свойственно совершать узко специализированным исследованиям.

В Италии, где столь распространены объединенные факультеты философии и литературы, естественным было формирование класса эрудитов-мыслителей, занимавшихся комментарием-синтезом, но несколько иначе, чем советские коллеги.

В среде итальянских интеллектуалов, в их дискуссиях 1960–80-х гг., думается, можно найти то, что называется ближайшим культурным аналогом отечественного литературного комментария тех же лет, в частности, творческого наследия М. Л. Гаспарова. Немедленно возникают в памяти имена Тимпанаро и Гарэна: это имена мыслителей, но также и комментаторов. Эудженио Гарэн получил классическое образование и начал свой путь с преподавания древнегреческих авторов, а прославили его имя переводы и комментированные публикации мыслителей Ренессанса и оригинальные идеи в области изучения культуры Возрождения. Тимпанаро начинал с работы по истории вергилиевского текста, столь близкого Гаспарову, видимо, так же, как и последний, чувствуя устремленность Вергилия в будущее¹¹. Тимпанаро, как и Гаспаров, занимался различными сюжетами, связанными с историей филологии в широких хронологических рамках. В списке публикаций

¹¹ *Гаспаров М. Л.* Вергилий, или Поэт будущего. Вергилий ... был человеком, который пережил конец света и написал IV эклогу: он верил в будущее. Иное дело — его читатели: они относились к этому по-разному. Были эпохи, верившие в будущее и отрекавшиеся от прошлого, и для них героем «Энеиды» был Эней; были эпохи, предпочитавшие верить в настоящее и жалеть о прошлом. Безликий, сам себя обезличивающий Эней кажется зияющей пустотой в ряду пластических образов античного эпоса — но это пустота силового поля. Людей XIX века она удивляла, люди XX века научились ее ценить.

Тимпанаро¹² были не только работы по филологии и истории итальянской литературы, но также и по философии.

Неважно, кто из классически образованных специалистов воспринимался как «свой» в кругу историков, и какому именно периоду истории были посвящены интерпретации. Неважно, сколько трудов М. Л. Гаспарова было ближе к исследованию истории древнего мира, а сколько к теории литературы; эта деятельность одинаково принадлежит сфере трансляции знания — переводу, а также комментарию, в свою очередь понимаемому именно как перевод¹³.

Интерес к Пико делла Мирандола, публикацией трудов которого увлекся Гарэн, видимо, был основой всех последующих творческих усилий ученого в области изучения Ренессанса, и трактовка этой эпохи у Гарэна отражает индивидуальные черты и деятелей истории Возрождения постольку, поскольку эти характеристики вписываются в излюбленные сюжеты ученого. Точно так же действовал и Гаспаров, создавая картину эпохи, включавшую детализированный портрет героя. Только технически первоосновой был перевод текста, который и творил портрет главного персонажа.

В одном из интервью М. Л. Гаспаров признавался, что хотел всего лишь прочитать Ариосто, но для этого пришлось предпринять сложную публикацию перевода. Мне кажется, что небольшие детали повествования, казусы, требующие внимания переводчика и заботливого комментатора, являлись связующими звеньями, казалось бы, произвольных переходов от одного автора и текста к другому, появления новых интересов.

Такой подробностью, которая могла привлечь внимание переводчика и комментатора и связать в его уме несхожих авторов (на-

¹² Прежде всего, это — ставшие классическими работы по филологии: «Джакомо Леопарди как филолог» (1955) и «Происхождение лахмановского метода» (1963, нем. пер. 1971). Более широкую известность имели книги «Классицизм и Просвещение в итальянской литературе XIX века» (1965); «О материализме» (1970, исп. пер. 1973, англ. пер. 1975) и особенно «Фрейдистский ляпсус: Психоанализ и текстология» (1974, англ. пер. 1975, исп. пер. 1977).

¹³ «Суммируя, можно сказать одну вещь, которую почему-то редко вспоминают, разговаривая о комментарии. Комментарий — это перевод: перевод чужой культуры на язык наших понятий и чувств. ...Нейтрального перевода, как и нейтрального комментария, не существует» (Гаспаров М. Л. Ю. М. Лотман и проблемы комментирования... С. 73

пример, Вергилия и Ариосто), могла быть и курьезность, например, образ фантастического животного гиппогрифа¹⁴. Но, какой бы ни была первоначальная мотивация интереса, несомненно, что у Гаспарова всегда возникала потребность создать вокруг фрагмента общую и даже «социологическую» панораму объяснения. Комментарий в данном случае был выполнен коллегой Гаспарова по институту, М. Л. Андреевым, но и сам по себе перевод отражает тенденцию интерпретации-комментария.

Что касается интерпретации как таковой, то М. Л. Гаспаровым всегда четко использовалось золотое правило — не вводить нарочитых усложнений: если существует простое объяснение, следует, прежде всего, рассмотреть это рациональное зерно, не строя далеко идущих предположений психо-лингвистического дискурса. Именно так поступал и филолог, страстный полемист и эрудит Себастьяно Тимпанаро. Тимпанаро был автором не только историко-филологических штудий, но и трудов по теории познания и психологии, при этом парадигма, в которой историческая наука выступала в одном ряду с гаданием и психоанализом, вызывала у него жесткое неприятие.

Комментируя слабость знаменитых размышлений Фрейда по поводу случая оговорки при цитировании латинского стиха, Тимпанаро предлагал вместо сложных психологических объяснений простое обращение к опыту работы с ошибками в рукописной традиции¹⁵. Таким образом, искажение стиха из «Энеиды» (*exogiare aliquis nostris ex ossibus ultor*), а именно, пропуск *aliquis* и перестановка *nostris ex* легко объяснимы сложностью и необычностью построения оборота Вергилием (в данном случае не знающего аналогов во всей латинской словесности) и спонтанным импульсом банализации оригинального текста неопытным комментатором, цитирующим фразу¹⁶. Автору такого анализа и комментария нет

¹⁴ Так как у этих двух авторов родилась шутка, совершенно всерьез воспринятая последующей литературной традицией — от рыцарских романов до бестселлера о Гарри Поттере.

¹⁵ Гинзбург, Карло. Себастьяно Тимпанаро. Переписка // НЛО. 2004. № 65. С. 8-12.

¹⁶ Там же. С. 10.

необходимости искать для обоснования своей работы некий новый термин, историографический тренд. Достаточно здравого смысла и широкого кругозора.

При этом Гаспаров, как и упомянутые выше итальянские ученые — его ровесники Гарэн и Тимпанаро, обладал большой свободой интерпретации, не признававшей рамок дисциплин, которой могли бы позавидовать и Фуко, и Киньяр, и их последователи. Как справедливо отметил Шартье: «Главное — не хронологические границы и соперничество между дисциплинами, а признание того, что их объекты пересекаются»¹⁷.

Именно поэтому, думается, Гаспаров, как и Гарэн или Тимпанаро, не заботился о строгой приверженности изучению одной эпохи или сходного вида текстов, о статусе развиваемой дисциплины или метода. Просто в Италии на протяжении всего XX века, как и в России советского времени, люди философского склада предпочитали реализовываться в сфере литературоведческого и лингвистического исследования. Не будет преувеличением сказать (и это отмечают многие), что исследования текстов филологом, литературоведение в определенный период советского времени занимали то место, которое по традиции должно было принадлежать философии. Именно с этим обстоятельством связаны особые и достаточно вольные трактовки роли комментария.

Та среда и то время, которым принадлежит творчество М. Л. Гаспарова, предъявляли к комментированию особые требования, если можно так сказать, не ремесленного характера. Это обеспечивало комментатору-филологу высокий статус: не только носителя и транслятора языкового знания, но еще и мерила ценности авторов и оригиналов (с которыми читающая публика никогда не могла бы ознакомиться без перевода и комментария), а также интерпретатора культуры прошлого в целом: во всем богатстве философских и социальных идей, этических и эстетических ценностей. В настоящий момент такого привилегированного положения для текстологов не существует, и нельзя сравнивать тех, кто в рамках единой по названию дисциплины формировался совершенно иным полем или модусом развития исследований.

¹⁷ Шартье Р. Post scriptum... С. 48-54.

Чередуются также периоды интереса и потребности в специализированном и общем комментарии. Так, Гаспаров отмечал эпохи, «когда комментарий служит немедленному решению интерпретаторских задач и когда он служит подведением итогов, запасником средств для будущих интерпретаций, — так сказать, свалочным местом всего накопленного. Комментарии к античным авторам в XVI веке были деловито-текстологические, в XVIII веке стали компилятивно-энциклопедическими *sum notis variorum*, в XIX веке дифференцировались на разные лады, потом опять стали разрастаться...; лет пятьдесят назад вновь раздался голос, что универсальные комментарии рушатся под собственной тяжестью, и нужно делать языковые комментарии отдельно, а предметные отдельно»¹⁸.

Комментарий, однако, не находится в промежуточном положении между фрагментом и контекстом. Фрагментация — такой же способ интерпретирования, как и вписывание в контекст, создание целостного нарратива.

Ни одна из этих возможных форм работы не заказана исследователю, ни одна не заслуживает уничижительного отношения. Но интерпретация, в том числе и комментарий, должны быть выстроены *коммуникативно грамотно*. Этой чертой отличались комментарии М. Л. Гаспарова. Если в данный момент узкие специалисты-профессионалы не удовлетворены качеством существующих на русском языке комментариев, то это внутренняя проблема корпорации. В конце концов, специалист в силах снять вопрос, создав комментарий для личного пользования. Думается, задача и ответственность научного сообщества — в том, чтобы сохранить традицию комментария общего характера, ориентированного на широкий круг читателей и использующего возможности нарратива.

¹⁸ «...В позднесоветских комментариях к переводам античных поэтов... мифологические, географические и прочие подробности все чаще стали выноситься в системную преамбулу» (Гаспаров М. Л. Ю. М. Лотман и проблемы комментирования...).

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО МАНУСКИПТА (PARISINUS LATINUS 6370)

Из большинства манускриптов¹, содержащих текст *Комментария на ‘Сон Сципиона’* Макробия (fl. V в.)², интересна судьба одного — Parisinus Latinus 6370³, ныне хранящегося в фондах Парижской Национальной библиотеки. Этот кодекс, скорее всего, был выполнен в Туре; он датирован IX веком, состоит из 111 листов и включает в себя полный текст *Комментария*⁴. Наряду с немногими ранними рукописями с Макробиевыми текстами, он содержит редкую подпись Аврелия Меммия Симмаха и Макробия Плотина Евдоксия, приведенную в самом первом издании *Комментария*, появившемся, вероятно, или в конце жизни Макробия, или вскоре после его смерти (ок. 485 г.)⁵.

Помимо указанной подписи MS Parisinus Latinus 6370 обладает еще одной отличительной чертой⁶: в нем отсутствуют отдельные

¹ Общее количество манускриптов с текстами Макробия весьма велико. Согласно Л. Торндайку, их сотни (см. L. Thorndike, *A history of magic and experimental science*, 6 vols. (New York, 1923–1941), vol. 1, p. 544). Описание 48, самых значительных из них, приведено во введении к изданию сочинений Макробия, выполненного Л. Яном. См. *Macrobius, Opera quae supersunt*, ed. L. von Jan, 2 vols. (Leipzig – Quedlinburg, 1848–1852) [далее: Jan], p. lxxxviii–xcviii.

² О Макробии см. М. С. Петрова, «Макробий Амвросий Феодосий (пропографический очерк)», *Диалог со временем* [далее: ДсВ], вып. 6 (М.: УРСС, 2001) [далее: Петрова, ДсВ], с. 164–191. Там же (примеч. 2, с. 164–165) см. перечень существующих исследований о Макробии и его сочинениях.

³ См. *Catalogus codicum manuscriptorum bibliothecae regiae*, pars 3, t. 4 (Parisii, 1744), p. 235.

⁴ Этот кодекс был одним из основных при подготовке последних критических изданий Макробиевого текста, выполненных Л. фон Яном (см. *выше*, примеч. 1), Дж. Уиллисом (см. *Ambrosii Theodosii Macrobiani Saturnalia* и *Ambrosii Theodosii Macrobiani Commentarii in Somnium Scipionis*, ed. I. Willis (Leipzig: Teubner, 1963; ²1970) [далее: Willis]) и М. Армисан-Маршетти (см. *Macrobe, Commentaire au songe de Scipion*, texte établi, trad. et comm. par M. Armisen-Marchetti, t. 1 – livre I; t. 2 – livre II (Paris, 2001–2003) [далее: Armisen-Marchetti]).

⁵ Текст подписи, ее перевод см. Петрова, ДсВ, с. 164. Там же (с. 164–176) см. о времени появления первого издания *Комментария* Макробия.

⁶ См. A. La Penna, “Le Parisinus Latinus 6370 et le texte des ‘Commentarii’ de Macrobe”, *Revue de Philologie* 24 (1950) [далее: La Penna], p. 177–187.

фразы⁷, имеющиеся в других кодексах. Появление таких лакун в Макробиевом тексте обусловлено вмешательством Сервата Лупа⁸ (805–862, с 840 г. аббат Ферье)⁹, одного из его первых переписчиков — его рукой скопирована четверть *Комментария*. Переписывая, Луп в то же время вносил в исходный манускрипт многочисленные исправления, выскабливая текст (который ныне не подлежит восстановлению). Похоже, Луп ставил перед собой цель не только переписать текст *Комментария*, но и улучшить его¹⁰. Другим переписчи-

⁷ Наиболее значительные пропуски таковы: *Macr. Comm.* I, 13, 7: esse adpetendam, illam vero quam omnibus; *Ibidem* I, 17, 14: apud theologos Iuppiter est mundi anima; *Ibidem* I, 6, 77: quod Graeci mesenteron dicunt tertium quod; *Ibidem* II, 3, 14: quantumque est a terra usque ad Venerem; *Ibidem* II, 14, 11: sed origo motus vim refertur. См. Armisen-Marchetti, p. lxxxii.

⁸ Серват Луп специально занимался собиранием, сличением и переписыванием древних текстов. Об этом свидетельствуют дошедшие до нашего времени его письма (их число 130), написанные как самим Лупом, так и по его поручению, которые адресованы разным лицам и (е. г. Серват Луп, *Ep.* I; VIII et cet. — см. *Lupi abbatis Ferrariensis epistolae*, ed. E. Dümmler, MGH: Epistolae, vol. 6 [далее: Dümmler]). По ним возможно реконструировать методы работы с текстом, как ее понимали ученые эпохи Каролингов. В частности, по просьбе аббата Фульды Рабана Мавра, Серват Луп вместе с Герольфом (сотоварищем и клириком упомянутого монастыря) вносил исправления в Рабановы *Разъяснения на книгу Чисел*. Получив задание составить свод германских законов для герцога Фриуля Эберхарда, Луп не только собрал воедино доступные ему сведения, но и украсил текст иллюстрациями, предварил его посвятельными стихами к герцогу (см. G. W. Regenos, “Introduction”, *The Letters of Lupus of Ferrières* (1966), p. vii–ix). В 847 г. Серват Луп сличал свой экземпляр писем Цицерона с манускриптом, который прислал ему монах Ансбольд, впоследствии аббат Прюма (см. Серват Луп, *Ep.* LXIX [Dümmler]). Примерно в 856–858 гг. Луп обращается с просьбой к одному из своих корреспондентов (имя которого не установлено) с просьбой прислать ему сочинения *О заговоре Катилины* и *Югуртинскую войну* Саллюстия, *Речь против Верреса* Цицерона, а также и «все другие произведения последнего, которых у него не было, или же их списки — лучшие, чем те, которые у него имелись» (см. Серват Луп, *Ep.* CIV [Dümmler]). См. также Э. Жильсон, *Философия в Средние века*, пер. с фр. А. Б. Бакулова (М., 2004), с. 168.

⁹ О жизни Сервата Лупа см. М. Р. Ненарокова, «Луп из Ферье и его *Житие св. Вигберта*», *ДсВ*, вып. 15 (М.: УРСС, 2005), с. 380. Здесь же укажем на современное издание писем Сервата Лупа — см. *Servati Lupi Epistolae*, ed. P. Marshall (Leipzig, 1984).

¹⁰ Возможно, часть исправлений Лупа вызвана тем, что сам он плохо понимал Макробиев текст.

ком текста из этого кодекса был ученик Сервата Лупа — Гейрик из Осерра (841–877/83), также добавивший исправления и предложивший свои варианты чтений¹¹. Следующим переписчиком упомянутого сочинения Макробия был корреспондент Лупа — Адальгад¹² (епископ Орлеана), который, вероятно, также испросив у Лупа исходный текст, получил его и сделал собственную копию, в которую включил поправки и Лупа, и его ученика Гейрика¹³.

Применительно к MS Parisinus Latinus 6370 возникает множество вопросов: в частности, каким образом этот текст попал к Сервату Лупу и когда это произошло. Как представляется, ответ можно получить, проанализировав его деятельность по добыванию, переписыванию и исправлению текстов ранних авторов. При этом важно принимать в расчет и интеллектуальное окружение Лупа.

Мы полагаем, что рассматриваемый манускрипт какое-то время находился в библиотеке Эйнхарда (ок. 770–840)¹⁴ — любителя и собирателя древних латинских произведений. Похоже, это было в 830 г., то есть уже после того, как Эйнхард навсегда покинул королевский двор Людовика Благочестивого и переселился из Ахена в Муленхайм (Зелигенштадт), где находился монастырь, в котором Эйнхард был аббатом. В это же время (т. е. в 830 г.) Серват Луп пишет Эйнхарду первое¹⁵ из четырех¹⁶ адресованных ему писем. В нем он говорит о своем интересе к сочинениям древних авторов, жалуясь на то, что в свое время не получил достаточного образова-

¹¹ Исправления Лупа и Гейрика не удастся различить. См. Armisen-Marchetti, p. lxxvii.

¹² См. Серват Луп, *Ep.* VIII (Dümmler). В этом письме (ок. 840–841 гг.) Луп благодарит Адальгада за помощь в правке текста Макробия.

¹³ См. E. Pellegrin, “Les manuscrits de Loup de Ferrières. A propos du manuscrit Orléans 162 (139) corrigé de sa main”, *Bibliothèque de l'école des chartes* 115 (1957), p. 5-31; Armisen-Marchetti, p. lxxiii-lxxiv;

¹⁴ Об Эйнхарде и его окружении см. М. С. Петрова, «Эйнхард: историк в истории», в кн.: *Эйнхард, Жизнь Карла Великого*, пер. с лат., примеч., указат. М. С. Петровой (М., 2005) [далее: Петрова, *ЖКВ*], с. 7-41.

¹⁵ См. Серват Луп, 1 *Ep. Prima: Ad Eginhardum* (Patrologia Latina, ed. J.-P. Migne [далее: PL], vol. 119, 431D – 436A) — далее: Серват Луп, 1 *Ep. Prima* (PL). Пер. Н. Ревякиной см. в сб.: *Антология педагогической мысли христианского Средневековья* (М., 1994), т. 1, с. 342-344.

¹⁶ См. Серват Луп, *Ep.* I – III и V (Dümmler).

ния¹⁷. Из контекста письма следует, что в то время Серват Луп еще не был знаком с Эйнхардом лично, но всячески стремился к этому, искал его дружбы и «удобного случая для личной беседы». В завершение письма Луп обращается к Эйнхарду за разъяснением некоторых непонятных ему слов¹⁸, а далее пишет¹⁹:

«...прошу еще и о том, чтобы Вы одолжили мне... некоторые из Ваших книг... Книги же таковы: книга *О риторике* [Марка] Туллия...²⁰ его же три книги по риторике, написанные в форме диспута и диалога об ораторе²¹... также [я хотел бы] *Комментарий* [Макробия] на книги Цицерона [*О государстве*], а кроме того, *Аттические ночи* А[вла] Геллия»²².

¹⁷ См. Серват Луп, 1 *Ep. Prima* (PL 119, 433A). Впрочем, подобные уничижительные фразы традиционны для авторов рассматриваемой эпохи. Начальное образование Луп получил в монастыре Ферье, аббатом которого в то время был бывший ученик Алкуина Адальберт. Несколько позже (в 821 г.) Адальберта сменил Альдрик (ум. 836 г.) — наставник и вдохновитель Лупа. В Ферье Луп овладел грамматикой и риторикой. Чуть позже Альдрик направил Лупа в Фульду, где тот изучал теологию, уже под патронажем Рабана Мавра, аббата монастыря. В Фульде Серват Луп провел шесть или семь лет (продолжая обучаться письму и чтению) и приобрел репутацию ученого (см. Regenos, p. vii-ix).

¹⁸ Вероятно, речь идет о греческих словах, которые встречались Лупу в различных текстах, например, у Боэция (см. Серват Луп, 9 *Ep. IV: Ad Eginhardum* [PL 119, 440C – 446A]) — см. Петрова, *ЖКВ*, с. 15-16. Отметим, что консультантом Лупа был Мартин Скотт, наставник школы при кафедральном соборе Лана (819–875) — см. В. В. Петров, “Accessus Iohannis Scotti”, в кн.: *Иоанн Скотт Эриугена, Гомилия на пролог ‘Евангелия от Иоанна’* (М., 1995), с. 57.

¹⁹ См. Серват Луп, 1 *Ep. Prima* (PL 119, 435AB): ...Sunt autem hi. Tullii de rhetorica liber; quem quidem habeo, sed in plerisque mendosum. Quare cum codice isthic reperto illum contuli; et quem certiozem putabam, mendosiozem inveni. Item ejusdem auctoris de rhetorica tres libri in disputatione ac dialogo de Oratore. Quos vos habere arbitror, propterea quod in brevi voluminum vestrorum post commemorationem libri ad Herennium, interpositis quibusdam aliis, scriptum reperi: Ciceronis de rhetorica. Item: **Explanatio in libros Ciceronis**. Praeterea: A Gellii noctium Atticarum.

²⁰ Речь идет о трактате Цицерона *De inventione rhetorica*.

²¹ Имеется в виду трактат Цицерона *Об ораторе*. Вероятно, Луп сделал копию этого текста. Ныне этот текст (MS Harleianus 2736) хранится в Британском музее. См. С. Н. Beeson, “Lupus as scribe and text critic”, *The Mediaeval Academy of America*, Publication № 4 (Cambridge, 1930).

²² Пер. Н. Ревякиной (с изменениями).

В письме Лупа речь идет о Макробиевом *Комментарии на 'Сон Сципиона'*, представлявшим собой часть трактата Цицерона *О государстве*. Это подтверждается, во-первых, тем, что впоследствии Луп сделал копию именно с *Комментария* Макробия. Во-вторых, имя Макробия упомянуто Лупом в его письме к Адальгаду²³ (составленном уже после смерти Эйнхарда, последовавшей 14 марта 840 г.). В-третьих, не существовало иных толкований на тексты Марка Туллия (за исключением *Разъяснений на 'Топику' Цицерона* — комментарий к специальному логическому тексту, выполненных Марием Викторинном).

Очевидно, просьба Лупа была Эйнхардом удовлетворена. Луп смог забрать испрошенные книги сам или же Эйнхард переслал их ему. Во всяком случае, ясно одно: текст Макробия, будучи исправленным и переписанным Лупом, а затем Гейриком и Адальгадом, к Эйнхарду уже не вернулся. Для полноты рассказа об отношениях Лупа и Эйнхарда добавим, что по всей видимости в том же году (830 г.) Луп посетил Эйнхарда в Муленхайме²⁴. Это знакомство, поводом к которому послужило желание Лупа иметь в лице Эйнхарда консультанта и наставника²⁵ в ученых занятиях, впоследствии переросло в дружбу, а их отношения сделались близкими и доверительными²⁶.

²³ См. *выше*, примеч. 12 (с. 367).

²⁴ См. Серват Луп, 1 *Ep. Prima* (PL). В частности, в этом письме Луп пишет о том, что оставив обитель Рабана Мавра (см. также *выше*, примеч. 17 [с. 368]), на обратном пути из Галлии он оказался в «зарейнской области», т. е. неподалеку от Муленхайма.

²⁵ Об этом свидетельствуют слова из письма (836 г.) Сервата Лупа Эйнхарду, в котором Луп называет Эйнхарда «своим дражайшим наставником (*desiderantissimo praeseptori Eginhardo*)». См. Серват Луп, 5 *Ep. II: Ad eumdem* (см. *B. Servati Lupi Abbatis Ferrariensis epistolae*, PL 119, 436B). Кроме того, переписка Лупа и Эйнхарда (длительная с 830 по 836 гг.) большей частью состоит из вопросов Сервата и ответов на них Эйнхарда (е. г. см. Серват Луп, 1 *Ep. Prima* (PL); Он же, 9 *Ep. IV: Ad Eginhardum* [PL 119, 440C – 446A]).

²⁶ Сам Эйнхард, обращаясь к Лупу как к другу, пишет ему в одном из писем о той душевной боли и страдании, которые он испытывал со дня смерти своей жены Иммы (836 г.) (см. Эйнхард, *Ep. LXIII: Ad Lupum amicum suum* [PL 104, 535C – 538A]). Луп же искренне утешает Эйнхарда и выражает ему соболезнования по случаю утраты супруги (см. Серват Луп, 9 *Ep. IV: Ad Eginhardum* [PL 119, 440C – 446A]).

М. Ю. ДОРОШЕНКО

ВЕТХОЗАВЕТНАЯ ТОПОНИМИКА В СТАТЬЕ 6604 (1096) ГОДА ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Статья 6604 (1096) г. Повести временных лет содержит несколько легендарных этногенеалогий южных, восточных и северных соседей Руси. Интересующий нас фрагмент следует сразу после рассказа о нападении половцев на Киево-Печерский монастырь. Автор подробно описывает опустошение окрестностей Киева и самой обители, а затем переходит к теме происхождения нападавших, а также некоторых других сопредельных Руси и Византии народов. Он возводит половцев, печенегов, торков и «торгъмен» к библейскому Измаилу, болгар и хвалисов — к сыновьям Лота Аммону и Моаву, а сарацин — вновь к Измаилу. Завершается отрывок с этногенеалогиями повествованием о «заклепанных» Александром Македонским «нечистых языках».

Скрытая семантика этого насыщенного историко-литературными ассоциациями фрагмента в последние десятилетия неоднократно становилась темой специальных исследований¹. Но

¹ *Карнов А. Ю.* Генеалогия хвалисов и болгар в летописной статье 1096 г. // Архив русской истории. Вып. 4. М., 1994. С. 7-26; *Князький И. О.* Русь и степь. М., 1996. С. 48-49; *Гарькавый И. В.* «Измаильтяне» или «нечистые человеки»? Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей // Историческая антропология: Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1998. М., 1998. С. 87-89; *Ведюшкина И. В.* Генеалогии «нечистых» народов в Повести временных лет // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2000. С. 53-58; *Чекин Л. С.* Безбожные сыны Измаиловы // Из истории русской культуры. М., 2000. С. 691-716; *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001. С. 389.; *Ведюшкина И. В.* Этногенеалогии в структуре Повести временных лет // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2001. С. 39-42; *Карнов А. Ю.* «Заклепанные человеки» в летописной статье 1096 г. //

возможности истолкования летописного отрывка далеко не исчерпаны. Изучение так называемой памяти контекста приводимых прямых и косвенных цитат и отсылок, исследование значения упоминаемых дат и обозначений времени, обращение к летописному контексту, в который помещен отрывок, позволили бы нам расширить представление о круге идей и систем образов летописного текста.

Обратимся вначале к описанию нападения половцев на Киево-Печерский монастырь:

«... и в 20 того же месяца² в пяток, [1 час дня] приде второе Боняк безбожнии, шелудивьи, отаи, хыщник к Киеву внезапно; и мало в град не въехаша Половци, и зажгоша болонье около града, и възвратишася в манастырь, и възгоша Стефанов манастырь, и деревне, и Герьманы. И придоша в манастырь Печерский, нам сущим по кельям почивающим по заоутрени, и кликнуша около манастыря, и поставиша стяга два пред враты манастырьскими. Нам же бежащим задом манастыря, а другим — възбегшим на полати. Безбожные же сынове Измаилеви высекоша врата манастырю и поидоша по кельям, высекающе двери, и износяху, аще что обретаху в кельи. Посемь възгоша дом святыя Владычице нашея Богородице и придоша к церкви, и зажгоша двери, еже к югу устроении, и вторыя же к северу, [и], влезше в притвор у гроба Феодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери и укаряху Бога и закон наш. Бог же терпяше, еще бо не скончались бяху греси их и безаконья их, темь глаголаху: “Где есть Бог их?”³ Да поможеть им и избавить я!”. И ина словеса хулная глаголаху на святыя иконы, насмихающеся, не ведуще, яко Бог кажет рабы своя напастыми ратными, да явятся яко злато искушено в горну: хрестьяном бо многими скорбьми и напастыми внити в царство небесное, а сим поганым и ругателем на сем свете приимшим веселье и просторонство, а на оном свете примут муку с дьяволом, оуготовании огню вечному. Тогда же зажгоша двор Красныи, его же поста-

Очерки феодальной России. Вып. 3. М., 2001. С. 3-24; Карпов А. Ю. Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI – начале XII века // Отечественная история. № 2. М., 2002. С. 3-15; Ведюшкина И. В. Этногенеалогии в Повести временных лет // Древнейшие государства восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 52-60.

² Июля.

³ Курсивом выделены косвенные цитаты из Псалма 78.

вил благоверный князь Всеволод на холму, нарецаемем Выдобычи: то все оканнии Половци запалиша огнемь. Темже и мы, последующе пророку Давиду, вопьем: “Господи Боже мои! Положи [я] яко коло, яко огонь пред лицемь ветру, иже поपालет дубравы. Тако пожениши я бурю твою; исполни лица их да-саженья”⁴. Се бо *оскверниша* и пожгоша *святыи дом твои*, и монастырь Матере Твоея, и *трупье раб твоих*. Убиша бо неколико от брата наша оружьемь безбожнии сынове Измаилевы, пущени бо на казнь хрестьяном»⁵.

На наш взгляд, этот рассказ содержит «ключи» к пониманию следующих за ним рассуждений на этногенеалогическую тему. Он насыщен прямыми и перефразированными выдержками из Священного писания⁶. Попробуем проникнуть в смысл привлечения летописцем библейских текстов, обратившись к памяти контекста цитат.

Параллели к части выделенных выше фрагментов прослеживаются в 78-м псалме⁷:

«Боже, придоша языци в достояние Твое, *оскверниша церковь святую твою*, положиша Иерусалима, яко овощное хранилище: положиша *трупия раб твоих* брашна птицам небесным, плоти преподобных твоих зверем земным: пролияша кровь их, яко воду, окрест Иерусалима, и не бе погребаяй. Быхом поношение соседом нашим, подрежание и поругание сущим окрест нас. Доколе, Господи, прогневаешися до конца; раждежеться, яко огонь, рвение твое. Пролей гнев твой на языки, незнающая Тебе, и на царствия, яже имени твоего не призваша: яко поядоша Иакова, и место его опустиша. Не помяни наших беззаконий первых: скоро да предварят ны щедроты твоя, Господи, яко обнища-

⁴ Цитата из Псалма 82.

⁵ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей (Далее — ПСРЛ). Т. 1. М., 2001. Стб. 232–234.

⁶ О полисемантическойности прямого и косвенного цитирования известных летописцу источников в ПВЛ см.: *Данилевский И. Н.* Библия и Повесть временных лет: (К проблеме интерпретации летописных текстов) // Отечественная история. М., 1993. № 1. С. 78–94; *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 77–131.

⁷ Текст Псалтыри приводим по Геннадиевской Библии 1499 г, где, как отмечает А. А. Алексеев, Псалтырь представлена в наиболее раннем кирилло-мефодиевском переводе. *Алексеев А. А.* Текстологическое значение Геннадиевской Библии 1499 года // Тысячелетие Крещения Руси. М., 1989. С. 325–329; *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. С. 198.

хом зело. Помози нам, Боже, Спасителю наш, славы ради имене твоего, Господи. Изми нас и оцести грехи наши, имене ради твоего. Да не когда *рекут языцы: где есть Бог их*; и увестся во языцех пред очима нашими отмщение крове раб твоих пролитыя. Да внидет пред тя воздыхание окованных: по величию мышцы твоя снабди сыны умерщвленных. Воздаждь соседом нашим седмерицею в надра их поношение, имже поносиша Тя, Господи. Мы же людие твои и овцы пажити твоя. Исповемься Тебе, Боже, в век. В род и род возвестим хвалу Твою»⁸.

Скорее всего, именно этот псалом послужил основным образцом для построения художественного образа разорения Киево-Печерского монастыря от рук «измаильтян».

Кроме того, для понимания дальнейших рассуждений летописца об этногенеалогиях соседей Руси важен и 82-й псалом, на который в тексте статьи дается прямая ссылка:

«Боже, кто уподобится тебе; не премолчи, ни укроти, Боже: яко се, врази твои возшумеша, и ненавидящии Тя воздвигоша главу, на люди твоя лукавноваша волею, и съвещаша на святых твоя, реша: приидите и потребим я от язык, и не помянется имя Израилево ктому. Яко совещаша единомышлением вкупе, на тя завет завета: селения идумейска, исмаилите, моав и агаряне, гевал и амон и амалик, иноплеменницы с живущими в Тире: ибо и ассур прииде с ними, быша в заступление сыновом Лотывым. Сотвори им яко мадиаму и Сисаре, яко Авиму в потоце Киссове: потребишася Аендоре, быша яко гной земный. Положи князи их, яко Отрива и Зива, и Зевее и Салмана, вся князя их, иже реша: да наследим себе святилище божие. *Боже мой, положи их, яко коло, яко трость пред лицом ветру. Яко огонь палай дубравы, яко пламень пожигай горы: тако поженеши я бурю твоею*, и гневом твоим смутиши я. *Исполни лица их бесчестия*, и възыщут имени твоего, Господи. Да постыдятся и смя-

⁸ Пс. 78. 1–13. // Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. В 10 т. Т. 4. Псалтырь. М., 1997. С. 206.; А. М. Молдаван указал на этот псалом как на источник одного из топосов «Молитвы» митрополита Илариона: «И донеле же стоит мир, не наводи на ны напасти искушения, не предаи нас в руки чужиих. Да не прозовется град Твой град пленен, и стадо Твое «пришельцы в земли не свои, *да не рекут страны: “Где Бог их?”*». (См.: Библиотека литературы Древней Руси: XI–XII вв. Т. 1. СПб., 1997. С. 56.)

тутся в век века, и посрамятся и погибнут и уведят, яко имя тебе Господь, ты един вышний по всей земли»⁹.

Здесь упоминаются измаильтяне, агаряне, аммонитяне и моавитяне, а также цари мадиамские, пораженные Гедеоном. Таким образом, состав иноплеменников, перечисленных в псалме, практически совпадает с перечнем ветхозаветных «предков» соседей Руси, поименованных в интересующем нас фрагменте летописной статьи 6604 (1096) г.:

«Ишьли бо суть си от пустыня Нитривьская межю востоком и севером, ишьли же суть их колен 4: тортьмени и печенези, торци, половци. Мефодии же сведетельствует о них, яко 8 колен пробегли суть, егда исече Гедеон, да 8 их бежа в пустыню, а 4 исече. Друзии же глаголют: сыны Амоновы, се же несть тако: сынове бо Моавли — хвалиси, а сынове Аммонове — болгаре. А срацини от Измаила, творятся “Сарини”, и прозваша имена себе “Саракыне”, рекше: “Сарини есмы”. Темже хвалиси и болгаре суть от дочерю Лютову, иже зачастую от отца своего, темже нечисто есть племя их. А Измаил роди 12 сына, от нихже суть тортмени, и печенези, и торци, и кумани, рекше половци, иже исходят от пустыне. И по сих 8 колен к Кончине века изидут, заклепении в горе Александром Македоньским нечистыя человеки»¹⁰.

Летописец называет половцев потомками библейского праотца Измаила («безбожнии сынове Измаилеви»), а затем поясняет такое отождествление, ссылаясь на апокрифическое сочинение, приписываемое епископу Мефодию Патарскому (III–IV вв.)¹¹.

⁹ Пс. 82. 1-19. // Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе... С. 212.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234.

¹¹ В «Слове Мефодия Патарского» повествуется о событиях мировой истории от Адама до второго пришествия Господа Иисуса Христа, которое должно совершиться по истечении седьмой тысячи лет. Композиционно откровение делится на 2 части: историческую и пророческую. Историческая часть заканчивается сюжетом избиения четырех царей Измаиловых Гедеоном и изгнания оставшихся измаильтян в пустыню Етрива. Пророческая часть начинается с возвращения размножившихся потомков Измаила. Наследники Агари завоюют все страны кроме Эфиопии, после чего будут побеждены богохранимым царем греческим. По «скончании» его царствия выйдут «нечистые человеки» — Гог и Магог и повоюют землю. Никто не сможет им проти-

Автор текста «узнает» в половцах, печенегах, торках и «тортьменах» потомков тех восьми колен измаильтян (мадианитян, согласно ветхозаветной Книге Судей), которые спаслись от меча израильского судьи Гедеона, сбежав в пустыню Етривскую. Возвращение измаильтян из пустыни, согласно «Слову» Мефодия, знаменует начало событий, предшествующих «кончине века». Таким образом, летописная характеристика кочевников-тюрков свидетельствует о том, что летописец считал себя очевидцем исполнения пророчеств о «последних временах».

В статье отмечается еще одна ветвь потомков Измаила — сарацины. Возможно, летописец проводил связь между ними и «агарянами», упоминаемыми в 82-м Псалме (в нем «исмаилите» и «агаряне» два отдельных народа). И, по-видимому, цель упоминания сарацин в данном отрывке помогает прояснить летописная этимология термина «Саракыне», служащая отсылкой к источнику. А таковым в данном случае послужило сочинение преподобного Иоанна Дамаскина «О ста ересях», где в главе о «ереси» магометанства говорится о происхождении наименования «сарацины».

Летописец мог ознакомиться с компиляциями из этого сочинения, которые встречались в некоторых древнеславянских кормчих сербского извода (представлены ранними списками Рязанской 1280 г., а также Мазуринской XIV в.). В состав кормчих интересующая нас глава вошла под заголовком «О вере сарацинской». Сравним эти отрывки:

ПВЛ (6604 г.)	Мазуринская Кормчая
«А срацини от Измаиля, творятся “Сарини”, и прозваша имена собе	«Есть оубо и до ныне прельщаючи люди служба изма-

востоять, но в свое время они будут истреблены по воле Божией архистратигом Михаилом. Затем придет царство антихриста. Илия, Енох и Иоанн Богослов придут обличить «супостата» и погибнут от его руки. После чего наступит Страшный суд. (См.: *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе: Исследования и тексты. М., 1897; *Мильков В. В.* Древнерусские апокрифы. СПб., 1999).

“Саракыне”, рекше: “Сарини есмы”¹².

илтська, рекше вера срацинска, предтеча суци антихристов. Съходит же от Измоила, от Агары рожьшагося Аврааму. Тем же агаряне исмаилити нарицают ся. “Саракыны” же себе нарицают, яко Сарры тѣца. Понеже рече Агарь къ агглоу: “Сарра тѣцу мя отпоусту”¹³.

Таким образом, вставка о сарацинах давала возможность летописцу продемонстрировать, во-первых, знакомство с известной генеалогией сарацин, во-вторых, знание о происхождении магометанства, в-третьих, акцентировать внимание читателя на присутствии определенной логики выстраиваемых «этногенеалогий» «магометан» болгар и хвалисов и «измаильтян»-тюрков.

И. В. Ведюшкиной было сделано наблюдение, что как в переводной, так и в оригинальной древнерусской книжности «упоминания об аммонитянах и моавитянах встречаются значительно реже (чем упоминания об измаильтянах. — М. Д.), в основном в более ученой святоотеческой и псевдоэпиграфической литературе — Ипполит, Псевдо-Ипполит, Псевдо-Ефрем. Причем основной акцент делается не столько на их «нечистом» происхождении, сколько на предсказаниях о признании ими антихриста»¹⁴. Позже А. Ю. Карповым также было отмечено влияние на составление летописной «этногенеалогии» сочинения Ипполита Римского «Сказания о Христе и антихристе»¹⁵. По-видимому, автор статьи 6604 г. при написании «этногенеалогий» ориентировался на разные источники, связанные с эсхатологической тематикой¹⁶.

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 232–234.

¹³ Мазуринская кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв.: Исследования и тексты. М., 2000. С. 452.

¹⁴ Ведюшкина И. В. Генеалогия «нечистых» народов в ПВЛ // Восточная Европа в древности и средневековье. XII чтения В. Т. Пашуто. М., 2000. С. 57.

¹⁵ Карпов А. Ю. Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI – начале XII века // Отечественная история. №2. М., 2002. С. 7.

¹⁶ Толкования на тему Второго Пришествия святого Ипполита Римского, преп. Ефрема Сирина, св. Андрея Кесарийского относятся к числу тех достаточно немногочисленных произведений переводной книжности, которые, не будучи непосредственно связаны с потребностями богослужения, тем не ме-

В сочинении Ипполита папы Римского «Сказание о Христе и антихристе» потомкам Моава и Аммона наряду с потомками Эдома (Исава) во времена пришествия антихриста отводится особая роль:

«...нъ да не токмо сими словесы препираем ищущих божиих словес. Да обличим и иными сказании многими. Глаголет бо Данил: “и си спасутся от рук его (антихриста. — М. Д.). Едом и Моав, и начало сыновъ Амомонов”, — си бо суть и пристающии к нему, рода деля, и царя его своим сотворят. Едом убо суть сынове Исавови, а Амомон и Моав, иже от двою дщерию Лотову родившюся, от нею же род и до селя пребывает. Глаголит бо Исаиа: “и летети иматъ в карабли, иноплемьник морю вкупе пленяющее, и еже на вѣсток солнца. И на Моананы первое руки возложат, а сынове Амонови первии повинутся”. Тако убо в та времена от них же ся явит...»¹⁷.

Как видим, перечисленные у Ипполита народы не просто должны будут первыми покориться антихристу и сделать его своим царем, они — те, с чьей помощью лжехристос явит себя миру.

Подобную характеристику встречаем во втором «Слове на пришествие Господне» св. Ефрема Сирина:

«В царствование же на земле сего змия народы со всею охотою сделаются его союзниками. Едом, Моав, а также и Аммонитяне с радостью поклонятся ему, как законному царю, и будут из первых его споборников»¹⁸.

нее дошли до нас в древнейших списках XII–XIII вв. Сочинения св. Ипполита и преп. Ефрема посвящены экзегезе ветхозаветных пророческих книг, Апокалипсиса Иоанна Богослова и двух посланий ап. Павла Фессалоникийцам на тему явления и царства антихриста, и наступления Страшного Суда. В отличие от пророчества Мефодия Патарского, где о времени «сына зла» рассказывается весьма сжато, в «Словах» св. Ипполита и преп. Ефрема рассматриваются непосредственно время «открытия» «беззаконника», его происхождение, методы его воцарения и управления и, наконец, события Страшного Суда.

¹⁷ Текст приведен по Академическому списку (XVI вв.), тождественному целиком не сохранившемуся Чудовскому списку «Слова» XII в. (*Невоструев К. И.* Сказания об Антихристе в славянских переводах с замечаниями о славянских переводах творений Св. Ипполита / Коммент. И. Срезневского. СПб., 1874. С. 23; См. также: *Деревенский Б. Г.* Учение об Антихристе в древности и средневековье. СПб., 2000. С. 226.)

¹⁸ Св. Ефрем Сирийский. Творения. Т. 3. М., 1994. С. 139.

В статье 6604 года есть отсылка («Друзии же глаголют: сыны Амоновы, се же несть тако»), свидетельствующая о существовавшей полемике касательно роли кочевников, болгар и хвалисов в событиях «последних времен». Летописец, похоже, примыкал к сторонникам того мнения, что измаильтяне-тюрки придут и будут сметены, согласно «Слову» Мефодия Патарского, а потомки Лота болгары и хвалисы пребудут до пришествия антихриста, чтобы занять активную позицию на стороне последнего.

Заметим, что в пророчестве Даниила, на которое ссылаются Ипполит и Ефрем Сирийский, вместе с Моавом и Аммоном фигурирует также Эдом. Эта фигура косвенно присутствует и в летописи, будучи перечисленной в упомянутом 82-м псалме наряду с другими племенами.

Повествование летописца не останавливается на теме символической генеалогии юго-восточных и восточных соседей, а простирается дальше на север. Вниманию читателей предлагается рассказ, услышанный летописцем от новгородца Гюряты Роговича. Отрок Гюряты Роговича, посланный в Печору, от Югры услышал о заключенных за высокими горами людях: «В горах тех клич велик и говор, и секут гору, хотяще высечися; и в горе той просечено оконце мало, и туда молвят, и есть не разумети языку их, но кажут на железо и помавают рукою, просящее железа. И аще кто даст им нож ли секиру, [и они] дадут скорою противу»¹⁹. Летописец признает в них народы Гог и Магог²⁰, заключенные в горах Александром Македонским. Основанием для этого становится пророчество Мефодия Патарского. В конце автор текста повторяет, что эти нечистые народы выйдут из пустыни Египетской после оставшихся восьми колен измаилитских.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 235.

²⁰ «Магог упоминается в Библии (Быт. 10, 2; I Парал. 1, 5) в качестве второго сына Яфета, между Гомером и Мадаем. Ввиду того, что Гомер отождествлялся с киммерийцами, а Мадай — с мидийцами, племя Магога относили к областям восточнее киммерийцев и западнее мидийцев. В «Таблице народов» (Быт. 10) этим названием обозначается скорее совокупность варварских племен, живших на крайнем севере или северо-востоке, куда только простирались сведения составителя этой «таблицы» (Еврейская энциклопедия в 16 томах. Т. 6. СПб., 1910. С. 615).

Сюжет о заключенном за преградой неведомом народе был рассмотрен А. Ю. Карповым. Он отметил, что «схожие описания «немой торговли», которую вели волжско-болгарские купцы с народами Севера, сохранились в многочисленных сочинениях арабских географов и путешественников XII–XIV вв.: Абу-Хамида ал-Гарнати, Марвази, Закарии Казвини, Абу-л-Фиды, Ибн Батуты»²¹. По мнению исследователя, речь идет о представлениях, ареал распространения которых охватывал территории как Древней Руси, так и Волжской Булгарии с сопредельными им северными областями.

История заключения за преграду народов Гог и Магог (Йаджудж и Маджудж) Александром Македонским (Зу-л-Карнайном) была известна как в христианском мире, благодаря многочисленным спискам Александрии, так и в странах ислама, где она вошла в Коран. Выход этих народов из-за преграды в Последние времена вошел в эсхатологии обеих религий.

Как отмечает А. Ю. Карпов, в разное время с Гогом и Магогом отождествлялись разные северные народы — скифы, гунны, готы, хазары, норманны, русы и другие. По мере развития географического кругозора северная граница мира постепенно отодвигалась все дальше и дальше, и все новые и новые племена входили в число известных географам. Эти племена необходимо было «узнать», то есть как-то отождествить, включить в существующую картину мира. Универсальным средством для такого «опознавания» служили Библия для христиан и Коран для мусульман²².

В статье 6604 года летописец не только «опознает» в немом народе племена Гог и Магог, но и включает их в события «последних времен».

Подробно расписывая свой «эсхатологический сценарий», летописец прямо не указывает в нем место Руси. Но, судя по источникам, к которым автор статьи обращается при создании текста и по тому, как распределяются среди соседей Руси «роли» ветхозаветных соседей еврейского народа, не вызывает сомнения, что он воспринимал Киев как Иерусалим, а Русь, соответственно, как Израиль.

²¹ Карпов А. Ю. «Заклепанные человек» в летописной статье 1096 г. // Очерки феодальной России: Сб. ст. Вып. 3. М., 2001. С. 3-24.

²² Там же. С. 22-23

Интересен тот факт, что, скорее всего, составитель летописного «сценария» соотносил его с известными географическими представлениями о Святой Земле²³. В пользу этого говорит то, что в статье 6604 г. «этногенеалогии» соседей Руси географически соответствуют распределению территорий упоминаемых библейских народов вокруг Израильского царства. Русь (как «новый Израиль») стала для летописца своеобразной точкой отсчета, расположившись в центре умозрительной карты.

По-видимому, летописцем также учитывалась специфика социальной и экономической жизни народов-потомков (кочевников-тюрков, болгар и хвалис) и народов-предков (измаильтян (мадианитян)²⁴, аммонитян и моавитян). Согласно ветхозаветной истории, измаильтяне и мадианитяне были кочевниками пустыни, промышленными торговлей и разбоем, а потомки Лота — земледельцами и скотоводами²⁵.

Можно предположить, что глубинный смысл подобных построений связан с эсхатологической экзегезой, содержащейся в сочинениях Мефодия Патарского, Ипполита Римского, Ефрема Сирина. Символическая география, представленная в их сочинениях, могла побуждать автора статьи двигаться по «контурам» карты Древнего Израиля и окружающих его народов. Летописец не останавливался на отождествлении Руси с «новым Израилем», а про-

²³ Представления о географии Древнего Израиля летописец мог почерпнуть из текстов Священного Писания и из рассказов странников, бывавших в Святых местах. В Киево-Печерском патерике говорится о путешествии во второй половине XI в. бывшего игумена Печерского Варлаама в Святую землю. См.: Патерик Печерский или Отечник. Киев, 2003. С. 189.

²⁴ В книге Судей 6. 2-5, в части, посвященной деятельности Гедеона, есть описание мадианитян, в котором нельзя не заметить сходство с летописным образом кочевников: «Тяжела была рука Мадианитян над Израилем, и сыны Израилевы сделали себе от Мадианитян ущелья в горах и пещеры и укрепления. Когда посетит Израиль, придут Мадианитяне и Амаликитяне и жители востока и ходят у них; и стоят у них шатрами, и истребляют произведения земли до самой Газы, и не оставляют для пропитания Израилю ни овцы, ни вола, ни осла. Ибо они приходили со скотом своим и с шатрами своими, приходили в таком множестве, как саранча; им и верблюдам их не было числа, и ходили по земле Израилевой, чтоб опустошать ее».

²⁵ См.: *Гойтейн Ш. Д.* Евреи и арабы: Их связи на протяжении веков. М. — Иерусалим, 2001. С. 36.

должал распределение ролей среди других народов: «новых измаильтян», «новых аммонитян и моавитян», «новых племен Гог и Магог», «новой Эфиопии»²⁶ и т. д.

В этом контексте логично выглядит и упоминание дня и времени нападения половцев на Киево-Печерский монастырь: «и в 20 того же месяца [июля. — М. Д.], в пяток [1 час дня]». Пятница — постный день воспоминания страстей Христовых, 20 июля — память святого пророка Илии²⁷. В откровении Мефодия Патарского говорится, что пророки Илия и Енох придут обличить антихриста и падут на его жертвеннике, после чего наступит Страшный Суд.

Становятся ясными и упоминания событий, предшествовавших нападению кочевников в 6604 г. В статьях 6601 и 6603 гг. летописец фиксирует первые нашествия саранчи на земли Руси, эти же годы были отмечены столкновениями с половцами. Помимо того, что саранча была знамением гнева Божьего, образ саранчи относился и к измаильтянам, которые должны были явиться в последние времена по пророчеству Мефодия Патарского: «...и будут измаиловичи, яко пругове мнози...»²⁸.

Начало седьмой сотни седьмого тысячелетия также усиливало апокалиптические настроения²⁹. Летописец пишет, что услышал рассказ Гюряты Роговича «преже сих 4 лет», т. е., приблизительно накануне начала нового века. Возможно, именно поэтому в первый раз в летописи половцы названы «сынове Измаилеви» в статье 6601 года³⁰. В этот год русские князья неоднократно терпели поражения от половцев, в связи с чем хронист оставил пространное рассуждение о причинах «нахожения поганных». Он пишет: «подобаше нам [преданным быти] в руки языку страну и беззаконьнейшу всея

²⁶ В пророчестве Мефодия Патарского с Эфиопией отождествляется Византия (см.: *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского... С. 226). И.Н. Данилевским было отмечено влияние этой идеи на сюжет о крещении княгини Ольги в ПВЛ (См.: *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет... С. 160-162).

²⁷ *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI–XIV вв. М, 2001. С. 388.

²⁸ *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского... С. 221.

²⁹ В пророчестве Мефодия Патарского, говорилось, что наследники Агари должны появиться «в последнюю бо тысящницу сиречь в седмую» (*Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского... С. 220).

³⁰ ПСРЛ. Т 1. Стб. 223.

земля»³¹. Скорее всего, уже в этом тексте летописец выступает как наблюдатель, сопоставляющий происходящие события с известными ему знаменами «последних времен».

Таким образом, на содержании статьи 6604 г. отразилось влияние многих знаковых обстоятельств.

И. В. Гарькавый заметил, что в статье 6604 г. «летописец определяет *смысл, имя* времени, в котором он живет. Автор летописного рассказа привязывает его к самому началу последних времен, обладающих ощутимой длительностью. Тем самым устанавливается граница времени, отпущенного для покаяния Земле Русской...»³². Возможно, хронист пытался избежать жесткой регламентации «событий последних времен», ограничивая число новоявленных «колен Измаиловых» лишь четырьмя³³. Но в летописном повествовании 6604 года и предыдущих четырех лет, безусловно, отразилось напряженное эсхатологическое ожидание.

Совокупность всех выявленных семантических пластов позволяет сформулировать гипотезу относительно одного из ключевых смыслов, заложенных летописцем в тексте с «этногенеалогиями». По-видимому, летописец переживал свое время как близкое к «кончине века», и, опираясь на значимые для него явления и авторитетные источники, попытался определить место и роль Руси-«Израиля» и его соседей в настоящих и будущих событиях «последних времен».

³¹ ПСРЛ. Т 1. Стб. 223.

³² Гарькавый И. В. «Измаильтяне» или «нечистые человеки»? Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей // Историческая антропология: Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1998. М., 1998. С. 87-89.

³³ В следующий раз упоминание пророчества Мефодия Патарского возникнет уже в связи с приходом татар в статье 6731 (1223) г.: «Явишася языци, ихже никтоже добре ясно не весть: кто суть и отколе изыдоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их. И зовут я Татары, а иные глаголют — Таурмены, а друзии — Печенези. Иные глаголют, яко суть от нихже Мефодии Патомьский епископ сведетельствует, яко суть шли ис пустыни Етривьские, сущее межю востоком и севером...» (ПСРЛ. Т 1. Стб. 445–446).

ХРОНИКА

121-ОЕ ЕЖЕГОДНОЕ СОБРАНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ (АНА)

АТЛАНТА, 4-7 ЯНВАРЯ, 2007

4-7 января 2007 года в Атланте, штат Джорджия, состоялось 121 ежегодное собрание Американской исторической ассоциации (АНА).

Ключевые темы дискуссий, на основе которых были сформированы секции, расположились в достаточно широком диапазоне интересов — от афро-американской, азиатско-американской истории, а также истории коренных американцев и истории рабства, *via* католицизм, христианство, протестантизм, ислам, иудаизм, этничность, национализм, идентичность, диаспора, иммиграция, до гендерных, феминистских и квир-исследований, истории сексуальности, медицины, рынка занятости, криминала и насилия, кинематографа, спорта и пр. Не остались без внимания и традиционные для последнего времени темы исследований, такие как Холокост, память, постколониализм, равно как и всеобщая история, история мировых войн, революций, науки и технологии.

Такая пестрая картина свидетельствует о том, что история стала сегодня огромным полем исследования, характеризующим удивительной диверсификацией подходов. Нет единого мнения по поводу того, что есть ключевое и что есть периферийное, существует ощущение участия в огромном интеллектуальном предприятии. Как заметил один известный американский историк, участник собрания: «АНА — это большой зоопарк, в котором содержится множество животных. Но только некоторые из них интересны, остальные же совершенно обычны и тривиальны».

Из 223-х секций большая часть (36) была посвящена доминирующей сегодня парадигме в американской исторической науке — культурной истории. Наибольшее внимание участников привлекли такие секции как: «Военная музыка: ее история, культура и применение», «Еда в истории Латинской Америки», «Тела на войне»

(нарративы семьи, науки, нации), «Чувствуя историю: реинтерпретация тела в исторической перспективе», «Гуманность, жестокость и нравственная ответственность: категоризация боли и насилия в Британии и Америке», «Женские тела в ранней новоевропейской истории». Интерес к этим темам объясняется прежде всего закономерностями развития самой исторической науки, которая сегодня видит в происходящих социальных процессах источники и объекты исследований. Например, возникновение угрозы распространения СПИДа инспирировали интерес к истории тела, истории медицины, квин-исследованиям, ранее находившимся в забвении и даже под запретом. Кроме того, в ряде статей, опубликованных в последние годы в *American Historical Review*, были высказаны сомнения в академическом значении и перспективах таких тем, как расы, классы, сексуальность и гендер¹. Поэтому их обсуждение стало более чем актуальным.

По сравнению с культурной историей удельный вес политической истории сравнительно невелик — «всего» 28 секций. Это указывает на то, что время «заказной» истории, хотя никогда и не закончится для древней дисциплины, но все же предоставит место и другим направлениям исследований. При этом такие секции как «Смысл демократии: электоральная реформа в локальной и глобальной перспективе», а также «Новые нарративы в американском либерализме XX века» собрали значительную аудиторию не только участников собрания, но и просто заинтересованных слушателей, оказавшихся в отелях Hilton, Westin, Marriott и Hyatt Regency, в которых происходили заседания секций собрания АНА. Очевидно, что этот интерес инспирирован происходящими политическими процессами в США, и особенно нарастающим недовольством политикой действующего президента, что ощущается буквально повсеместно: от программ телевидения до беглых контактов с людьми в повседневных ситуациях.

Тридцать две секции было посвящено сравнительной истории, одна из них («По ту сторону автономных областей: современная история, история науки, история технологии») была представлена довольно интересными докладами. Вообще, такой интерес к ком-

¹ См. *Kudlick C. J. Disability History: Why we need Another "Other" // American Historical Review/ Vol. 108 (June 2003). P. 763-93.*

паративной истории свидетельствует, на мой взгляд, об осознании историками необходимости развития методологии исторических исследований. Вся проблема в том, что методология истории часто пересекается с философией истории, что создает путаницу в умах историков, привыкших к эмпирическим исследованиям. Как правило, методологические вопросы обсуждаются историками преимущественно в контексте возможной «пристрастности» в изложении истории или вопроса отнесения истории к литературе или науке. Секции компаративной истории не стали исключением и в этот раз.

Традиционно для американской исторической науки 24 секции были посвящены расовым исследованиям, 12 секций — истории рабства. Среди последних весьма интересные дискуссии разгорелись на секции (или мастерской) под общим названием «Прекращение атлантической работорговли: новые направления в исследованиях отмены рабства (1807–2007 гг.)», которая была разделена на пять частей: а) мульти-национальный подход; б) новые формы несвободного труда и противоречия «возвращения»; в) Африка, Европа и Новый Свет; г) отмена рабства и афро-американская история; д) афро-американская жизнь: наука и реконструкции истории. Выступления участников, многие из которых представляли университеты Юга, были отмечены беспокойством в связи с экономическим положением афро-американского населения в США, особенно в Миссисипи. Одновременно, слушателям были представлены весьма интересные документальные свидетельства эпохи отмены рабства в США.

На секции «Используя историю в поисках истины. Делать историю, обладая истиной» были представлены доклады, касающиеся проблемы истинности исторических описаний. Последняя относится к числу важных теоретических проблем историографии (профессиональной и непрофессиональной: социальной памяти, эстетическим репрезентациям прошлого, популярной историографии), в конечном итоге к проблеме исторической репрезентации. К сожалению, этот теоретический аспект выпал из поля зрения докладчиков, апеллировавших в основном к процедурам архивных исследований.

Небезынтересна была секция «Война и права человека», на которой были представлены доклады о завоевании Мексики и войнах апартеида и о контр-террористических операциях в Чечне («методо-

логия зачистки»), а также секция «Граждане, беженцы и право на права», посвященная памяти Кена Кмиила (Ken Stiel, известного американского интеллектуального историка из университета Айовы.

Общее собрание оставило двойственное впечатление. Начавшись 5 января довольно поздно (в 19.40) в конференц-зале отеля «Хилтон», оно было посвящено вручению наград и премий за исследования, проведенные в 2006 году. Зал был заполнен от силы на треть преимущественно самими лауреатами, их родными и знакомыми. Остальные участники собрания в режиме «свободного полета» входили и выходили из зала, не проявляя к происходящему особого интереса. Председатель общего собрания, президент АНА Линда Кербер произнесла небольшую речь, в которой приветствовала присутствующих и очень коротко обрисовала успехи, проблемы и перспективы исторической науки в США². Сама Л. Кербер, профессор в области свободных искусств (*liberal arts*) и науки факультета истории и права университета Айовы сегодня в большей степени является политиком, чем ученым, хотя ее деятельность в качестве академического профессора, занимающегося историей идей и интеллектуальной историей, заслужила самую высокую оценку ее коллег³.

Одну из наиболее значимых наград — *Herbert Baxter Adams Prize*, существующий с 1903 г. и присуждаемый за лучшую работу года по истории Европы, — получила Стефани Сигмунд (Stefanie B. Siegmund, University of Michigan) за книгу «Государство Медичи и флорентийское гетто: конструирование ранней новоевропейской еврейской коммуны»⁴. *George Louis Beer Prize*, присуждаемый за

² См. АНА today (<http://blog.historians.org>).

³ Как отмечено в материалах собрания, исследования Кербер по проблемам развития демократии и истории женщин, которыми она стала заниматься в 1970-е гг. (*Kerber L. K. Federalist in Dissent: Imagery and Ideology in Jeffersonian America*. Cornell University Press, 1970; *Women of the Republic: Intellect and Ideology in Revolutionary America*. University of North Carolina Press, 1970; *Women's America: Refocusing the Past* / Eds. L. Kerber & J. Hart. Oxford University Press, 1982), когда мало кто видел в этом интересное и перспективное направление исторического анализа, способствовали тому, что следующее поколение историков вступило в профессию с новым пониманием ее задач, перспектив и возможностей.

⁴ *Siegmund S. B. The Medici State and the Ghetto of Florence: The Construc-*

лучшую работу по европейской международной истории, был отдан Марку Лоуренсу (Mark Atwood Lawrence, University of Texas at Austin) за книгу «Взваливая бремя: Европа и американские обязательства по войне во Вьетнаме»⁵. *Albert J. Beveridge Award*, присуждаемый за лучшую книгу на английском языке по истории США, Канады и Латинской Америки, получил Луис Уоррен (Louis S. Warren, University of California at Davis) за книгу «*Buffalo Bill's America: Вильям Коди и шоу Дикого Запада*»⁶. Всего было вручено около тридцати различных премий и наград. Причем большинство из них были присуждены за исследования в области культурной истории.

Выставка книг (Book Display), изданных в 2006 г. и анонсированных к изданию в 2007 г. поражала многообразием. Последнее еще раз подтвердило, что историческая профессия сегодня неотъемлетна: каждый год только по американской истории публикуется более 10 тысяч книг.

Вниманию участников собрания была предложена весьма обширная культурная программа. Наиболее интересными мероприятиями, стали, на мой взгляд, концерт «Значение истории и традиция афро-американской музыки в Атланте», с живым исполнением афро-американской музыки самых разных направлений, а также первый для таких собраний фестиваль исторических фильмов, посвященный эстетической и документальной репрезентации прошлого в кино.

Ежегодное собрание показало, что сегодня любой аспект человеческого опыта имеет своего историка: от глубокого детства до глубокой старости, от одежды до хороших манер, от запахов до звуков, от спорта до шоппинга. Сложившиеся обстоятельства в любой области научного знания автоматически формулируют вопрос о теоретических и методологических основаниях проводимых исследований. В теорию истории XX века широко проникли термины и концепты Мальтуса, Маркса, Дюркгейма, Вебера, Фрейда, Кол-

tion of an Early Modern Jewish Community. Stanford University Press, 2006.

⁵ Lawrence M. A. Assuming the Burden: Europe and the American Commitment to War in Vietnam. University of California Press, 2005.

⁶ Warren L. S. Buffalo Bill's America: William Cody and the Wild West Show. Knopf, 2005.

лингвиста, Эванс-Причард, Остин, Леви-Стросса, Бахтина, Гиртца, Фуко, Хабермаса, Куна, Бурдьё, Б. Андерсон и др. Трудно сегодня найти работу по истории, в которой не было бы отсылок к «дискурсу», «насыщенному описанию», «парадигме», «цивилизационному процессу», «воображаемым сообществам» и пр. И это неудивительно, поскольку то, что произошло в экономике, психологии, социологии, философии или антропологии отражается в историческом тексте, даже если его автор никогда ничего не слышал о теоретических идеях в этих областях знания. Но отличительной чертой американской исторической науки сегодня является ее атеоретичность: теоретические проблемы не осознаются как таковые самими историками, хотя многие из них и думают, что они теоретики. Эпистемология как способ максимизации возможностей формулировать истинностные утверждения (или, по крайней мере, конструктивные, не разрушающие историческое знание предположения) о прошлом, исследовательские механизмы, нейтрализующие тенденциозность в историческом знании, все еще недостаточно востребованы, хотя парадоксальным образом, историки убеждены, что они этим механизмам следуют, равно как и принципам исторической эпистемологии⁷.

На основе изучения тем исследования, представленных на ежегодном собрании АНА в Атланте, сформулируем кратко основные теоретические проблемы исторической науки в США:

(а) *проблема когеренции*: сегодня в истории нет какого-либо одного всеми разделяемого гранд-нарратива⁸, и как результат — множество историографических полей исследований, часто имеющих между собой мало точек соприкосновения;

(б) *проблема значимости (важности)* исторической работы. Обычно историки не уверены в том, что какое-либо исследование «важно» или «значительно». У них нет общего критерия выявления

⁷ О проблемах исторического познания и исторической эпистемологии см. Megill A. Historical Knowledge, Historical Error. A Contemporary Guide to Practice. Chicago and London: University of Chicago press, 2007.

⁸ Я использую понятие «гранд-нарратив» в противоположность «большому» или «великому» нарративу. Вся сложность состоит как в переводе термина *grand*, так и в его семантике. Во избежание ненужной путаницы лучше использовать термин «гранд-нарратив».

такого значения. Например, защита диссертаций по истории показывает только, что данный соискатель может писать работы по истории, но он не демонстрирует то, насколько важна избранная тема не только для данной узкой области исследования, но и вне ее, насколько значимо для исторической дисциплины в целом то, как автор описал, объяснил, и интерпретировал свой предмет. Иногда, правда, обнаруживается согласие историков в том, что та или иная историческая работа «интересна» историческому сообществу и вне ее узких границ, даже если она спорна с методологической точки зрения (например, работы Натали Земон-Дэвис, Сола Фридлендэра и других).

(в) *проблема отношения между историей как (научной) дисциплиной и другими соперничающими с ней областями исследования* прошлого. Наиболее явным в контексте текущих исследований является напряжение между «научными» исследованиями истории и желаниями и надеждами, связанными с памятью, традицией, патриотизмом, образованием и пр.

(г) *проблема исторической репрезентации*: каково должно быть отношение между традиционно репрезентированной историей и такими новыми способами репрезентации как литературный вымысел, фильмы, Power Point (ТМ) презентации, компьютерные игры, музеи, музеи «живой истории», (“living history”), цифровые архивы, медиа, и пр.

Чем больше мы узнаем о прошлом, тем более насыщенной становится история и тем больше возникает в ней теоретических проблем. Это с большой убедительностью продемонстрировала программа и выступления участников ежегодного собрания историков США в Атланте в 2007 г.

М. А. Кукарцева

SUMMARIES

A. I. MAKAROV

**The Image of Other as an image of memory
(Methodological aspects of the representation of the past)**

The author addresses one of the key philosophical problems that historians always have to deal with. Methods of solving this problem have been changed according to the actual historical paradigm. The present article is focused on the evolution of these methods. The author pays a good deal of attention to the crisis of the ideology of the Enlightenment as well as to the contemporary concepts of mentality and memory that are interpreted mostly in postmodernist manner — that is, from the point of view of psychology, philology and semiotics.

O. B. LEONTIEVA

**The image of I. the Terrible
and Russian historical memory of the Reform period**

The article is focused on the representations of Ivan the Terrible in historiography and culture of the XIXth-century Russia (the reign of Tsar Alexander II). The interest to history was created by the idea of nation and national state which was dominant in the cultural life of Russia as well as that of Europe as a whole in the XIXth c. The author shows that the interpretation of the image of Ivan the Terrible in the late 19th- century Russia was closer to that of the historical school of Karamsin than that of contemporary readings by Solovyev etc.

E. A. VISHLENKOVA, S. YU. MALYSHEVA, A. A. SAL'NIKOVA

University as memory and knowledge

The article presents an introduction to a study of one of the oldest Russian universities — that of Kazan'. The authors state main aims and principles of their research: they study the university as a complex object, so its history is not limited to the history of particular structures but includes general 'university' culture — lifestyle, emotional and psychological features of students and academic staff, ideas and trends of the university life, its mythology and traditions as well as the relationships between the university and the city of Kazan', the region, and its place in the Russian society. These aspects of university life are traced through the 200 years of the university's history. The authors emphasize the correlation of their ob-

ject of study with the phenomenon of European University culture. They view it as a determining factor that has shaped a specific 'enlightened' worldview of the University Corporation that enabled the university to be a major research and cultural centre in the routine of the stagnant provincial life.

I. M. SAVELIEVA, A. V. POLETAYEV

The emergence of historical method: Ranke, Marx, Droysen

The topic of the article is the formation of historical method. Radical changes in the character of historical knowledge in the second half of the XIXth century led to the conversion of history into science and definitive separation of history from other social sciences. This process gave rise to the question of its specificity and particular methods. In this context the contribution of the leading German historians at that date cannot be exaggerated. The search for theoretical foundations allowed German historical schools to set the pace in historical profession in the XIXth century, to coincide with the dominant positivist construction of social science and to set the pattern of historical science for other national schools (Russian, American, etc). Three famous historians attracted our attention in this connection: Leopold von Ranke, Karl Marx and Johann Gustav Droysen. Theoretical contribution of those scholars to the development of history was so important that their ideas remained of critical importance for historical science of the XXth century.

E. V. GLUSHKO

**On the history of one scholarly debate, or about love
(Josef Pekař and the rebirth of the Christian's legend)**

The article is dedicated to one of the episodes of the most long-living and passionate discussion in Czech historiography, the debate about the authenticity of the so-called Christian's legend (the Life of St. Wenceslas and St. Ludmila). In the XIXth century the legend was treated mostly as forgery; on the beginning of the XXth century one of the leading Czech historians Josef Pekař started to defend its authenticity against the prevailing opinion of Czech- and German-writing scholars. The article shows that the positions which different historians held during this discussion emerged either from their personal esthetic preferences, or from their personal attitude towards the issues connected with the legend; their views had little to do with "scientific arguments" as they are generally seen.

S. E. KIYASOV

**A Phenomenon of Masonry in the historiography
of the XVIII–XXth cc.**

The history of Masonry is a matter of particular attention and interest. It has been thoroughly investigated in France, Great Britain, Italy, Spain, Germany, the USA, Poland and Russia. For the past three centuries dozens of books and articles have been published on this subject. And still a lot of mysterious and disputable questions remain. For instance, the true origin of masonry is still unknown, the question of its functions in the society and the reasons for its modernization, which took place in Britain in the XVII–XVIIIth centuries, has not been revealed yet. Scientific investigations, conducted in recent years, date the beginning of the real history of Masonic framework structures (lodges and ceremonies) back to Late Middle Ages and the beginning of Modern Times. Historians of the present day consider the intellectuals of the Renaissance, Reformation and Enlightenment to be the true ideologists and the founders of modern freemasonry.

D. S. KON'KOV

**The problem of typology of the Chuntsu period in the Soviet
and Russian historiography of the second half of the XXth c.**

The author focuses himself on the Chuntsu period of the Chinese history and demonstrates how it is possible to analyze historical phenomena from different points of view — from classic Marxism to more innovatory ones. The article deals with work by Chinese and Russian scholars who are far from being united in their interpretations. Some historians viewed this period as a transition from primitive society to the slave owning system; some thought it was a slave owning society, and some suggested it was a feudal society and even compared it with European feudalism.

I. A. ZHENIN

**'Russia' in conservative press of the Weimar Republic
(the Die Tat journal)**

The article deals with the views of German right-wing thinkers and journalists of 1920–1930s on the role of the Soviet experiment in shaping the paradigm of 'conservative revolution'. The author places these views into the contexts of philosophical and political mainstream of 'conservative revolutionaries' and demonstrates their ideology. The Soviet model seemed

attractive to the 'conservative revolutionaries' as an alternative to capitalism that had to be fought against, according to their views. This circumstance defined their interest to Soviet Russia as a potential ally of Germany at the time of future revolution.

G. N. KANINSKAYA

Five images of General de Gaulle in Russia

The author traces an evolution of the images of Charles de Gaulle as represented by Soviet and Russian historiography and mass media from the late 1940s up to these days. It is shown that political events of the 'cold war' period had a direct influence on de Gaulle's images that had being changed from that of a 'fascist' and a 'mercenary of reactionary bourgeoisie' to that of an 'ardent patriot' and a 'progressive politician'. Recently the scholars' interest has shifted towards de Gaulle as a person, towards the events of his private life.

N. V. ROSTISLAVLEVA

"Dalmann has seized to be a liberal": limits of compromises in solving the 'German problem' in the first half of the XIXth c.

The article analyses variants of compromises achieved in order to unite Germany by looking at the intellectual and political activity of early German liberals K. T. Welker and F. K. Dalmann in the period of Restoration and the years before the revolution of 1848–1849. At that time Welker who had made his career in the South-Western principality of Baden held radical views that broke traditions. Dalmann who came from North Germany was moderate and sought to transform traditional institutions gradually. According to these approaches the two politicians offered different variants of solving the 'German problem'.

O. V. SOSNOVTSEVA

Religious discourse and the Russian nobility in the Age of Peter the Great (B. I. Kurakin, A. A. Matveev)

In Europe traditional society evolves into modern in the XVIth century, Russia faced a transformation of traditional society into modern one in the late XVIIth – early XVIIIth cc., during the rule of Peter the Great. The process of modernization involved economy, politics and cultural life. The political scene was changed due to emergence of absolutism. Religion be-

came a part of the official state ideology. The article deals with the question of how the changes in the spiritual life touched Russian nobility. The research is based on the works of B. I. Kurakin and A. A. Matveev. The traditional values of Moscovia had been mixed with the values of the Modern society. Russian nobility could be characterized by both rational and irrational perception of religion. Kurakin's rationalism makes him pragmatic and sceptic. Matveev's mode of thinking is based upon religious doctrine.

G. A. SIBIREVA

V. V. Musin-Pushkin — a diplomat, a mason, a patron of art

The article presents a biographical study of a life of a Russian politician of the late XVIII – early XIXth cc. A great deal of attention is paid to the role of Musin-Pushkin in organizing the life of Masonic lodges in Russia, as well in the relationship between masons and state that changed following the trends in Alexander I's domestic policy.

T. A. SABUROVA

A model of world of Russian intelligentsia of the XIXth c.

The author presents a thorough study of mentality and views of the XIXth-century Russian intelligentsia. The article is focused on such important aspects as attitudes towards the West and modernization, tradition, state power, political ideas and the people. The author concludes that the mentality of Russian intelligentsia was similar to that of the Russian peasantry and could be characterized as 'mythological'.

V. A. VEREMENKO

**The problem of the legislative control of
“family disagreements” and conjugal separation in Russia,
in the second half of the XIXth – beginning of the XXth cc.**

This article is devoted to various means of conflict management in Russian families in the second half of the XIXth – beginning of the XXth centuries, and to the analysis of the chances to resolve family conflicts that existed within the judicial and administrative machine of pre-revolutionary Russia. The author also shows the position of state and church concerning the permissibility of the intervention in family life. The history of the drafting of the bill about conjugal separation is expounded, and the characteristic of different projects of this reform is given in the article. The first reading of the reform contemplated realization of the institute of separation accord-

ing to court order. The second reading contemplated ratification of the existing practice of administrative regulation of family relations. Finally, the third variant came to an actual legalization of conjugal separation without its legal declaration. The author reviews the evolution of the legal regulations and ideas about personal rights and responsibility of a married couple in Russian society. Connection between legislation changes and the actual state of Russian noble family affairs in the second half of the XIXth – beginning of the XXth centuries is established.

M. S. PETROFF

On the history of the manuscript “Parisinus Latinus 6370”

The analysis of Servatus Lupus' letter to Einhard (1 *Ep. Prima: Ad Eginh.*, PL 119, 431D – 436A) results in conclusion that Macrobius' *Commentary* (MS Parisinus Latinus 6370 [IX c.]) might have been in Einhardt possession for some period. It is shown that later *Commentary* was sent by Einhardt to Servat Lupus by the request of the latter. This conclusion is strengthened by the fact that other copies of the *Commentary* were made by Heiricus and Adalgadus from the text which bears Lupus' emendations and corrections. Moreover, Carolingian scholars did not know any other commentaries on Cicero. The friendship between Lupus and Einhardt is also under consideration.

M. YU. DOROSHENKO

**The Old Testament place names in the article
of the year 6604 (1096) of the Primary Chronicle**

The authors analyses the parallels between Biblical genealogy of nations and the historical events of Ancient Rus'— the forays by Polovtsy — made by Russian chroniclers. Their main idea was to identify Rus' and Israel and to show that the invasions by 'infidels' who had also been identified with Biblical nations signified the forthcoming Last Judgment.

Дорогие читатели, вы можете подписаться на наше издание «Диалог со временем», на второе полугодие 2007 года, в любом отделении связи России. Подписной индекс 36030 в дополнительном каталоге Агентства «Роспечати».

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю.....	5
-----------------	---

Время — История — Память

<i>А. И. Макаров</i> Образ Другого как образ памяти (Методологические аспекты проблемы репрезентации прошлого).....	6
<i>О. Б. Леонтьева</i> Личность Ивана Грозного в исторической памяти российского общества эпохи Великих реформ: научное знание и художественный образ.....	19
<i>Е. А. Вишленкова, С. Ю. Малышева, А. А. Сальникова</i> Университет как память и как знание.....	35

Историческое знание: теория и практика

<i>И. М. Савельева, А. В. Полетаев</i> Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен.....	68
<i>Е. В. Глушко</i> Из истории одного научного спора, или О любви (Йозеф Пекарж и возрождение Легенды Кристиана).....	97
<i>С. Е. Киясов</i> Масонский феномен в историографии XVIII–XX веков.....	119
<i>Д. С. Коньков</i> Проблема типологизации периода Чуньцю в отечественной историографии второй половины XX века.....	153
<i>В. В. Высокова, М. А. Сосновский</i> Универсальная история в современной историографии.....	170

Образ Другого

<i>И. А. Женин</i> «Русская тема» в консервативной периодике Веймарской республики (на примере журнала «Ди Тат»).....	190
<i>Г. Н. Канинская</i> Пять образов генерала де Голля в России (к вопросу о проблеме Другого).....	211

Интеллектуалы и политика*Н. В. Ростиславлева*

- «Дальман перестал быть либералом»: границы компромиссов
в решении «немецкого вопроса» (первая половина XIX века).....231

Из истории России XVII–XX веков*О. В. Сосновцева*

- Рассуждения о религии в среде русской аристократии Петровской эпохи
(Б. И. Куракин, А. А. Матвеев).....249

Г. А. Сибирева

- В. В. Мусин-Пушкин-Брюс – дипломат, масон, меценат.....266

Т. А. Сабурова

- Модель мира русской интеллигенции XIX столетия.....286

В. А. Веремченко

- «Семейные несогласия» и раздельное жительство супругов:
проблема законодательного регулирования в России
во второй половине XIX – начале XX века.....328

Notulae eruditae*Н. А. Селунская*

- Комментарий и фрагмент.....353

М. С. Петрова

- Из истории одного манускрипта (Parisinus Latinus 6370).....365

М. Ю. Дорошенко

- Ветхозаветная топонимика в статье 6604 г. Повести временных лет.....370

Хроника*М. А. Кукарцева*

- 121-е Ежегодное собрание Американской исторической ассоциации (АНА)
Атланта, 4–7 января 2007 года.....383

- Summaries.....390

- Содержание.....396

- Contents.....398

CONTENTS

To the reader.....	5
--------------------	---

Time — History — Memory

<i>A. I. Makarov</i> The image of Other as an image of memory: methodological aspects of the representation of the past.....	6
<i>O. B. Leontieva</i> The image of Ivan the Terrible and Russian historical memory of the Reform period.....	19
<i>E. A. Vishlenkova, S. Yu. Malysheva, A. A. Sal'nikova</i> University as memory and knowledge.....	35

Historical knowledge: theory and practice

<i>I. M. Savelieva, A.V. Poletayev</i> The emergence of historical method: Leopold von Ranke, Karl Marx, Johann Gustav Droysen.....	68
<i>E. V. Glushko</i> On the history of one scholarly debate, or about love (Josef Pekař and the rebirth of the Christian's legend).....	97
<i>S. E. Kiyasov</i> A Phenomenon of Masonry in the historiography of the XVIII–XX th cc.....	119
<i>D. S. Kon'kov</i> The problem of typology of the Chuntsu period in the Soviet and Russian historiography of the second half of the XX th c.....	153
<i>V. V. Vysokova, M. A. Sosnovsky</i> General history in recent historiography.....	170

The image of other

<i>I. A. Zhenin</i> 'Russia' in conservative press of the Weimar Republic (the Die Tat journal).....	190
<i>G. N. Kaninskaya</i> Five images of General de Gaulle in Russia.....	211

Intellectuals and politicians*N. V. Rostislavleva*

“Dalmann has seized to be a liberal”: limits of compromises
in solving the ‘German problem’ in the first half of the XIXth century.....231

History of Russia, XVIIIth–XXth cc.*O. V. Sosnovtseva*

Religious discourse and the Russian nobility
in the Age of Peter the Great (B. I. Kurakin, A. A. Matveev).....249

G. A. Sibireva

V. V. Musin-Pushkin — a diplomat, a mason, a patron of art.....266

T. A. Saburova

A model of world of Russian intelligentsia of the XIXth c.....286

V. A. Veremenko

The problem of the legislative control of “family disagreements”
and conjugal separation in Russia,
in the second half of the XIXth – beginning of the XXth cc.....328

Notulae eruditae*N. A. Selunskaya*

A commentary and a fragment.....353

M. S. Petroff

On the history of the manuscript Parisinus Latinus 6370.....365

M. Yu. Doroshenko

The Old Testament place names in the article of the year 6604 (1096)
of the Primary Chronicle.....370

Events*M. A. Kukartseva*

121 the Annual Meeting of the American Historical Association (AHA)
Atlanta, 4–7 January 2007.....383

Contents.....398